Н. П. Павловъ-Сильванскій

ГОСУДАРЕВЫ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

ЛЮДИ КАБАЛЬНЫЕ И ДОКЛАДНЫЕ

2-е изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1909

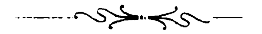

ГОСУДАРЕВЫ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

Н. П. Павловъ-Сильванскій

СОЧИНЕНІЯ

Томъ I

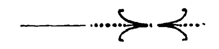
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1909

Н. П. Павловъ-Сильванскій

ГОСУДАРЕВЫ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

ЛЮДИ КАБАЛЬНЫЕ И ДОКЛАДНЫЕ

2-е изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1909

3937

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Государевы служилые люди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Боярство кіевскаго и удѣльнаго времени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Образованіе класса служащихъ людей въ XV—XVI вѣкахъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Служилые люди въ XVII вѣкѣ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Шляхетство въ царствованіе Петра Великаго.

Смерть застигла Николая Павловича Павлова-Сильванскаго въ разгарѣ его ученыхъ и литературныхъ занятій. Онъ заканчивалъ свою работу о феодализмѣ въ древней Руси, обдумывалъ по новому плану курсъ исторіи русскаго права, собирался переиздать книгу о происхожденіи дворянства и выпустить собраніе своихъ статей.

Приступая къ изданію сочиненій покойнаго, какъ напечатанныхъ, такъ и сохранившихся въ рукописяхъ, издатели съ великимъ прискорбіемъ сознаютъ, что они не могутъ выполнить его издательскіе планы въ той формѣ, въ какой они были бы осуществлены самимъ авторомъ: то, что найдено въ рукописяхъ, подверглось бы дальнѣйшему усовершенствованію и обработкѣ и до и во время печатанія; то, что подлежало переизданію, появилось бы съ измѣненіями и дополненіями.

Въ настоящемъ томѣ „Собранія сочиненій Н. П. Павлова-Сильванскаго“ перепечатываются безъ всякихъ измѣненій съ изданія 1898 года „Государевы служилые люди“. Въ приложеніи дана статья „Люди кабальные и докладные“, появившаяся сначала въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1895, январь.

Печатаются и въ самомъ непродолжительномъ будущемъ выйдутъ въ свѣтъ слѣдующіе два тома „Собранія

сочиненій", заключающіе собраніе статей по русской исторіи XVIII—XIX вв. и неизданный трудъ о феодализмѣ. Заботы по установленію текста и по редакціи послѣдняго труда принялъ на себя А. Е. Прѣсняковъ.

Портретъ автора и краткія біографическія данныя будутъ приложены къ книгѣ о феодализмѣ.

А. П. Павлова-Сильванская.

П. Е. Щеголевъ.

1909. Августъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЯРСТВО КІЕВСКАГО И УДѢЛЬНАГО ВРЕМЕНИ.

ГЛАВА I.

Княжескія дружины и земское боярство.

Служилый классъ населенія Московской Россіи сложился по существу организаціи и состава въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, когда удѣльная Русь преобразовалась въ московское государство. Къ числу важнѣйшихъ дѣлъ этого замѣчательнаго царствованія принадлежатъ мѣры по образованію однороднаго служилаго класса дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ потомковъ князей, вольныхъ слугъ и другихъ разрядовъ лицъ времени удѣловъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этой центральной эпохѣ древней исторіи русскаго дворянства,—необходимо,—чтобы уяснить ея значеніе,—прослѣдить судьбы высшаго класса въ начальные періоды русской исторической жизни.

I.

Въ древнѣйшемъ кіевскомъ періодѣ нашей исторіи высшій классъ распадался на два разряда лицъ, различныхъ по своему положенію и происхожденію: дружинниковъ, бояръ княжескихъ, и такъ называемыхъ бояръ земскихъ.

Земское боярство образовалось въ средѣ днѣпровскихъ и ильменскихъ славянскихъ племенъ еще до пришествія варяговъ. Боярами въ древнѣйшее время назывались всѣ сильнѣйшіе люди страны, богатые землевладѣльцы и рабовладѣльцы и мужественные воители. Если производить слово бояринъ отъ прилагательнаго „болій"—большій, то значеніе этого слова: большій человѣкъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать тому смыслу, въ какомъ оно употреблялось въ древности *). Это слово въ древнихъ памятникахъ иногда прямо замѣняется выраженіемъ „лучшіе люди" и „бо̀льшіе люди" [1].

Изъ среды боярства въ свою очередь выдѣлялись лучшіе люди, нарочитые мужи, становившіеся впереди другихъ вслѣдствіе большаго богатства, выдающихся личныхъ качествъ или особыхъ заслугъ. Изъ этой высшей знати первоначально города выбирали себѣ правителей. Древнѣйшіе славянскіе князья правили землями вмѣстѣ съ лучшими мужами, старѣйшинами града. Позднѣе при варяжскихъ князьяхъ, эти старѣйшины града, старцы градскіе (сенаторы), нарочитые мужи нерѣдко призываются въ совѣтъ князей, въ качествѣ представителей народа. Въ 987 году князь Владиміръ Святой созвалъ „боляры свои и старцы градскіе", чтобы обсудить съ ними вопросъ о вѣрахъ, которыя предлагали ему разные иноземные миссіонеры. Когда люди, посланные имъ затѣмъ для испытанія вѣръ, возвратились изъ Царьграда, князь Владиміръ опять собралъ бояръ и старцевъ, чтобы выслушать отчетъ пословъ о поѣздкѣ. Тотъ же князь приглашалъ нарочитыхъ мужей, старѣйшинъ всѣхъ городовъ на свои пиры вмѣстѣ съ боярами, посадниками и сотскими. Старцы участвовали также въ совѣщаніи 996 года, на которомъ рѣшено

---

*) Карамзинъ производилъ слово бояринъ отъ слова бої (вой); въ такомъ случаѣ «бояринъ» значитъ воитель. Срезневскій допускаетъ производство слова бояринъ какъ отъ слова бой, такъ и отъ слова болій (большій). Татищевъ полагалъ, что слово бояринъ — болярин произошло отъ слова болѣть, въ смыслѣ думать.

было установить, вмѣсто смертной казни, прежнія денежныя взысканія за разбой и убійства [2].

Отъ земскаго боярства въ первый вѣкъ правленія варяжскихъ князей рѣзко отличались бояре-дружинники. Земскіе бояре были славянскаго происхожденія; княжеская дружина была до XI вѣка преимущественно варяжской. При заключеніи мирнаго договора съ греками 912 года послами отъ Олега великаго князя Русскаго и отъ всѣхъ бывшихъ подъ рукою его свѣтлыхъ и великихъ князей и бояръ были одни варяго-руссы: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидулъ, Фостъ, Стемидъ.

Въ дружину варяжскихъ князей, утвердившихся въ Кіевѣ, въ первое время вступали преимущественно ихъ соотчичи-норманы; приливъ варяговъ на Русь продолжался до времени Ярослава Мудраго. Въ дружинахъ князей XI и XII вѣковъ встрѣчались также и люди изъ южныхъ кочевниковъ, половцевъ, хозаръ, и торковъ, а также изъ финновъ, угровъ (мадьяръ). Князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ. Въ дружинѣ св. кн. Бориса любимый его отрокъ Георгій былъ родомъ угринъ (мадьяръ); поваръ св. кн. Глѣба, зарѣзавшій мученика, былъ родомъ торчикъ. При Изяславѣ I (1054—1078) довольно видную роль игралъ его дружинникъ изъ финновъ Тукы, съ братомъ Чудиномъ. Тукы въ 1072 году управлялъ Вышгородомъ, затѣмъ перешелъ въ дружину брата Изяслава Ярославича, Всеволода, и былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій съ половцами (при Сожицѣ). Въ дружинѣ Владиміра Мономаха былъ отрокъ Бяндукъ, у его современниковъ, Святославичей Черниговскихъ, былъ бояринъ Торчинъ, у Святополка—бояринъ Хозаринъ (Хозаръ). У кн. Андрея Боголюбскаго былъ ключникъ Ясинъ, принявшій дѣятельное участіе въ убіеніи своего князя.

Немногочисленные дружинники варварскаго и славянскаго происхожденія не измѣняли варяжскаго характера дру-

жинъ первыхъ князей. Варяги занимали первыя мѣста: Владимiръ Святой выбралъ изъ наемныхъ варяговъ мужей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ и роздалъ имъ города. Сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязяхъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей. Съ теченiемъ времени въ дружины начали поступать все въ большемъ числѣ славяне и съ XI вѣка преобладающимъ элементомъ ихъ становится туземный, славянскiй [3].

Бояре-дружинники первоначально отличались отъ бояръ земскихъ не только происхожденiемъ, но и положенiемъ въ средѣ общества. Городскiе нарочитые мужи имѣли прочную осѣдлость, имѣли тѣсную связь съ населенiемъ. Пришельцы варяги были подвижными воинами, витязями; не имѣя первоначально земельныхъ владѣнiй, они жили военной добычей и содержанiемъ, получаемымъ отъ князей, они были не земскими, но *княжими* мужами, были связаны только съ княземъ товариществомъ военной дружины. Дружина составляла личную рать князя и называлась по его имени: Ярославля, Владимiрова, Мстиславля дружина, тогда какъ земскiе бояре назывались по именамъ городовъ: Ростовскiе, Новгородскiе бояре.

Чѣмъ знаменитѣе и доблестнѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе была его дружина; дружина князя Игоря отступала передъ трудностями похода и возвращалась домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: „гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ", говорили они ему, считая позоромъ оставить поле битвы, потерявши своего вождя. Дружина дѣлила съ княземъ, его счастье и бѣды; вмѣстѣ съ княземъ уходила изъ стольнаго города, когда онъ терялъ надъ нимъ свою власть, вслѣдствiе возмущенiя народа или побѣды соперника. Князь, какъ старшiй товарищъ, дѣлился съ дружиной всѣмъ, что имѣлъ. „Сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато", говорилъ кн. Владимiръ, отличая тѣмъ дружину, сильную нравственною связью

съ князем, отъ наемныхъ войскъ, и не жалѣлъ для нея ничего; когда дружина возроптала на то, что князь угощаетъ ее съ деревянныхъ ложекъ, „повелѣ исковати серебрены лжицы ясти дружинѣ“. Его сынъ Мстиславъ также любилъ дружину;—имѣнія для нея не щадилъ. Позднѣйшій лѣтописецъ, порицая алчность современныхъ ему дружинниковъ, восхваляетъ безкорыстную доблесть дружинъ первыхъ князей рюриковичей: „тѣ князья не собирали много имѣнія, не налагали на людей виръ и продажъ неправедныхъ, но, если случится правая вира, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе. Дружина довольствовалась этимъ, воевала чужія страны и въ битвахъ говорила: „братья, потягнемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ“; бояре не говорили князю: „мало мнѣ ста гривенъ“, не наряжали женъ своихъ въ золотые обручи; ходили жены ихъ въ серебрѣ, и вотъ они возвеличили русскую землю“ [4].

Кромѣ дружины, постояннаго отряда приближенныхъ къ князю людей, для которыхъ война была привычнымъ занятіемъ, войско князей составлялось также изъ жителей городовъ и селъ, набиравшихся по случаю похода. Эти полки, земское ополченіе, явственно отличались отъ воевъ-дружинниковъ, воиновъ по преимуществу. Дружина была наиболѣе надежной въ войнахъ: во время похода Владиміра Ярославича на грековъ въ 1037 году ополченіе, въ числѣ 6.000 человѣкъ, плывшее по морю, было выкинуто во время бури на берегъ и хотѣло возвратиться на Русь, но не пошелъ съ нимъ никто изъ дружины, за исключеніемъ воеводы этихъ полковъ, тысяцкаго Яна, сына Вышаты. Въ случаѣ недостатка земскихъ полковъ, князья пользовались наемными отрядами варяговъ и южныхъ кочевниковъ, торковъ и печенѣговъ. Князья дорожили вѣрной дружиной и берегли ее во время войнъ; готовясь къ битвѣ, они ставили впереди, въ челѣ варяговъ-наемниковъ или земскіе полки, а дружину по крыламъ, сохраняя ее для рѣшительнаго нападенія или на случай крайности. Такъ сдѣлалъ

Мстиславъ Тмутараканскій въ рѣшительной битвѣ съ Ярославомъ Мудрымъ, поставивъ впереди ополченія сѣверянъ, и послѣ битвы, видя тѣла павшихъ сѣверянъ, говорилъ: „какъ не радоваться, вотъ лежитъ сѣверянинъ, вотъ варягъ, а дружина моя цѣла“.

II.

Дружина жила одною жизнью съ княземъ не только въ военное время. Съ нею онъ совѣтывался и въ мирное время о всѣхъ дѣлахъ управленія. „Бѣ Володимеръ, говоритъ лѣтописецъ, любя дружину и съ нею думалъ о строѣ и уставѣ земскомъ (землянемъ) и о ратяхъ“. Когда дѣло шло о войнѣ, князь совѣщался со всею дружиною; задумавъ войну съ Половцами, Владиміръ Мономахъ въ 1111 году долженъ былъ долго убѣждать дружины, свою и своего союзника Святополка-Михаила, не сочувствовавшія этой войнѣ, въ необходимости начать военныя дѣйствія. Но относительно внутренняго управленія князья совѣщались только съ избранными совѣтниками, съ старѣйшею или большею дружиной. Эти старшіе дружинники, „передніе, лѣпшіе мужи“ носили наименованіе *мужей* или *бояръ*; послѣднее выраженіе мало-по-малу вытѣснило первое. На княжескаго боярина впослѣдствіи стали смотрѣть по преимуществу какъ на княжескаго совѣтника-думца; князь Игорь Святославичъ Сѣверскій, герой слова о Полку Игоревѣ, противополагаетъ бояръ думающихъ другимъ дружинникамъ, мужамъ-воинамъ: „гдѣ, воскликнулъ онъ послѣ несчастной битвы съ половцами 1185 г., бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный, гдѣ кони и оружіе многоцѣнное“ [5].

Младшая дружина называлась въ древнѣйшее время *гридь*, *гридьба* *); наименованіе гридь замѣнялось другими:

---

*) Терминъ гридь вызвалъ много толкованій. Одни производятъ его отъ скандинавскаго корня grith, —господскій, княжескій домъ, откуда

отроки, дѣтскіе [6]. Эта дружина составляла главную, постоянную военную силу князя; численность ея должна была сильно измѣняться въ зависимости отъ обстоятельствъ. Кіевскій князь Святополкъ имѣлъ въ 1053 году 700 человѣкъ отроковъ; старшіе дружинники сочли этотъ отрядъ недостаточнымъ для войны съ половцами. Ряды бояръ и отроковъ сильно рѣдѣли во время постоянныхъ войнъ князей. Почти вся дружина Кіевскаго князя Святослава пала во время его болгарскихъ походовъ; изъ нея очень немногіе возвратились въ Кіевъ съ воеводой Свѣнельдомъ.

Старшіе дружинники, будучи думцами князя, занимали высшія мѣста въ дворцовомъ и областномъ управленіи; служили княжескими тіунами конюшими, подъѣздными и посадниками-намѣстниками въ главныхъ городахъ, они же назначались на важныя должности тысяцкихъ, воеводъ земскихъ полковъ. Эта видная должность передавалась иногда по наслѣдству. Отецъ упомянутаго выше Яна, тысяцкаго князя Владиміра, Вышата служилъ тысяцкимъ при князѣ Ярославѣ Мудромъ *). Старшимъ дружинникамъ поручалось князьями предводительство отдѣльными отрядами дружины или и всѣмъ войскомъ. У Игоря и Святослава былъ воеводой Свѣнельдъ, у Святослава были воеводами Свѣнкелъ и Икморъ и сынъ Свѣнельда Лютъ; у Ярополка Святославича—Блудъ, измѣнившій ему, и Варяжко; у Владиміра Святого были воеводами Сигурдъ и Волчій Хвостъ, предводительствовавшій передовымъ отрядомъ дружины въ 984 году.

Значеніе старшихъ дружинниковъ поддерживалось тѣмъ, что они имѣли свои собственныя дружины отроковъ, преданныхъ имъ и подчиненныхъ имъ, независимо отъ князя;

гридь—придворные слуги, царедворцы (Рейцъ, Владимірскій-Будановъ), другіе производятъ это слово отъ другого, скандинавскаго же корня, gred—мечъ, и видятъ поэтому въ гриди мечниковъ, воиновъ (Карамзинъ, Сергѣевичъ); третьи сближаютъ слово гридь съ славянскимъ, хорутанскимъ словомъ грида—громада, сборище, дружина (Соловьевъ, Срезневскій).

*) Весьма вѣроятно, что должности тысяцкихъ поручались нерѣдко не княжескимъ, но болѣе близкимъ къ земщинѣ т. наз. земскимъ боярамъ.

боярскіе отроки составляли особые отряды, не сливавшіеся съ отроками, непосредственно подчиненными князю. Дружина князя Игоря завидовала богатству дружины его боярина Свѣнельда. „Отроки Свѣнельжи, говорила дружина Игоря, изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази, пойдемъ, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы“ (945 г.). Владиміръ Мономахъ въ 1095 г. совѣтовался съ дружиной боярина Ратибора и по ея настоянію, вопреки первоначальному своему желанію, измѣннически убилъ половца Итларя съ его людьми. Боярскія дружины были иногда весьма многочисленны; Симонъ Варягъ прибылъ на службу къ кіевскому князю съ 3000 дворянъ.

Младшіе дружинники, отроки, занимали при княжескомъ дворѣ низшія должности ключниковъ, конюховъ; имъ же поручалось управленіе менѣе важными и богатыми волостями. Такъ, въ 1176 году князья Ростиславичи, „сидѣвшіе на княженьи въ землѣ Ростовской, роздали по городамъ посадничество русскимъ *дѣтскимъ*; они же многу тяготу людямъ сотвориша продажами и вирами“. Старшіе же дружинники, *бояре* находились въ это время около князей, которые были молоды и „слушали бояръ“. Военная и гражданская служба была для младшей дружины средствомъ возвышенія въ старшую; отроки становились мужами, болярцы—боярами. Когда бояре Волынскаго князя Владиміра Мстиславича въ 1170 г. отказались идти въ походъ на его племянника вел. князя Кіевскаго Мстислава, заявивъ: ты это князь самъ собою замыслилъ, такъ не ѣдемъ съ тобою, мы того не вѣдали,—то князь Владиміръ, взглянувъ на свою младшую дружину, *на дѣтскихъ*, отвѣчалъ: „такъ, эти дѣтскіе будутъ моими боярами“. Можетъ быть, князь и не исполнилъ своей угрозы, не возвелъ дѣтскихъ въ бояре, но если онъ грозилъ этимъ, то, значитъ, считалъ пожалованіе боярскаго сана своимъ княжескимъ правомъ.

Дружинники не составляли замкнутаго класса; доступъ въ дружину былъ открытъ какъ витязямъ иностранцамъ,

такъ и доблестнымъ воинамъ русскимъ. Когда русскій богатырь, сынъ кожевника, побѣдилъ печенѣжскаго богатыря, то кн. Владиміръ Святой „великимъ мужемъ сотвори“ его, и отца его (992 г.). Лица другихъ классовъ, поступая сначала въ низшій разрядъ дружинниковъ, достигали затѣмъ, за свои заслуги, званія княжа мужа или боярина. Въ средѣ боярства, даже въ Галиціи, гдѣ боярство отличалось наиболѣе аристократическимъ характеромъ, были люди низкаго происхожденія. Здѣсь въ XIII столѣтіи однимъ изъ главныхъ противниковъ князя Даніила былъ бояринъ Доброславъ Судьичъ, поповъ внукъ, и два другихъ боярина Доможиричъ и Молибожичъ были смердьяго рода.

Высшій классъ дружинниковъ не былъ замкнутымъ, но онъ пользовался нѣкоторыми привилегіями. Личность боярина—княжа мужа строже охранялась закономъ; за убійство взыскивалась двойная вира, за пораненіе его (за муку) установлена была двойная „продажа“. Боярамъ принадлежала также привилегія передавать имущество по наслѣдству дочерямъ при неимѣніи наслѣдниковъ мужескаго пола; имущество смерда (крестьянина), не имѣвшаго сыновей, не переходило по закону къ его дочерямъ, но отбиралось въ пользу князя *). Землевладѣніе, право владѣнія селами не составляло привилегіи бояръ, хотя въ Русской Правдѣ и лѣтописи говорится большею частью только о боярскихъ и княжескихъ селахъ; но изъ другихъ указаній памятниковъ видно, что землею владѣютъ также и горожане и сельчане (смерды) [7].

III.

Полное господство дружиннаго склада высшаго класса относится къ Кіевскому періоду нашей исторіи, отъ вре-

*) Оже смердъ умретъ безъ дѣти, то (наслѣдство) князю; а иже въ боярѣхъ или въ боярстѣй дружинѣ, то за князя (наслѣдство) не идетъ». Русская Правда.

менъ Игоря, Святослава и Владиміра Святого, чрезъ вѣкъ Ярослава Мудраго († 1054) и его сыновей, до временъ Владиміра Мономаха († 1125) и его сына Мстислава Великаго. Подвижныя вольныя дружины бояръ и отроковъ-воиновъ, не связанныхъ съ землей, но сильныхъ нравственною связью съ княземъ и своими соратниками, вполнѣ соотвѣтствовали характеру кіевскихъ князей-воителей, не имѣвшихъ прочныхъ связей съ тѣмъ или другимъ удѣломъ и часто покидавшихъ одинъ княжескій столъ для другого, въ предѣлахъ одной общей ихъ родовой отчины, Русской земли.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ складывается новый порядокъ. Среди князей, забывающихъ объ общей родовой связи, развивается стремленіе прочно освоить себѣ, своимъ дѣтямъ и внукамъ свой удѣлъ, раздѣлить Русскую землю на отдѣльныя отчины. Типичнымъ представителемъ князя новой эпохи является сильнѣйшій князь половины двѣнадцатаго вѣка Андрей Боголюбскій; онъ смотритъ на Ростово-Суздальскую Русь, какъ на свою отдѣльную собственность, и не соглашается мѣнять ее на другой удѣлъ; когда его отецъ Юрій Долгорукій утвердился въ Кіевѣ и хотѣлъ, чтобы Андрей помѣстился возлѣ него въ Вышгородѣ, съ цѣлью затѣмъ занять Кіевъ, Андрей противъ воли отца ушелъ на свой излюбленный сѣверъ; онъ не промѣнялъ своей земли на Кіевъ, цѣль честолюбивыхъ домогательствъ всѣхъ прежнихъ князей, даже тогда, когда его войска взяли этотъ городъ, и отдалъ Кіевъ своему брату Глѣбу. Еще ранѣе, въ 1139 году соименникъ Андрея Боголюбскаго, дядя его Андрей, сынъ Владиміра Мономаха, опредѣленно выразилъ этотъ новый взглядъ князей. Когда ему предлагали перейти изъ Переяславля (южнаго) въ Курскъ, онъ сказалъ, „сдумавъ съ дружиною: лѣплѣе ми того смерть на своей отчинѣ и на дѣднѣ, нежели Курское княженье; отецъ мой въ Курскѣ не сидѣлъ, но въ Переяславлѣ, и хочу на своей отчинѣ смерть пріяти“.

Князья измѣняютъ свое отношеніе къ землѣ, освоиваютъ въ отчину отдѣльные удѣлы; соотвѣтственно съ этимъ измѣ-

няется и характеръ ихъ дружинъ. Подвижные дружинники, переходившіе съ княземъ изъ удѣла въ удѣлъ, пріобрѣтаютъ осѣдлость вмѣстѣ съ князьями, вступая въ болѣе тѣсную связь съ той или другой волостью. Многіе изъ нихъ и прежде владѣли землями, но прежде мало ими дорожили, предпочитая доходамъ отъ сельскаго хозяйства военную добычу, и не имѣя возможности заводить прочныя хозяйства въ той или другой мѣстности, не только вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, но и вслѣдствіе частыхъ переходовъ князей, за которыми они слѣдовали всюду. Теперь они болѣе цѣнятъ свои боярскія *села*, свои земельныя владѣнія; дружинникъ—воинъ остается воиномъ, но онъ становится въ то же время землевладѣльцемъ. Землевладѣніе даетъ связь съ мѣстнымъ населеніемъ; дружинникъ роднится съ тою или другой волостью—удѣломъ.

Съ осѣдлостью княжескихъ бояръ-дружинниковъ исчезаетъ прежняя дружина—тѣсное товарищество. Прежде никакія иныя связи не ослабляли узъ товарищества дружинниковъ; теперь осѣдлость обособляетъ отдѣльныхъ членовъ дружины, они пріобрѣтаютъ особые интересы, особыя связи.

Дружинники - землевладѣльцы не могутъ уже жить въ прежнемъ тѣсномъ товарищескомъ кругу лицъ, не имѣющихъ другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ товарищества. Князь теперь имѣетъ дѣло уже не съ дружиной, какъ съ однимъ цѣлымъ, но съ отдѣльными слугами, боярами. Памятники этого новаго періода говорятъ не о дружинахъ князей, но объ ихъ боярахъ и слугахъ [8].

Пріобрѣтая осѣдлость, дружинники сближаются съ земскими боярами; княжескіе бояре въ свою очередь становятся боярами *земскими*, дѣлаясь близкими земщинѣ. По мѣрѣ того, какъ первоначальная варяжская дружина становится все болѣе славянской, исчезаетъ черта національнаго различія между земскою и княжескою знатью. Наконецъ перестаетъ раздѣлять ихъ и служба князю; многіе земскіе бояре поступаютъ въ число дружинниковъ и становятся княжескими слугами, не теряя своего земскаго значенія, въ то время,

какъ княжескіе бояре постепенно пріобрѣтаютъ это значеніе, благодаря земельной осѣдлости. Замѣтно различавшіеся первоначально оба слоя знати такимъ образомъ сливаются въ одинъ классъ боярства.

Большую осѣдлость дружины въ двѣнадцатомъ вѣкѣ можно замѣтить по указаніямъ лѣтописи на боярскія села, какъ они ни отрывочны и случайны. Мстиславъ Новгородскій, замѣчаетъ Лаврентьевская лѣтопись, „распусти дружину по селамъ". Когда князь Изяславъ Давидовичъ, изгнанный изъ Кіева Юріемъ Долгорукимъ, шелъ въ 1150 году походомъ на этого своего соперника, чтобы вернуть себѣ Кіевъ, свою отчину, онъ такъ говорилъ своей дружинѣ: „вы изъ Русской (Кіевской) земли ушли за мною, потерявъ свои *села* и жизни (движимость); либо голову сложу, либо добуду свою отчину и всю вашу жизнь". Дружинники Изяслава были заинтересованы въ возвращеніи въ Кіевскую землю, потому что имѣли тамъ свои села; наслѣдственныя притязанія князей на извѣстныя области поддерживались землевладѣльческими интересами ихъ дружины. Бояре княжескіе, владѣвшіе селами, превращались въ бояръ области: бояре кіевскаго князя называются лѣтописью въ 1136 году „кіевскими боярами". Съ конца двѣнадцатаго вѣка Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ о боярахъ „владимірскихъ" на Волыни и „галицкихъ". Слово о полку Игоревѣ восхваляетъ могучихъ „черниговскихъ былей (бояръ), которые „безъ щитовъ, съ засапожники (засапожными ножами) кликомъ полки побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу", и называетъ пять фамилій этихъ бояръ: Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы, Ольбѣры.

Галицкое княжество обособилось раньше другихъ областей, выдѣлившись изъ круга тѣхъ волостей, которыя переходили отъ князя къ князю въ порядкѣ родового старшинства. Здѣсь и дружина раньше и прочнѣе всего обосновалась въ странѣ. Боярство, сильное своей связью съ землей, сложилось здѣсь въ многочисленный и могущественный классъ, который успѣшно соперничалъ съ княземъ и не разъ рѣши-

тельно торжествовалъ надъ нимъ. Здѣсь постоянно дѣйствуютъ, по лѣтописи, не бояре-дружинники князей, Романа и Даніила, но бояре волости, „галицкіе бояре", часто враждебные князю. „Бояре галицкіе, замѣчаетъ лѣтописецъ подъ 1240 годомъ, Данила княземъ себѣ называху, а сами всю землю держаху". Приближенныя лица кн. Мстислава Удалого совѣтовали ему отказаться отъ галицкаго княженья, между прочимъ, потому, что „его не хотятъ бояре". При князѣ Ярославѣ Осмомыслѣ галицкіе бояре въ 1173 году сожгли его возлюбленную Настаську, избили княжескихъ приверженцевъ, и принудили самого князя жить въ любви съ княгиней. По смерти Ярослава они изгнали старшаго сына его Олега и призвали изъ Перемышля другого его сына Владиміра, но затѣмъ въ 1188 году возстали и противъ Владиміра, за то, что онъ отнялъ жену священника, заявивъ князю: „не хочемъ кланятися попадьѣ, а хочемъ ю убити". Впослѣдствіи, пользуясь отсутствіемъ князей по случаю татарскаго нашествія, галицкіе бояре даже сдѣлали попытку управлять землей независимо отъ князя; бояринъ Доброславъ взялъ себѣ области Бакину и Понизье, а Григорій Васильевичъ—горную сторону Перемышльскую; но оба они вслѣдъ затѣмъ были лишены власти [9].

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ боярство имѣло самостоятельное значеніе также въ Ростово-Суздальской землѣ. Въ 1176 году послѣ смерти Андрея Боголюбскаго ростовскіе бояре начали энергичную борьбу противъ его братьѣвъ Михаила и Всеволода Юрьевичей. Когда Михаилъ вокняжился въ Владимірѣ на Клязьмѣ. „Ростовская земля пошла на него со всею силою и много зла сотвориша, стояша около города семь недѣль" и достигла того, что Юрьевичъ уѣхалъ съ Владимірскаго стола, а въ Ростовской волости, хотя и не надолго, утвердились южные князья Ростиславичи, Мстиславъ и Ярополкъ. Всеволодъ впослѣдствіи говорилъ этимъ Ростиславичамъ, что ихъ „Ростовцы привели и бояре". Это самостоятельное ростовское боярство въ значительной части состояло,

надо полагать, изъ потомковъ древнихъ земскихъ бояръ, такъ какъ Ростовъ Великій былъ однимъ изъ старѣйшихъ городовъ. Но въ его составъ вошли и основавшіеся здѣсь дружинники. Во Владимірѣ на Клязьмѣ, болѣе новомъ городѣ, основанномъ князьями, мѣстное боярство должно было сложиться преимущественно изъ бояръ-дружинниковъ. Но это новое, возникшее изъ дружиннаго, боярство города Владиміра дѣйствуетъ, подобно Ростовскому, независимо отъ князя. Дружины въ прежнее время составляли одно цѣлое съ княземъ, заодно съ нимъ противопоставляли себя горожанамъ, вмѣстѣ съ нимъ покидали городъ, когда жители возставали противъ князя. Владимірскіе бояре-дружинники заодно съ горожанами дѣйствуютъ противъ князя. Когда великій князь Всеволодъ III держалъ въ плѣну въ 1177 году князя Глѣба съ его дружиной и Суздальцами и Ростовцами, то „на третій день бысть мятежъ великъ въ градѣ Володимерѣ: всташа *бояре и купцы*“, требуя отъ князя казни плѣнныхъ враговъ города; „а се вороги наши, Суздальцы и Ростовцы, любо и казни, любо слѣпи, или дай намъ“. Бояре были вооружены противъ князя Глѣба за то, что, какъ замѣчено ранѣе въ лѣтописи, онъ сжегъ боярскія села. Чтобы утишить мятежъ, князь велѣлъ схватить мятежниковъ и посадить въ порубъ. Но черезъ нѣсколько дней „всташа *людье вси и бояре* и придоша во княжь дворъ многое множество со оружьемъ“, требуя ослѣпленія плѣнныхъ союзниковъ князя Глѣба.

Бояре-дружинники сливаются съ боярами земскими. Лѣтопись уже не различаетъ тѣхъ и другихъ. Новые Кіевскіе и Владимірскіе дружинники являются такими же *боярами*, какъ и бояре Великаго Новгорода, эти несомнѣнные потомки древней, туземной земской знати. Съ другой стороны и древніе земскіе бояре утрачиваютъ независимость, обособленное положеніе; они поступаютъ на службу къ князю и сближаются съ дружинниками. Новгородское боярство сохранило дольше боярства другихъ областей самостоятельное значеніе, но и изъ новгородскихъ бояръ многіе служили князьямъ [10].

ГЛАВА II.

Бояре и слуги времени удѣловъ.

I.

Сѣверо-восточная Русь, древняя Ростово-Суздальская волость, куда послѣ нашествія татаръ перешелъ центръ русской исторической жизни, въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ разбилась на обособленные удѣлы. Княжескія линіи рода Всеволода III Большое Гнѣздо все болѣе обособлялись; князья забывали объ общемъ происхожденіи, размѣщаясь по своимъ удѣламъ-опричнинамъ. Особые удѣлы образовались не только изъ болѣе крупныхъ городскихъ центровъ, какъ Суздаль, Тверь и Кострома, но и изъ маленькихъ городковъ, какъ, напримѣръ, Переяславль, Городецъ и Москва 1263 года, которые подѣлены были между сыновьями великаго князя Александра Невскаго Дмитріемъ, Андреемъ и Даніиломъ. Раздѣленіе волости на удѣлы на этомъ не останавливалось. Готовую почву для него создавали особенности постепенной колонизаціи страны.

Процессъ первоначальнаго заселенія области между Окой и Волгой въ XII, XIII столѣтіяхъ шелъ тѣмъ же путемъ, какимъ нѣсколько позднѣе на глазахъ исторіи заселялся сѣверный заволжскій край. „Заволжскій сѣверъ и сѣверо-востокъ и теперь не вездѣ доступенъ поселенію, говоритъ проф. Ключевскій. Въ то же время, пятьсотъ, шестьсотъ лѣтъ назадъ, поселенецъ съ большимъ трудомъ отыскивалъ среди глухихъ лѣсныхъ дебрей и топей мѣсто, гдѣ бы можно было поставить поселокъ. Населеніе естественно осаживалось прежде всего по берегамъ рѣкъ и окраинамъ вѣковыхъ непроходимыхъ лѣсовъ. Небольшіе басейны рѣкъ того края, Суды, Кемы, Андоги, Ухтомы, Сити, Мологи, Кубены, Бохтюги представляли въ XIV и XV вѣкахъ недавно заселенные или только-что еще заселявшіеся острова, открытыя и

сухія прогалины среди моря лѣсовъ и болотъ. Когда для счастливо размножавшихся князей бѣлозерскихъ и заозерскихъ понадобились отдѣльные участки въ ихъ отчинахъ, эти рѣчные округа и области служили готовымъ основаніемъ для удѣльныхъ дѣленій и подраздѣленій. Такъ возникали въ XIV и XV вѣкахъ всѣ эти мелкія княжества: Кемское, Анджонское, Ухтомское, Ситское, Кубенское и многія другія, называвшіяся по именамъ рѣчекъ, маленькими бассейнами которыхъ, даже не всегда цѣлыми бассейнами, ограничивались ихъ территоріи" [11].

Раздѣленіе области еще болѣе увеличивалось вслѣдствіе слабой зависимости бояръ-землевладѣльцевъ отъ удѣльныхъ князей. Боярскія вотчины были нерѣдко такими же обособленными и независимыми владѣніями, какъ и мелкіе удѣлы князей Андомскихъ, или Вадбольскихъ. Богатый бояринъ-вотчинникъ почти не отличался по существу владѣльческихъ правъ отъ мелкаго владѣтельнаго князя, удѣлъ котораго состоялъ изъ двухъ-трехъ селъ и нѣсколькихъ десятковъ деревень (въ два, три двора) на какой-либо маленькой рѣчкѣ Кубенѣ, съ резиденціей въ видѣ большой барской усадьбы,—княжескаго двора при погостѣ.

Не только бояре, но и менѣе значительныя лица пользовались, какъ землевладѣльцы, чрезвычайно обширными привилегіями, совершенно или большею частію освобождавшими ихъ вотчины отъ подвѣдомственности князю и его властямъ. Эти привилегіи состояли въ правѣ вотчиннаго суда и управленія и въ правѣ сбора налоговъ, и съ древнѣйшаго времени обезпечивались землевладѣльцамъ особыми жалованными грамотами князей. Такимъ образомъ, „поземельный владѣлецъ, какъ замѣчаетъ Неволинъ, получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще по отношенію къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался на основаніи жалованной грамоты частный вотчинникъ по отношенію къ своей вотчинѣ; онъ получалъ правительственную власть надъ ли-

цами, жившими на его землѣ,—дѣлался посредникомъ между ними и княземъ“ [12]. О существѣ этой правительственной власти вотчинника, о древнѣйшихъ привилегіяхъ землевладѣльцевъ мы узнаемъ изъ жалованныхъ грамотъ, утверждавшихъ древній порядокъ вотчинныхъ отношеній. Вотчинникъ во всемъ „вѣдаетъ свои люди самъ или кому прикажетъ“; онъ является единственнымъ ихъ судьею и правителемъ, по своему усмотрѣнію сбираетъ налоги, какъ самовластный господинъ въ предѣлахъ своей земли. Землевладѣлецъ нерѣдко былъ судьею своихъ людей по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ; княжескія власти не могли ни въ чемъ распоряжаться въ его вотчинѣ. Впослѣдствіи же обыкновенно изъ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ вотчиннику, исключались дѣла о „душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ“. „А волостели мои и ихъ тіуны,—постановилъ Іоаннъ Калита въ жалованной грамотѣ, данной Ивану Петелину,—доводчиковъ своихъ не высылаютъ къ Ивану и *ко всѣмъ его людямъ ни по что*, ни кормовъ не емлютъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ: а праветчики поборовъ не берутъ у нихъ, *ни въѣзжаютъ ни по что*. А вѣдаетъ свои люди самъ Иванъ или кому прикажетъ“ Князь отказывался въ пользу вотчинника отъ всѣхъ налоговъ и пошлинъ, которые сбирались въ княжескую казну съ собственныхъ его земель: „Что его (вотчинника) село въ Кинелѣ, съ деревнями, и кто у него въ томъ селѣ и въ деревняхъ иметъ жити людей, ино имъ ненадобѣ ямъ, ни подвода, ни тамга, ни мытъ, ни сѣнъ моихъ косити, ни коня моего кормити, ни къ сотскому, ни къ дворскому не тянутъ ни въ какія протори ни въ разметы, ни *иныя ни которыя пошлины* не надобѣ“. Въ случаѣ столкновеній лицъ, подвластныхъ разнымъ вотчинникамъ, дѣла разбирались на *смѣсныхъ судахъ*, общимъ судомъ двухъ вотчинниковъ. Если возникала тяжба между боярскими людьми и людьми князя, то въ смѣсномъ судѣ участвовали княжескіе волостели: „а случится судъ смѣсной, и волостели мои су-

дятъ и ихъ тіуны, а Иванъ съ ними же судитъ, или кому прикажетъ: а присудомъ ея дѣлятъ наполы". Самъ же бояринъ-вотчинникъ и его чиновники не были подсудны княжескимъ волостелямъ; они подлежали суду самого князя или его высшаго сановника: „а кому будетъ чего искать на Иванѣ, или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь великій, или мой бояринъ введеный".

Крупнымъ землевладѣльцамъ, имѣвшимъ права вотчиннаго суда и управленія, подчинены были не только крестьяне-земледѣльцы, „сидѣвшіе" на ихъ земляхъ, но и самостоятельные вотчинники. Бояринъ, слуга князя, имѣлъ, въ свою очередь, слугъ, вотчинниковъ, стоявшихъ къ нему въ такихъ же служебныхъ отношеніяхъ, какія самъ онъ имѣлъ къ своему князю. Въ кіевскомъ періодѣ у бояръ-дружинниковъ были особыя, лично имъ подчиненныя, дружины. Вмѣстѣ съ князьями и ихъ дружинами пріобрѣли осѣдлость и эти боярскія дружины; но, владѣя землей, они продолжали служить не князьямъ, но своимъ боярамъ. Эти боярскіе служилые люди сохранились въ видѣ пережитка старины даже до XVI вѣка. Въ писцовой книгѣ Тверского уѣзда половины этого вѣка упоминаются наряду съ помѣщиками, служащими великому князю, землевладѣльцы, служащіе боярамъ. Кн. Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій въ началѣ XVI вѣка имѣлъ своихъ дѣтей боярскихъ и награждалъ ихъ помѣстьями въ предѣлахъ своей Юхотской вотчины. Создавшійся такимъ образомъ іерархическій рядъ слугъ землевладѣльцевъ проф. Чичеринъ сравниваетъ съ феодальной лѣстницей вассаловъ. Сильному землевладѣльцу, боярину служили менѣе значительные помѣщики и вотчинники; бояринъ, въ свою очередь, служилъ удѣльному князю, который, съ своей стороны, въ качествѣ служебнаго подручнаго князя, зависѣлъ отъ великаго князя Московскаго или Тверского. Во взаимныхъ отношеніяхъ всего этого ряда слугъ дѣйствовало общее правило: подчиненіе лица не влекло за собою непосредственнаго подчиненія лицъ, отъ него за-

висѣвшихъ. Лица, жившія въ вотчинѣ боярина, зависѣли отъ вотчинника, но не отъ того князя, которому онъ служилъ [13]. Бояре, служившіе подручному удѣльному князю, выступая въ походъ съ войсками великаго князя, шли особымъ полкомъ подъ стягомъ удѣльнаго князя. „Кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ и ходити, съ своимъ воеводой“ *).

II.

Служебныя отношенія бояръ къ князьямъ состояли въ томъ, что они въ военное время съ отрядами ратниковъ, набранныхъ изъ числа лицъ, жившихъ въ ихъ вотчинахъ, вступали въ ряды княжескихъ войскъ. Подъ словомъ: служба разумѣлась преимущественно служба военная. Многіе изъ бояръ, кромѣ того, служили князю и въ мирное время, занимая различныя должности по дворцовому и областному управленію.

Служба бояръ была вольной, военная—по общему правилу, гражданская же — за нѣкоторыми исключеніями. Она не составляла обязанности землевладѣльца по отношенію къ князю; служба государству стала обязательной только позднѣе, въ московское время. Бояре удѣльнаго времени были вольными слугами князей; этимъ они существенно отличались отъ позднѣйшихъ закрѣпощенныхъ служилыхъ людей московскаго государства. Бояринъ во всякое время могъ „отказаться“ отъ службы и перейти на службу, „приказаться“ другому князю. Эта свобода службы постоянно обезпечивалась особой статьей княжескихъ договоровъ: *„а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“*. Великіе князья долгое время

*) Это правило было недѣйствительнымъ только въ случаѣ осады города во время войны. А именно, въ случаѣ „городной осады“ бояре подручнаго князя должны были защищать городъ отъ непріятелей также и подъ начальствомъ воеводы великаго князя, которому они непосредственно не были подчинены. «А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти, опрочь путныхъ бояръ» [14].

видѣли въ правѣ отъѣзда, въ правѣ перемѣны государя неотъемлемое право бояръ и даже взаимно обязывались въ договорахъ „не держать нелюбья“ на отъѣхавшихъ слугъ, ни „посягати на нихъ безъ исправы“. „А боярамъ и слугамъ вольнымъ воля, читаемъ въ договорѣ 1341 года, кто поѣдетъ отъ насъ къ тебѣ, къ великому князю, или отъ тебя къ намъ, нелюбья ны не держати“ Вольные слуги нерѣдко пользовались этимъ правомъ отъѣзда. Такъ, когда къ князю московскому Іоанну Даниловичу Калитѣ пріѣхалъ на службу знатный кіевскій выходецъ Родіонъ Нестеровичъ, предокъ Квашниныхъ, то первый московскій бояринъ Акинѳъ Гавриловичъ Шуба, оскорбленный почетомъ, оказаннымъ пріѣзжему боярину, „не желая быть подъ Родіономъ въ меньшихъ“, перешелъ на службу къ сопернику Москвы, тверскому князю Михаилу; впослѣдствіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ тверского князя съ московскимъ. Въ это же время упорной борьбы Твери съ усиливавшеюся Москвой многіе бояре тверскіе, недовольные своимъ княземъ, въ 1337 году перешли на службу, отъѣхали къ великому князю московскому Іоанну Калитѣ [15]. Когда великій князь московскій шелъ съ своими полками въ 1391 году на Нижній Новгородъ, бояре нижегородскаго князя Бориса, не надѣясь на успѣхъ борьбы съ Москвою, всѣ перешли на службу къ московскому князю; и старѣйшина бояръ, Румянецъ заявилъ при этомъ князю Борису: „господине княже, не надѣйся на насъ, уже бо мы есмы отнынѣ не твои, и нѣсть съ тобою есмы, но на тя есмы“ *).

Бояре свободно переходили отъ одного князя къ другому,въ качествѣ лично свободныхъ, вольныхъ слугъ; но въ какія отношенія становились они къ князьямъ при та-

*) Князья хорошимъ обращеніемъ привлекали къ себѣ слугъ. Про тверского князя Михаила Александровича тверской лѣтописецъ говоритъ, что онъ «сладокъ бѣаше къ дружинѣ своей; сего ради зѣльно мнози служаху ему и сынове сильныхъ прилагахуся ему и дворъ его день отъ дни множайше крѣпляшеся“ (1361).

кихъ переходахъ—въ качествѣ землевладѣльцевъ? Теряли ли они свои земли, или сохраняли ихъ за собой? По общему правилу, дѣйствовавшему до шестнадцатаго вѣка, бояре сохраняли всѣ права на свои вотчины, хотя бы даже они переходили на службу къ врагу своего прежняго князя. „Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля,—взаимно обязывались князья въ договорныхъ грамотахъ,—а *села, домы имъ свои вѣдати, а намъ въ нихъ не вступатися*" *).

Въ древнѣйшее время, надо полагать, бояре не только сохраняли право собственности на свои вотчины, но, переходя на службу къ другому князю, передавали ихъ въ государственное обладаніе своего новаго господина. Подобно позднѣйшимъ владѣтельнымъ князьямъ, которые, переходя отъ литовскаго князя на службу къ Московскому великому князю, передавали въ его власть свои земли, древнѣйшіе бояре-землевладѣльцы „отъѣзжали съ вотчинами" отъ одного князя къ другому. Вотчина, которая давала средства и людей для военной службы боярина, естественно, должна была считаться принадлежащей тому князю, которому служилъ ея владѣлецъ. Стремленіямъ князей присвоить себѣ вотчину отъѣхавшаго слуги, бояре противопоставляли силу, при поддержкѣ того князя, къ которому они перешли на службу, и ихъ вотчины становились принадлежностью удѣла ихъ новаго господина. При первоначальной слабости княжеской власти и при той самостоятельности бояръ въ качествѣ землевладѣльцевъ, которая указана выше, переходъ вотчинъ изъ одного удѣла въ другой, при отъѣздахъ вотчинниковъ, долженъ былъ быть обычнымъ явленіемъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вотчины отъѣзжавшихъ бояръ лежали на границахъ владѣній князей-соперниковъ, или когда онѣ

*) А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тебѣ, или отъ тебя къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ Великомъ Княженіи, или въ твоей вотчинѣ въ Твери, въ тѣ села намъ и тебѣ не вступатися». Договоръ вел. кн Димитрія Іоанновича Донского съ вел. кн. Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ, 1368 г.).

вообще находились въ мѣстности, обособленной отъ другихъ владѣній князя, вдали отъ торныхъ путей, среди лѣсовъ и болотъ. Отъѣздъ съ вотчинами долженъ былъ быть обычнымъ для могущественныхъ бояръ того времени, которые рисуются народнымъ преданіемъ въ типичномъ образѣ возгордившагося предъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ богатаго и сильнаго боярина Степана Ивановича Кучки, владѣвшаго обширною волостью съ селами и деревнями по обоимъ берегамъ р. Москвы, съ резиденціей въ селѣ Кучковѣ (на мѣстѣ города Москвы) [16].

Удѣльные князья, ослабляемые взаимными распрями, не могли нанести рѣшительнаго удара праву отъѣзда, искони принадлежавшему ихъ сильнымъ боярамъ и слугамъ. Они взаимно обязывались въ договорахъ, составлявшихся при участіи бояръ, признавать свободу службы и не карать ихъ за отъѣздъ конфискаціей вотчинъ. Не имѣя возможности прикрѣпить своихъ вольныхъ слугъ, князья на первое время должны были ограничиться прикрѣпленіемъ къ удѣлу ихъ нѣкогда вольныхъ вотчинъ. Съ конца XIV вѣка князья постановляютъ въ договорахъ, что вотчина отъѣхавшаго боярина остается въ государственномъ обладаніи того князя, которому онъ прежде служилъ,—должна по прежнему принадлежать къ его удѣлу, хотя бояринъ и сохраняетъ свои права частной собственности на землю. Бояринъ воленъ служить, кому хочетъ, но въ качествѣ землевладѣльца, онъ обязанъ подчиняться власти мѣстнаго князя; онъ долженъ платить дань не тому князю, которому служитъ, но тому, въ удѣлѣ котораго онъ владѣетъ землею; кому бы бояринъ ни служилъ, но онъ подлежитъ юрисдикціи мѣстнаго князя, сохраняющаго право верховной собственности на его землю. Это правило, общее для всѣхъ землевладѣльцевъ, выражалось общею формулою: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“, т.-е. въ отношеніи суда и дани всѣ отвѣтственны предъ властями по мѣсту осѣдлости. Въ договорѣ вел. кн. Василія Дмитріевича съ кн. Владиміромъ

Андреевичемъ постановлено: „а кто живетъ твоихъ бояръ (Владиміра Андреевича) въ нашихъ удѣлахъ и вотчинѣ, въ великомъ княженіи, а тѣхъ ны (великому князю) блюсти, какъ и своихъ, а *дань взяти*, какъ и на своихъ; а кто живетъ нашихъ бояръ въ твоей вотчинѣ и въ удѣлѣ, а тѣхъ тебѣ блюсти, какъ и своихъ, а дань взяти, какъ и на своихъ" (1385). По позднѣйшимъ договорамъ, 1451—1484 г.г., князья „брали дань и судъ" какъ на своихъ, такъ и на чужихъ боярахъ, владѣющихъ землями и живущихъ въ ихъ удѣлахъ

III.

Вольные слуги сохраняли при „отъѣздахъ" свои земли только въ томъ случаѣ, если они владѣли ими на правѣ полной собственности. Особый же разрядъ слугъ, *слуги подъ дворскимъ*, подчиненные дворецкому, владѣли имѣньями, пожалованными имъ изъ дворцовыхъ земель князя, не въ безусловную собственность, но подъ условіемъ службы, и лишались этихъ земель, когда переходили на службу къ другому князю. Іоаннъ Даниловичъ Калита на такомъ именно условіи пожаловалъ Богородицкое село въ Ростовской области слугѣ Борису Воркову: ежели тотъ Ворковъ, постановляетъ Іоаннъ въ духовномъ завѣщаніи, „иметь сыну моему которому служити, село будетъ за нимъ, не иметь ли служити дѣтямъ моимъ, *село отоймутъ*". „Служни земли" были древнѣйшими помѣстьями. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ усиленія власти великаго князя и скопленія дворцовыхъ земель въ его рукахъ, такія условныя пожалованія имѣній слугамъ должны были сдѣлаться весьма частыми. Великимъ князьямъ было выгодно обезпечивать болѣе вѣрную службу лицъ пожалованіемъ земель съ правомъ взять ихъ обратно; съ усиленіемъ своей власти они могли уже не опасаться того, что слуга, перейдя на службу къ другому князю, передастъ въ его обладаніе свое помѣстное имѣніе. Съ конца XIV вѣка грамоты, обезпечивая слугамъ свободу

службы, часто дѣлали оговорки о „слугахъ подъ дворскимъ“; въ то время было уже много невольныхъ слугъ, владѣвшихъ землями на помѣстномъ правѣ. „А боярамъ и слугамъ, читаемъ въ духовной грамотѣ 1410 года, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля; а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежь себя не принимаютъ, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моей; инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ“. Какъ видно изъ договорныхъ грамотъ, князья стремятся прикрѣпить къ службѣ этихъ дворскихъ слугъ, запретить имъ выходъ изъ удѣла, и для этого взаимно обязуются „слугъ, которые потягли къ дворскому, въ службу не принимати“ (1368). Вмѣстѣ съ тѣмъ, зная, какъ трудно было въ то время осуществить на дѣлѣ это новое правило, князья постановляютъ, что эти слуги, уходя изъ удѣла, лишаются пожалованныхъ имъ земель [18].

Отъ дворныхъ *слугъ* отличались *дворные люди* или *дворяне*. Наименованіе *слуга* было болѣе почетнымъ въ удѣльное время, чѣмъ наименованіе *человѣкъ* такого-то князя или боярина. Слугами назывались независимыя лица, землевладѣльцы, взявшіе на себя извѣстныя служебныя обязанности. Дворные люди или дворяне были зависимыми дворовыми людьми, жившими при князѣ для личныхъ услугъ или особыхъ порученій. Большинство ихъ были несвободными. Дворными людьми въ удѣльный періодъ стали называться княжескіе холопы и сблизившаяся съ ними часть младшихъ дружинниковъ, отроковъ и дѣтскихъ, жившихъ во дворѣ князя. Они исполняли различныя обязанности по дворцовому управленію, служили ключниками, тіунами, казначеями, посельскими ключниками—сельскими приказчиками, дьяками. Ключниками были большею частью люди несвободные, такъ какъ человѣкъ, принявшій на себя обязанности ключника, становился холопомъ, если только не выговорилъ себѣ свободы особымъ уговоромъ съ княземъ. Дворяне, свободные

люди и холопы, весьма часто исполняли обязанности судебныхъ приставовъ *). Въ военное время, подобно боярамъ и слугамъ, дворяне превращались въ воиновъ, составляя вмѣстѣ съ дворными слугами особый отрядъ приближенныхъ къ князю ратныхъ людей. Въ описаніяхъ походовъ князей и сраженій упоминается иногда, что князья шли и сражались со своимъ дворомъ. Князь Святославъ Брянскій въ 1307 году, по замѣчанію лѣтописи, „дворомъ своимъ токмо много бився".

Слово дворянинъ впервые встрѣчается въ разсказѣ Суздальскаго лѣтописца объ убіеніи ростовскаго князя Андрея Боголюбскаго въ 1175 году **). Насильственная смерть этого князя была дѣломъ его дворныхъ людей и, главнымъ образомъ, его довѣреннаго ключника Анбала, а также любимаго слуги князя, Якима Кучковича. Послѣ убійства князя, говоритъ лѣтописецъ, „горожане боголюбскіе и *дворяне* разграбиша домъ княжъ, злато и сребро, порты же и наволоки, и имѣніе, ему же не бѣ числа". Въ удѣльномъ періодѣ слово „дворяне" встрѣчается по преимуществу въ лѣтописяхъ и актахъ новгородской области, гдѣ дворянами назывались какъ „люди", такъ и „слуги" князей. Московскіе же памятники отличаютъ „дворныхъ людей" (дворянъ) отъ „слугъ подъ дворскимъ". Впослѣдствіи, по мѣрѣ приниженія значенія слугъ подъ дворскимъ, эти послѣдніе сближаются съ дворными людьми и называются одинаково съ ними дворянами [19].

Главною службой княжескихъ слугъ, владѣвшихъ землею какъ на вотчинномъ, такъ и на помѣстномъ правѣ, была служба военная. Бояре и слуги, воины, были въ то же время землевладѣльцами — сельскими хозяевами. Обыкновенно въ

*) «Кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду». — «Мнѣ, князю Юрію, тѣхъ людей не судити, не пристава не дати, ни дворянъ своихъ не всылати, и ни пошлинъ имъ никакихъ не имати».

**) Равнозначущій дворянамъ терминъ «дворные люди» встрѣчается впервые въ Воскресенской лѣтописи подъ 1215 годомъ: Мстиславъ Новгородскій «изыма намѣстника Ярославля, Хотя Григорьевича и вси дворные люди покова». — «Князи мои, и бояре, и дѣти боярскія, и люди дворные» (Грамота вел. кн. Василія Васильевича).

мирное время они живутъ уединенно въ своихъ имѣніяхъ. Говоря о выступленіи бояръ въ походъ, опредѣляя съ чьимъ воеводой они должны идти на войну, грамоты постоянно предполагаютъ, что бояре „живутъ въ своихъ отчинахъ": „а городная осада, *гдѣ кто живетъ*, тому туто и сѣсти". „Служилые люди на сѣверѣ, говоритъ проф. Ключевскій, усвоили себѣ интересъ, господствовавшій въ удѣльной жизни, стремленіе стать сельскими хозяевами, пріобрѣтать земельную собственность, населять и расчищать пустоши... И въ Кіевской Руси прежняго времени были въ дружинѣ люди, владѣвшіе землей... Но, повидимому, боярское землевладѣніе тамъ не достигло значительныхъ размѣровъ или закрывалось другими интересами дружины, такъ что не производило замѣтнаго дѣйствія на ея политическую роль. Теперь оно получило важное политическое значеніе въ судьбѣ служилаго класса и съ теченіемъ времени измѣнило его положеніе и при дворѣ князя, и въ мѣстномъ обществѣ".

Бояре-землевладѣльцы по преимуществу были классомъ военныхъ слугъ князя, исполнявшихъ свои служебныя обязанности въ военное время. Но многіе изъ нихъ служили князю не только на войнѣ, но и въ мирное время, исполняя различныя должности въ области государственнаго управленія. Великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской въ своей предсмертной рѣчи къ боярамъ въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ важное значеніе ихъ, какъ соратниковъ, воеводъ князя и областныхъ управителей: „Съ вами царствовалъ, говорилъ имъ князь, и землю Русскую держалъ и мужествовалъ съ вами на многія страны, враги покорилъ, княженіе укрѣпилъ, отчину свою съ вами соблюлъ, подъ вами грады держалъ и великія волости; вы не назывались у меня бояре, но князи земли моей" [20].

Грады и великія волости держали *намѣстники* съ подчиненными имъ *волостелями*. Центральное управленіе раздѣляли между собою *тысяцкій*, *дворецкій*, *казначей*, *окольничій* и др. Эти важнѣйшія должности поручались преимущественно

высшему разряду княжескихъ слугъ, *боярамъ введенымъ*, то-есть введеннымъ во дворецъ для постоянной помощи князю въ дѣлахъ управленія. Слово „бояринъ" было бытовымъ наименованіемъ лучшихъ или старѣйшихъ людей. „Введеное же боярство" было чиномъ, которымъ князь жаловалъ лучшихъ своихъ слугъ. Княжеская власть воспользовалась старымъ народнымъ терминомъ и съ теченіемъ времени присвоила ему болѣе узкій смыслъ; впослѣдствіи подъ словомъ бояринъ разумѣли преимущественно введеныхъ бояръ, приближенныхъ лицъ государя, которымъ было *сказано* боярство. Число такихъ введеныхъ бояръ первоначально было очень не велико, какъ можно заключить изъ извѣстій о нихъ, сохранившихся отъ позднѣйшаго времени [21]. Въ годъ смерти великаго князя Василія Васильевича ихъ было пятеро *); въ годъ смерти вел. князя Ивана Васильевича—13.

Введеные бояре были обычными совѣтниками князя въ дѣлахъ управленія. Они не составляли опредѣленно организованнаго учрежденія, княжеской думы; князь совѣтовался по усмотрѣнію или со всѣми своими боярами, или съ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ князь приглашалъ на совѣтъ не однихъ только приближенныхъ бояръ, но и другихъ болѣе вліятельныхъ слугъ. Обычай требовалъ, чтобы князь дѣйствовалъ согласно съ мнѣніемъ своихъ бояръ и слугъ, и силою вещей князь долженъ былъ держаться этого обычая. Князь не могъ заставить бояръ повиноваться своей волѣ; они были вольными слугами и въ случаѣ своего разногласія съ княземъ, могли не идти въ походъ вмѣстѣ съ княземъ, оставить его совсѣмъ и перейти на службу къ другому князю. „О себѣ еси, княже, замыслилъ, говорили въ такихъ случаяхъ бояре, мы того не вѣдали, — не ѣдемъ по тебѣ". Между тѣмъ бояре съ ихъ служилыми людьми составляли главную военную силу князя, и уходъ ихъ отъ

*) Мих. Бор. Плещеевъ, кн. Ив. Юр. Патрикѣевъ, кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенскій, Мих. Ѳед. Сабуровъ и Григ. Вас. Заболоцкій.

князя влекъ за собою ослабленіе его власти. Волынскій князь Владиміръ Изяславичъ, выступившій въ походъ въ 1169 году на кіевскаго князя Изяслава, несмотря на отказъ дружины слѣдовать за нимъ, потерпѣлъ жестокое пораженіе. „Князь не могъ приказывать, говоритъ проф. Сергѣевичъ, своимъ вольнымъ слугамъ, онъ долженъ былъ убѣждать ихъ въ цѣлесообразности своихъ намѣреній. Общее дѣйствіе возможно было только тогда, когда думцы соглашались съ княземъ: въ противномъ случаѣ князю приходилось отказываться отъ задуманнаго имъ предпріятія. Думцы князя, такимъ образомъ, въ значительной степени ограничивали его усмотрѣніе. Хотя зависимость князя отъ вольныхъ слугъ,—замѣчаетъ тотъ же изслѣдователь,—и не была безусловна, но все же она была довольно значительна, особенно въ дѣлахъ войны и мира. Въ дѣлахъ внутренняго управленія и суда, гдѣ князья могли обходиться при помощи очень немногихъ рукъ и имѣли всю свободу выбора, она чувствовалась весьма слабо; въ дѣлахъ войны, всегда требовавшихъ напряженія значительныхъ силъ,—очень сильно“ [22].

IV

Въ гражданскую и придворную службу привлекалось съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе бояръ и слугъ. Отдѣльныя вѣдомства управленія обособляются въ удѣльный періодъ и мало по малу вырабатывается сложная система администраціи, унаслѣдованная и развитая далѣе московскимъ государствомъ.

Одной изъ виднѣйшихъ должностей была должность *дворскаго*, или *дворецкаго*. Дворскій завѣдывалъ *дворомъ*, дворцовымъ вѣдомствомъ князя. Состоя при князѣ и управляя всѣмъ его хозяйствомъ, которое въ древнѣйшее время все сосредоточивалось въ „дворѣ“ князя и не отдѣлялось отъ государственнаго хозяйства, дворскіе были весьма вліятельными людьми. Главному дворецкому, завѣдывавшему дворцомъ

князя въ стольномъ городѣ, подчинены были дворскіе, завѣдывавшіе дворцами князей въ провинціальныхъ городахъ. Въ его вѣдѣніи находились обширныя дворцовыя земли князей и, владѣвшіе участками этихъ земель, слуги подъ дворскимъ, а также дворные люди или дворяне.

Подобно дворецкому, весьма видное положеніе имѣлъ въ удѣльное время *окольничій*. Эта должность была исключительно придворной. Окольничіе сопутствовали князьямъ во время частыхъ поѣздокъ ихъ по дѣламъ управленія и войны, а также для охоты, увеселенія или молитвы. Въ позднѣйшее время они ѣздили впереди поѣзда государя, устраивали станы для ихъ остановки, назначали дворы для помѣщенія ихъ свиты, заботились о проложеніи дорогъ и постройкѣ мостовъ. Эта обязанность лежала на окольничихъ, вѣроятно, и раньше, и отсюда, отъ „*околичности дорогъ*" могло произойти и ихъ наименованіе, какъ предполагаетъ авторъ стариннаго „Извѣстія о дворянахъ россійскихъ", Миллеръ. На видное значеніе окольничаго указываетъ извѣстіе о томъ, что при заключеніи договора между сыновьями Іоанна Даниловича Калиты, князьями Семеномъ, Іоанномъ и Андреемъ присутствовалъ въ числѣ свидѣтелей и Онанья окольничій *) (1341) [23].

Нѣкоторыя статьи дворцоваго хозяйства были выдѣлены въ особыя вѣдомства — *пути*. Въ виду указаннаго преобладающаго значенія дворцоваго хозяйства, и начальники этихъ путей должны были занимать видное положеніе. Къ *сокольничему* пути принадлежали сокольники и другіе служители княжеской птичьей охоты; въ *конюшемъ* пути вмѣстѣ съ лошадьми и конюхами вѣдались и государевы луга, разсѣянные по всѣмъ уѣздамъ.

Важнѣйшей статьей дворцоваго хозяйства была эксплоа-

*) При дворѣ вел. кн. рязанскаго Олега Ивановича окольничій стоялъ выше чашника. Въ жалованной грамотѣ, данной этимъ княземъ, сказано: „а *бояре* были со мною: Софоній Алтыкулачевичъ, Семенъ Ѳедоровичъ, Микита Андреевичъ, Тимошь Олександровичъ, Махасѣя дядька, *Юрьи окольничій*, Юрьи *чашникъ*, Семенъ Никитичъ съ братьею, Павелъ Соробичъ" (1341).

тація зоологическихъ богатствъ страны. Воскъ и медъ, рыба, мѣха составляли главное богатство древней Россіи. Князьямъ принадлежало множество селеній бобровниковъ, бортниковъ (пчеловодовъ), рыболововъ. На пустынныхъ тогда рѣчкахъ нынѣшней Московской и сосѣднихъ съ нею губерній въ большомъ еще количествѣ водились бобры; на мѣстахъ, богатыхъ бобрами, гдѣ-нибудь по Клязьмѣ или по Вожѣ, цѣлыми десятками садились деревни бобровниковъ, распредѣлявшихъ между собою бобровые гоны. Въ обширныхъ лѣсахъ въ изобиліи водилась дикая пчела; поселки бортниковъ дѣлили между собою борти (дуплистыя деревья съ медомъ) на „бортныя ухожья". По всему теченію Волги и ея большихъ притоковъ существовалъ цѣлый рядъ „рыбныхъ слободъ", населенныхъ рыболовами. Значительная часть этихъ бобровыхъ гоновъ, бортныхъ ухожьевъ, рыбныхъ ѣзовъ (затворовъ) принадлежала князьямъ и была раздѣлена въ управленіе между дворцовыми путями ловчимъ, чашничимъ, стольничимъ.

Стольникъ и чашникъ являются при дворахъ удѣльныхъ князей въ XIII столѣтіи. Позднѣе въ царскій періодъ эти сановники не имѣли административнаго значенія; стольникъ и чашникъ сдѣлались исключительно придворными людьми; но въ удѣльное время они, принадлежа къ дворцовому штату, управляли особыми дворцовыми вѣдомствами, у того и у другого былъ свой путь. Чашничій путь былъ вѣдомствомъ дворцоваго пчеловодства и государевыхъ питей; въ немъ вѣдались села и деревни дворцовыхъ бортниковъ-пчеловодовъ, вмѣстѣ съ бортными дворцовыми лѣсами; къ стольничему пути принадлежали дворцовыя рыбныя ловли и огороды. Разсѣянныя по городамъ и волостямъ княжества слободы, села и деревни, приписанныя къ этимъ путямъ, были или совершенно обособлены отъ общаго областнаго управленія намѣстниковъ и волостелей, или находились въ очень слабой административной зависимости отъ него. Бояринъ, завѣдывавшій хозяйственной эксплоатаціей тѣхъ или другихъ дворцовыхъ угодій, вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ лицъ, населяв-

шихъ земли, отданныя въ его управленіе. Хозяйство, администрація и судъ соединялись въ рукахъ одного лица. Древнее управленіе, въ полную противоположность позднѣйшему, сосредоточивало въ одномъ вѣдомствѣ всѣ дѣла, касавшіяся извѣстной части населенія [24].

Къ ряду управителей этихъ путей, сокольника, конюшаго, ловчаго, стольника, долженъ былъ принадлежать по значенію и *казначей*, вѣдавшій княжескую казну, какъ деньги, такъ и все цѣнное имущество, золотые сосуды, цѣпи, кресты, драгоцѣнные камни, мѣха и всякую „рухлядь" *). Казначеи не только хранили княжескую казну, но и завѣдывали нѣкоторыми государевыми доходами, главнымъ образомъ, таможенными. Но они отнюдь не сосредоточивали въ своихъ рукахъ управленіе всѣми доходами князей; особая казна была у дворецкаго и у стольника, и у другихъ чиновъ, завѣдывавшихъ тѣми или другими доходными статьями дворцоваго хозяйства. Боярину-казначею были подчинены мелкіе чиновники-казначеи и тіуны; они завѣдывали княжескимъ имуществомъ, хранившимся въ провинціальныхъ городахъ. Для предупрежденія злоупотребленій эти должности поручались обыкновенно людямъ несвободнымъ, находившимся въ полной зависимости отъ князя **). Эти казначеи-холопы, какъ и тіуны и другіе мелкіе чиновники, тоже несвободные, обыкновенно отпускались на волю по завѣщаніямъ князей

---

*) Въ духовной грамотѣ великаго князя Іоанна Васильевича сказано: «что ни есть моей казны... лаловъ и яхонтовъ и иного каменья и жемчугу и саженья всякаго и поясовъ и чепей золотыхъ и судовъ (сосудовъ) золотыхъ и серебряныхъ, и каменныхъ и золота и серебра и соболей и шелковыя рухляди и иныя всякія рухляди, что ни есть, также и въ моей казнѣ постельной, что ни есть иконъ и крестовъ золотыхъ и золота и серебра и платья и иныя рухляди» (1504).

**) «А кто будетъ моихъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ, читаемъ въ завѣщаніи Іоанна Іоанновича, или кто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ меня вѣдали прибытокъ ли который, или кто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобны моимъ дѣтямъ, ни моей княгинѣ, далъ есть имъ волю» (1356).

Выше всѣхъ этихъ дворцовыхъ должностей стояла въ удѣльное время должность *тысяцкаго*. Указанные чины этого времени сохранились, хотя и съ измѣнившимся значеніемъ, до царскаго періода, должность же тысяцкаго была уничтожена въ концѣ четырнадцатаго столѣтія. Тысяцкій, также какъ въ предшествовавшее, кіевское время, былъ предводителемъ земскихъ полковъ, городского и сельскаго ополченія. Вслѣдствіе своихъ связей съ областнымъ населеніемъ тысяцкій былъ могущественнымъ и вліятельнымъ лицомъ. Должность эта нерѣдко переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну и, сохраняясь въ одномъ роду, весьма усиливала значеніе этого рода. Въ великомъ княжествѣ тверскомъ должность тысяцкаго занимали послѣдовательно бояринъ Михаилъ Шетенъ, его сынъ Константинъ и внукъ Иванъ Шетневъ. Московскій тысяцкій, бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ поднялъ крамолу противъ великаго князя Симеона Гордаго, былъ за это изгнанъ и лишенъ своихъ волостей; великій князь Симеонъ обязалъ договоромъ своихъ братьевъ не принимать въ службу ни мятежнаго боярина, ни его дѣтей; но въ княженіе Іоанна Іоанновича Алексѣй Хвостъ снова сдѣланъ былъ тысяцкимъ. Эта должность была ему возвращена, вѣроятно, вслѣдствіе сильнаго сочувствія къ нему народа; когда этотъ тысяцкій былъ убитъ тайными злоумышленниками въ 1357 году, то московское населеніе подняло мятежъ противъ бояръ, которыхъ обвиняли въ убійствѣ своего товарища, и большіе московскіе бояре должны были поспѣшно уѣхать въ Рязанское княжество съ женами и дѣтьми. При великомъ князѣ Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ тысяцкимъ былъ вліятельный бояринъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Когда онъ умеръ въ 1374 году, на его мѣсто никто не былъ назначенъ *), и санъ этотъ, такимъ образомъ, былъ уничтоженъ [26].

*) Сынъ тысяцкаго Иванъ Вельяминовъ, обманутый въ надеждѣ занять должность своего отца, вмѣстѣ съ другимъ недовольнымъ Некоматомъ Сурожаниномъ (купцомъ), бѣжалъ въ Тверь, затѣмъ въ Орду, гдѣ выхло-

Вознагражденіемъ бояръ за ихъ гражданскую службу было пожалованіе *кормленій*, или *путей*, какъ онѣ назывались въ удѣльный періодъ. Княжескія промышленныя угодья назывались путями въ смыслѣ доходныхъ, выгодныхъ статей. Слово путь означало вообще прокъ, выгоду, доходъ. Должности обыкновенно жаловались „съ путемъ". Должностнымъ лицамъ предоставлялось обращать въ свою пользу часть собираемыхъ ими торговыхъ, судебныхъ пошлинъ и другихъ княжескихъ доходовъ. Отсюда всѣ бояре, управители-кормленщики назывались обыкновенно *путными боярами*. Система кормленій была весьма развита въ удѣльную эпоху до временъ Іоанна Грознаго. Впослѣдствіи этотъ способъ вознагражденія служащихъ былъ замѣненъ другими и, главнымъ образомъ, пожалованіемъ земли въ условное помѣстное владѣніе. Но въ удѣльное время князья не могли раздавать свои земли въ помѣстья въ большомъ количествѣ, вслѣдствіе естественнаго недовѣрія къ своимъ вольнымъ, самостоятельнымъ слугамъ [27].

поталъ у хана для князя тверского Михаила Александровича ярлыкъ на великое княженіе и побудилъ этого князя объявить войну Димитрію Донскому. Въ 1378 г. И. Вельяминовъ, вернувшійся на Русь изъ Орды, былъ схваченъ въ Серпуховѣ и казненъ въ Москвѣ. Это была первая всенародная смертная казнь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОБРАЗОВАНІЕ КЛАССА СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ XV, XVI ВѢКѢ.

ГЛАВА I.

Закрѣпощеніе вольныхъ слугъ.

I.

Владѣнія князя Даніила Александровича, родоначальника дома московскихъ великихъ князей, ограничивались до 1302 года одними берегами рѣки Москвы, принадлежа къ числу второстепенныхъ удѣловъ Владимірскаго княженія. Незначительное московское удѣльное княжество, благодаря географическому своему положенію въ узлѣ торныхъ путей съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, быстро усилилось въ теченіе четырнадцатаго вѣка и сдѣлалось стойкимъ центромъ, сплотившимъ въ одно цѣлое разрозненныя области русской земли. Московскіе великіе князья создали русское государство на развалинахъ удѣльнаго порядка. Независимые бояре времени удѣловъ, также какъ подручные удѣльные князья, превращены были въ покорныхъ слугъ государства; вольныхъ бояръ и слугъ смѣнили закрѣпощенные служилые люди.

Съ усиленіемъ своей власти московскіе государи начинаютъ въ пятнадцатомъ столѣтіи энергичную борьбу съ противо-государственнымъ правомъ отъѣзда бояръ и слугъ, и затѣмъ достигаютъ полнаго его упраздненія. Путь къ дѣйствительному ограниченію этого права указанъ былъ Великимъ Новгородомъ еще въ эпоху полнаго господства удѣльнаго порядка, въ четырнадцатомъ столѣтіи. Новгородское правительство запретило боярамъ, отъѣзжавшимъ изъ Новгорода на службу къ великимъ князьямъ, удерживать за собою вотчины въ предѣлахъ Новгородскихъ владѣній. „Села, земли и воды бояръ, въ случаѣ ихъ отъѣзда, вѣдаетъ Великій Новгородъ, а тѣмъ боярамъ и слугамъ ненадобѣ“, какъ постановлено было въ договорѣ 1368 года. Великіе князья, не обладая той властью, какую имѣлъ Новгородъ на своей территоріи, не могли рѣшиться на эту мѣру по отношенію къ боярамъ и слугамъ-вотчинникамъ. Правило: „кто выйдетъ изъ удѣла, тотъ земли лишенъ“ касалось только дворныхъ слугъ, владѣвшихъ дворцовою землею на помѣстномъ правѣ. Не лишая бояръ права отъѣзда, князья должны были довольствоваться тѣмъ. что сохранили въ своемъ государственномъ обладаніи вотчины отъѣхавшихъ слугъ.

Но это право бояръ, естественно, вызывало крайнее раздраженіе въ князьяхъ. Случалось, что князья вымещали свое неудовольствіе на имуществѣ отъѣхавшихъ, грабили села ихъ и домы, вопреки договорамъ, обезпечивавшимъ неприкосновенность имущества лицъ, пользовавшихся правомъ отъѣзда. Когда многіе бояре и дѣти боярскія, служившіе князю Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ, въ 1447 году били челомъ служити великому князю Василію Васильевичу Темному, то Шемяка, нарушая договоръ (докончаніе) и крестное цѣлованіе, „тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы поотымалъ, и животы и статки всѣ и животину у нихъ поималъ“. Также опалялись и другіе князья на отъѣзжавшихъ бояръ, особенно когда въ XV вѣкѣ

они сдѣлались болѣе самовластными государями. Любопытный случай изъ жизненной практики отношеній князя къ отъѣзжавшимъ боярамъ разсказанъ въ житіи преподобнаго Мартиніана Бѣлозерскаго; „Бояринъ нѣкій отъ великаго князя Василія Темнаго отъѣха къ Тверскому великому князю. Онъ же зѣло зжаливъ о бояринѣ томъ и не вѣде, что сотворити или како возвратити его назадъ, понеже тотъ былъ отъ ближнихъ его совѣтникъ,—посылаетъ моленіе ко преподобному Мартиніану въ Сергіевъ монастырь, дабы его возвратилъ, и обѣщеваетъ, много паче прежняго, честна и богата сотворити его. Святый же, послуша его и надѣяся на духовное сыновство, возврати боярина" — и во всемъ за него поручился. Опасаясь мести князя, бояринъ не иначе согласился возвратиться, какъ за поручительствомъ святителя. И тѣмъ не менѣе, когда онъ вернулся къ великому князю, Василій Темный, „не удержа ярости гнѣва на боярина того, повелѣ и оковати", и сложилъ съ него опалу только послѣ рѣшительнаго заступничества за боярина св. Мартиніана [1].

Духовная литература оказываетъ важную помощь князьямъ въ ихъ борьбѣ съ правомъ отъѣзда. Начиная съ четырнадцатаго столѣтія, церковные книжники проводятъ новый взглядъ на отъѣздъ, какъ на измѣну. Поученіе ко всѣмъ христіанамъ, получившее широкое распространеніе въ спискахъ XIV и XV вѣковъ, сравниваетъ съ Іудой слугу, отъѣхавшаго отъ князя: „и се паки и еще вы глаголю чада моя, аще кто отъ своего князя ко иному отъѣдетъ, а достойну честь пріемля отъ него, то подобенъ Іудѣ, иже, любимъ Господомъ, умысли предати его ко княземъ жидовскимъ". Позднѣйшіе лѣтописцы называютъ бояръ, переходившихъ на службу къ другому князю, крамольниками, „коромольниками льстивыми" Объ отъѣздѣ старшаго боярина Нижегородскаго княжества Василія Румянца лѣтописецъ отозвался такъ: „и отъиде Румянецъ, Іюдинъ образъ веземъ, помрачися злобою, и другъ діаволу нарекся".

Московское правительство въ пятнадцатомъ столѣтіи было уже настолько сильно, что могло бы открыто объявить себя сторонникомъ этого новаго взгляда и отмѣнить право отъѣзда. Но оно не только не дѣлаетъ этого, но даже настаиваетъ на его сохраненіи, обязывая къ тому союзныхъ князей; въ договорахъ Московскихъ великихъ князей съ другими великими и удѣльными князьями повторяется древнее правило: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля"

Право отъѣзда было болѣе невыгодно для слабыхъ князей, чѣмъ для московскаго великаго князя. Богатый московскій великокняжескій дворъ во множествѣ привлекалъ бояръ и слугъ изъ другихъ удѣловъ. Благодаря боярскому праву отъѣзда, московскіе князья пріобрѣтали болѣе новыхъ чужихъ слугъ, чѣмъ теряли своихъ. Они сумѣли, замѣчаетъ проф. Дьяконовъ, „воспользовавшись выгодами вольной службы устранить невыгодныя ея стороны" Опираясь на договоры, они удерживали на своей службѣ перешедшихъ къ нимъ бояръ другихъ княжествъ, и въ то же время, противопоставляя силу праву, обезпеченному договоромъ, не дозволяли своимъ слугамъ переходить къ другимъ князьямъ, карали ихъ за это, какъ измѣнниковъ. Сила въ то время чаще, чѣмъ когда либо, торжествовала надъ правомъ.

Въ 1476 году много тверскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ перешли изъ Твери въ Москву служить великому князю Іоанну Васильевичу; онъ принялъ ихъ съ честью, но былъ недоволенъ тѣмъ, что въ Твери оставалось еще много бояръ и слугъ, вѣрныхъ тверскому князю. Противъ нихъ предпринимается рядъ систематическихъ притѣсненій: „гдѣ межи сошлись съ межами (тамъ), гдѣ ни изобидятъ московскія дѣти боярскія,—то пропало, а гдѣ тверича изобидятъ, то князь великій отвѣтамъ вѣры не иметъ и суда не даетъ". И вотъ, „не терпяше обиды отъ великаго князя", тверскіе бояре переходятъ на службу въ Москву.

За своими боярами и слугами Іоаннъ III на дѣлѣ не признаетъ права отъѣзда. Князь Оболенскій-Лыко, обижен-

ный его несправедливымъ судомъ, уѣхалъ къ брату великаго князя, удѣльному князю Борису Васильевичу Волоцкому. Іоаннъ III послалъ за Оболенскимъ своего боярина и велѣлъ его „поимати“ середь двора у князя Бориса на Волоцѣ“. Удѣльный князь не допустилъ такого самоуправства у себя на дворѣ и „отнялъ сильно“ отъѣхавшаго боярина у великокняжескаго посла. Іоаннъ потребовалъ отъ своего брата выдать Оболенскаго головою; получивъ отказъ, онъ поручилъ Боровскому намѣстнику поймать бѣглеца тайно и, какъ только Оболенскій пріѣхалъ въ свое село на Боровцѣ, то былъ схваченъ и въ оковахъ отвезенъ въ Москву. Между тѣмъ у Іоанна былъ незадолго передъ тѣмъ, въ 1473 году заключенъ съ княземъ Борисомъ Волоцкимъ договоръ, которымъ взаимно обезпечивалась свобода боярскаго перехода. Князь Борисъ напрасно жаловался своему брату Андрею на великаго князя: „какову силу чинитъ надъ нами, что невольно кому отъѣхати къ намъ:—кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, и тѣхъ безсудно емлетъ“.

При Іоаннѣ III бояре и слуги московскаго великаго княжества фактически уже не пользовались правомъ отъѣзда. По отношенію къ боярамъ бывшаго ярославскаго княжества, Іоаннъ открыто узаконилъ отмѣну этого права въ своемъ завѣщаніи 1504 года: „боярамъ и дѣтямъ боярскимъ ярославскимъ, сказано въ этомъ завѣщаніи, со своими вотчинами и съ куплями отъ сына моего Василія не отъѣхати никому никуда; а кто отъѣдетъ,—земли ихъ сыну моему“.

Новое правило о неотъѣздѣ служилыхъ людей было утверждено въ малолѣтство Іоанна Грознаго митрополитомъ и боярами. Въ 1534 году, по смерти Василія III, митрополитъ Даніилъ привелъ къ крестному цѣлованію удѣльныхъ князей, братьевъ умершаго великаго князя, Андрея и Юрія Ивановичей на томъ, что „людей имъ отъ великаго князя Ивана не отзывати“. Затѣмъ, въ 1537 году князь Андрей Старицкій обязался не принимать къ себѣ служилыхъ людей великаго князя, князей, бояръ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и

извѣщать правительство о такихъ охотникахъ до переѣздовъ, „на лихо великаго князя" Когда въ томъ же году нѣкоторые новгородскіе помѣщики замыслили перейти къ князю Андрею, то московское правительство распорядилось „бити ихъ кнутьемъ на Москвѣ да казнити смертною казнію, вѣшати на новгородской дорогѣ до Новагорода". Наконецъ, въ 1553 году Іоаннъ Грозный обязалъ единственнаго удѣльнаго князя, который еще оставался, Владиміра Андреевича не принимать на службу московскихъ бояръ.

Отмѣна права отъѣзда произвела глубокую перемѣну въ положеніи высшаго класса населенія. Изъ вольныхъ слугъ они превратились въ невольныхъ служилыхъ людей

II.

Такая же глубокая перемѣна произошла въ теченіе XV, XVI столѣтій въ положеніи служебныхъ князей; сначала закрѣплены были за государствомъ территоріи ихъ удѣловъ; затѣмъ закрѣпощены были и сами владѣтельные князья. Подчиняя себѣ мелкихъ удѣльныхъ князей, московскіе государи до шестнадцатаго столѣтія довольствовались ихъ политическою зависимостью, ограничивали ихъ суверенитетъ, но сохраняли имъ самостоятельность во внутреннемъ управленіи вотчинными княжествами.

Всѣ болѣе значительныя княжества, которыя одно за другимъ переходили въ руки московскихъ великихъ князей, въ XIV и особенно въ XV столѣтіяхъ раздробились на множество мелкихъ удѣловъ, подчиненныхъ великому князю, владѣвшему стольнымъ городомъ области. Когда Московскіе государи присоединяли къ своимъ владѣніямъ, тѣмъ или другимъ путемъ, завоеваніемъ или покупкой, такія великія княженья, они непосредственно овладѣвали городами, и нѣкоторыми селами, но дозволяли мелкимъ владѣтельнымъ князьямъ попрежнему владѣть своими землями, на положеніи служебныхъ князей московскаго князя. Василій Темный

пріобрѣлъ покупкою половину Ростовской области; отдавая своей женѣ эту половину „Ростова, со всѣмъ, что къ нему потягло и съ селы своими", онъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку относительно условной зависимости служебныхъ ростовскихъ князей: „а князи ростовскіе, что вѣдали при мнѣ, при великомъ князѣ, ино *по тому держатъ* и при моей княгинѣ, а княгиня моя у нихъ *въ то не вступается*".

Служебные князья самостоятельно владѣли своими вотчинами, дѣлили ихъ между своими дѣтьми и передавали имъ свои владѣтельныя права. Бѣлозерская область начала дробиться на мелкіе удѣлы уже послѣ присоединенія ея къ Москвѣ, въ концѣ четырнадцатаго столѣтія. Въ качествѣ владѣтельныхъ князей, Бѣлозерскіе князья принимали фамильныя имена не отъ личныхъ прозвищъ родоначальниковъ, но отъ названій своихъ родовыхъ владѣній. До XVI столѣтія отрасли Бѣлозерской княжеской линіи, князья Кемскіе, Ухтомскіе, Шелешпанскіе, Сугорскіе сидѣли цѣлыми гнѣздами въ своихъ родовыхъ вотчинахъ вокругъ Бѣла-озера и по р. Шекснѣ [3].

Ярославское великое княжество было присоединено къ Москвѣ въ 1463 году; городъ Ярославль перешелъ въ непосредственное обладаніе московскаго государя. Но московское правительство дѣйствовало очень осторожно въ дѣлѣ собиранія Руси. Политическое объединеніе не сопровождалось немедленно административнымъ, замѣчаетъ проф. Ключевскій. Тогдашній глава ярославской княжеской линіи князь Александръ Ѳеодоровичъ, переставъ быть великимъ княземъ Ярославля, остался здѣсь намѣстникомъ московскаго государя, „старѣйшиной града"; многочисленные ярославскіе князья сохранили за собою свои мелкіе удѣлы. Сыновья и внуки великаго князя ярославскаго, князья Пенковы управляютъ своими обширными вотчинами даже въ первой половинѣ XVI вѣка, съ пріемами владѣтельныхъ князей; монастыри имъ бьютъ челомъ, они даютъ имъ жалованныя грамоты, у нихъ—свои тіуны и дьяки. Незначительный князь

Юхотскій, изъ тѣхъ же ярославскихъ князей, въ 1510 году жалуетъ Спасскому монастырю нѣсколько деревень и пустошей и при этомъ, какъ державный господинъ своихъ владѣній, въ любопытной, недавно открытой, жалованной грамотѣ даетъ монастырю податныя льготы и право суда во всѣхъ дѣлахъ, даже „въ душегубствѣ, въ разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ“ [4].

Весьма много служебныхъ князей, сохранявшихъ владѣтельныя права на удѣлы, было на юго-западѣ тогдашней Россіи, въ пограничныхъ съ Литвою Смоленской и Черниговской областяхъ. Въ концѣ пятнадцатаго вѣка князья этихъ областей, Воротынскіе, Одоевскіе, Тарусскіе, одинъ за другимъ переходили на службу съ своими отчинами къ московскому князю, передавая въ его обладаніе важные пограничные города, Одоевъ, Тарусу и другіе. Московское правительство, естественно, довольствовалось политическою властью надъ удѣлами этихъ князей и оставляло юго-западнымъ князьямъ державныя права на ихъ наслѣдственныя княжества. Въ концѣ XV вѣка служилые князья Одоевскій, Воротынскій, Бѣльскій ходили въ походъ съ своими особыми удѣльными полками, такъ же какъ ранѣе подручный князь Дмитрія Донского, его братъ Владиміръ Андреевичъ. Князья Оболенскіе, какъ и другіе, пользуются въ своемъ удѣлѣ полными правами суда; „приставъ великаго князя къ нимъ въ Оболенскъ не въѣзжаетъ ни по что“. Князь И. Ѳ. Мстиславскій владѣлъ въ половинѣ XVI вѣка двумя украинскими городами, Веневомъ и Епифанью. Въ самомъ Веневѣ и Епифанскомъ острогѣ жили многочисленные служилые люди этого князя, стрѣльцы, конные и пѣшіе казаки и другіе.

Когда литовскіе князья переходили на службу въ Москву, не имѣя возможности передать въ ея обладаніе свои удѣлы, московскіе государи сами жаловали имъ земли въ удѣлъ. Князю Ѳед. Мих. Мстиславскому былъ пожалованъ въ первой четверти XVI вѣка выморочный юхотскій удѣлъ ярославской области. Когда въ 1493 году московскіе воеводы взяли у

Литвы Вязьму и князей Вяземскихъ привели въ Москву, великій князь ихъ пожаловалъ ихъ же „вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити“, также поступилъ онъ съ пріѣхавшимъ тогда служить ему княземъ М. Мезецкимъ; но братья послѣдняго, насильно привезенные въ Москву, были посланы въ заточеніе [5].

Оставляя служилымъ князьямъ почти въ прежнемъ объемѣ власть надъ удѣлами, московское правительство стремилось къ тому, чтобы эти князья не порывали своей служебной связи съ московскимъ государемъ и не выводили своихъ земель изъ подъ его верховнаго обладанія. Первоначально великіе князья московскіе не лишаютъ служебныхъ князей свободы личной службы; эти князья являются такими же вольными слугами, какъ и бояре. Но, въ противоположность боярамъ, служебные князья рано лишаются права сохранять въ своемъ владѣніи вотчины при переходѣ на службу къ другому государю. Великій князь Василій Васильевичъ Темный обязалъ своего дядю, князя Юрія въ 1458 году не принимать къ себѣ въ службу съ вотчинами московскихъ служебныхъ князей, „а которые имутъ ему служити и имъ въ вотчину свою не вступатися“. Тотъ же великій князь наложилъ на князя тверского Бориса Александровича такое обязательство: „а кто моихъ князей отъѣдетъ къ тебѣ служебныхъ, и въ тѣхъ ти вотчины не вступатися, кого ми Богъ поручилъ, ни твоимъ дѣтямъ, ни твоей братьѣ молодшей“.

Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III идетъ далѣе своего отца, Василія Васильевича, по пути закрѣпощенія служилыхъ князей. Эти князья теперь не только не имѣютъ права передать кому-либо своихъ удѣловъ, но и сами не могутъ перейти къ другому государю на службу, становятся лично несвободными. Для достиженія этой цѣли Іоаннъ Васильевичъ беретъ съ служебныхъ князей клятвенныя записи о вѣрной службѣ и неотъѣздѣ. Такія записи брались съ конца XV вѣка, преимущественно отъ южно-русскихъ князей,

выходцевъ изъ Литвы, Мстиславскихъ, Воротынскихъ, Бѣльскихъ, которыхъ московское правительство подозрѣвало въ желаніи отъѣхать въ Литву. Въ древнѣйшей изъ дошедшихъ до насъ записей этого рода, или укрѣпленыхъ грамотъ, 1474 года князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій далъ слѣдующія обязательства: „Мнѣ, князю Даніилу, своему осподарю, великому князю Ивану Васильевичу и его дѣтямъ *служити до своего живота*, а *не отъѣхати* ми отъ своего осподаря, ни отъ его дѣтей, къ иному ни къ кому. А добра ми ему и его дѣтямъ хотѣти всегда во всемъ, а лиха не мыслити, ни хотѣти никакого. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ государя своего великаго князя и мнѣ ты сказати государю своему и его дѣтямъ вправду, по сей моей *укрѣпленой* грамотѣ, безъ хитрости. — А крѣпости дѣля, князь Данило Дмитріевичъ Холмскій осподарю своему, великому князю Ивану Васильевичу цѣловалъ еси честный и животворящій крестъ и далъ есми на себя сію свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтія, митрополита всея Руси“. Но личными обѣщаніями строптиваго слуги,—замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ,—Іоаннъ Васильевичъ не довольствовался, онъ требовалъ, чтобы за него поручились другіе, и обезпечили свою поруку обязательствомъ уплатить извѣстную сумму денегъ въ случаѣ его отъѣзда. За князя Холмскаго поручились восемь служилыхъ людей всего на сумму 8000 рублей [c].

Дѣло, начатое Іоанномъ Васильевичемъ, продолжается сыномъ его Василіемъ III и внукомъ Іоанномъ IV При малѣйшемъ подозрѣніи въ желаніи отъѣхать, служебный князь берется подъ стражу, а затѣмъ даетъ запись и представляетъ за себя поручителей. Эти послѣдніе, въ свою очередь, должны были представить за себя поручителей „подручниковъ“. Въ не-отъѣздѣ того или другого князя оказывались, такимъ образомъ, заинтересованными сотни служилыхъ людей. Въ 1568 г. за князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго поручились 29 бояръ; шесть изъ нихъ предста-

вили за себя 105 подручниковъ. Іоаннъ Грозный такими мѣрами, писалъ князь Курбскій, „затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ“

ГЛАВА II.

Приниженіе служебныхъ князей.

I.

Посредствомъ укрѣпленныхъ записей служебные князья, одновременно съ боярами, были лишены права отъѣзда, изъ вольныхъ слугъ превратились въ подданныхъ государя,—служилыхъ людей, закрѣпощенныхъ государству. Ихъ удѣлы сдѣлались неотъемлемыми частями территоріи московскаго государства, и сѣверная удѣльная Русь была политически объединена при Іоаннѣ III и Василіѣ III. Но внутреннее объединеніе не было закончено при этихъ государяхъ; внутри государства оставались еще обособленныя владѣнія князей, сохранявшихъ остатки удѣльной независимости; князья владѣли укрѣпленными городками, выходили на войну съ особыми полками своихъ слугъ, у нихъ были свои дѣти боярскія-помѣщики, свои сотни стрѣльцовъ. Іоанну Грозному предстояла задача довершить внутреннее объединеніе Руси, стереть послѣдніе слѣды эпохи удѣловъ.

Исполненіе этой задачи облегчалось рядомъ благопріятныхъ условій. Служилые князья, держась прежняго удѣльнаго разъединенія, не составили особаго сплоченнаго круга лицъ, проникнутыхъ общими интересами; они вступили въ ряды московской придворной и служилой знати и, служа при дворѣ или на воеводствахъ, ослабляли свои связи съ родовыми вотчинами и теряли свое значеніе самостоятельныхъ державныхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, разъединенныя княжескія владѣнія, ничтожныя въ сравненіи съ обширными дворцовыми землями, все болѣе дробились между

размножавшимися княжескими родами и сравнивались съ рядовыми боярскими вотчинами.

Удѣльные князья, по присоединеніи ихъ владѣній къ Москвѣ, обыкновенно не оставались жить обособленно въ своихъ княжествахъ, но являлись къ блестящему двору своего государя и входили въ составъ московской придворной и служилой аристократіи; служба московскому князю равняла ихъ съ боярскою знатью.

Нѣкоторые владѣтельные князья, пріѣхавшіе въ Москву изъ Литвы или съ великокняжескихъ удѣльныхъ столовъ, образовали высшій разрядъ московской знати, оттѣснивъ на второй планъ большую часть старыхъ боярскихъ родовъ; таковы были потомки литовскаго князя Юрія Патрикѣевича, южно-русскіе князья Мстиславскіе, Бѣльскіе и сѣверные князья Рюриковичи: Ростовскіе, Пенковы (Ярославскіе), Шуйскіе (Суздальскіе) и другіе. Среди нихъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ держался родъ Кошкиныхъ изъ первостепеннаго московскаго боярства. Это боярство (Воронцовы, Давыдовы, Челяднины) стояло по службѣ наравнѣ съ менѣе значительными княжескими родами, владѣвшими удѣлами въ бывшихъ княженіяхъ Тверскомъ, Ярославскомъ и на южной границѣ, а именно, съ князьями Микулинскими, Курбскими, Воротынскими, старшими Оболенскими. Потомки мелкихъ князей удѣльныхъ, сохранившіе свои владѣнія или лишившіеся ихъ до прихода въ Москву, князья Ушатые, Симскіе, Прозоровскіе и многіе другіе не только вообще сравнялись съ нетитулованнымъ боярствомъ, но даже стали по служебной знатности въ одинъ рядъ со второстепенными боярскими родами Колычовыхъ, Сабуровыхъ, Салтыковыхъ и другихъ.

Независимый удѣльный князь, дѣлаясь слугою московскаго государя, естественно, становился выше стариннаго московскаго боярина, потому что ранѣе, когда бояринъ служилъ, онъ самъ былъ государемъ, имѣвшимъ такихъ же своихъ слугъ-бояръ. Но къ началу XVI вѣка, когда исчезали послѣднія самостоятельныя княжества, въ Москвѣ явилось

много такихъ служебныхъ князей, которые перешли въ ряды придворныхъ слугъ московскаго государя не прямо съ удѣльныхъ столовъ, но послуживши ранѣе другимъ удѣльнымъ князьямъ. Такой князь, служившій ранѣе въ бояряхъ у князя Тверского или Воротынскаго, становился при переходѣ въ Москву, въ качествѣ тверского боярина, ниже родовитаго московскаго боярина. Такъ думный дворянинъ Олферьевъ-Безнинъ, изъ стариннаго московскаго боярскаго рода Нащокиныхъ, доказалъ свое служебное превосходство предъ княземъ Литвиновымъ-Масальскимъ слѣдующими соображеніями мѣстническаго счета: „Мы холопи твои, писалъ онъ въ челобитной на имя государя, искони вѣчные ваши государскіе, ни у кого не служивали окромя васъ, своихъ государей, а Масальскіе князи служили Воротынскимъ князьямъ: князь И. В. Масальскій-Колода служилъ князю Ивану Воротынскому, были ему приказаны собаки", то-есть былъ у кн. Воротынскаго бояриномъ ловчаго пути.

Московскіе государи охотно принимали къ себѣ слугъ бояръ и князей изъ другихъ княжествъ. Но дворъ ихъ былъ полонъ знатными родами; здѣсь встрѣчались не только потомки великихъ князей, но и сами великіе князья, лишившіеся своихъ княженій. Вступая въ среду этой знати, не только удѣльные, тверскіе и другіе бояре, но и мелкіе владѣтельные князья сразу принижались въ своемъ значеніи. Князь В. В. Ромодановскій, потомокъ утратившихъ удѣльную самостоятельность князей Стародубскихъ, служилъ бояриномъ у удѣльнаго князя Михаила Андреевича. Впослѣдствіи, въ 1501 году онъ служитъ въ Москвѣ уже въ болѣе низкомъ чинѣ окольничаго и умираетъ, недослужившись до чина московскаго боярина [8].

Появленіе большого числа служебныхъ князей при дворѣ московскихъ государей не повысило и даже не поддержало прежняго правительственнаго значенія придворной аристократіи; при Іоаннѣ III и Василіи III значеніе ея, напротивъ, замѣтно понизилось въ сравненіи со временами удѣловъ.

Въ удѣльный періодъ бояре пользовались большимъ вліяніемъ, въ качествѣ самостоятельныхъ совѣтниковъ думцевъ; великій князь долженъ былъ считаться съ мнѣніемъ своихъ вольныхъ слугъ, которые отказывали ему въ повиновеніи, когда онъ что-либо „замыслилъ о себѣ", безъ вѣдома бояръ. Когда въ составъ этой боярской думы вошли представители владѣтельныхъ княжескихъ родовъ, значеніе ея должно бы было еще болѣе повыситься. Многіе изъ князей пришли служить добровольно московскому государю и заявляли притязаніе на то, чтобы имъ, въ новой роли независимыхъ совѣтниковъ государя, была сохранена часть ихъ прежней политической независимости.

Между тѣмъ московскіе государи, съ объединеніемъ Руси, оказались достаточно могущественными, чтобы противопоставить этимъ притязаніямъ усиленіе власти государя-самодержца и умалить значеніе боярской думы вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ ея вліятельныхъ членовъ, князей. Въ началѣ княженія Василія Дмитріевича, по свѣдѣніямъ 1409 года, наиболѣе вліятельнымъ лицомъ былъ московскій бояринъ некняжескаго рода Иванъ Ѳедоровичъ Кошка; крымскій ханъ Эдигей называетъ этого боярина старѣйшиной бояръ и единственнымъ совѣтникомъ великаго князя. Родъ Кошкиныхъ сохранилъ видное положеніе и позднѣе. Затѣмъ, когда въ княженіе Василія Дмитріевича и Василія Темнаго въ среду московской аристократіи вошло много князей Рюриковичей и Гедиминовичей, они заняли первенствующее положеніе, оттѣснивъ старые боярскіе роды. При Василіи Темномъ виднѣйшее мѣсто принадлежало князьямъ Патрикѣевымъ-Ряполовскимъ и Оболенскимъ; къ нимъ присоединился княжескій родъ Холмскихъ, бывшихъ удѣльныхъ князей Тверского великаго княжества. Эти роды сохраняли свое первенствующее положеніе среди бояръ и при Іоаннѣ III.

Но въ то именно время, когда служебные князья въ этомъ своемъ высокомъ положеніи находили опору для своихъ притязаній, основанныхъ на удѣльныхъ преданіяхъ, московскій

государь въ противовѣсъ ихъ притязаніямъ, возвышаетъ значеніе своей личной власти: Іоаннъ III утверждаетъ самодержавіе. Послѣ брака на племянницѣ послѣдняго императора византійскаго, Софіи Палеологъ (1472 годъ), Іоаннъ, говоритъ Соловьевъ, „явился грознымъ государемъ на московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго, потому что былъ для князей и бояръ монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе; онъ первый возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина долженъ былъ благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ; по первому мановенію Грознаго Іоанна головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ". Великій князь, говорили бояре, „перемѣнилъ старые обычаи", подъ вліяніемъ Софіи и пришедшихъ съ нею грековъ. „А которая земля переставливаетъ свои обычаи, та земля не долго стоитъ", замѣтилъ бояринъ Берсень Беклемишевъ, недовольный тѣмъ, что государь измѣнилъ свое отношеніе къ боярамъ.

Знаменіемъ новаго времени была казнь князя Семена Ряполовскаго-Стародубскаго, который, по выраженію Іоанна, слишкомъ *высокоумничалъ* съ княземъ Иваномъ Патрикѣевымъ, Патрикѣевы и Ряполовскіе принадлежали къ знатнѣйшимъ княжескимъ родамъ. Князь Юрій Патрикѣевичъ былъ женатъ на дочери великаго князя Василія Дмитріевича. Сынъ Юрія, Иванъ былъ первымъ бояриномъ при Василіи Темномъ и продолжалъ первенствовать при Іоаннѣ III; иностранные послы и даже братъ государя Андрей обращались къ нему съ просьбами о посредничествѣ. Князья Патрикѣевы состояли въ родственной связи съ другимъ знаменитымъ княжескимъ родомъ, возвысившимся при Василіи Темномъ,— князьями Ряполовскими. И вотъ, несмотря на важное значеніе, родство и заслуги ихъ отцовъ, Іоаннъ III въ 1499 году велѣлъ схватить князя Ивана Патрикѣева съ двумя сы-

новьями и зятя его Семена Ряполовскаго, и приговорилъ ихъ къ смертной казни за тайныя дѣйствія (какъ предполагаетъ Соловьевъ) противъ великой княгини Софіи и ея сына. Князю Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ; просьбы духовенства спасли жизнь князьямъ Патрикѣевымъ, но ихъ постригли въ монахи *). За два года передъ тѣмъ, въ 1497 году казнены были отсѣченіемъ головы менѣе значительный князь Палецкій-Хруль, вмѣстѣ съ нѣсколькими дѣтьми боярскими и дьяками, за замыселъ убить внука Іоанна, Дмитрія, объявленнаго впослѣдствіи наслѣдникомъ престола. За другое преступленіе князь Ухтомскій былъ наказанъ жестокою торговою казнью, кнутомъ.

Вельможи, подвергавшіеся такимъ казнямъ и опаламъ, трепетавшіе, по свидѣтельству Герберштейна, передъ государемъ, не могли уже имѣть прежняго значенія въ качествѣ независимыхъ, свободныхъ его совѣтниковъ. Іоаннъ III, какъ указывалъ впослѣдствіи бояринъ Берсень-Беклемишевъ, любилъ лицъ, возражавшихъ ему на засѣданіяхъ думы, „жаловалъ тѣхъ, которые противъ его говаривали". Но надо думать, замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, что Іоанну Васильевичу рѣдко приходилось выслушивать возраженія, если онъ за нихъ даже жаловалъ; и эти возраженія, особыя мнѣнія бояръ не могли уже стѣснять волю Іоанна такъ, какъ они стѣсняли волю великихъ князей во время удѣловъ.

Преемникъ Іоанна, Василій III Іоанновичъ, не допускалъ даже возраженій. Между совѣтниками его, по указанію Герберштейна, никто не пользовался такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь ему противорѣчить. Берсень-Беклемишевъ говоритъ: „государь упрямъ и встрѣчи про-

*) Послѣ паденія Ивана Юрьевича Патрикѣева, его мѣсто, мѣсто воеводы Московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмскій, сынъ перваго воеводы Даніила и зять великаго князя: второе по немъ мѣсто занималъ Даніилъ Васильевичъ Щеня-Патрикѣевъ, побѣдитель въ битвѣ при Ведрошѣ. Князья продолжаютъ первенствовать, и только третье мѣсто занимаетъ потомокъ знаменитой боярской фамиліи Яковъ Захаровичъ Кошкинъ, воевода Коломенскій.

тивъ себя не любитъ: кто ему встрѣчу говоритъ и онъ на того опаляется". Берсень-Беклемишевъ испыталъ это на самомъ себѣ: когда въ думѣ обсуждался вопросъ о Смоленскѣ, онъ возразилъ государю, и „князь великій, того не полюбилъ, да молвилъ: пойди смердъ прочь, не надобенъ ми еси" [9].

II.

На упадокъ значенія служебныхъ князей вліяло чрезмѣрное дробленіе ихъ удѣловъ между наслѣдниками. Ни одно изъ болѣе значительныхъ княжескихъ владѣній не сохранялось въ цѣлости долгое время. Удѣлы дѣлились на все болѣе дробныя вотчины. Потомки владѣтельныхъ князей, становясь мелкими вотчинниками, забывали объ удѣльныхъ преданіяхъ.

Княжеское землевладѣніе особенно упало въ шестнадцатомъ вѣкѣ, вслѣдствіе сильнаго сельско-хозяйственнаго кризиса, обусловленнаго, главнымъ образомъ, быстрымъ отливомъ крестьянскаго населенія на вновь колонизовавшіяся юго-восточныя окраины. Земля не давала прежняго обезпеченія князьямъ, какъ и другимъ землевладѣльцамъ. По недостатку средствъ вотчинники обратили земли въ мѣновую цѣнность, въ большомъ количествѣ продавали и закладывали свои земли въ монастыри. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, г. Рождественскій показываетъ по архивнымъ даннымъ, какъ быстро переходила земля изъ рукъ въ руки въ XVI вѣкѣ, какъ дробились и мельчали княжескія вотчины и ускользали изъ рукъ владѣтельныхъ князей.

Денежное обѣднѣніе князей явствуетъ изъ многихъ грамотъ того времени. Сохранилось любопытное завѣщаніе богатаго капиталиста Протопопова (1532 года), раздававшаго деньги въ ссуду въ большомъ количествѣ; какъ видно изъ этого завѣщанія, въ числѣ должниковъ Протопопова было много родовитыхъ князей. Представитель одного изъ знатнѣйшихъ владѣтельныхъ княжескихъ родовъ, князь И. Д.

Пенковъ долженъ былъ этому заимодавцу 120 рублей (до 10000 р. на наши деньги) *); другой родовитый князь И. М. Воротынскій задолжалъ ему 20 р., князья Кубенскій, Вислый и другіе—отъ 180 до 7 рублей. Князь Иванъ Мезецкій задолжалъ Протопопову 200 рублей; у него осталось отъ вотчины только полъ-села; онъ породнился съ своимъ кредиторомъ, женился на его дочери, и жилъ затѣмъ во дворѣ своего тестя 13 лѣтъ, „пилъ-ѣлъ" у него, и на его средства (его подмогою) снаряжался на военную службу **). Недостатокъ денегъ заставлялъ князей продавать и закладывать, большею частью по частямъ, свои вотчинныя княжества; покупщиками вотчинъ являлись чаще всего монастыри, накоплявшіе въ то время значительные капиталы. Переходу земли изъ рукъ князей и другихъ землевладѣльцевъ въ монастыри сильно содѣйствовалъ также благочестивый обычай давать вотчины инокамъ на поминовеніе души. Сохранившіеся акты о финансовыхъ и поземельныхъ отношеніяхъ князей Ухтомскихъ, потомковъ Бѣлозерскихъ удѣльныхъ князей представляютъ, какъ замѣчаетъ названный выше изслѣдователь, типичные примѣры того, какими способами и въ какихъ значительныхъ размѣрахъ монастырь разрушалъ и поглощалъ родовыя владѣнія сосѣднихъ князей, своихъ покровителей и благодѣтелей. Въ 1557 году князь Д. Д. Ухтомскій съ тремя сыновьями продалъ Кирилову монастырю село съ 17 деревнями и починками за 350 рублей и

*) Въ это время, судя по цѣнамъ на хлѣбъ, рубль равенъ былъ 80 рублямъ на наши деньги; во вторую половину XVI вѣка рубль равенъ былъ 70—60-ти нашимъ рублямъ, а въ началѣ XVII вѣка—12-ти.

**) Въ 1547 году царь Іоаннъ сосваталъ дочь извѣстнаго воеводы, князя Алекс. Борис. Горбатаго за кн. Ив. Өед. Мстиславскаго. Извѣщая объ этомъ мать невѣсты, царь писалъ ей: «да сказывалъ намъ братъ твой Өома, что *князь Александръ* (Горбатовъ), *идучи на нашу службу, заложилъ платье твое все* и мы было велѣли платье твое выкупити, а братъ твой Өома не вѣдаетъ, у кого князь Александръ то платье заложилъ; и мы тебя пожаловали, послали тебѣ отъ себя платье, въ чемъ тебѣ ѣхати; и дастъ Богъ пріѣдешь къ Москвѣ и скажешь, у кого платье твое заложено, и мы велимъ выкупити».

вола въ придачу; черезъ три года тотъ же князь продаетъ монастырю еще 4 своихъ деревни за 100 рублей съ лишкомъ. Около того же времени (1558) Кириловъ монастырь купилъ у князя П. А. Ухтомскаго большую вотчину, село Никитино съ деревнями, затѣмъ въ 1563 году далъ тому же князю 200 рублей подъ залогъ села Семеновскаго. Третій князь рода князей Ухтомскихъ заложилъ въ 300 рубляхъ свою вотчину кн. В. Ѳ. Пронскому; но этотъ послѣдній въ свою очередь принужденъ былъ вскорѣ (1558) перезаложить эту вотчину монастырю. Въ короткое время, въ 5—6 лѣтъ значительная часть земель этихъ князей перешла во владѣніе монастыря; сверхъ того, въ 1575 году кн. И. Ю. Ухтомскій далъ Кирилову монастырю вкладомъ на поминовеніе часть принадлежавшаго ему берега р. Ухтомы. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ шестнадцатаго вѣка перешло въ Троице-Сергіевъ монастырь весьма много вотчинъ князей Стародубскихъ, Ромодановскихъ, Гагариныхъ и другихъ наслѣдниковъ земель прежняго удѣла Стародуба-Ряполовскаго. До какой степени дробились и мельчали многія княжескія земли показываютъ сохранившіяся свѣдѣнія о дѣлежахъ между князьями наслѣдниками. Когда князь Ѳедоръ и Романъ Гундуровы, изъ рода Стародубскихъ князей, въ 1559 году дѣлили вотчину своего родственника, то князю Ѳедору достались большой дворъ въ селѣ и къ нему нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, половина пашни и пожень. Церковь, поповъ дворъ, мельницу и мельниковъ дворъ князья оставили въ общемъ владѣніи.

Несмотря на экономическій кризисъ и другія превратности, наслѣдственное княжеское землевладѣніе, естественно не уничтожилось вполнѣ въ XVI вѣкѣ. Многіе потомки владѣтельныхъ князей сохраняли въ своемъ владѣніи родовыя вотчины до слѣдующаго столѣтія. Но они, какъ напримѣръ князья ростовскіе, сохранили только обломки прежнихъ владѣній; *удѣловъ* у нихъ уже не было, оставались только измельчавшія *вотчины* [10].

Другою силой, ослаблявшей значеніе владѣтельныхъ князей, была ихъ служебная дѣятельность. Вступая въ ряды государевыхъ служилыхъ людей, они должны были разставаться на долгое время съ родовыми владѣніями и расходиться во всѣ концы обширнаго московскаго государства, далеко отъ своихъ родныхъ мѣстъ. Служа постоянно въ Москвѣ или въ провинціи, въ должностяхъ намѣстниковъ, воеводъ, осадныхъ головъ и другихъ, князья ослабляли прежнюю тѣсную связь съ наслѣдственнымъ удѣльнымъ владѣніемъ, теряли свое значеніе въ качествѣ мѣстныхъ державныхъ землевладѣльцевъ.

Правительство приходило на помощь бѣднѣвшимъ и болѣе или менѣе обезземеленнымъ князьямъ и награждало ихъ за службу помѣстьями. Виднѣйшіе представители княжескихъ родовъ надѣлялись помѣстьями въ Московскомъ уѣздѣ и сосѣднихъ, другіе въ отдаленной провинціи, по мѣсту службы. Измельчавшіе остатки наслѣдственныхъ владѣній отходили для многихъ князей на второй планъ передъ помѣстнымъ надѣломъ, и они пріобрѣтали осѣдлость въ новыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ служили и владѣли пожалованными имъ участками дворцовыхъ земель. Князья сливались съ мѣстнымъ дворянствомъ. Принадлежность къ мѣстному дворянскому обществу заставляла такихъ князей называть себя въ оффиціальныхъ актахъ рязанцами или нижегородцами, хотя они вели свое происхожденіе изъ другихъ мѣстъ, Ростова или Ярославля. Въ качествѣ провинціальныхъ служилыхъ людей они заносились въ десятни, списки уѣздныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Но въ этихъ новыхъ мѣстахъ потомки владѣтельныхъ князей никакъ не могли пріобрѣсти того значенія и власти, какая принадлежала ихъ отцамъ и дѣдамъ въ вотчиныхъ владѣніяхъ. Помѣстье было неполною собственностью, владѣніе имъ строго обусловливалось исправностью службы. Князья, независимые вотчинники превращались въ рядовыхъ помѣщиковъ, всецѣло зависѣвшихъ отъ власти государя.

Выслуженныя земли для большинства князей получали перевѣсъ надъ родовыми владѣніями. Князья Пріимковы-Ростовскіе къ началу XVII столѣтія сохранили очень немного наслѣдственныхъ вотчинъ. Въ челобитьѣ 1620 года они просятъ раздѣлить выкупаемую ими отъ чужеродцевъ вотчину только на четыре жеребья, чтобы она „не измельчала и не запустѣла по малымъ жеребьямъ“, какъ другія ихъ вотчины. Одинъ изъ князей Пріимковыхъ отказался отъ выкупа, сославшись на свою бѣдность, и при этомъ указалъ, что если его родичи богаче, то только потому, что они „служили во многихъ городахъ по воеводствамъ и приказамъ“ [11].

III.

Время Іоанна III было временемъ, когда „переставливались старые обычаи“, создавалось единовластное московское царство на почвѣ многовластія и разъединенія удѣльной эпохи. Перемѣны старыхъ обычаевъ касались главнымъ образомъ служебныхъ князей, были направлены противъ сохраненныхъ ими противугосударственныхъ правъ. Долгое время при Іоаннѣ Васильевичѣ военныя силы многихъ удѣловъ считались самостоятельными военными единицами и не вводились въ общій строй московскихъ полковъ, большаго, передоваго и другихъ. Владѣльцы этихъ удѣловъ князья Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе (Бѣльскіе), Мезецкіе, Стародубскій, Шемячичъ составляли со своими дворами особые полки, и московскій разрядный приказъ предоставлялъ имъ въ походѣ становиться подлѣ того или другого московскаго полка, справа или слѣва, „гдѣ похотятъ“. Только въ послѣдніе годы княженія Іоанна Ш, замѣчаетъ проф. Ключевскій, эти князья не присоединяются къ московскимъ войскамъ со своими самостоятельными военными отрядами, но сами становятся во главѣ того или другого московскаго полка. Сначала ихъ назначаютъ воеводами московскихъ полковъ только тогда, когда другими полками командуютъ

равные имъ по происхожденію служилые князья. Въ княженіе Василія III исчезаетъ и этотъ остатокъ прежней удѣльной особности этихъ князей. Князь Швихъ-Одоевскій и князь Воротынскій водятъ московскіе полки по росписи не только съ княземъ Щенятевымъ, гораздо раньше ихъ поступившимъ на службу къ московскимъ великимъ князьямъ, но и съ московскими боярами Кошкиными, Сабуровыми и Колычевыми.

Къ числу мѣръ, ослаблявшихъ самостоятельность князей, долженъ быть отнесенъ и указъ Іоанна III, которымъ существенно ограничено было ихъ право собственности на землю. Первоначально московскіе великіе князья стремились только къ тому, чтобы удѣлы служилыхъ князей не отрывались отъ государственной территоріи, и ограничивали землевладѣльческія права этихъ князей лишь въ области права публичнаго. Теперь государство налагаетъ руку на ихъ право распоряженія. Особенное вниманіе московскаго правительства привлекли земельныя владѣнія многочисленныхъ княжескихъ родовъ Ярославскихъ, Суздальскихъ и Стародубскихъ, потомковъ князя Всеволода III Большое гнѣздо, которымъ въ общей сложности принадлежали обширныя пространства земли на сѣверо-востокѣ. Правительство поспѣшило подчинить своему контролю обращеніе этихъ земель. При Іоаннѣ III названнымъ княжескимъ родамъ запрещено было продавать свои вотчины кому бы то ни было *безъ вѣдома великаго князя*, а также отдавать ихъ по душѣ въ монастыри. Правительство не воспретило вообще продажу этихъ княжескихъ вотчинъ, но предоставило себѣ возможность наблюдать, чтобы, при переходѣ ихъ отъ однихъ собственниковъ къ другимъ посредствомъ купли-продажи, не нарушались государственные интересы, чтобы, напримѣръ, эти вотчины не соединялись въ большомъ количествѣ въ рукахъ одного какого-либо владѣтельнаго князя, которому правительство не довѣряло [12].

При Іоаннѣ IV, важными указами 1562 и 1572 гг. право

собственности служебныхъ князей было еще болѣе стѣснено. Ограниченія, касавшіяся прежде лишь большей части сѣверо-восточныхъ князей, теперь были усилены и распространены на всѣхъ князей или „княжатъ“. Князьямъ воспрещено было отчуждать какимъ бы то ни было способомъ свои земли, продавать, мѣнять, дарить, давать въ приданое. Владѣнія княжескія могли переходить по наслѣдству только къ сыновьямъ собственниковъ; въ случаѣ, если князь не оставитъ послѣ себя сына, его вотчина берется въ казну „на государя“. Право посмертнаго распоряженія вотчинами было поставлено подъ дѣйствительный контроль правительства. Княжеская вотчина могла перейти по наслѣдству къ одному изъ близкихъ родственниковъ, согласно завѣщанію собственника, лишь въ томъ случаѣ, если на это послѣдуетъ соизволеніе государя. Правительство, разрѣшая такіе переходы земель, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы они не нарушали государственныхъ интересовъ, „посмотря по вотчинѣ, по духовной и по службѣ“. Эти указы преслѣдовали, повидимому, двойственную цѣль. Съ одной стороны, правительство имѣло въ виду тѣсное подчиненіе княжескаго землевладѣнія власти государя и отобраніе въ казну наслѣдственныхъ земель отъ нѣкоторыхъ, „высокоумничавшихъ“ княжескихъ родовъ. Съ другой стороны, приравнивая княжескія вотчины къ вотчинамъ другихъ частныхъ владѣльцевъ, и возложивъ на нихъ, наравнѣ съ другими вотчинами, обязанность военной службы, правительство стремилось къ тому, чтобы переходъ княжескихъ земель изъ рукъ въ руки не нарушалъ ихъ военно-служебнаго значенія. Поэтому указъ 1562 года существенно ограничилъ переходъ княжескихъ вотчинъ къ женщинамъ, которыя не могли нести военной службы. Княжеское владѣніе, такъ же какъ всякая вотчина, не могло перейти ни къ дочери, ни къ сестрѣ собственника. Вдова могла наслѣдовать по завѣщанію только часть земель мужа, и не имѣла права никому передавать перешедшаго къ ней имѣнья; послѣ ея смерти это имѣнье отбиралось въ казну. Для утвержденія ея въ

правахъ наслѣдства на всю вотчину требовалось особое разрѣшеніе государя [13].

Значеніе многихъ княжескихъ родовъ падало вслѣдствіе дробленія или утраты ихъ родовыхъ владѣній; служба при дворѣ или на воеводствахъ ослабляла ихъ связи съ вотчинами, ихъ мѣстную власть и вліяніе. Іоаннъ III усиливаетъ свою власть надъ личностью и владѣніями князей, лишаетъ ихъ права отъѣзда, ослабляетъ ихъ личный авторитетъ въ качествѣ совѣтниковъ государя, ограничиваетъ сѣверо-восточныхъ князей въ правѣ распоряженія вотчинами.

Всего этого было недостаточно для уничтоженія остатковъ удѣльнаго порядка и для полнаго торжества новыхъ государственныхъ началъ. Іоаннъ III прибѣгаетъ къ наиболѣе рѣшительному средству, лишенію многихъ князей ихъ наслѣдственныхъ владѣній. Разсмотрѣнный выше указъ этого государя о наслѣдованіи земель сѣверо-восточныхъ князей предоставлялъ правительству широкій просторъ для отобранія ихъ вотчинъ въ казну. Іоаннъ Грозный впослѣдствіи обвинялъ Сильвестра въ томъ, что онъ роздалъ княжатамъ обратно вотчины, отнятыя у нихъ по уложенію Іоанна III: „тѣ вотчины, подобно вѣтру, роздалъ неподобно, и тѣмъ многихъ людей себѣ примирилъ". Князь Курбскій говорилъ: „обычай есть *издавна* московскимъ княземъ желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ, несытства ради своего".

Юго-западные князья смоленской и черниговской областей ко времени смерти Іоанна III лишились значительной части своихъ удѣловъ. Къ 1505 году главные центры и волости бывшаго Смоленскаго княжества перешли въ собственность московскаго государя; Іоаннъ III передалъ своему сыну смоленскіе города со всѣми „тянувшими" къ нимъ селами и пошлинами, не упоминая уже о прежнихъ ихъ владѣльцахъ, князьяхъ смоленскаго и литовскаго рода. Равнымъ образомъ и князья черниговской области: Воротынскіе, Волконскіе, Тарусскіе, Козельскіе, Мезецкіе, Мышецкіе утратили

къ 1505 году города и городки, бывшіе центрами ихъ удѣловъ. Іоаннъ III завѣщаетъ своему сыну Василію городъ Воротынскъ со всѣмъ, что было за князьями Воротынскими, гор. Тарусу, принадлежавшій князьямъ Тарусскимъ, гор. Мышегу, принадлежавшій князьямъ Мышецкимъ. Князю Дмитрію Іоанновичу переходитъ гор. Мещовскъ со всѣми волостями, погостами и селами, которыми владѣли князья Мезецкіе. Желая удалить нѣкоторыхъ князей изъ наслѣдственныхъ владѣній, правительство давало имъ земли въ другихъ мѣстностяхъ: князю Мих. Мезецкому вмѣсто гор. Мещовска дали гор. Алексинъ, но безъ права дани и суда. Въ сношеніяхъ съ иностранными государями Іоаннъ III указывалъ на полное подчиненіе ему служебныхъ князей. На требованіе крымскаго хана собрать дань съ Одоевскихъ князей, какъ дѣлалось въ старину, государь разъяснилъ ему, что удѣльные порядки отжили свое время: „Одоевскихъ князей большихъ не стало, отвѣтилъ Іоаннъ крымскому хану, отчина ихъ пуста; а другіе князья Одоевскіе намъ служатъ, мы ихъ кормимъ и жалуемъ своимъ жалованьемъ, а иныхъ князей Одоевскихъ жребіи за нами. Что они тебѣ давали и твоему человѣку, теперь имъ нечего давать, отчина ихъ пуста; и теперь твоего человѣка я жаловалъ, а имъ нечего давать“ *) [14].

IV.

Продолжая дѣло своего отца, Василій III оставлялъ во владѣніи князей часть ихъ наслѣдственныхъ земель, но систематически лишалъ ихъ стольныхъ городковъ ихъ удѣловъ. По словамъ Герберштейна, этотъ государь „испол-

*) Новгородскіе бояре были по своей самостоятельности и значенію подобны служилымъ князьямъ. Поэтому Іоаннъ III, по покореніи Новгорода, «поймалъ въ 1484 г. большихъ бояръ новгородскихъ и боярынь, а казну ихъ и села всѣ велѣлъ отписать на себя, а имъ подавалъ помѣстья на Москвѣ подъ городомъ»; въ 1489 г. онъ принялъ ту же мѣру въ отношеніи нѣкоторыхъ другихъ новгородскихъ бояръ, помѣстивъ ихъ во Владимірскомъ и другихъ уѣздахъ.

нилъ то, что началъ его отецъ, а именно отнялъ у всѣхъ князей и другихъ владѣтелей всѣ ихъ города и укрѣпленія и даже своимъ роднымъ братьямъ не ввѣрялъ крѣпостей и не позволялъ имъ въ нихъ жить".

Герберштейнъ преувеличилъ результаты, достигнутые Василіемъ III. Нѣкоторые князья сохранили до временъ Іоанна Грознаго свои обширныя владѣнія, въ предѣлахъ которыхъ пользовались прежнею независимою властью. Подчиненное князьямъ населеніе видѣло въ нихъ сыновей и внуковъ прежнихъ своихъ государей, самостоятельныхъ удѣльныхъ князей.

Сохраненные князьями остатки удѣльной самостоятельности не мирились съ новымъ требованіемъ полнаго подчиненія подданныхъ власти государя. Іоаннъ Грозный настаивалъ на совершенной покорности лицъ его волѣ и на полномъ равенствѣ ихъ передъ государственной властью: „жаловати мы своихъ холопей вольны, а и казнити ихъ вольны есмы" Онъ хотѣлъ быть „самодержавцемъ и великихъ и сильныхъ въ послушествѣ имѣти". Привилегированное положеніе князей, питавшее ихъ властолюбивыя притязанія, не соотвѣтствовало этому идеалу. Іоаннъ обвиняетъ своего непокорнаго слугу князя Курбскаго въ томъ, что онъ „измѣннымъ обычаемъ восхотѣлъ быть ярославскимъ владыкой". Іоаннъ Грозный ставилъ себѣ задачей искоренить гордыню и измѣнные обычаи князей *). Онъ не только конфискуетъ ихъ земли, по примѣру отца и дѣда, но и жестокими казнями истребляетъ сильнѣйшихъ княжатъ, препятствовавшихъ полному торжеству новой государственной идеи.

*) Іоаннъ Грозный во всемъ обличалъ гордыню князей. По поводу построенія княгиней Воротынской церкви надъ прахомъ своего мужа, онъ говоритъ слѣдующее въ посланіи игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря: «Слышалъ, брате, нѣкоего отъ васъ глаголюща, яко добрѣ се сотворила княгиня Воротынская; азъ же глаголю, яко не добрѣ: посему первое, яко *гордыни есть и величанія образъ, еже, подобно царстѣй власти*, церковію и гробницею и покровомъ почитатися».

Князь Курбскій писалъ Іоанну въ одномъ изъ своихъ рѣзкихъ посланій: „единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертьми поморилъ еси и отнялъ ихъ движимыя и недвижимыя стяжанія, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ". Іоаннъ казнилъ князей Воротынскаго и Одоевскаго потому, что „тѣ княжата были еще на своихъ удѣлахъ и велія отчины подъ собою имѣли: а колико тысячъ въ нихъ, говоритъ Курбскій, не чту, было воинства, слугъ ихъ: имъ же онъ зазрѣчи, того ради губилъ". Казнь князей Прозоровскихъ и Ушатыхъ Курбскій также объяснилъ тѣмъ, что они „имѣли великія отчины" [15].

Въ 1564 году Іоаннъ IV торжественно выѣхалъ изъ московскаго кремлевскаго дворца въ знаменитую Александровскую слободу и оттуда объявилъ свою опалу духовенству и служилымъ людямъ „на своихъ богомольцевъ, на архіепископовъ и епископовъ и на архимандритовъ и на игуменовъ и на бояръ и на дворецкаго и конюшаго и на окольничихъ и на казначеевъ и на дьяковъ и на дѣтей боярскихъ и на всѣхъ приказныхъ людей". Только тяглымъ людямъ, гостямъ, посадскимъ и всему православному христіанству милостиво было объявлено, „чтобы они себѣ никакого сумленія не держали, гнѣву на нихъ и опалы никоторыя нѣтъ".

По возвращеніи въ Москву, въ 1565 году Іоаннъ учредилъ *опричнину*, выдѣлилъ изъ *земщины* въ свое опричное владѣніе часть городовъ и волостей, учредилъ особый дворъ съ опричными дворецкимъ, боярами, служилыми людьми. Своеволіе и злодѣянія новыхъ приближенныхъ лицъ государя, опричниковъ, закрыли для современниковъ истинное значеніе этого учрежденія. Повѣствователи смутной эпохи представляли себѣ устройство опричнины такъ: въ гнѣвѣ на своихъ подданныхъ Іоаннъ раздѣлилъ государство на двѣ части; одну, земщину далъ царю Симеону, другую взялъ себѣ и заповѣдалъ своимъ опричникамъ „оную часть людей насиловати и смерти предавати". Многіе историки слѣдовали

этому взгляду и видѣли въ опричнинѣ орудіе насилія, „высшую полицію по дѣламъ государственной измѣны“.

Новѣйшіе изслѣдователи раскрываютъ иной смыслъ и значеніе отдѣленія опричнины отъ земщины. Въ опричнину взята была, какъ выяснилъ проф. Платоновъ, обширная территорія, слагавшаяся постепенно изъ городовъ и волостей, лежавшихъ въ центральныхъ и сѣверныхъ областяхъ государства: въ Поморьѣ, Замосковныхъ и Заоцкихъ уѣздахъ (въ верховьяхъ Оки), въ двухъ новгородскихъ пятинахъ Обонежской и Бѣжецкой. Значительное большинство городовъ и волостей въ центральныхъ областяхъ московскаго государства и всѣ главные торговые пункты на рѣчныхъ путяхъ отошли отъ земщины и ей оставлены были, почти исключительно, окраины государства.

Главною цѣлью учрежденія опричнины была коренная ломка землевладѣльческаго строя, сохранившагося отъ удѣльнаго времени. Въ центральныхъ областяхъ государства, указываетъ названный историкъ, для опричнины были отдѣлены какъ-разъ тѣ мѣстности, гдѣ еще существовало на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ землевладѣніе княжатъ, потомковъ владѣтельныхъ князей. Опричнина дѣйствовала среди родовыхъ вотчинъ князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ и Ростовскихъ, князей Стародубскихъ и Суздальскихъ, князей Черниговскихъ и иныхъ юго-западныхъ на верхней Окѣ. Вотчины ихъ постепенно входили въ опричнину. На мѣстахъ, взятыхъ въ опричнину, производилась въ широкихъ размѣрахъ мѣна земель: „государь велѣлъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричнинѣ, изъ тѣхъ городовъ вывести и подавать земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городахъ“. Вотчинники и помѣщики лишались своихъ земель сразу всѣмъ уѣздомъ, и съ городомъ вмѣстѣ; за взятыя земли служилые люди вознаграждались другими, гдѣ государь пожалуетъ или гдѣ сами пріищутъ; каждый уѣздъ взятый въ опричнину, былъ осужденъ на коренную ломку. Общій пересмотръ землевладѣнія всею

тяжестью палъ на княжатъ, владѣвшихъ удѣльными землями и возбуждавшихъ гнѣвъ и подозрѣніе Грознаго. Однихъ Іоаннъ свелъ съ старыхъ мѣстъ и развѣялъ по новымъ, далекимъ и чуждымъ мѣстамъ, далъ имъ помѣстья „въ отдаленныхъ областяхъ, гдѣ они, говоритъ Флетчеръ, не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны"; другихъ ввелъ въ свою опричную службу, въ избранную „тысячу головъ", и поставилъ подъ свой строгій непосредственный надзоръ. Изъ южно-русскихъ князей, „сидѣвшихъ на своихъ удѣлахъ и имѣвшихъ велія вотчины", князья Ѳ. И. Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій дѣйствовали въ числѣ „воеводъ изъ опричнины";— князю М. И. Воротынскому данъ былъ Стародубъ-Ряполовскій вмѣсто стараго его удѣльнаго владѣнія (Одоева и другихъ городовъ [16].

Въ дѣло разрушенія удѣльныхъ порядковъ, которое московскіе великіе князья вели съ свойственной имъ постепенностью и настойчивостью, царь Іоаннъ Грозный внесъ невѣдомое дотолѣ ожесточеніе больного человѣка. Жестокими казнями онъ истреблялъ княжескіе роды, искореняя остатки удѣльной старины. Но казни и опалы не оправдывались уже обстоятельствами. Кровавое гоненіе начато было противъ княжатъ тогда, когда они были ослаблены стеченіемъ ряда неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ и энергичными дѣйствіями великихъ князей Іоанна III и Василія, когда они, получивъ въ малолѣтство Іоанна Грознаго власть въ свои руки, показали полное свое безсиліе и еще болѣе ослабили себя взаимнымъ соперничествомъ. Такъ называемая борьба Іоанна Грознаго съ боярствомъ или княжатами не была собственно борьбою, потому что князья не оказывали никакого сопротивленія Іоанну. *Борьба* съ князьями была закончена при дѣдѣ и отцѣ Грознаго; она велась иначе, хотя въ то время противная сторона была еще достаточно сильна для стойкаго, хотя и пассивнаго сопротивленія. При Іоаннѣ Грозномъ борьба превратилась въ го-

ненiе. По странному стеченiю обстоятельствъ разрушенiе удѣльныхъ преданiй велось съ наибольшимъ ожесточенiемъ тогда, когда онѣ наиболѣе ослабли и исчезали сами собой. Какъ бы-то ни было, Iоаннъ кровавыми казнями и конфискацiями княжескихъ владѣнiй довершилъ вѣковое дѣло созданiя новаго государства. Англiйскому послу Джильсу Флетчеру, посѣтившему Москву въ царствованiе Θеодора Iоанновича въ 1588 году, разсказывали, что еще недавно были въ Москвѣ лица изъ древняго дворянства, которыя владѣли по наслѣдству различными областями съ неограниченной властью и съ правомъ судить и рядить всѣ дѣла въ своихъ владѣнiяхъ безъ аппеляцiи и даже не отдавая отчета царю. „При Грозномъ еще можно было, замѣчаетъ проф. Ключевскiй, застать такихъ владѣльцевъ, но при сынѣ его послѣ опричнины, они были уже только предметомъ воспоминанiй". „Теперь, при Θеодорѣ Iоанновичѣ, говоритъ Флетчеръ, высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальною знатью; только лишь въ сознанiи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значенiе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собранiяхъ". Отъ всей удѣльной старины князья сохранили только свои прозванiя по именамъ удѣловъ; исчезли удѣлы Одоевъ и Шуя, но остались родовыя фамилiи князей Одоевскихъ и Шуйскихъ. Много лѣтъ спустя, царь Алексѣй Михаиловичъ, какъ бы намѣреваясь уничтожить и это воспоминанiе старины, запретилъ князю Ромодановскому писаться Ромодановскимъ-Стародубскимъ по названiю прежняго удѣла Стародуба-Ряполовскаго на р. Клязьмѣ. Но князь подалъ царю слезное челобитье о сохраненiи титула: „Тебѣ, великому государю, вѣдомо, князишки мы Стародубскiе: дѣдъ и отецъ мой и дяди писались Стародубско-Ромодановскiе, умилосердись, не вели у меня старой нашей честишки отнять", и царь Алексѣй Михаиловичъ уважилъ это ходатайство, оставилъ Ромодановскому „старую его честишку" [17].

ГЛАВА III.

Мѣстничество

I.

Служебные князья вошли въ составъ московскаго боярства, стали служилыми вотчинниками и помѣщиками. Взамѣнъ утраченнаго политическаго значенія лучшіе княжескіе роды заняли привилегированное положеніе избранной правительственной знати. Княжата оттѣснили отъ первыхъ мѣстъ большую часть старинныхъ боярскихъ родовъ. По разрядамъ со времени Іоанна III высшія должности государственнаго управленія занимаютъ служилые князья, съ двумя-тремя первостепенными фамиліями московскихъ бояръ, Кошкиныхъ или Вельяминовыхъ-Воронцовыхъ. Нѣсколько ниже ихъ стоятъ другіе старинные московскіе боярскіе роды съ второстепенными служилыми князьями. Княжата разстанавливаются въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ по качеству столовъ, на которыхъ сидѣли ихъ владѣтельные предки: потомки князей, занимавшихъ старшіе столы удѣльныхъ княжествъ ростовскаго, ярославскаго или тверского, становились выше своихъ родичей, предки которыхъ пришли въ Москву съ младшихъ удѣльныхъ столовъ. Боярскіе роды размѣщаются по древности службы рода московскимъ государемъ.

Княжата и бояре затѣмъ настойчиво стремятся сохранить сложившійся къ началу XVI столѣтія аристократическій распорядокъ фамилій. Поддерживая взаимную іерархію, они сохраняютъ за собою высшія правительственныя мѣста, свое привилегированное положеніе среди служилаго дворянства, недопуская въ свою среду новыхъ людей. Для охраны этого положенія въ рукахъ московскаго боярства было надежное средство—*мѣстничество*, которое ко времени Іоанна Грознаго складывается въ извѣстную систему и регулируется законодательными опредѣленіями.

Высокое аристократическое положеніе извѣстнаго рода среди другихъ родовъ совершенно не зависѣло отъ власти государя. Онъ не могъ возвысить какой-либо родъ пожалованіемъ княжескаго титула или другимъ *наслѣдственнымъ* отличіемъ. Назначеніе лица на высшую. должность, полученіе имъ званія ближняго боярина, не измѣняло мѣстническаго отношенія сановника и его родичей къ другимъ знатнымъ фамиліямъ. Высокая должность и высокій чинъ не дѣлали болѣе родовитыми ни лица, пожалованнаго этимъ чиномъ, ни его потомковъ и родственниковъ. Большая или меньшая честь отца не давала никакихъ положительныхъ правъ сыну. „За службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, но не отечествомъ“ Должность и чинъ, пожалованія государя, сами по себѣ, ничего не значили въ мѣстническомъ счетѣ. Опираясь на свое *отечество*, боярскіе роды основывали свои притязанія не на заслуженности отцовъ, не на ихъ высокихъ чинахъ или должностяхъ, но на ихъ, признанномъ ранѣе, мѣстническомъ отношеніи къ другимъ родамъ. Служилый человѣкъ довольно равнодушно относился къ должности самой по себѣ: онъ ревниво слѣдилъ только за своими отношеніями къ другимъ по должности. Бояринъ согласенъ былъ ѣхать товарищемъ воеводы въ второстепенный городъ, если только воеводою назначался человѣкъ, ниже котораго онъ могъ быть по установившемуся взаимному отношенію ихъ фамилій; но онъ не принялъ бы назначенія товарищемъ воеводы въ одинъ изъ главнѣйшихъ городовъ, если только первый воевода былъ ниже его однимъ или двумя мѣстами.

Сравнительно низкая служба сама по себѣ не унижала чести лица и его рода; его могла унизить только совмѣстная служба, занятіе на совмѣстной службѣ болѣе низкой должности. Доказывая свое право на превосходство, „мѣстники“ не разбирали заслугъ предковъ, не входили въоцѣнку должностей, занимавшихся ими; они разсматривали лишь вопросъ о томъ, кто изъ предковъ двухъ спорящихъ сторонъ

занималъ высшую должность на совмѣстной службѣ. Равное значеніе со службой въ извѣстной должности имѣли для выясненія взаимнаго отношенія сторонъ, случаи совмѣстнаго сидѣнія за царскимъ столомъ въ порядкѣ мѣстническаго старшинства лицъ.

Въ 1616 году князь Ѳ. Волконскій, человѣкъ неродословный, мѣстничаясь съ бояриномъ П. П. Головинымъ, ссылался не на своихъ предковъ, но на свои личныя заслуги, личную службу, говоря, что ему *по своей службѣ* обидно быть меньше боярина Головина. Этотъ доводъ съ мѣстнической точки зрѣнія не имѣлъ никакого значенія и былъ рѣшительно отвергнутъ боярами-судьями, разбиравшими это дѣло. Личныя заслуги не вліяли на мѣстническій распорядокъ такъ же, какъ заслуги предковъ. Этотъ распорядокъ могъ измѣниться лишь вслѣдствіе измѣнившагося взаимнаго отношенія лицъ по службѣ. Князь Долгорукій выигралъ свой споръ о мѣстахъ съ Пріимковымъ на томъ основаніи, что онъ, служа вмѣстѣ съ послѣднимъ въ гор. Юрьевѣ, занималъ высшую должность, безъ протеста со стороны Пріимкова: „я хочу быть тебя больше, потому что полтретья года (два съ половиной года) былъ я въ Юрьевѣ у большихъ воротъ, а ты не билъ челомъ, бывши у меньшихъ (воротъ)".

Іерархія, установившаяся между двумя лицами, передавалась по наслѣдству ихъ нисходящему потомству и боковымъ родственникамъ. Простѣйшій случай мѣстническаго спора представляетъ древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ мѣстническихъ дѣлъ,—споръ В. Ѳ. Сабурова съ Гр. П. Заболоцкимъ на великокняжескомъ пиру Іоанна III. Заболоцкій не согласился сѣсть за столомъ ниже Сабурова. Тогда Сабуровъ билъ челомъ государю, основывая свое старшинство на томъ, что отецъ его, Ѳедоръ Сабуровъ, былъ выше отца Заболоцкаго. Притязаніе Сабурова на старшинство было признано основательнымъ и ему выдана была боярами правая грамота на Заболоцкаго.

Но мѣстническіе счеты до крайности осложнялись тѣмъ

обстоятельствомъ, что взаимное отношеніе двухъ лицъ передавалось не безразлично всѣмъ ихъ родственникамъ, но только родственникамъ, соотвѣтственно близкимъ къ нимъ въ порядкѣ родового старшинства. Мѣстничество возникало большею частію не между родами, какъ замкнутыми цѣлыми, съ равными единицами; мѣстничались отдѣльныя лица, мѣстничался рядъ членовъ одного рода, въ порядкѣ родового старшинства, съ рядомъ членовъ другого рода; когда два представителя соперничающихъ фамилій ссылались въ спорѣ о мѣстахъ на взаимоотношеніе родоначальниковъ, то они необходимо должны были выяснить свое отношеніе къ этимъ родоначальникамъ; ихъ взаимное отношеніе могло быть приравнено къ взаимоотношенію предковъ только тогда, когда каждый изъ нихъ отстоялъ отъ этихъ предковъ на равное число мѣстъ въ порядкѣ старшинства. Если Волынскій былъ признанъ равнымъ Колычову, то отсюда не слѣдовало, что всѣ члены рода Волынскаго были безразлично равны родичамъ Колычова; члены этихъ двухъ родовъ были равны только соотвѣтственно своему старшинству среди родичей. Старшій сынъ Волынскаго былъ равенъ старшему сыну Колычова; но такъ какъ въ своемъ родѣ онъ былъ меньше своего отца, то онъ былъ и внѣ своего рода меньше лица, равнаго его отцу. Младшій братъ Волынскаго былъ равенъ младшему брату Колычова, но онъ былъ меньше на одно мѣсто старшаго представителя рода Колычовыхъ. При строгомъ примѣненіи началъ мѣстничества младшій родичъ виднѣйшей фамиліи могъ стоять ниже старшаго члена болѣе низкаго рода.

Установившееся мѣстническое соотношеніе двухъ лицъ повторялось въ каждомъ слѣдующемъ поколѣніи между соотвѣтствующими членами родовъ. Если младшее поколѣніе одного рода временно становилось ниже старшаго поколѣнія другого, равнаго рода, то, когда выступало на сцену младшее поколѣніе этого послѣдняго, временно возобладавшаго рода, нарушенное равновѣсіе снова возстановлялось.

Мѣстничество на практикѣ поддерживало дѣятельно лишь извѣстное взаимоотношеніе между соотвѣтствующими членами родовъ; но оно вело въ то же время къ установленію извѣстнаго общаго взаимоотношенія родовъ.

Правильный мѣстническій счетъ, съ выясненіемъ точнаго соотвѣтствія каждаго члена одного рода членамъ другого, долженъ былъ вестись лишь между равными приблизительно по своему отечеству родами. Эти разсчеты родового старшинства каждаго члена фамиліи были необходимы для установленія старшинства между представителями соперничающихъ родовъ,—основное взаимоотношеніе которыхъ, установленное родоначальниками, не давало большаго явнаго преимущества членамъ одного рода надъ членами другого.

Но этотъ строгій мѣстническій счетъ не былъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сталкивались между собою представители знатнѣйшаго рода, занимавшаго долгое время первыя мѣста, съ членами второстепеннаго или упавшаго рода. Нѣкоторыя фамиліи стояли такъ высоко предъ другими, что трудно было допустить мысль о возможности сравняться съ ними. Члены такихъ знатнѣйшихъ родовъ, сталкиваясь съ лицами низшихъ родовъ, ограничиваются тѣмъ, что указываютъ на постоянное общее старшинство своего рода. Если члены какой-либо фамиліи, напримѣръ, Бутурлиныхъ, неоднократно бывали по разрядамъ на нѣсколько мѣстъ выше Гагариныхъ, то въ спорѣ членовъ этихъ двухъ фамилій Бутурлину достаточно было сослаться на болѣе высокое положеніе своего рода вообще, не приводя какого-либо факта превосходства одного изъ Бутурлиныхъ надъ Гагаринымъ и не высчитывая своего старшинства въ родѣ.

Каждый мѣстническій счетъ отдѣльныхъ лицъ выражалъ, въ сущности, извѣстное соотношеніе старшинства и меньшинства родовъ. Члены рода не представляли собою равныхъ величинъ предъ такими же неравными величинами другого рода. Но всѣ члены рода были связаны между собою своего рода круговой порукой: возвышеніе одного члена

соотвѣтственно повышало значеніе всѣхъ родичей, возвышало весь родъ, какъ обособленное цѣлое, хотя и составленное изъ родовыхъ звеньевъ неравнаго значенія. Пониженіе въ мѣстническомъ счетѣ одного родича понижало остальныхъ, младшихъ, понижало нисходящія линіи рода. Поэтому всѣ родичи мѣстничавшихся лицъ принимали дѣятельное участіе въ спорѣ, выступая на защиту своей родовой чести: старшіе нерѣдко отвѣчали за младшихъ. Когда соотношеніе родовъ не было совершенно яснымъ, спорящія стороны должны были указать факты изъ совмѣстной службы родичей и затѣмъ указать свое отношеніе къ этимъ родичамъ. Въ иныхъ случаяхъ, когда взаимоотношеніе родовъ было очевиднымъ, достаточно было одного обобщенія болѣе или менѣе извѣстныхъ фактовъ, достаточно было сказать, что „наше родство (князья Пріимковы) съ ихъ родствомъ (кн. Долгорукихъ) ни гдѣ не бывало меньше“, или „Ростовскіе намъ (кн. Лыковымъ) не страшны“, или „и лучшему (старшему) Колтовскому съ послѣднимъ роду нашего Пушкиныхъ можно быть въ меньшихъ товарищахъ“ *).

Мѣстничество *соотвѣтствующихъ* членовъ фамилій указывало на неопредѣленность старшинства или равенство этихъ фамилій. Но выражавшееся въ мѣстническихъ счетахъ постоянное, дѣятельное стремленіе родичей удержать за собой мѣсто, принадлежавшее предкамъ, приводило къ болѣе опредѣленному взаимоотношенію родовъ, какъ сомкнутыхъ цѣлыхъ, независимо отъ старшинства членовъ внутри рода. Извѣстный родъ тотчасъ же замѣчалъ, что соперничающему съ нимъ роду „не доставало въ случаяхъ“; частое повтореніе такого недоставанья, говоритъ Валуевъ, неизбѣжно приводило къ понятію прямого старшинства одного рода передъ другимъ. „Щербатовы *больше* бывали въ меньшихъ

---

*) «Шереметевымъ на Щенятевыхъ можно не глядѣть»; «напередъ сего Гагарины на Бутурлиныхъ не бивали челомъ»; «Ростовскіе бывали больше Оболенскихъ».

съ Татевыми *меньшими*"; повтореніе такого отношенія необходимо приводило къ положительному старшинству всего рода Татевыхъ передъ родомъ Щербатовыхъ [18].

II.

Мѣстничество устанавливало аристократическій распорядокъ фамилій, размѣщая въ извѣстной іерархіи цѣлые роды или соотвѣтствующія по старшинству поколѣнія родовъ. Возбуждая нерѣдко постоянную вражду между родами, взаимныя отношенія которыхъ еще не установились, мѣстничество, вмѣстѣ съ тѣмъ, объединяло всѣ аристократическія фамиліи въ одно цѣлое, въ классъ лицъ, размѣстившихся между собою по отечеству и не оставившихъ мѣста въ своей средѣ новымъ, неродословнымъ людямъ. Два рода могли долго спорить между собою за извѣстное мѣсто, но если они не хотѣли уступить этого мѣста другъ другу, во имя своей отеческой чести, то еще менѣе уступили бы они это мѣсто кому-либо третьему, новому человѣку, не имѣвшему никакихъ отеческихъ правъ на него или имѣвшему еще болѣе сомнительныя права, чѣмъ обѣ спорящія стороны. Оба рода сочли бы себя обиженными и, оставивъ свою вражду, обратились бы съ настоятельнымъ челобитьемъ „объ отечествѣ" противъ этого третьяго пришельца. Новый неродословный человѣкъ стоялъ такъ низко съ мѣстнической точки зрѣнія, что онъ не могъ заявлять никакихъ притязаній на мѣсто среди старинныхъ фамилій: „неродословнымъ людямъ съ родословными и счету нѣтъ".

Устанавливая іерархію родовъ, мѣстничество вмѣстѣ съ тѣмъ закрывало доступъ новымъ родамъ въ среду извѣстныхъ фамилій. Оно имѣло, главнымъ образомъ, значеніе сословно-оборонительной системы. Родословная знать, по замѣчанію проф. Ключевскаго, не раздвигалась, когда къ ней приходили новые люди. Всѣ мѣста были распредѣлены; пришельцамъ оставались мѣста съ самаго края, ниже родо-

словныхъ людей. Родные царицы, незнатнаго происхожденія, пожалованные въ бояре, по свидѣтельству Котошихина, не ходили въ думу и не бывали на обѣдахъ царя; имъ негдѣ было сѣсть тамъ ни въ думѣ, ни за царскимъ столомъ: „подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣть, потому что породою невысоки“. Въ XV вѣкѣ и ранѣе, во время сильнаго прилива въ Москву знатныхъ слугъ, владѣтельныхъ князей московское боярство не разъ должно было уступать этимъ пришельцамъ. „Пріѣхалъ кн. Юрій Патрикѣевичъ, отмѣчали въ разрядахъ, и *заѣхалъ* боярина Константина Шею и другихъ“. Но эти новые слуги размѣстились съ московскими боярами и затѣмъ московская знать тѣснѣе, чѣмъ прежде сомкнула свои ряды и упорнымъ мѣстничествомъ охраняла себя отъ дальнѣйшихъ „заѣздовъ“.

Какъ трудно было проникать новымъ родамъ въ среду высшей знати, показываетъ примѣръ постепеннаго возвышенія надъ другими родами Годуновыхъ, покровительствуемыхъ Грознымъ Іоанномъ. При каждомъ назначеніи Бориса Годунова на болѣе высокое мѣсто, лица, выше которыхъ онъ становился, искали на немъ своего отечества, отказываясь принимать болѣе низкія, сравнительно съ нимъ, назначенія. На седьмой свадьбѣ царя Іоанна Васильевича „Борисъ Ѳедоровичъ былъ у царицы въ дружкахъ, въ первыхъ, а Панкратій Салтыковъ у царя во вторыхъ и билъ Салтыковъ челомъ на Годунова“. Ни на кого не встрѣчается столько челобитій, какъ на Годуновыхъ, Бориса и его родичей. Годуновы повсюду были оправлены, благодаря энергичной поддержкѣ Іоанна, который въ этихъ случаяхъ, какъ предполагаетъ Валуевъ, рѣшалъ споры въ пользу Годуновыхъ не безъ нарушенія обычныхъ правилъ мѣстничества. Въ одномъ изъ споровъ Годуновъ былъ поставленъ выше Симскаго „многими мѣсты“, но безъ опредѣленія сколькими именно; это показываетъ, что разсчетъ царской правой грамоты и тѣ отношенія, которыя могли дать такой

выводъ, не были довольно ясны и опредѣленны. Борисъ Годуновъ, сдѣлавшись царемъ, въ свою очередь, такимъ же образомъ возвышалъ своего любимца Петра Басманова, изъ не особенно знатнаго рода (дѣдъ Басманова былъ въ боярахъ, а отецъ въ кравчихъ). Какъ прежде на Годуновыхъ, такъ теперь на Басманова возникаютъ безпрестанныя челобитья отъ князей Черкасскихъ, Салтыковыхъ, Татевыхъ. Царь Борисъ Өеодоровичъ отстаиваетъ своего любимца такъ же, какъ прежде его самого отстаивалъ Іоаннъ Грозный. Онъ „не даетъ вершенья суду, отставляетъ противника, или объявляетъ службу невмѣстною“ Только такими путями при постоянной борьбѣ и могло идти возвышеніе новыхъ лицъ вопреки порядку мѣстническихъ отношеній [19].

Мѣстническія столкновенія или *стычки* весьма часто возникали на торжественныхъ обѣдахъ за царскимъ столомъ. Сидѣнье за столомъ по извѣстному порядку мѣстъ наглядно обнаруживало мѣстническую іерархію лицъ. Котошихинъ разсказываетъ: „когда у царя бываетъ столъ на властей и бояръ, и бояре учнутъ садиться за столъ по чину своему,— то иные изъ бояръ, вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣмъ человѣкомъ садиться не учнутъ“. Чтобы не начинать спора, такіе приглашенные спѣшатъ получить разрѣшеніе уѣхать домой подъ какимъ-либо предлогомъ. Но, если царь прикажетъ сидѣть за столомъ, подъ кѣмъ доведется, бояринъ, считающій себя обиженнымъ, „учнетъ бити челомъ, что ему ниже того боярина сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или и честнѣе, и на службѣ и за столомъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ; и такого (челобитчика) царь велитъ посадити сильно, и онъ посадити себя не дастъ и того боярина безчеститъ и лаетъ; а какъ его посадятъ сильно и онъ подъ нимъ не сидитъ же и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ проситъ, „хотя де царь ему велитъ голову

отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть“ и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывести вонъ и послать въ тюрьму, или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ“.

Такое ослушаніе волѣ государя, долгій споръ изъ-за мѣста за столомъ представляется намъ страннымъ споромъ по ничтожному поводу. Но надо имѣть въ виду, что по понятіямъ того времени, кто одинъ разъ сѣлъ за царскимъ столомъ ниже своего соперника, тотъ на всю послѣдующую свою служебную карьеру опредѣлялъ свое отношеніе къ этому сопернику, признавалъ себя и весь свой родъ болѣе низкимъ по отечеству. Извѣстное мѣсто за столомъ опредѣляло послѣдующія служебныя назначенія лица, совмѣстныя съ членами соперничающаго рода.

Мѣстничество не ограничивалось спорами о мѣстахъ за столомъ, оно простиралось на всѣ совмѣстныя службы. „Весь служебный распорядокъ, по замѣчанію Валуева, долженъ былъ строго соотвѣтствовать родовому распорядку, передающему изъ рода въ родъ всѣ свои отношенія въ постоянной и строгой преемственности“.

Бояре обнаруживали удивительное упорство, неослабѣвающую твердость въ постоянной изо дня въ день защитѣ своихъ родовыхъ отеческихъ правъ. Они смѣло противились волѣ государя, навлекали на себя опалу, сидѣли недѣли и мѣсяцы въ тюремномъ заключеніи, жертвовали существенными матеріальными интересами, когда отказывались изъ-за мѣстничества ѣхать на какое-либо воеводское кормленіе,—жертвовали всѣмъ, чтобы отстоять высокое мѣсто своего рода и не принять невмѣстнаго назначенія.

Особенно рѣзкій примѣръ стойкаго неповиновенія распоряженіямъ правительства, нарушавшимъ обычное право мѣстничества, представляетъ князь Андрей Голицынъ въ его неоднократно возобновлявшихся спорахъ съ кн. Тимофеемъ Трубецкимъ. Въ 1588 году, въ мартѣ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, формируя полки, которые должны были стоять въ Тулѣ для охраны южной Украины отъ крымскихъ людей,

назначилъ воеводою въ главный, большой полкъ князя Трубецкого, а во второй по значенію полкъ, передовой—князя Андрея Голицына. Князь Голицынъ отказался принять это назначеніе, считая унизительнымъ быть ниже князя Трубецкого, и „билъ челомъ въ отечествѣ" на этого князя. Государь отказалъ въ судебномъ разбирательствѣ спора, „не велѣлъ Андрею Голицыну дати счету", сославшись на то, „что князь Андрей бывалъ со княземъ Тимофеемъ (Трубецкимъ) прежъ того" и на то, что ранѣе, въ нѣмецкомъ походѣ 1579 года даже старшій братъ князя Андрея Голицына былъ меньше боярина князя Тимофея Трубецкого. Князь Голицынъ не удовлетворился такимъ рѣшеніемъ безъ обычной, обстоятельной провѣрки правъ обѣихъ сторонъ на боярскомъ судѣ, и не поѣхалъ на службу въ полкъ. Тогда государь велѣлъ силой отвести его на службу съ приставомъ, но князь, привезенный подъ конвоемъ на мѣсто сбора полка, отказался принять полковые списки. За это вторичное ослушаніе онъ былъ посаженъ въ тюрьму, сидѣлъ въ тюрьмѣ двѣ недѣли, но списковъ все-таки не взялъ. Тогда государь уступилъ его упорству, велѣлъ выпустить изъ тюрьмы и отпустить со службы. Споръ Голицына съ Трубецкимъ на этомъ не кончился; осенью того же года онъ добился суда въ отечествѣ съ Трубецкимъ, но, по всей вѣроятности, былъ обвиненъ, такъ какъ въ мартѣ слѣдующаго, 1589 года, опять назначенъ былъ воеводой передового полка въ Тулу, „для приходу крымскаго царя", въ то время, какъ воеводой большаго полка попрежнему былъ назначенъ его соперникъ князь Трубецкой. Голицынъ и тутъ упорствовалъ, настаивалъ на своемъ старшинствѣ, „не хотя быть въ меньшихъ у князя Трубецкого", и отказался отъ командованія полкомъ подъ предлогомъ болѣзни (разболѣлся, будто боленъ).

До какой степени мѣстничество стѣсняло правительство въ его распоряженіяхъ, видно изъ слѣдующаго. Упомянутое уже назначеніе воеводъ въ полки, для обороны южной гра-

ницы въ 1588 году, вызвало сразу три челобитья воеводъ объ отечествѣ. Кромѣ князя Голицына, бившаго челомъ на князя Трубецкого, Михайло Туренинъ, назначенный вторымъ воеводой въ передовой полкъ, отказывался служить ниже второго воеводы большаго полка Хворостинина; воевода третьяго, сторожевого полка Михайло Салтыковъ считалъ себя обиженнымъ высшимъ назначеніемъ Туренина [20].

III.

Несмотря на ясно сознаваемый вредъ мѣстничества, московское привительство до царствованія Θеодора Алексѣевича постоянно считалось съ боярскими родословными притязаніями, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. Даже Іоаннъ Грозный, столь самовластный и жестокій въ отношеніи къ боярамъ и княжатамъ, заподозрѣннымъ въ измѣнѣ, терпѣливо сносилъ явное неповиновеніе своихъ слугъ, когда оно основывалось на мѣстническихъ счетахъ.

Въ первые годы самостоятельнаго правленія Іоанна, ознаменовавшіеся вслѣдъ за изданіемъ Судебника 1551 года напряженной законодательной дѣятельностью, издано было нѣсколько важныхъ указовъ, касавшихся мѣстничества. Эти указы не столько, однако, ограничивали мѣстничество, сколько упорядочивали его.

Указомъ или уложеніемъ 1550 года служащимъ въ полкахъ княжатамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ запрещено было мѣстничаться съ воеводами, начальниками полковъ. Служба „большихъ дворянъ" подъ начальствомъ меньшихъ по отечеству воеводъ не должна была приниматься въ разсчетъ, въ случаѣ занятія ими должности воеводы: „а впередъ лучится кому изъ тѣхъ дворянъ большихъ самимъ быть въ воеводахъ, тогда счетъ дать и быть имъ въ воеводахъ, по своему отечеству; а напередъ того, хотя и бывали съ которыми воеводами съ меньшими на службѣ, и тѣмъ дворянамъ съ тѣми воеводами въ счетѣ въ своемъ отечествѣ порухи нѣтъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены были правила для мѣстничества полковыхъ воеводъ между собою. Споры о мѣстахъ крайне затрудняли выборъ лицъ на должности воеводъ; первые воеводы считались мѣстами не только съ первыми же, или большими воеводами другихъ полковъ, но и со вторыми воеводами высшихъ полковъ; вторые воеводы всѣхъ пяти полковъ мѣстничались какъ со своими прямыми начальниками, такъ и съ воеводами, первыми и вторыми другихъ полковъ. Указомъ 1550 года первый воевода Большого полка былъ объявленъ стоящимъ выше всѣхъ другихъ воеводъ. Первые воеводы трехъ слѣдующихъ по значенію полковъ правой руки, передового и сторожевого, признаны были равными между собою; воевода полка лѣвой руки—меньше воеводы правой руки, но онъ *не меньше* воеводъ передового и сторожевого полковъ. Не считая мѣстничества всѣхъ воеводъ съ первымъ воеводой большого полка, одному только воеводѣ лѣвой руки предоставлено было считаться мѣстомъ съ воеводой полка правой руки. Затѣмъ всѣмъ вторымъ воеводамъ запрещено было считаться съ первыми воеводами другихъ полковъ: „кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и меньше, а съ другими (первыми воеводами) безъ мѣстъ". Соотвѣтственно вышеуказанному счету первыхъ воеводъ, вторые воеводы полковъ правой руки и другихъ признавались меньше второго воеводы большого полка, но не могли мѣстничаться между собою; а второй воевода лѣвой руки былъ, кромѣ того, меньше одного лишь второго воеводы правой руки.

Этотъ указъ не нарушалъ существенныхъ основаній мѣстничества. Въ одной изъ дошедшихъ до насъ редакцій этого указа прямо было подтверждено, что государь „прибираетъ воеводъ, разсуждая ихъ отечество", и сообразуясь съ тѣмъ, кто можетъ „ратный обычай содержати". Этимъ указомъ только ограничивалось поле возникновенія мѣстническихъ столкновеній, посредствомъ съуженія понятія совмѣстной службы, лежавшаго въ основѣ мѣстничества.

Несмотря на это, указъ 1550 года при послѣдующихъ мѣстничествахъ часто не соблюдался. Обычный счетъ всѣхъ пяти полковъ въ послѣдовательномъ порядкѣ старшинства (большой, правая рука, передовой, сторожевой, лѣвая рука) бралъ верхъ надъ закономъ и само правительство иногда держалось этого счета при рѣшеніи мѣстническихъ споровъ [21].

Другой указъ, касавшійся мѣстничества и изданный въ первую половину царствованія Іоанна Грознаго, установилъ правила для опредѣленія старшинства родственниковъ въ родѣ, для такъ называемаго счета родословною лѣствицею. Какъ указано выше, для опредѣленія взаимоотношенія двухъ лицъ изъ равныхъ приблизительно по значенію фамилій, недостаточно было выяснить взаимоотношеніе какихъ-либо ихъ родственниковъ по разрядной службѣ, но необходимо было также установить отношеніе тяжущихся лицъ къ этимъ родственникамъ *по родословцу*. При этомъ, по обычному счету родословною лѣствицею принимались во вниманіе не только семьи, отецъ съ сыновьями и внуками, но и весь родъ, дяди и племянники. Въ основѣ лежалъ счетъ по старшинству поколѣній. Всѣ дяди были старше племянниковъ, племянники—внуковъ и такъ далѣе. Мѣсто лица среди родственниковъ одного поколѣнія опредѣлялось какъ старшинствомъ рожденія, такъ и происхожденіемъ отъ старшаго родственника. Сыновья извѣстнаго лица стояли ниже его братьевъ, сыновья второго брата были меньше сыновей старшаго брата. Такъ какъ всѣ дяди были выше своихъ племянниковъ, то старшій сынъ перваго брата оказывался ниже (меньше) своего отца не на одно мѣсто, а на столько мѣстъ, сколько у него было дядей; если ихъ было семь, то онъ занималъ отъ отца восьмое мѣсто.

Большія семьи, вслѣдствіе этого, должны были терять въ мѣстническихъ счетахъ передъ малыми. Равенство сыновей двухъ лицъ, равныхъ между собой, находилось въ зависимости отъ того, были ли у и́хъ отцовъ братья или

нѣтъ. Сынъ лица, имѣвшаго пять или шесть братьевъ, оказывался ниже стоящимъ сына лица, имѣвшаго одного брата; онъ былъ ниже отца на 6 или 7 мѣстъ, а его соперникъ—на два мѣста.

Разсматриваемый указъ имѣлъ цѣлью предупредить до нѣкоторой степени такое неравенство, возникавшее изъ бо̀льшаго размноженія одного рода сравнительно съ другимъ. Старшій сынъ перваго брата былъ объявленъ равнымъ четвертому своему дядѣ; онъ занимаетъ опредѣленное четвертое мѣсто отъ своего отца, даже если имѣетъ четверо или болѣе дядей. „По нашему уложенію,—говоритъ Іоаннъ въ одной изъ грамотъ, разрѣшавшей мѣстническій споръ,—перваго брата сынъ четвертому дядѣ въ версту“ [22].

IV

Іоаннъ Грозный ограничился этими узаконеніями, которыя должны были, не нарушая главныхъ основаній мѣстничества, заключить его въ болѣе тѣсные предѣлы. Но онъ ясно сознавалъ вредъ мѣстничества, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ царя на стоглавомъ соборѣ 1551 года: „Какъ пріѣхали къ Казани,—говорилъ государь, указывая на казанскій походъ предшедшаго года,—и съ кѣмъ кого не пошлютъ на которое дѣло, ино всякій размѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло некрѣпко; и отселѣ куды кого съ кѣмъ посылаю безъ мѣстъ по прежнему приговору, безъ кручины и безъ вражды промежъ себя никоторое дѣло не минетъ, и въ тѣхъ мѣстахъ (мѣстничествѣ) всякому дѣлу помѣшка бываетъ“.

Тѣмъ не менѣе, видя, что мѣстничество причиняетъ всякому дѣлу помѣшку, Іоаннъ IV не рѣшался на его отмѣну ни въ годы, ближайшіе къ стоглавому собору, ни въ позднѣйшее время опричнины и гоненія княжатъ. Напротивъ, Іоаннъ постоянно признавалъ мѣстническія притязанія

бояръ, не обнаруживая принципіальнаго противодѣйствія имъ. По не вполнѣ достовѣрному разсказу историка прошлаго вѣка князя Щербатова, Хабаровъ Симскій поплатился жизнью за нежеланіе уступить мѣсто извѣстному опричнику Малютѣ Скуратову. Изъ другихъ достовѣрныхъ мѣстническихъ дѣлъ времени опричнины видно, напротивъ, что Іоаннъ никогда не каралъ бояръ и князей за мѣстническое ослушаніе такъ, какъ онъ каралъ ихъ за дѣйствительную или мнимую измѣну.

Грозный царь нерѣдко самъ входилъ въ разслѣдованіе мѣстническихъ споровъ и рѣшалъ ихъ, къ удивленію историковъ, скоро, благоразумно и милостиво. Судебныя разбирательства „стычекъ" оканчивались обыкновенно тѣмъ, что челобитчика ставили ниже того, на кого онъ жаловался, часто же прекращались тѣмъ, что мѣстникамъ не давали между собою счета; иногда, для избѣжанія споровъ, воеводъ перемѣщали съ одной пограничной стражи на другую,—по тогдашнему выраженію—*разводили*. Всего же чаще давали такое рѣшеніе: „служить безъ мѣстъ, а какъ служба минетъ, тогда и счетъ будетъ данъ".

Для ослабленія вреднаго вліянія мѣстничества Іоаннъ довольствовался тѣмъ, что чаще другихъ государей прибѣгалъ къ рѣшительному средству: объявленію службы *невмѣстною* на тотъ или иной походъ. Когда государь объявлялъ „быть безъ мѣстъ", то это значило, что то или иное взаимоотношеніе воеводъ не будетъ служить примѣромъ для послѣдующихъ ихъ совмѣстныхъ службъ, такъ что они могли не кручинясь принять невмѣстное для себя назначеніе.

Мѣстничества возникали даже въ самое жестокое время правленія Іоанна и оканчивались благополучно для спорящихъ лицъ. Извѣстный походъ царя въ Новгородъ, окончившійся разгромомъ этого города, все время сопровождался мѣстническими челобитьями, по которымъ давались обычныя рѣшенія. Особенно много мѣстническихъ дѣлъ было въ первые годы самостоятельнаго правленія Іоанна, во время

Казанскаго похода, и затѣмъ въ ближайшіе годы за учрежденіемъ опричнины; съ 1575 года число ихъ удвояется и возрастаетъ съ каждымъ годомъ: это объясняютъ тѣмъ, что опричнина должна была спутать отношенія бояръ [23].

Зная о сильномъ развитіи мѣстничества при Іоаннѣ Грозномъ, иностранцы Флетчеръ и Горсей полагали даже, что Іоаннъ прямо покровительствовалъ мѣстничеству, что онъ иногда намѣренно возвышалъ низшихъ надъ высшими, съ цѣлью разъединить знатные роды, возбуждая среди нихъ взаимное недовѣріе. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, слѣдуя мнѣнію этихъ иностранцевъ, предполагаетъ, что Грозный царь сознательно пользовался знаменитымъ политическимъ правиломъ маккіавелизма: „разъедини и властвуй“. Іоанну Грозному, однако, не было надобности пользоваться мѣстничествомъ, какъ средствомъ разъединенія аристократіи, послѣ того, какъ онъ воспользовался для ослабленія ея другими, болѣе дѣйствительными средствами—казнями и опричниной. Мѣстничество было опаснымъ обоюдоострымъ оружіемъ: если оно, съ одной стороны, могло разъединить и ослабить аристократію, то, съ другой стороны, при сильномъ развитіи оно еще болѣе могло ослабить правительство, парализуя всѣ его распоряженія, не только въ мирное, но и въ военное время, когда обстоятельства требовали безотлагательнаго ихъ исполненія. Употребленіе этого опаснаго оружія по правилу „разъедини и властвуй“ было, сверхъ того, и излишнимъ послѣ неуклоннаго примѣненія царемъ другого правила: „устрани и властвуй“. Мѣстничество, какъ замѣчено выше, не столько разъединяло московскую аристократію, сколько охраняло занятыя ею высшія мѣста отъ вторженія неродословныхъ людей. Очистивъ ряды высшей знати отъ опасныхъ и не внушавшихъ ему довѣрія лицъ, Іоаннъ затѣмъ могъ уже болѣе терпимо относиться къ мѣстническимъ притязаніямъ знати, которыя къ тому же представляли собою непреодолимую для того времени силу.

Не отмѣняя мѣстничества, царь имѣлъ возможность

ослабить значеніе московскаго боярства еще и инымъ путемъ, помимо опалъ и казней. Слѣдуя примѣру своего дѣда и отца, онъ проводитъ на высшія мѣста невысокихъ по отечеству или совсѣмъ неродословныхъ людей, вопреки притязаніямъ бояръ. Мы видѣли уже, какъ Іоаннъ выдвигалъ впередъ Годуновыхъ. Установленные при Василіѣ III чины думныхъ дворянъ, а затѣмъ и думныхъ дьяковъ были наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для возвышенія угодныхъ государю лицъ невысокаго происхожденія.

При Іоаннѣ Грозномъ возвышается рядъ дѣльцовъ, дворянъ и дьяковъ, мало родословныхъ или совсѣмъ неродословныхъ людей: Адашевы, Сукины, Черемисиновы, Щелкаловы и другіе. Князь Курбскій упрекаетъ Іоанна за то, что онъ вѣритъ „писарямъ, которыхъ избираетъ не отъ шляхетства, а отъ поповичей и простого всенародства“. Еще рѣзче порицаетъ новые порядки другой московскій выходецъ въ Литву, Тетеринъ. „Есть у великаго князя, писалъ онъ въ Москву къ Морозову, новые вѣрники, дьяки, половиною его кормятъ, а бо̀льшую себѣ берутъ; ихъ отцы вашимъ и въ холопство не годились, а теперь не только землею, но и головами вашими торгуютъ“. Если новые люди, опытные приказные дѣятели были дворянскаго происхожденія, какъ Адашевъ или печатникъ Олферьевъ, ихъ вводили въ думу думными дворянами и за долгую, полезную службу возвышали въ окольничіе. Если это были дьяки, они вступали въ думу думными дьяками и потомъ поднимались въ думные дворяне и даже въ окольничіе, какъ было съ извѣстнымъ дьякомъ посольскаго приказа Василіемъ Щелкаловымъ. „Рядомъ съ аристократіей породы, родословной книги, говоритъ проф. Ключевскій, становится знать приказной службы и государевой милости“. Проф. Сергѣевичъ, съ своей стороны, замѣчаетъ по этому поводу, что со времени образованія московскаго государства съ помощью бояръ и вольныхъ слугъ, „московскіе государи начинаютъ ломать тѣ подмостки, при помощи которыхъ про-

изошло возвышеніе ихъ собственной власти, и выдвигать на службу новому государству новыхъ людей; въ дьякахъ они создаютъ противовѣсъ боярамъ". Въ этихъ новыхъ людяхъ московскіе государи находятъ весьма часто выдающихся по опытности и дарованіямъ и всегда болѣе послушныхъ исполнителей своей воли. Впослѣдствіи царь Алексѣй Михайловичъ учредилъ особый приказъ тайныхъ дѣлъ, для надзора за управленіемъ и для исполненія „всякихъ царскихъ и тайныхъ дѣлъ"; этотъ приказъ въ составѣ однихъ лишь дьяковъ и подъячихъ былъ учрежденъ для того, чтобы „царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а *бояре и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали*" [24].

ГЛАВА IV.

Дворяне и дѣти боярскія.

I.

Сливаясь съ боярами и дѣтьми боярскими, служилые князья входятъ въ составъ новаго класса служебныхъ людей. Начало образованія этого класса положено было Іоанномъ III; завершеніе его организаціи принадлежитъ царствованію Іоанна Грознаго. Вольныхъ бояръ и слугъ вотчинниковъ смѣняютъ невольные служилые люди, владѣющіе землею преимущественно на помѣстномъ правѣ.

Рядовая масса служилыхъ людей образовалась, главнымъ образомъ, изъ потомковъ княжескихъ слугъ удѣльнаго времени и изъ размножившихся и обѣднѣвшихъ потомковъ старинныхъ бояръ. Многіе упавшіе боярскіе роды вошли еще въ періодъ удѣловъ во второй разрядъ княжескихъ слугъ. Вслѣдствіе господствовавшаго въ древней Руси обычая дѣлить имѣнья между всѣми сыновьями наслѣдниками, многія дѣти бояръ не могли достигнуть того положенія, какое имѣли ихъ отцы. Обѣднѣвшій сынъ боярина оставался на всю

жизнь извѣстенъ въ качествѣ сына знатнаго отца, боярскаго сына. Наименованія *сынъ боярскій, дѣти боярскія* присвоивались всѣмъ членамъ упавшихъ боярскихъ родовъ; со времени Василія Темнаго эти названія получаютъ широкое распространеніе; первоначально они присвоялись по преимуществу потомкамъ бояръ, затѣмъ распространились на всѣхъ слугъ второго разряда. Удѣльное наименованіе слуги, съ упадкомъ удѣльнаго порядка, постепенно выходитъ изъ употребленія. Василій III въ 1509 году пишетъ указъ не боярамъ и слугамъ, но „боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и всѣмъ служилымъ людямъ".

Служилые люди, дѣти боярскія отличались отъ удѣльныхъ слугъ не однимъ лишь наименованіемъ. Они не имѣли права отъѣзда, несли обязательную службу, незнакомую прежнимъ вольнымъ слугамъ. Въ противоположность слугамъ, владѣвшимъ вотчинами, дѣти боярскія по преимуществу были помѣщиками, владѣли землей, данной имъ въ условное, помѣстное владѣніе.

Въ древнѣйшее время помѣстьями, служними землями, владѣлъ лишь немногочисленный разрядъ дворныхъ слугъ, подчиненныхъ дворецкому. Большая же часть слугъ владѣла землею на полномъ правѣ собственности. Надѣленіе служилыхъ людей участками дворцовой земли въ помѣстье принимаетъ широкіе размѣры лишь при Іоаннѣ III, когда, съ присоединеніемъ большей части удѣловъ и обширныхъ владѣній Великаго Новгорода, въ рукахъ московскихъ государей сосредоточились большія пространства земли. Въ 1500 году великій князь Іоаннъ Васильевичъ, какъ говоритъ лѣтопись, „по благословенію Семена митрополита, поималъ за себя въ Новгородѣ Великомъ церковныя земли и владычни и монастырскія и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстье". Еще ранѣе государь потребовалъ отъ новгородцевъ отдачи части ихъ земель въ его полное распоряженіе, объявивъ, что „намъ, великимъ князьямъ государство свое держати на своей отчинѣ Великомъ Новгородѣ безъ того нельзя",

и для укрѣпленія своей власти надъ Новгородомъ, съ одной стороны, „послалъ въ Новгородъ на помѣстья многихъ своихъ дѣтей боярскихъ", (въ 1482 г.), съ другой стороны, многихъ новгородскихъ бояръ *), лишивъ прежнихъ владѣній, надѣлилъ помѣстьями подъ Москвою [25].

Въ княженіе Іоанна III входитъ въ употребленіе и новый терминъ *помѣстье*: онъ встрѣчается впервые въ жалованной грамотѣ, написанной около 1470 года. Въ Судебникѣ Великокняжескомъ 1497 года находимъ выраженія: „помѣстникъ (помѣсчикъ), за которымъ земля великаго князя". Происхожденіе помѣстья, какъ особой формы землевладѣнія, обусловленнаго службою, теряется въ древности удѣльныхъ вѣковъ; первые опыты широкой раздачи помѣстій произведены были при Іоаннѣ III. При Іоаннѣ Грозномъ помѣстное содержаніе служилыхъ людей развивается въ опредѣленную систему [26].

Не только для дѣтей боярскихъ, которыя или совсѣмъ не имѣли наслѣдственныхъ владѣній, или владѣли измельчавшими вотчинами, но и для многихъ бояръ и князей, которые нѣкогда владѣли обширными землями на правѣ полной собственности, помѣстное землевладѣніе получаетъ преобладающее значеніе передъ вотчиннымъ. Княжескія вотчины также или измельчали, вслѣдствіе раздѣловъ между наслѣдниками и экономическаго кризиса, или по распоряженію правительства были обмѣнены на помѣстья. Помѣстное землевладѣніе является, такимъ образомъ, характерной чертой положенія новаго служилаго класса дѣтей боярскихъ, съ вошедшими въ ихъ составъ князьями.

Въ составъ помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ входятъ при Іоаннѣ III дворные люди или дворяне, составлявшіе дворъ великаго князя. Паденіе великокняжескихъ столовъ сопровождалось обыкновенно переходомъ всѣхъ придворныхъ людей изъ удѣловъ къ великому князю московскому. „Въ

---

*) „Тоя же зимы, въ 1484 г., поималъ князь великій большихъ бояръ новгородскихъ и боярынь, а казны ихъ и села всѣ велѣлъ отписати на себя, а имъ подавалъ помѣстья на Москвѣ подъ городомъ".

рукахъ Іоанна Васильевича, замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ соединилось уже столько княжескихъ дворовъ и дворовыхъ людей, что надо было подумать о новой организаціи придворныхъ слугъ. Онъ даетъ имъ помѣстья съ обязательствомъ нести военную службу и такимъ образомъ выводитъ ихъ изъ тѣсной сферы двороваго быта на болѣе широкую арену помѣстной жизни и службы". Первоначально, однако, эти дворяне-помѣщики, вышедшіе изъ среды несвободныхъ и безземельныхъ дворныхъ людей, занимали низшее положеніе сравнительно съ дѣтьми боярскими, потомками свободныхъ бояръ и слугъ, старинныхъ землевладѣльцевъ. Впослѣдствіи при Іоаннѣ Грозномъ, какъ будетъ указано ниже, роли дворянъ и дѣтей боярскихъ перемѣнились.

Кромѣ дворянъ великокняжескихъ въ классъ служилыхъ людей вошли при Іоаннѣ III и лица, принадлежавшія къ дворамъ частныхъ лицъ, бояръ и служебныхъ князей—боярскіе дворные люди (дворяне) или послужильцы. Въ видахъ ослабленія служебныхъ князей и бояръ, Іоаннъ Васильевичъ бралъ людей изъ сильныхъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ и надѣляя помѣстьями, вводилъ боярскихъ послужильцевъ въ составъ государевыхъ служилыхъ людей. „Какъ Богъ поручилъ великому князю Ивану Васильевичу, говоритъ Разрядная книга, подъ его державу Великій Новгородъ (1478), и по его государеву изволенію распущены изъ княжескихъ дворовъ и изъ боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ государевъ писецъ, Дмитрій Китаевъ". Многіе боярскіе послужильцы въ 1483 году были надѣлены помѣстьями въ Водской пятинѣ, писцомъ Китаевымъ на земляхъ, отобранныхъ отъ новгородскихъ бояръ и другихъ землевладѣльцевъ. Нѣкоторые изъ ихъ потомковъ заняли впослѣдствіи видное положеніе среди дворянскихъ родовъ *) [27].

---

*) Въ 1648 году новгородецъ Водской пятины С. Кошкаревъ билъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу на новгородца той же пятины Муравьева

Въ классъ государевыхъ служилыхъ людей зачислялись со времени Іоанна III не одни дворовые люди бояръ и князей, но и тѣ вотчинники и помѣщики, которые служили боярамъ и князьямъ, не принадлежа къ ихъ дворамъ. Въ предѣлахъ бывшаго Тверского княжества до временъ Іоанна Грознаго сохранились, какъ указано было выше, въ видѣ остатка отживавшей старины, такія дѣти боярскія, которыя не входили въ составъ государевыхъ служилыхъ людей, но служили князьямъ Микулинскому, Мстиславскому, Серебряному, Оболенскому, боярину Морозову и другимъ. Но бо̀льшая часть такихъ дѣтей боярскихъ, съ истребленіемъ и ослабленіемъ владѣтельныхъ княжатъ, переводилась въ разрядъ государевыхъ служилыхъ людей. Послѣдніе тверскіе слуги бояръ и князей, не зависѣвшіе непосредственно отъ государственной власти, ко времени царя Михаила Өеодоровича утратили свое особое положеніе, слившись съ царскими дворянами и дѣтьми боярскими.

Въ сѣверо-восточной Руси, раздробленной на удѣлы, всѣ болѣе значительные землевладѣльцы, имѣвшіе холоповъ и крестьянъ, были съ давняго времени связаны сѣтью служебныхъ отношеній; они служили великимъ или удѣльнымъ князьямъ, или боярамъ. Въ Новгородской и Псковской областяхъ эти служебныя связи не имѣли такого развитія; тамъ сохранялись мелкіе вотчинники,—*своеземцы* или *земцы*, никому не служившіе, и на время войны входившіе въ составъ земскаго ополченія. Послѣ покоренія Новгорода бо̀льшая часть такихъ земцевъ, вотчинниковъ, владѣвшихъ крестьянами, была зачислена въ разрядъ служилыхъ людей. Мелкіе своеземцы, владѣвшіе однимъ, двумя дворами крестьянъ, или сами обрабатывавшіе землю своими руками, за неимѣніемъ крестьянъ, естественно, не были взяты на службу и слились съ классомъ тяглыхъ людей, крестьянъ. Служилые земцы

въ томъ, что послѣдній его обезчестилъ: назвалъ холопьимъ родомъ. Но справка въ писцовой книгѣ 1483 г. указала, что и Кошкаревъ, и Муравьевъ происходили отъ боярскихъ послужильцевъ.

до второй половины шестнадцатаго вѣка сохраняли свое особое наименованіе земцевъ, но они отличались отъ другихъ служилыхъ людей только по роду землевладѣнія; они владѣли наслѣдственными землями, вотчинами, тогда какъ новгородскія дѣти боярскія были по преимуществу люди пришлые, надѣленные здѣсь помѣстьями по приказанію государя. Государь, приказывая въ 1555 году новгородскимъ служилымъ людямъ снаряжаться въ походъ „съ людьми, конями и доспѣхомъ“, обращается „ко всѣмъ новгородскимъ *помѣщикамъ и земцамъ* во всѣ пятины“. Новгородскіе земцы отличались отъ помѣщиковъ, въ качествѣ мѣстныхъ вотчинниковъ—своеземцевъ. Но въ качествѣ служилыхъ людей они сливаются съ чиномъ дѣтей боярскихъ; имъ рано присвояется и это наименованіе, дѣти боярскія; уже въ одномъ изъ актовъ 1539 года упоминаются „два сына боярскіе земцы“ [28].

Въ высшій разрядъ московскаго дворянства вошло много родовъ иноземнаго происхожденія. Къ князьямъ Рюриковичамъ: Ярославскимъ, Ростовскимъ, Бѣлозерскимъ, Суздальскимъ, Стародубскимъ, Смоленскимъ, Черниговскимъ, присоединились литовскіе гнязья Гедиминовичи. Сыновья литовскаго князя Патрикѣя, сына Наримунда (внука Гедиминова), Юрій и Ѳедоръ Патрикѣевичи, вступили въ службу къ великому князю Василію Дмитріевичу и сдѣлались родоначальниками князей Патрикѣевыхъ и отдѣлившихся впослѣдствіи отъ этого рода отраслей, князей Хованскихъ, Булгаковыхъ, Щенятевыхъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ. Въ княженіе Іоанна III и отчасти Василія III, перешли въ подданство къ московскимъ государямъ другіе князья рода Гедимина: Трубецкіе, Бѣльскіе (1492), Мстиславскіе (1526) въ одно приблизительно время съ переходомъ въ Москву изъ Литвы русскихъ князей черниговской отрасли: Воротынскихъ, Одоевскихъ, Мосальскихъ, Мезецкихъ и литовскаго князя татарскаго происхожденія Михаила Глинскаго (1508). Отъ выходцевъ изъ Литвы и изъ Польши ведетъ происхожденіе также нѣсколько русскихъ дворянскихъ родовъ.

Многіе княжескіе и дворянскіе роды происходятъ отъ татарскихъ царевичей, князей и мурзъ, ордынскихъ, крымскихъ, нагайскихъ, сибирскихъ. Родъ князей Мещерскихъ ведетъ свое начало отъ владѣвшаго гор. Мещерой выходца отъ орды Магомета, сына Гусейна, или Бахмета Усейнова. Родоначальникомъ Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ былъ мурза Четъ, пришедшій въ Москву и крестившійся, по преданію, при Іоаннѣ Калитѣ; Старковы происходятъ отъ ордынскаго царевича Серкиза, Глѣбовы—отъ царевича Сенудюка (Сеюндюка). При Іоаннѣ Грозномъ перешли въ Москву изъ Большой Кабарды три брата, князья Черкасскіе, турецкаго происхожденія, сестра которыхъ Марія Темгрюковна была супругой Іоанна.

Кромѣ литовско-польскаго и восточнаго элементовъ, въ составъ древняго дворянскаго класса вошло также нѣсколько западно-европейскихъ выходцевъ. Родоначальниками дворянскихъ фамилій сдѣлались нѣкоторые знатные греки и итальянцы, прибывшіе вмѣстѣ съ царевной Софьею Палеологъ, или вслѣдъ за нею,—вызванные при Іоаннѣ III, итальянскіе и нѣмецкіе мастера и художники,—взятые въ плѣнъ при Іоаннѣ IV ливонскіе рыцари. Такъ, напримѣръ, родъ Кашкиныхъ ведетъ начало отъ одного изъ „трехъ братьевъ, греческихъ дворянъ, прозваніемъ Кашкиныхъ, пріѣхавшихъ изъ Риму съ царевною Софіею, дщерью царя Ѳомы Морейскаго". Прибывшій въ Москву въ 1496 г., грекъ Ѳедоръ Ласкарисъ былъ родоначальникомъ Ласкиревыхъ. Фонъ-Визины происходятъ отъ взятаго въ плѣнъ въ Ливонскую войну рыцаря ордена меченосцевъ фонъ-Визина.

По родословнымъ росписямъ, составленнымъ въ позднѣйшее время, многіе дворянскіе роды ведутъ свое происхожденіе отъ древнихъ выходцевъ съ запада, отъ „честныхъ мужей, выѣзжихъ изъ пруссъ или изъ нѣмецъ". „Во дни благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго пріѣде изъ нѣмецъ мужъ честенъ именемъ Ратша, а

у Ратши сынъ Якунъ, а у Якуна сынъ Алекса и т. д.". Этотъ Радша считается родоначальникомъ 25 дворянскихъ фамилій (Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Бутурлиныхъ, Хромыхъ, Мятлевыхъ и др.). Въ XVII вѣкѣ всѣ знатныя фамиліи вели свои родословныя или отъ князей, или отъ знатныхъ выходцевъ: Шимана Африкановича, пріѣхавшаго „изъ нѣмецъ" къ Ярославу I (Воронцовы, Аксаковы), — „мужа честна Михайлы Прушанина", вступившаго на службу къ Александру Невскому, (Морозовы, Салтыковы, Тучковы и др.),—братьевъ Андрея Кобылы и Ѳедора Шевляги (Кошкины, Кобылины, Шереметевы и др.), — нѣмчина Дола (Яхонтовы, Свѣчины и др.), шведскаго выходца Облагини, датскаго — Вирягая, прибывшаго въ XV вѣкѣ англичанина Беста (Бестужевы-Рюмины) и другихъ. Современные изслѣдователи, допуская возможность появленія на Руси (черезъ Новгородъ), въ удѣльное время выходцевъ изъ Германіи, отрицаютъ достовѣрность указанныхъ родословныхъ преданій [29].

II.

До второй половины XVI вѣка служилые люди назывались преимущественно дѣтьми боярскими. Наименованіе сына боярскаго считалось болѣе почетнымъ, чѣмъ наименованіе дворянина. Но въ концѣ этого вѣка названіе дворянина съ небольшого числа дворныхъ людей, вошедшихъ въ составъ служилаго класса, переносится на всѣхъ лучшихъ представителей этого класса. Въ первой половинѣ XVI столѣтія, правительство обращалось въ своихъ грамотахъ къ *дѣтямъ боярскимъ и дворянамъ;* начиная съ 1566 года, на первое мѣсто обыкновенно ставится наименованіе дворянъ. Съ возвышеніемъ царской власти возвышается значеніе придворныхъ слугъ. Всѣ дѣти боярскія становятся такими же, какъ прежніе дворяне, зависимыми людьми, холопами царя; они начинаютъ цѣнить наименованіе дворянина, указывающее на ихъ близость къ царскому двору [30].

Служилый классъ *дворянъ и дѣтей боярскихъ* впервые при Іоаннѣ IV получаетъ болѣе стройную организацію.

По указу 1556 года произведена была по всему государству общая разверстка помѣстій для болѣе равномѣрнаго надѣленія землею служилыхъ людей. Было замѣчено, что „вельможи и всякіе воины (дѣти боярскія) многими землями завладѣли, а службою оскудѣли", и что служба ихъ не соотвѣтствуетъ размѣрамъ ихъ вотчинъ и помѣстій. Поэтому государь повелѣлъ: „творя уравненіе въ помѣстьяхъ землемѣріемъ, учинить каждому, что достойно, излишки же раздѣлити неимущимъ". При опредѣленіи помѣстныхъ надѣловъ въ этомъ случаѣ, какъ и при позднѣйшихъ частичныхъ и періодическихъ верстаніяхъ помѣщиковъ, принимались во вниманіе вотчинныя владѣнія служилыхъ людей. „Неимущіе" получали бо̀льшія помѣстья, чѣмъ лица, имѣвшія вотчины.

Одновременно съ этимъ устройствомъ помѣстнаго землевладѣнія была принята важная мѣра по отношенію къ землевладѣнію *вотчинному*. Еще до Іоанна IV было установлено правило, что люди, владѣющіе вотчинами, обязаны нести военную службу также, какъ владѣльцы помѣстій. Владѣніе землею на правѣ полной собственности не избавляло владѣльца отъ обязанности содѣйствовать личными силами защитѣ государственной территоріи. „Земля не должна выходить изъ службы", находится ли она въ рукахъ помѣщика или вотчинника. Земля сама, по понятіямъ того времени, замѣчаетъ проф. Загоскинъ, служитъ государству; вотчинникъ является только лицомъ, въ которомъ выражается служебная сила земли. Указомъ 1556 года размѣры службы съ вотчинъ были уравнены со службой съ помѣстій. При опредѣленіи размѣровъ этой повинности землевладѣльцевъ было постановлено одинаково по отношенію къ вотчинникамъ и помѣщикамъ, что съ каждыхъ ста четвертей (50 десятинъ) землевладѣльцы обязаны поставить одного вооруженнаго всадника: Іоаннъ IV повелѣлъ „съ

вотчинъ и помѣстій уложенную службу учинити, со ста четвертей доброй угожей земли человѣкъ на конѣ въ доспѣхѣ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь". За людей, надлежащимъ образомъ снаряженныхъ въ походъ, правительство выдаетъ денежное жалованье; „а кто землю держитъ, а службы не служитъ, на тѣхъ на самихъ имати деньги за люди" [31].

Уравнивая до нѣкоторой степени вотчинное землевладѣніе съ помѣстнымъ, правительство ограничило право собственности на вотчины въ отношеніи передачи ихъ по наслѣдству. Указами 1562 и 1572 г.г. было опредѣлено, что вотчины бояръ и дѣтей боярскихъ не могутъ переходить по наслѣдству далѣе четвертой степени родства: „далѣ внучатъ вотчинъ не отдавати роду" (1572). Если же бояринъ или сынъ боярскій умретъ бездѣтнымъ (не оставивъ наслѣдника мужскаго пола), „а ближняго роду и духовныя у него не будетъ, и та вотчина — государя, царя и великаго князя; а женѣ его изъ тоя же вотчины государь указъ учинитъ, какъ ей можно прожить, и душу умершаго государь велитъ устроить изъ своей казны" (т.-е. дастъ деньги въ монастырь на поминовенье).

Еще болѣе ограниченъ былъ переходъ по наслѣдству вотчинъ, купленныхъ изъ казны. Продавая частнымъ лицамъ казенныя порозжія земли въ московскомъ уѣздѣ, правительство, по указу 1572 г., предоставляло покупщикамъ только право передать ихъ дѣтямъ или дать въ приданое дочерямъ. Въ случаѣ бездѣтности лица, купившаго землю, правительство брало ее обратно въ казну и платило его родственникамъ или давало въ монастырь только тѣ деньги, за которыя вотчина была продана *) [32].

---

*) Правительство при этомъ не вознаграждало родственниковъ за хозяйственныя улучшенія въ вотчинѣ: «а буде та вотчина распахана и устроена, за нее платить родичамъ только тѣ прямыя деньги, что онъ далъ за нее».

III.

Общей организаціи помѣстной и вотчиной службы дѣтей боярскихъ по указамъ 1556 года предшествовало образованіе высшаго разряда служилыхъ людей, московскаго дворянства, по указу 1550 года. Этимъ указомъ, приговоромъ царя Іоанна съ боярами 1 октября 1550 года, велѣно было набрать по уѣздамъ избранную тысячу лучшихъ дѣтей боярскихъ и надѣлить ихъ помѣстьями въ Московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ, не далѣе 70 верстъ 140 верстъ по нашему счету) отъ Москвы. Избранные провинціальные служилые люди вошли въ составъ столичнаго дворянства, къ которому принадлежали знатные, княжескіе и боярскіе роды и дѣти боярскія, имѣвшія земли подъ Москвой. На одинаковыхъ условіяхъ съ рядовымъ дворянствомъ надѣлены были помѣстьями бояре, окольничіе и другіе высшіе сановники, не имѣвшіе подъ Москвою помѣстій или вотчинъ. Новые подмосковные помѣщики предназначались къ постоянной службѣ въ столицѣ и обязаны были быть готовыми къ исполненію различныхъ, преимущественно военныхъ, правительственныхъ порученій. Имена ихъ занесены были въ извѣстную *тысячную книгу*, сохранившуюся до нашего времени.

Московское дворянство, значительно увеличенное въ своей численности, раздѣлено было на три статьи или разряда по степени родовитости его членовъ. Двѣ первыя статьи были сравнительно немногочисленны и заключали въ себѣ всего 112 именъ. Къ первой статьѣ причислены были высшіе сановники, 28 человѣкъ, и 33 сына боярскихъ; второй разрядъ состоялъ изъ 79 человѣкъ дѣтей боярскихъ. Въ эти статьи вошли знатнѣйшіе княжескіе роды и вся боярская, первостепенная и второстепенная знать. Третья статья, самая многочисленная (900 человѣкъ слишкомъ), отличалась смѣшаннымъ составомъ; и здѣсь было много

родовитыхъ людей и князей, но огромное большинство лицъ, записанныхъ въ эту статью, принадлежало къ рядовому дворянству.

Кромѣ практической цѣли, облегченія службы въ Москвѣ, надѣленіе служилыхъ людей подмосковными помѣстьями могло имѣть также извѣстное политическое значеніе въ отношеніи княжатъ. Почти всѣ княжескіе роды и всѣ виднѣйшіе вошли въ составъ московскаго дворянства, размѣстившись по всѣмъ тремъ статьямъ, смотря по своей родовитости и служебному положенію. Они получали помѣстья подъ Москвой, съ обязательствомъ быть готовыми „для посылокъ", и слѣдовательно, должны были жить въ этихъ помѣстьяхъ, оставивъ свои вотчины въ болѣе или менѣе отдаленной отъ Москвы провинціи. Княжата, такимъ образомъ, стягивались къ московскому центру, становились дворянами-помѣщиками и разобщались съ тѣми мѣстами, гдѣ они владѣли наслѣдственными удѣльными землями, въ качествѣ владѣтельныхъ князей.

Дворяне и дѣти боярскія „московскаго списка" были главными дѣятелями центральнаго и областного, гражданскаго и военнаго управленія. Получая чины бояръ, окольничихъ, стольниковъ и пр., они занимали придворныя и приказныя должности. Они же весьма часто „служили въ начальныхъ людяхъ служилыхъ людей", командовали, въ должности сотенныхъ головъ, уѣздными отрядами (сотнями) провинціальныхъ дворянъ. Московскіе дворяне назначались также нерѣдко годовыми воеводами въ пограничные города, гдѣ требовалось постоянное присутствіе военной силы для бдительнаго надзора за движеніями непріятеля и для отраженія его внезапныхъ нападеній. При такихъ назначеніяхъ въ провинцію, правительство иногда, какъ замѣчаетъ проф. Ключевскій, сообразовалось съ мѣстными связями московскихъ дворянъ и назначало ихъ въ тѣ самыя мѣстности, гдѣ они владѣли вотчинами и откуда были взяты на службу по московскому списку. Такъ воеводами въ

города рязанской украйны, въ Пронскъ, Ряжскъ, Михайловъ очень часто назначали Сунбуловыхъ, Коробьиныхъ, Сидоровыхъ, бывшихъ рязанскихъ дѣтей боярскихъ, потомковъ бояръ бывшаго рязанскаго княжества. Но гораздо чаще и въ особенности при назначеніяхъ князей, правительство избѣгало поручать виднымъ представителямъ дворянскаго класса отвѣтственныя должности въ тѣхъ мѣстностяхъ, съ которыми они имѣли родовыя поземельныя связи. На западной границѣ, въ Смоленскѣ, Ржевѣ, Полоцкѣ и Юрьевѣ Ливонскомъ встрѣчаемъ воеводами или городничими князя Шуйскаго, кн. Прозоровскаго и другихъ столичныхъ дворянъ, принадлежавшихъ по происхожденію къ такимъ центральнымъ уѣздамъ, какъ Суздальскій, Переяславскій или Стародубскій (на Клязьмѣ) [33].

Во исполненіе указа 1550 года надѣлены были подмосковными помѣстьями 1078 человѣкъ служилыхъ людей изъ 46 городовъ: имъ роздано было до 180.000 десятинъ пахотной земли въ окружности Москвы на 140 верстъ, (въ уѣздахъ Московскомъ, Рузскомъ, Тарусскомъ, Звенигородскомъ, половинѣ Дмитровскаго). Помѣстные оклады были трехъ родовъ: дворянамъ первой статьи давали по 300 десятинъ пахотной земли, второй статьи—225 десятинъ и третьей—150 *).

*) Царскій приговоръ 1550 г. октября 1: «лѣта 7059 Октября въ 1 день, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи приговорилъ съ бояры учинить въ московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, да въ Рузѣ, да въ Звенигородѣ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, лучшихъ слугъ 1000 человѣкъ; а которымъ боярамъ и окольничимъ быть готовымъ въ посылки, а помѣстій и вотчинъ въ московскомъ уѣздѣ у нихъ не будетъ, и боярамъ, и окольничимъ дати помѣстья въ московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей, а дѣтямъ боярскимъ въ первой статьѣ дати помѣстья по 200-жъ четьи, а другой статьѣ дѣтямъ боярскимъ дати помѣстья по 150 четьи, а третьей статьѣ по 100 четьи. А сѣна имъ давати по толку-жъ копенъ на колко кому дано четвертыя пашни, опричь крестьянскаго сѣна... А который по грѣхамъ изъ тое тысячи вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, и въ того мѣсто прибрать другого»... (По обычному разсчету того времени обозначалось число четвертей,

Дѣти боярскія московскія и выбранныя изъ другихъ городовъ слились въ одно цѣлое, въ разрядъ московскихъ дворянъ. Дѣленіе на три статьи просуществовало недолго. При Θеодорѣ Іоанновичѣ закономъ 1587 года для всѣхъ московскихъ дворянъ установленъ былъ одинаковый размѣръ подмосковныхъ помѣстныхъ дачъ—въ 150 десятинъ (или 300 четей: 100 четей въ одномъ полѣ, а въ дву потому-жъ).

Земельныя владѣнія лучшихъ дворянъ были бы слишкомъ незначительны, если бы они ограничивались только этими подмосковными помѣстьями. Но эти дворяне, кромѣ помѣстій подъ Москвой, владѣли помѣстьями и вотчинами въ провинціи. Выйдя изъ провинціальнаго дворянства, они не порывали окончательно землевладѣльческихъ связей съ провинціей, какъ ни отвлекала ихъ отъ нея служба въ Москвѣ или на окраинахъ по особымъ порученіямъ. Кромѣ подмосковныхъ дачъ, московскіе дворяне получали въ значительно большемъ размѣрѣ помѣстья въ провинціи; по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ 1610 года, ихъ провинціальные помѣстные оклады равнялись 1050—1350 десятинамъ. Среднее помѣстное владѣніе московскаго дворянина, его подмосковное и провинціальное имѣнья, состояли изъ 1300 десятинъ пахотной земли, не считая луговъ и лѣсныхъ дачъ.

Провинціальное дворянство составляло особыя уѣздныя общества, приписанныя къ уѣзднымъ городамъ. Каждое общество дѣлилось на три чина-разряда дѣтей боярскихъ выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ. Помѣстные оклады ихъ при Іоаннѣ Грозномъ не были еще уравнены и весьма разнообразились по уѣздамъ. Дворяне каждаго чина дѣлились на статьи: ихъ помѣстные оклады сообразовались не съ чинами, но со статьями. Выборные дворяне извѣстныхъ статей получали равные оклады съ дворовыми и городовыми. Помѣстныя имѣнья лучшихъ представителей провин-

---

равныхъ полудесятинѣ лишь въ одномъ полѣ, при чемъ равное количество четей отводилось въ двухъ другихъ поляхъ: «въ одномъ полѣ, а въ дву потому-жъ».

ціальныхъ, выборныхъ дворянъ почти равнялись низшему окладу дворянъ московскаго списка, доходя до 1050 десятинъ. Беднейшіе помещики въ провинціи наделялись именьями въ 75 десятинъ, а въ некоторыхъ городахъ и еще меньшими дачами въ 30 десятинъ пахотной земли [34].

IV.

При Іоанне Грозномъ и Θеодоре Іоанновиче, въ связи съ постепеннымъ расширеніемъ пределовъ московскаго государства въ южныя и юго-восточныя степи, на югъ и востокъ отъ реки Оки, получаютъ особое значеніе *украинныя дети боярскія*, въ качестве военныхъ колонизаторовъ края. По мере движенія въ степь, правительство увеличиваетъ ихъ численный составъ; переводитъ во вновь возникающіе пограничные уезды, вокругъ передовыхъ крепостей, детей боярскихъ изъ центральныхъ местностей; пополняетъ ихъ ряды, верстая казаковъ въ дворянскіе чины. Іоаннъ Грозный въ 1571 году организуетъ украинную сторожевую службу, возлагая ее на помещиковъ пограничныхъ уездовъ.

Поселяя служилыхъ людей на южной окраине, правительство ставило ихъ въ очень тяжелыя условія. Оно давало имъ поместья въ полосе, подверженной непрестаннымъ татарскимъ набегамъ. Украинныя дети боярскія жили въ постоянной тревоге. Обрабатывая свои земли, помещики должны были быть готовыми защищать ихъ во всякую минуту съ оружіемъ въ рукахъ, а чаще всего оставлять ихъ на расхищеніе южнымъ кочевникамъ, чтобы, собравшись съ женами и детьми въ пограничной крепости, Кашире или Епифани, постараться отстоять отъ непріятеля хотя бы эту крепость [35].

При Іоанне III русское населеніе къ югу отъ р. Оки держалось только въ северной части нынешней Тульской губерніи, въ узкой полосе между Окой и Упой, и даже это населеніе не находило систематической защиты отъ татар-

скихъ набѣговъ. Чрезъ Тульскую губернію шли татарскія торныя дороги съ юга на сѣверъ, *шляхи* Муравскій и Изюмскій, и татарамъ почти всегда удавалось безпрепятственно дойти до самой Оки. Московское великое княжество должно было ограничиться самымъ необходимымъ, охраной центральной области, и стремилось лишь къ тому, чтобы лучше укрѣпить ближайшую естественную границу, р. Оку, или „берегъ", какъ тогда говорили, главнымъ образомъ, съ помощью татарскихъ подручныхъ царевичей. Только въ царствованіе Іоанна Грознаго, въ серединѣ XVI столѣтія, правительство рѣшается выдвинуть границу обороны южнѣе отъ „берега" въ степь, находитъ въ своемъ распоряженіи достаточно силъ, чтобы овладѣть „полемъ", какъ называлась тогда мѣстность Тульской губерніи,—и строитъ линію „польскихъ", укрѣпленныхъ городковъ: Тулу *), Веневъ, Крапивну (1563), Епифань (1562), на востокъ отъ Тулы—Ряжскъ (1558). Центромъ древнѣйшей защиты „берега" была Коломна; ея роль затѣмъ переходитъ къ Тулѣ, которая становится центральнымъ укрѣпленіемъ въ ряду польскихъ военныхъ городковъ. Южнѣе Тульской военной линіи работа построенія новыхъ крѣпостей велась не менѣе дѣятельно. Въ это время былъ построенъ Орелъ (1564) и большая часть городовъ Орловской губерніи. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича города-крѣпости строились не менѣе усердно. „Государь, говоритъ лѣтописецъ, видя отъ татаръ государству своему частыя войны и многія нападенія, посла воеводъ своихъ со многими ратными людьми на украйну и повелѣ имъ поставити грады. Они же шедше поставиша грады: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку: иніи же грады прежде тѣхъ поставлены—Воронежъ, Ливны, Курскъ, Кромы—и населиша ихъ ратными людьми, казаками, стрѣльцами и жительными многими людьми" [36].

*) Г. Тула впервые былъ построенъ гораздо раньше, въ 1380 г., но въ это время онъ былъ возобновленъ, послѣ неоднократныхъ разгромовъ татарами его укрѣпленій.

Гарнизонъ этихъ важныхъ пограничныхъ крѣпостей, посредствомъ которыхъ московское правительство отстаивало южныя области отъ татаръ, составляли низшіе служилые чины, пѣхотинцы стрѣльцы и казаки, и артиллерія: пушкари, затинщики и воротники. Дѣти боярскія и часть казаковъ служили конницею. Они жили въ помѣстьяхъ, отведенныхъ имъ вокругъ городковъ, и собирались въ крѣпость только во время татарскихъ набѣговъ; на этотъ случай они обязаны были имѣть въ крѣпости „осадные дворы“, въ которыхъ въ мирное время жили одни лишь ихъ крестьяне, холопы или вольные, гулящіе люди, въ качествѣ дворниковъ [37].

По мѣрѣ того, какъ линія обороны выдвигалась на югъ, дѣти боярскія переселялись на вновь занимавшіяся и болѣе опасныя мѣста. Въ 1571—1572 гг., для защиты новыхъ крѣпостей, Венева и Епифани, правительство переселило въ уѣзды этихъ городковъ часть дѣтей боярскихъ изъ Каширы и Тулы. Здѣсь имъ даны были помѣстья „въ половину пашенныя земли и въ половину дикаго поля“. Несмотря на постоянную опасность вторженія степняковъ, окрестности вновь построенныхъ пограничныхъ крѣпостей: Дѣдилова, Венева, Епифани были уже значительно заселены въ семидесятыхъ годахъ этого столѣтія. На дѣвственной почвѣ быстро возникаютъ военныя поселенія помѣщиковъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ передовую линію украинскихъ укрѣпленій составлялъ гор. Орелъ съ Путивлемъ, Рыльскомъ и Ряжскомъ. Орловскій край также усиленно колонизовался силами отдѣльныхъ помѣщиковъ, создававшихъ на дикомъ полѣ ряды мелкихъ поселковъ, починковъ. По берегамъ рѣкъ, у колодцевъ, на опушкахъ лѣсовъ дѣти боярскія выбирали себѣ займища подъ пашню и покосъ; строили усадьбы (дворы) на займищахъ, превращая ихъ въ починки, получавшіе названія отъ личнаго имени или фамиліи владѣльца-колонизатора.

Помѣстными дачами на этой окраинѣ надѣлялись не одни

дѣти боярскія, но и нѣкоторые служилые люди низшихъ разрядовъ, казаки и стрѣльцы, служившіе за денежное жалованье, подъ начальствомъ сотниковъ, головъ и атамановъ, назначавшихся изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ. Въ Дѣдиловскомъ уѣздѣ даны были небольшія помѣстья двумъ сотнямъ рядовыхъ казаковъ за азовскую и черкасскую службу. Въ разныхъ пунктахъ южной окраины владѣли помѣстьями также служилые татары; они размѣщались здѣсь отдѣльными группами, преимущественно въ уѣздахъ Каширскомъ, Пронскомъ и Зарайскомъ.

Составъ дѣтей боярскихъ пополнялся въ этихъ мѣстностяхъ иногда изъ низшихъ служилыхъ чиновъ, казаковъ. Въ 1585 году, въ Епифани набрано было изъ казаковъ 300 человѣкъ дѣтей боярскихъ; имъ даны были небольшія помѣстья въ уздѣ этого городка; первой статьѣ назначенъ былъ окладъ въ 60 десятинъ (40 четей); люди второй статьи получили еще меньше по 45 десятинъ (30 четей) [38].

Украинныя крѣпости съ военными поселеніями дѣтей боярскихъ были опорными пунктами въ борьбѣ съ татарскою степью. На дворянахъ и другихъ служилыхъ людяхъ лежала, кромѣ того, трудная сторожевая служба впереди крѣпостей. Сторожевыя станицы разсѣяны были по степи для постояннаго наблюденія за военными движеніями татаръ и для предупрежденія готовившихся вторженій. Начало этой станичной службы восходитъ къ четырнадцатому вѣку; правильную организацію она получаетъ при Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1571 году царь поручилъ боярину князю Михаилу Ивановичу Воротынскому „вѣдати и поустроити станицы и сторожи и всякія его государевы польскія (полевыя) службы“ Новый начальникъ сторожевой украинской службы на совѣщаніи съ дѣтьми боярскими, станичными головами выработалъ уставъ сторожевой и станичной службы, чтобы „государеву дѣлу было прибыльнѣе и государевымъ украинамъ было береженье, чтобы воинскіе люди на государевы украйны безвѣстно не приходили“. Но прежде, чѣмъ было окончено

введеніе новаго устава и сдѣлано было болѣе целесообразное распредѣленіе станицъ, совершилось извѣстное нашествіе Девлетъ-Гирея на Москву лѣтомъ 1571 года. Украинные дворяне не узнали заранѣе о готовившемся нашествіи, не успѣли своевременно предупредить правительство, которое было застигнуто врасплохъ татарскимъ ханомъ. Новый уставъ кн. Воротынскаго поэтому долженъ былъ быть введенъ въ дѣйствіе съ особымъ тщаніемъ. Сторожевые отряды дѣтей боярскихъ и казаковъ, по этому уставу, выходили изъ украинныхъ крѣпостей подъ начальствомъ сотенныхъ головъ и располагались стоянками гдѣ-либо въ удобномъ для наблюденій (усторожливомъ) мѣстѣ, откуда высылали разъѣзды по всѣмъ направленіямъ. Станицы должны были постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто: „два раза на одномъ мѣстѣ кашу не варить, и, гдѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать".

Каждая станица дѣтей боярскихъ выѣзжала въ степь на стражу два раза въ годъ на двухнедѣльный срокъ. За небрежное отношеніе къ этой отвѣтственной службѣ установлены были строгія наказанія: битье кнутомъ и смертная казнь. По указу 1580 года въ станичныхъ головахъ предписано было ѣздить дѣтямъ боярскимъ съ высшими помѣстными окладами (въ 600 и болѣе десятинъ), которыя внушали больше довѣрія „въ такомъ великомъ дѣлѣ, въ станичныхъ доѣздахъ"; всѣмъ вообще станичникамъ опредѣлены были оклады не ниже 150 десятинъ (100 четей). Вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими сторожевую службу несли лучшіе казаки: правительство приказывало прибирать на польскую службу только „добрыхъ и конныхъ казаковъ", которымъ за нее прибавлялись помѣстья и денежное жалованье. „Худые и безконные" казаки не получали помѣстныхъ придачъ и должны были нести лишь казачью, рядовую службу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сторожевая служба возложена была на наемныхъ сторожей. Но они несли эту службу хуже дѣтей боярскихъ; было замѣчено, что наемные сто-

рожа, севрюки (сѣверскіе жители), „стоятъ на сторожахъ неусторожливо, воинскіе люди на государевы украины приходятъ безвѣстно, а они того не вѣдаютъ и вѣсти отъ нихъ николи не бываетъ, а приходятъ съ вѣстями ложными". Вмѣсто наемныхъ севрюковъ, поэтому, были посланы на донецкія сторожи дѣти боярскія, Путивльцы да Рыляне (изъ Рыльска) [39].

Такой же военной колонизаціей, какъ на югѣ, московское правительство со второй половины шестнадцатаго вѣка закрѣпляло за собою востокъ, область покореннаго въ 1551 году казанскаго царства и рязанской украины. Дѣти боярскія переводились изъ разныхъ городовъ въ Казань, Свіяжскъ (1550), въ крѣпости, построенныя въ 1557 году на Волгѣ, Чебоксары и Тетюши, и гор. Лаишевъ на Камѣ. Рязанская окраина на границѣ ногайскихъ степей находилась въ большей безопасности, чѣмъ Тульская „украина" и Орловское „поле", открытыя нападеніямъ болѣе воинственныхъ крымскихъ татаръ. Возстановленіе земледѣльческой культуры въ запустѣвшихъ отъ татаръ областяхъ и колонизація дикой степи шли на рязанской окраинѣ еще быстрѣе, чѣмъ въ заокскихъ и „польскихъ" областяхъ. Здѣсь, кромѣ помѣстнаго, сильно развито было землевладѣніе вотчинное. Военные поселенцы, дѣти боярскія, были проводниками и опорою власти московскаго правительства также и на западѣ, на границѣ съ Литвою; послѣ завоеванія Полоцка, въ 1570 году, были розданы помѣстья дѣтямъ боярскимъ, невельскимъ и новгородскимъ, въ Полоцкомъ повѣтѣ [40].

V

Военно-служилое дворянство состояло въ вѣдѣніи Разряднаго приказа, военнаго министерства тѣхъ временъ. „Вѣдомы въ томъ приказѣ, говоритъ Котошихинъ, всякія воинскія дѣла и города строеніемъ и крѣпостьми, починкою и ружьемъ и служилыми людьми; также вѣдомы бояре,... дво-

ряне и дѣти боярскія, и казаки, и солдаты всякою службою: кого куда случится послати на службы въ войну, и на воеводства въ городы и во всякія посылки".

Первое по времени опредѣленное извѣстіе о Разрядѣ, какъ особомъ учрежденіи въ полномъ составѣ трехъ дьяковъ и нѣсколькихъ подьячихъ, относится къ 1535 году. Но военно-административное вѣдомство Разряда должно было выдѣлиться изъ общаго дворцоваго управленія въ самостоятельное учрежденіе еще при Іоаннѣ III, когда уничтожена была обособленность военной администраціи удѣловъ и возникъ классъ государевыхъ служилыхъ людей. Въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія, какъ и впослѣдствіи, въ этомъ приказѣ велись разрядныя росписи воеводъ, выдавались воеводамъ именные списки дѣтей боярскихъ, участвовавшихъ въ походѣ, — хранились составлявшіяся въ уѣздахъ особыя книги, десятни, куда заносились свѣдѣнія о служебной годности каждаго дворянина и сына боярскаго.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго образовывается особый Помѣстный приказъ. „Вѣдома въ томъ приказѣ, говоритъ Котошихинъ, всего московскаго государства земля и что кому дано помѣстья и вотчинъ". Разрядный приказъ вѣдалъ службу дѣтей боярскихъ, устанавливалъ общіе размѣры помѣстныхъ окладовъ и руководилъ *верстаніемъ* дѣтей боярскихъ, то-есть распредѣленіемъ ихъ по статьямъ. Помѣстному приказу, или избѣ принадлежало *испомѣщеніе* дѣтей боярскихъ,—надѣленіе ихъ землей по окладамъ, опредѣленнымъ въ Разрядѣ. Помѣстная изба не была, однако, подчинена разряднымъ дьякамъ; она самостоятельно завѣдывала казенными землями и надѣляла дѣтей боярскихъ тѣмъ или другимъ помѣстьемъ сообразно съ окладомъ и имѣвшимися въ ея распоряженіи свободными землями. Разрядный приказъ ограничивался тѣмъ, что опредѣлялъ, въ какомъ размѣрѣ должно быть дано помѣстье служилому человѣку, но предоставлялъ помѣстному приказу выдѣлить ему помѣстную

дачу изъ тѣхъ или иныхъ земель [41]. Помѣстный приказъ при этомъ, рѣдко надѣлялъ дѣтей боярскихъ помѣстьями сполна по окладу; большею частью помѣстная дача была нѣсколько меньше оклада.

Въ качествѣ военно-административнаго учрежденія, разрядъ имѣлъ несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ помѣстная изба, съ болѣе ограниченной компетенціей государственнаго земельнаго хозяйства. Сверхъ того, разрядный приказъ имѣлъ еще значеніе посредника между думой и и прочими приказами; онъ сообщалъ другимъ приказамъ распоряженія государя, касавшіяся ихъ; чрезъ него восходили въ думу справки, требовавшіяся отъ другихъ учрежденій. Иностранцы называли этотъ приказъ государственной канцеляріей.

Думный разрядный дьякъ имѣлъ большое вліяніе на государственныя дѣла; отъ него зависѣли всѣ служебныя назначенія. Въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго думнымъ разряднымъ дьякомъ былъ Андрей Щелкаловъ, пользовавшійся впослѣдствіи громкой извѣстностью. Въ 1571 году, онъ былъ сдѣланъ старшимъ (думнымъ) дьякомъ Посольскаго приказа, а его мѣсто занялъ младшій братъ его, Василій Щелкаловъ, который затѣмъ долгое время, до 1594 года, стоялъ во главѣ разряднаго приказа. Братья Щелкаловы, стоявшіе во главѣ двухъ важнѣйшихъ приказовъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича пользовались изумительнымъ вліяніемъ на дѣла. Голландецъ Масса говоритъ: „кромѣ Бориса Годунова, отъ котораго зависѣли всѣ дѣла государственныя, имѣлъ въ Москвѣ важное значеніе думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, человѣкъ необыкновенно пронырливый, умный и злой. Борисъ, считая его необходимымъ для управленія государствомъ, былъ очень расположенъ къ этому дьяку, стоявшему во главѣ всѣхъ прочихъ дьяковъ во всей странѣ. Во вѣхъ областяхъ и горадахъ ничего не дѣлалось безъ его вѣдома и желанія. Не имѣя покоя ни днемъ, ни ночью, работая, какъ безгласный мулъ, онъ же-

лалъ еще больше работать. Годуновъ не могъ надивиться его трудолюбію". О могуществѣ и самовольствѣ дьяковъ Щелкаловыхъ создалось въ XVII вѣкѣ не мало легендарныхъ сказаній; разсказывали, что они, составляя списки служебныхъ назначеній, самовластно вліяли на мѣстническій распорядокъ и искажали родословныя росписи. Когда Василій Щелкаловъ, нѣсколько уступавшій дарованіями своему брату, перешелъ въ Посольскій приказъ, мѣсто думнаго разряднаго дьяка занялъ Сапунъ Авран мовъ (1594), долгое время бывшій его помощникомъ [42].

Разрядному приказу, вѣдавшему дворянъ и дѣтей боярскихъ въ мирное время, руководившему ихъ пограничной (украинской) и сторожевой службой, въ военное время, когда дворянство призывалось къ исполненію своей главной, ратной повинности, принадлежала роль современнаго генеральнаго штаба. Дворянство, дворянская конница составляла главную военную силу московскаго государства. Въ походѣ 1578 года участвовало дворянъ 10.532 человѣка; если положить круглымъ числомъ, что каждый помѣщикъ приводилъ съ собою въ полкъ по два вооруженныхъ всадника,—то дворянская конница, считая дворянъ и ихъ людей, въ этомъ походѣ составляла болѣе половины всего московскаго войска *). Для похода на Полоцкъ въ 1563 году, когда Іоаннъ IV собралъ почти всѣ военныя силы государства, выставлено было въ поле еще болѣе всадниковъ дворянъ, а именно 18025 человѣкъ, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ московскихъ, новгородскихъ и разныхъ городовъ. Эта цифра не выражаетъ еще наличнаго числа всѣхъ дѣтей боярскихъ. Изъ десятитысячнаго украинскаго корпуса не менѣе половины помѣщиковъ должно было остаться въ 1563 году на мѣстахъ, для охраны

*) Въ походѣ 1578 года участвовало, кромѣ 10.532 дворянъ,—15119 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ; затѣмъ 6461 человѣкъ татаръ и новокрещеновъ, и 4513 людей изъ разныхъ городовъ. Изъ числа дворянъ-помѣщиковъ: 212 человѣкъ служилыхъ князей и выборныхъ дворянъ, 9211—дворянъ и дѣтей боярскихъ московской земли, 1109 новгородскихъ и юрьевскихъ помѣщиковъ.

юго-восточныхъ границъ отъ постоянно грозившаго нападенія татаръ. Въ шестидесятыхъ годахъ, слѣдовательно, въ спискахъ разряднаго приказа должно было числиться всего не менѣе 23.000 дворянъ и дѣтей боярскихъ. Все же московское войско во время ливонской войны состояло приблизительно изъ 75.000 конницы дворянъ, дѣтей боярскихъ и ихъ людей, изъ 20.000 человѣкъ стрѣлецкой пѣхоты и казаковъ, всадниковъ и пѣхотинцевъ, наконецъ, изъ 14.000 татаръ и другихъ инородцевъ и немногихъ иностранцевъ (голландцевъ, шотландцевъ, грековъ, датчанъ и др.); всего же, по счету г. Середонина, около 110.000 человѣкъ. Въ случаѣ надобности собирались, кромѣ того, даточные и посошные люди, число которыхъ было очень различно [43].

Войско дѣлилось, обыкновенно, на пять полковъ: Большой, Правая рука, Передовой, Сторожевой и Лѣвая рука. Каждый полкъ составлялся какъ изъ дворянской конницы, такъ и изъ стрѣльцовъ, казаковъ и татаръ; послѣдніе служили развѣдчиками. Въ небольшихъ походахъ бывало только по три полка: Большой, Передовой и Сторожевой; напротивъ, въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ казанскомъ походѣ 1550 года и полоцкомъ 1563 года, когда во главѣ войска находился самъ государь, прибавлялись еще царскій, или государевъ полкъ и Ертоулъ, передовой отрядъ, на обязанности котораго лежала развѣдочная часть и улучшеніе путей, по которымъ двигалось главное войско. Артиллерія или нарядъ и обозъ составляли также особыя части, имѣвшія самостоятельныхъ воеводъ. Надъ каждымъ полкомъ начальствовалъ воевода; это же званіе носили второй и третій воеводы полка; подъ ихъ начальствомъ состояли головы, командовавшіе отрядами въ 1000, 800 и 100 человѣкъ; у стрѣльцовъ, кромѣ того, были еще начальники — пятидесятники и десятники.

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, очень хвалили русскую артиллерію того времени. Флетчеръ, подчеркивающій темныя стороны московскаго государства, полагаетъ, что ни у одного

христіанскаго государя его времени не было такой прекрасной артиллеріи, какъ у московскаго царя. Другіе иностранцы удивлялись множеству орудій и снарядовъ, найденныхъ въ крѣпостяхъ Полоцкѣ и Великихъ Лукахъ, по взятіи ихъ Стефаномъ Баторіемъ. Нерѣдко, однако, въ крѣпостяхъ недоставало пороха; по этой именно причинѣ крѣпость Невль сдалась полякамъ. Благодаря хорошей артиллеріи, московскіе воеводы успѣшно отстаивали свои крѣпости. При защитѣ крѣпостей они проявляли большую стойкость и искусство, какого не хватало имъ для сраженій въ открытомъ полѣ. Чтобы возмѣстить этотъ недостатокъ, изобрѣтена была особая подвижная крѣпость, гуляй-городъ, слѣдовавшая за войскомъ въ походахъ. Эта крѣпость-обозъ, по описанію дьяка Ивана Тимофеева, была „яко градъ, тончайшими досками содѣланъ, щитоподобно, въ огражденіе вѣрнымъ“; она состояла изъ двухъ деревянныхъ стѣнъ, защищавшихъ воиновъ спереди и сзади; въ стѣнахъ были сдѣланы отверстія, въ которыя выставляли дула орудій и пищалей; при передвиженіяхъ войска, эту деревянную ограду разбирали на составныя части и перевозили на лошадяхъ.

Въ открытомъ полѣ русскія войска часто терпѣли пораженія, обнаруживая неумѣнье сражаться, отсутствіе искусныхъ вождей, полный недостатокъ дисциплины. Одной изъ главныхъ причинъ военныхъ неудачъ Ливонской войны было вооруженіе, составлявшее самую слабую сторону русскаго войска и негодившееся уже для войны съ западными сосѣдями, поляками и шведами. Въ семидесятыхъ годахъ дѣти боярскія, имѣвшія пищали, составляли самое незначительное меньшинство среди массы, не имѣвшей огнестрѣльнаго оружія; оно было въ то время почти исключительнымъ достояніемъ стрѣльцовъ. Но и эти немногія пищали были очень тяжелы, стрѣляли небольшою пулею и крайне неудобно заряжались. Обычное вооруженіе составляли лукъ, сабля, рѣже—копье, затѣмъ панцырь, желѣзная шапка или шеломъ. Весь приборъ къ луку, налучье, колчанъ и стрѣлы назывались „саадакомъ“.

„Быти ему, сыну боярскому, читаемъ въ десятнѣ 1577 года, на службѣ на конѣ, въ панцырѣ, въ шеломѣ, въ саадакѣ, въ саблѣ, съ копьемъ, да за нимъ два человѣка на коняхъ, въ панцыряхъ, въ шапкахъ желѣзныхъ, въ саадакахъ, въ сабляхъ“. Нѣкоторыя дѣти боярскія вмѣсто панцыря имѣли кольчугу или бехтерецъ (родъ кольчуги). Бѣднѣйшія дѣти боярскія и ихъ люди шли на войну безъ доспѣховъ, въ одномъ „тегилѣѣ“, кафтанѣ, подбитомъ пенькою или хлопкомъ, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ и короткими рукавами. Вооруженіе богатыхъ дворянъ и воеводъ, по свидѣтельству иностранцевъ, отличалось большою роскошью и великолѣпіемъ. Военачальники надѣвали на себя булатную броню и поверхъ ея одежду (тегиляй или приволоку) изъ золотой парчи, атласа или бархата съ опушкою горностаева мѣха; богато изукрашены были ихъ мечи, колчаны, сѣдла и конская сбруя. Во время Псковской осады изъ Пскова выѣзжали воеводы въ золоченыхъ шлемахъ, атласѣ и бархатѣ. Къ концу шестнадцатаго столѣтія огнестрѣльное оружіе получаетъ большее распространеніе среди дворянской конницы. По десятнѣ Ряжскаго уѣзда 1594 года бо̀льшая часть дѣтей боярскихъ должна была служить государеву, цареву службу съ пищалями. Однако, пищали и карабины не вытѣснили совершенно луковъ даже въ половинѣ слѣдующаго столѣтія; по десятнѣ 1647 года многія дѣти боярскія служили по старинѣ съ одними саблями и саадаками [44].

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, приходили въ изумленіе отъ выносливости и неприхотливости дворянъ и ихъ людей во время походовъ. „Думаю, говоритъ англичанинъ Чанслоръ, нѣтъ подъ солнцемъ людей, способныхъ къ столь суровой жизни, какую ведутъ русскіе. Хотя они проводятъ въ полѣ два мѣсяца послѣ того, какъ земля замерзнетъ уже на аршинъ, рядовой воинъ не имѣетъ ни палатки, ни чего-либо иного надъ головой; обычная ихъ защита противъ непогоды—войлокъ, выставляемый противъ вѣтра и бури; когда навалитъ снѣгу, русскій воинъ сгребетъ его и разведетъ

огонь, около котораго ложится спать. Такъ поступаетъ большинство изъ нихъ, за исключеніемъ знатныхъ, доставляющихъ себѣ на собственный счетъ другіе припасы. Но и эта жизнь въ полѣ не такъ изумительна, какъ ихъ суровость; каждый долженъ добыть и привезти кормъ для себя и для своей лошади на мѣсяцъ или на два; хозяинъ нерѣдко живетъ на водѣ и овсяной мукѣ перемѣшанной съ солодомъ, лошадь его должна питаться вѣтвями и тому под." Флетчеръ также удивляется выносливости русскихъ воиновъ: „Если бы русскій солдатъ съ такою же твердостью духа исполнялъ тѣ или другія предпріятія, съ какою онъ переноситъ нужду или трудъ, или столько же былъ бы способенъ и привыченъ къ войнѣ, сколько равнодушенъ къ своему помѣщенію и пищѣ, то далеко превзошелъ бы нашихъ солдатъ, тогда какъ теперь онъ много уступаетъ имъ и въ храбрости, и въ самомъ исполненіи военныхъ обязанностей.—Что бы можно было сдѣлать съ этими людьми, если бы они были выучены дисциплинѣ, искусству цивилизованныхъ войскъ. Если бы московскій великій князь имѣлъ въ своей странѣ людей, которые могли бы научить этимъ двумъ вещамъ, то, я думаю, лучшіе и сильнѣйшіе христіанскіе государи не могли бы соперничать съ нимъ" [45].

ГЛАВА V

Мѣры для поддержанія служилаго землевладѣнія.

I.

Дворяне и дѣти боярскія составляли своеобразное постоянное войско. Не имѣя средствъ содержать на жалованьи регулярныя войска, московское правительство создало классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, военно-служилыхъ людей, представлявшихъ нѣчто среднее между земскимъ ополченіемъ и регулярнымъ войскомъ. По первому призыву правительства дворяне должны были „конны, людны и оружны" являться

въ полки. Денежное жалованье, получавшееся ими отъ правительства, было очень незначительно. Они должны были содержать себя въ мирное время и доставать средства для отбыванія военной службы съ своихъ земель, наслѣдственныхъ вотчинъ, или пожалованныхъ правительствомъ помѣстій. Помѣстное и вотчинное, служилое землевладѣніе составляло основу всей военной организаціи государства. Московское правительство XVI вѣка не могло не принять мѣръ для предохраненія его отъ упадка.

Вотчинное землевладѣніе было обязано службой наравнѣ съ помѣстнымъ, имѣло одинаковое съ нимъ военное значеніе. Сообразно съ этимъ, правительство, съ одной стороны, устанавливаетъ контроль надъ обращеніемъ земель, надъ переходомъ вотчинъ отъ однихъ землевладѣльцевъ къ другимъ, съ другой стороны, стремится предохранить вотчинниковъ отъ обезземеленія, которое лишало ихъ возможности исправно отбывать службу. Іоаннъ IV, подобно своему отцу и дѣду, относился враждебно лишь къ крупнѣйшимъ княжескимъ владѣніямъ. Среднія боярскія и тѣмъ болѣе дворянскія вотчины не имѣли политическаго значенія. Іоаннъ IV не только не стремится разрушать такія вотчины, но, напротивъ, принимаетъ нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы сохранить дворянскимъ родамъ ихъ родовыя имѣнья, преслѣдуя при этомъ ту же цѣль, что и при надѣленіи помѣстьями неимущихъ служилыхъ людей, а именно, обезпеченіе исправнаго отбыванія военной службы.

Въ видахъ предохраненія отъ полнаго упадка дворянскаго землевладѣнія, Судебникъ царя Іоанна IV стремился обезпечить возвращеніе дворянскимъ родамъ утерянныхъ ими, путемъ продажи, наслѣдственныхъ владѣній. Съ этой цѣлью Судебникъ узаконилъ существовавшій съ древняго времени обычай выкупа родичами ихъ родовыхъ вотчинъ.

Московское законодательство не создало этого института; въ этомъ случаѣ, слѣдуя своему обыкновенію, оно только воспользовалось готовымъ, выработаннымъ жизнью,

институтомъ обычнаго права и, признавъ его полезнымъ для государства, поставило подъ охрану закона. Право выкупа родовыхъ вотчинъ восходитъ на Руси, также какъ на западѣ, надо полагать, ко временамъ глубокой древности. Земля въ тѣ времена составляла важнѣйшій предметъ обладанія человѣка, она одна только давала лицу твердую точку опоры въ жизни, давала прочное матеріальное обезпеченіе. „На владѣніи землей, говоритъ Неволинъ, основывалось, къ нему прикрѣплялось благосостояніе и имущество какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и семей и родовъ. Поэтому поземельная собственность въ древности была рѣдко отчуждаема". Сильное развитіе родственнаго чувства, родового сознанія, крѣпость семейныхъ и родовыхъ союзовъ вели къ признанію извѣстныхъ правъ рода на вотчины родичей. Когда крайность заставляла землевладѣльца продавать свою вотчину, онъ, помня о правахъ его родичей на эту землю, продавалъ ее первоначально только условно, предоставляя своимъ родичамъ право выкупить его землю. Это право выкупа родовой вотчины должно было быть у насъ столь же обширно, какъ и у германскихъ племенъ въ средніе вѣка. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ упадка родовыхъ союзовъ и развитія личности, ограничивалось на практикѣ и обычное право выкупа. Владѣніе землей все болѣе приравнивается къ владѣнію другими имуществами, утрачивается идея неподвижнаго, извѣчнаго владѣнія родовой вотчиной, земля, превращаясь въ мѣновую цѣнность, все чаще переходитъ изъ рукъ въ руки. Вотчинники нерѣдко отказываются отъ своего права выкупа, за себя и за своихъ дѣтей, и продаютъ вотчины *въ дернь, впрокъ, навѣки, безъ выкупа.* Судебникъ засталъ обычай выкупа вотчинъ въ періодъ начавшагося его упадка, но счелъ необходимымъ поддержать практику выкупа законодательными опредѣленіями [46].

Для землевладѣльцевъ нерѣдко было весьма важно вернуть въ свои руки именно ихъ родовую землю, ихъ отчину. Они обращались въ судъ, когда лицо, купившее ихъ родо-

вую землю, отказывалось продать ее имъ обратно нарушая ихъ право выкупа вотчины. „Мы, говорили истцы въ челобитной на судѣ, хотѣли у него, Андрея (купившаго землю), нашу вотчину выкупить, а нынѣча онъ ту нашу вотчину отдаетъ мимо насъ, вотчичевъ, въ Кириловъ монастырь, хотячи, Государь, насъ, холопей твоихъ въ конецъ уморити. Православный царь, Государь, покажи милость, не отведи отъ родителей, вели у насъ за ту вотчину деньги взять“. При продажѣ части вотчины, образовывалась неудобная черезполосность владѣній; у родичей возникали ссоры съ новымъ владѣльцемъ-чужеродцемъ, купившимъ часть ихъ родовой земли: „намъ, жаловались они, съ нимъ въ одномъ мѣстѣ прожить не мочно, людишекъ нашихъ бьетъ, и садишко отнялъ, и рощу сѣчетъ, а насъ выживаетъ изъ нашей отчинки“. Владѣніе землей въ одномъ мѣстѣ представляло иногда такія выгоды, что родичи готовы были выкупить отошедшій участокъ ихъ наслѣдственной земли, даже и по цѣнѣ превышавшей его дѣйствительную стоимость. Истцы, желавшіе выкупить такой участокъ, объясняли: „бьемъ челомъ потому, что наша вотчинка сошлась съ тою вотчинною землею, земля съ землею и пашню пашутъ и пожни косятъ черезъ полосу; Царь и Государь, вели у насъ за ту вотчинку деньги взять по цѣнѣ, *хотя и выше цѣны*, или въ то мѣсто вели нашей вотчинной земли взять въ иномъ мѣстѣ“. Выкупъ вотчинъ, будучи, такимъ образомъ, полезнымъ для поддержанія хозяйства вотчинниковъ, кромѣ того, могъ содѣйствовать болѣе равномѣрному распредѣленію земель между служилыми людьми; земли, скупленныя болѣе состоятельными землевладѣльцами, возвращались по праву выкупа назадъ въ роды, которые по бѣдности должны были ранѣе продать ихъ чужеродцамъ [47].

Тѣмъ не менѣе правительство XVI вѣка не нашло возможнымъ предоставить родичамъ право выкупа въ большемъ объемѣ, чѣмъ оно было установлено жизненной практикой, и ограничилось тѣмъ, что узаконило дѣйствовавшую прак-

тику выкупа вотчинъ, попытавшись предупредить полную потерю служилыми дворянскими родами фамильныхъ имѣній [48]. Ст. 85 Царскаго Судебника право выкупа отнято было у продавца вотчины, а также у его дѣтей и внучатъ: „кто вотчину продастъ и дѣтямъ его и внучатамъ до той вотчины дѣла нѣтъ, и не выкупити имъ ея“. Какъ видно изъ купчихъ предыдущаго времени, Судебникомъ былъ узаконенъ все болѣе распространявшійся среди лицъ, продававшихъ земли, обычай отрекаться при продажѣ вотчины отъ своего права выкупа. Судебникъ на будущее время окончательно обезпечилъ лицъ, покупавшихъ вотчины, отъ притязаній самихъ продавцевъ на выкупъ своей земли. Отъ этихъ притязаній были устранены, кромѣ того, дѣти продавца, а также и тѣ его родственники, которые присутствовали при сдѣлкѣ и подписали купчую, въ качествѣ свидѣтелей (послуховъ); подписаніе родичами купчей разсматривалось, какъ знакъ изъявленнаго ими согласія на отчужденіе имущества.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ право родичей на выкупъ родовой вотчины было формально узаконено Судебникомъ: „А не будетъ братьи въ послухахъ, и братья, или сестры, или племянники ту вотчину выкупятъ“. Для этого выкупа назначенъ былъ сорокалѣтній срокъ; при чемъ, вѣроятно, была принята въ соображеніе обыкновенная продолжительность одного человѣческаго поколѣнія.

Давая право выкупа родичамъ для того, чтобы сохранить за ними ихъ родовыя имущества, Судебникъ принялъ мѣры къ тому, чтобы не допустить злоупотребленій этимъ правомъ, не сдѣлать его источникомъ вредной спекуляціи. Для этой цѣли было постановлено, что выкупившій вотчину долженъ держать ее за собою или отдать ее своимъ родственникамъ; родичъ не можетъ пользоваться правомъ выкупа для корыстныхъ цѣлей перепродажи вотчины въ чужой родъ; онъ не имѣетъ права также выкупать вотчину на чужія деньги, слѣдовательно, для того, чтобы отдать ее

опять чужеродцу, отъ котораго получены были деньги для выкупа: „А кто выкупитъ вотчину чужими деньгами, или заложитъ, или продастъ, а доведетъ на него продавецъ, что онъ выкупилъ чужими деньгами и держитъ ее не за собою, и та вотчина прежнему продавцу безденежно“ *).

Стремленіе правительства поддержать наслѣдственное землевладѣніе особенно ясно обнаруживается въ узаконеніи Судебника относительно выкупа заложенныхъ вотчинъ. Выкупъ вотчинъ, заложенныхъ чужеродцамъ, былъ облегченъ болѣе выкупа проданныхъ родовыхъ вотчинъ. Было опредѣлено, что подъ залогъ вотчины можно давать деньги только въ размѣрѣ дѣйствительной стоимости земли. Если же „сторонній человѣкъ, а не вотчичъ возьметъ вотчину въ закладъ больше той цѣны, чего та вотчина стоитъ“, то владѣлецъ вотчины имѣетъ право выкупить ее изъ заклада, по той цѣнѣ, „въ мѣру, чего та вотчина стоитъ; а что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ, больше той цѣны, и у того тѣ деньги пропали“ [49].

II.

Охраняя служилое землевладѣніе, правительство должно было также обратить особенное вниманіе на совершавшійся въ обширныхъ размѣрахъ переходъ боярскихъ и дворянскихъ земель въ руки духовенства. Переходя во владѣніе церкви и монастырей, вотчины теряли свое военно-служебное значеніе. „Выходъ земли изъ службы“ ослаблялъ служилый землевладѣльческій классъ, разрушалъ военную организацію государства.

Въ это время монастырскія и церковныя имѣнья и земли быстро увеличивались, угрожая поглотить значительную

*) Особое узаконеніе о выкупѣ вотчинъ издано было вскорѣ послѣ Судебника, въ 1557 г., августа 5, коимъ было опредѣлено, что плата за выкупаемый лѣсъ или рощи не должна превышать платы за выкупъ пашенной земли.

часть служилыхъ вотчинъ. Скопленію земель въ церкви сильно содѣйствовалъ широко распространенный, благочестивый обычай давать вотчины на „вкладъ“ въ монастырь для вѣчнаго поминовенія усопшихъ. Движимые религіознымъ рвеніемъ, служилые люди, также какъ лица другихъ сословій, дѣлали богатые вклады въ монастыри какъ при жизни, такъ и въ особенности передъ смертью: рѣдкое изъ завѣщаній обходилось безъ оставленія въ пользу церкви всей вотчины или части ея. Съ другой стороны, множество земель переходило къ церкви путемъ купли-продажи и заклада; богатые монастыри охотно скупали земли у обѣднѣвшихъ князей и дворянъ или выдавали имъ ссуды подъ залогъ вотчинъ. Монастыри скоро богатѣли какъ вслѣдствіе доброхотныхъ даяній благочестивыхъ людей, такъ и вслѣдствіе того, что они пользовались важными льготами по отбыванію военной службы и уплатѣ податей. Дворянское же землевладѣніе переживало въ это время тяжелый экономическій кризисъ. Служилые люди на различныхъ условіяхъ занимали деньги въ монастыряхъ, всего чаще подъ залогъ своихъ вотчинъ, и затѣмъ отказывали эти вотчины въ монастыри „за долгъ и по душѣ“ [50]. „Богатый капиталистъ-монастырь сдѣлался, — по замѣчанію новѣйшаго изслѣдователя этого вопроса, — банкиромъ для страдавшаго безденежьемъ служилаго класса“.

Богатства монастырей и льготы, предоставленныя имъ, вызывали сильное раздраженіе противъ старцевъ-монаховъ въ другихъ классахъ общества. „Мы, говорили служилые люди, кровь свою проливаемъ, а они старцы живутъ, ни въ какую службу государю не помогаютъ“. Знаменитый Троице-Сергіевъ монастырь, владѣвшій громадными землями, велъ нескончаемыя тяжбы съ сосѣдними землевладѣльцами: „мнози отчины Сергіевъ монастырь имѣетъ, мнози и ссоры прилучаются отъ сосѣдствующихъ“, писалъ въ позднѣйшее время келарь этой обители Симонъ Азарьинъ. Дворяне, какъ и крестьяне, иногда даже вооружались противъ построенія

новыхъ монастырей. Когда преп. Макарій основывалъ Калязинскій монастырь, одинъ изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ грозилъ его убить, опасаясь, чтобы Макарій не присоединилъ его вотчины къ своей пустыни. Среди бояръ образовалась партія, требовавшая секуляризаціи церковныхъ имѣній во имя идеала скитской монашеской жизни. Эта партія, такъ называемые „нестяжатели“ (Нилъ Сорскій, Вассіанъ кн. Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ), приписывала сребролюбію и алчности иноковъ разрушеніе боярскихъ вотчинъ и переходъ ихъ въ монастыри. Указывая на упадокъ нравственности среди духовенства, она требовала изъятія церковныхъ имуществъ изъ вѣдѣнія духовенства и обращенія ихъ на благотворительныя дѣла. „А селами и волостями съ крестьянами царемъ не подобаетъ жаловати иноковъ и непохвально дѣлаютъ такъ цари, — сказано въ Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ, вышедшей изъ среды бояръ—противниковъ монастырскаго землевладѣнія,—лучше сложить съ себя санъ и вѣнецъ царскій, чѣмъ отвращать иноковъ отъ душевнаго спасенія мірскими суетами“. Другая партія, такъ называемые „Іосифляне“, съ Іосифомъ Волоцкимъ во главѣ, энергично отстаивала право монастырей владѣть вотчинами [51].

Не рѣшаясь на крайнюю мѣру, предлагавшуюся „нестяжателями“, отнятіе вотчинъ у монастырей, правительство избрало средній путь, — рѣшило сохранить во владѣніи духовенства земли, ранѣе имъ пріобрѣтенныя, но воспрепятствовать дальнѣйшему скопленію вотчинъ въ его рукахъ *). Въ 1551 году, по приговору Стоглаваго собора, княземъ,

*) Въ этомъ случаѣ Іоаннъ Грозный слѣдовалъ примѣру своего дѣда, Іоанна III, который сдѣлалъ первую попытку къ ограниченію перехода земель къ духовенству путемъ запрещенія землевладѣльцамъ нѣкоторыхъ новозавоеванныхъ городовъ (Твери, Торжка, Микулина, Оболенска, Бѣлозерска и Рязани) продавать и отдавать по душѣ въ монастыри вотчины безъ доклада Государю. Это было запрещено также нѣкоторымъ служебнымъ князьямъ: Суздальскимъ, Ярославскимъ и Стародубскимъ. Указъ этотъ былъ цѣликомъ подтвержденъ въ 1551 году.

дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ было воспрещено продавать свои вотчины монастырямъ, а также архіепископамъ и епископамъ безъ особаго разрѣшенія государя на каждый случай („безъ Царева и Великаго князя вѣдома и безъ докладу“). „А кто купитъ или кто продастъ вотчину безъ докладу и у тѣхъ деньги пропали, а у продавца — вотчина, и взяти вотчину на Государя, Царя и Великаго князя безденежно“. Въ 1551 году правительство ограничилось только запрещеніемъ *продажи* вотчинъ въ монастыри; отдавать же вотчины въ монастырь даромъ, „на вѣчной поминокъ по душѣ“ попрежнему не возбранялось. Разрѣшая по старинѣ завѣщать вотчины на поминовеніе души, правительство позаботилось только о томъ, чтобы обезпечить возвратъ вотчины въ руки служилыхъ людей посредствомъ выкупа ея у монастыря родственниками завѣщателя. Слѣдуя дѣйствовавшему обычаю, указъ 1551 года не предоставилъ, однако, родичамъ безусловнаго права выкупа родовой вотчины, но только подтвердилъ ихъ право выкупа, на тотъ случай, если оно было особо оговорено дарителемъ въ дарственной грамотѣ *).

Въ 1572 году запрещено было дѣлать земельные вклады въ богатыя обители: „въ большіе монастыри, гдѣ вотчинъ много, впередъ вотчинъ не давати; а которая будетъ вотчина и написана, ино ее въ помѣстной избѣ не записывати, и отдавати ее роду и племени служилымъ людямъ, чтобъ *въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила.* А кто которымъ монастырямъ малымъ дастъ вотчину, у которыхъ монастырей земель мало: и тѣ вотчины, доложа государя, записывати, а безъ докладу не записывати и безъ

*) Это право родового выкупа было еще болѣе обезпечено указомъ 1557 года, съ цѣлью удержать за собою завѣщанныя вотчины, монастыри назначали несоразмѣрно высокую цѣну выкупа: законъ пришелъ на помощь родичамъ, выкупавшимъ вотчины, и разрѣшилъ имъ обжаловать передъ правительствомъ неправильную оцѣнку вотчины; правительство могло, однако, вмѣшиваться въ такіе споры только до тѣхъ поръ, пока монастырь не былъ еще введенъ во владѣніе дарованной ему вотчиной [52].

боярскаго приговора“ [53]. Не удовлетворяясь этимъ указомъ, правительство въ 1580 году поручило собору изъ представителей духовенства: архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ и архимандритовъ вновь пересмотрѣть вопросъ о чрезмѣрномъ скопленіи недвижимыхъ имуществъ въ церкви. Духовный соборъ призналъ, слѣдуя внушеніямъ свѣтской власти, что отъ многочисленныхъ епископскихъ и монастырскихъ земель „нѣсть никоего прибытка“, что „села и пожни и иныя угодія земляныя по священнымъ епископіямъ и по святымъ монастырямъ въ пустошь изнуряются ради пьянственнаго и непотребнаго слабаго житія многообразне; многая-жъ и въ запустѣніе пріидоша“ Отъ перехода вотчинъ въ монастыри „воинственному чину оскудѣніе приходитъ веліе“. Между тѣмъ, этотъ „воинственный чинъ“ необходимо предохранить отъ оскудѣнія, въ виду грозящихъ государству многочисленныхъ внѣшнихъ враговъ, „отъ Турскаго и отъ Крымскаго, и отъ Нагай, и отъ Литовскаго Короля, съ нимъ же совокупишася Польша, Угры, Нѣмцы Лифляндскіе и другіе свѣйскіе; сіи всѣ совокупившеся, образомъ дивіяго звѣря распыхахуся, гордостію дмящеся, хотяху истребити православіе“. Несмотря на все это, епископы и игумены не нашли возможнымъ вернуть государству, для военно-служилыхъ людей, какія-либо изъ принадлежащихъ духовенству имѣній. Всѣ его земли и земляныя угодья, все ранѣе данное Богомъ „да не исходитъ изъ митрополій, епископій и монастырей; хотя которое мѣсто и не утверждено крѣпостьми и того у монастыря не выкупити и впередъ въ монастыри о вотчинахъ не тягатися“.

Подтверждая законъ 1551 года, соборъ постановилъ, что на будущее время духовенство должно „земель не покупать, не брать въ залогъ и не прибавливати никоторыми дѣлы“,— и вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ далѣе прежняго соборнаго приговора, а именно обязалъ вотчинниковъ не только не продавать въ монастыри вотчинъ, но и не давать ихъ безденежно „по душамъ“. Въ случаѣ же, если вотчинники нару-

шать это постановленіе и завѣщаютъ земли монастырю, то родственники ихъ имѣютъ неограниченное право выкупа вотчины; и не только родственники ближняго рода, но „хотя кто и далеко въ роду“; „а будетъ у кого роду не будетъ, ни ближняго, ни дальняго, и ту вотчину имать на государя, а деньги за нее платить изъ казны“ Это узаконеніе о выкупѣ изъ монастыря вотчинъ, данныхъ на поминовеніе души, при всей его незначительности на первый взглядъ, было важнымъ нововведеніемъ Новое постановленіе вело къ нарушеніямъ свято чтимой посмертной воли дарителя. Если вкладчикъ, проникнутый заботой о непрерывности и вѣчности поминовенія, боязнью учинить свою душу безпамятной, давалъ свою землю монастырю впрокъ, безъ выкупа, то онъ обыкновенно грозилъ нарушителямъ этой своей воли судомъ предъ лицомъ Бога, въ будущемъ вѣкѣ *). Соборный приговоръ обязалъ родичей нарушать волю завѣщателя, пренебрегая его грознымъ завѣтомъ [54].

III.

Среднее дворянство шестнадцатаго вѣка жило весьма бѣдно и съ трудомъ находило средства для исправнаго отбыванія тяжелой военной службы. Являясь въ полкъ, сынъ боярскій обязанъ былъ имѣть дорого стоившее вооруженіе и лошадей, долженъ былъ привести съ собой людей, надлежащимъ образомъ вооруженныхъ, наконецъ запасти провіантъ для себя, своихъ людей и лошадей на нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ большинствѣ случаевъ уѣздный дворянинъ не имѣлъ вотчины и жилъ доходами съ помѣстья. Между тѣмъ, средній размѣръ помѣстнаго оклада былъ невеликъ да и дѣйствительная помѣстная дача большею частью была меньше

*) «А роду моему ни ближнему, ни дальнему того села у Живоначальныя Троицы не выкупити, а кто наспльствомъ выкупитъ то село, и мнѣ съ нимъ судъ будетъ передъ Богомъ».

слѣдовавшей ему по окладу. Свободныхъ обработанныхъ земель недоставало для надлежащаго испомѣщенія служилыхъ людей. Недостатокъ земель заставлялъ сокращать помѣстныя дачи вдвое, втрое и вчетверо противъ оклада, а въ исключительныхъ случаяхъ ограничиваться выдѣломъ небольшихъ участковъ усадебной земли. Въ 1592 году въ Ряжскомъ уѣздѣ до 30 дѣтей боярскихъ, съ назначенными имъ окладами отъ 50 до 200 четвертей, получили лишь землю на „усадища“. Въ 70-хъ годахъ изъ 168 дѣтей боярскихъ изъ Путивля и Рыльска, записанныхъ на службу, — 99 человѣкъ совсѣмъ не получили помѣстій; остальные были „испомѣщены по окладамъ несполна, иные вполы, а иные въ третій и четвертый жеребій, а инымъ дали на усадища не помногу“. Въ Невельскомъ уѣздѣ многія дѣти боярскія, съ окладами отъ ста до четырехсотъ четей, владѣли лишь небольшими имѣньями отъ 16 до 85 четей (отъ 24 до 125 десятинъ). Они получили земли въ пополненіе ихъ окладовъ, при переселеніи въ Полоцкій уѣздъ въ 1570 году; но и послѣ испомѣщенія въ Полоцкой области ихъ помѣстная дача не достигла и половины оклада. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ довольно обычнымъ было испомѣщеніе въ половину оклада (Веневъ и Казань). На южной окраинѣ, вслѣдствіе недостатка культурной земли, правительство надѣляло дѣтей боярскихъ въ счетъ недостающаго количества пашенной земли лѣсомъ и дикимъ полемъ. Помѣщики иногда отказывались брать невоздѣланныя или запустѣвшія имѣнья „за пустомъ“, несмотря на то, что правительство давало имъ льготу въ податяхъ (кромѣ „городового дѣла“) на 8 и на 10 лѣтъ, и выдавало деньги на построеніе хоромъ (по 2 рубля на каждыя 100 четей). Дѣти боярскія могли сами пріискивать себѣ удобныя земли и ходатайствовать о пожалованіи имъ этихъ земель; они внимательно слѣдили за сосѣдними имѣньями, и, когда владѣльцы ихъ по чему-либо лишались права на владѣніе помѣстьемъ, спѣшили обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о передачѣ имъ

чужого помѣстья въ счетъ помѣстнаго оклада. Правительство опредѣляло даже новикамъ помѣстные оклады не менѣе 150 четей (225 десятинъ); но эти цифры окладовъ не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ размѣрамъ помѣстій. Писцовая книга Орловскаго уѣзда свидѣтельствуетъ о крайней незначительности владѣній помѣщиковъ; напримѣръ, „пашни паханыя доброй земли четь, да перелогу 2 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, а окладъ Богдану 40 четей, а *не дошло въ его окладъ 37 четей*; или „окладъ Ромашку 50 четей, а не дошло въ его окладъ 33 четьи; окладъ Епишкѣ 50 четей и не дошло въ его окладъ 30 четей“.

Владѣя, въ среднемъ, незначительными помѣстьями, дѣти боярскія, сверхъ того, не могли надлежащимъ образомъ вести хозяйство на своей землѣ, потому что военная служба весьма часто, на болѣе или менѣе продолжительное время, отрывала ихъ отъ хозяйственныхъ заботъ. Получавшееся дѣтьми боярскими денежное жалованье не могло служить существеннымъ подспорьемъ къ доходамъ съ земли. Денежные оклады были невелики и выдавались въ видѣ награды за участіе въ походахъ; въ мирное же время — въ извѣстные сроки, черезъ нѣсколько лѣтъ, большею частью въ четыре года разъ. Жалованье могло только покрывать издержки на вооруженіе и на поддержаніе его исправности. Служилые люди нерѣдко входили въ долги на боевое снаряженіе. Установленные въ 1556 году денежные оклады были въ прямомъ соотвѣтствіи съ качествомъ и исправностью вооруженія. За приведенныхъ помѣщикомъ ратниковъ правительство выдавало ему по 2 рубля за человѣка въ доспѣхѣ и по 1 рублю за человѣка въ тегиляѣ. Неимѣніе соотвѣтственнаго вооруженія или отдѣльныхъ его принадлежностей влекло за собою вычетъ изъ жалованья. Въ 1576 году, когда недостатокъ земель приводилъ къ тому, что многія дѣти боярскія совсѣмъ не получали помѣстій, правительство постановило выдавать неиспомѣщеннымъ дѣтямъ боярскимъ ежегодное денежное содержаніе [55].

Бѣдность служилыхъ людей въ связи съ большими служебными требованіями вела къ чрезмѣрной ихъ задолженности. Экономическій кризисъ, бывшій слѣдствіемъ истощенія естественныхъ богатствъ центральныхъ уѣздовъ и отлива населенія на южныя и восточныя окраины, крайне увеличилъ эту задолженность въ серединѣ XVI вѣка. Московское правительство рѣшилось на чрезвычайное мѣропріятіе. Указомъ 25 декабря 1557 года служилые люди были освобождены отъ уплаты процентовъ по принятымъ ими на себя долговымъ обязательствамъ, и погашеніе ихъ долговъ частнымъ лицамъ, заимодавцамъ, было разсрочено на пять лѣтъ. „По старымъ кабаламъ на прошлыя лѣта *всѣ росты* государь отставилъ и повелѣлъ на служилыхъ людяхъ правити долги денежные въ пять лѣтъ истинну деньги (сумму долга), безъ роста“, хлѣбные же долги велѣно было править „*безъ насепу*, разсчитавъ на пять жеребьевъ“. На будущее время установленъ былъ новый законный ростъ, въ 10% съ суммы долга, взамѣнъ прежняго 20-процентнаго. Существенныя льготы по уплатѣ долговъ, установленныя этимъ, такъ называемымъ *ростовымъ приговоромъ*, были распространены на все населеніе; но изъ самой редакціи указа, говорящаго, главнымъ образомъ, о „служилыхъ людяхъ“, видно, что эти мѣры были вызваны нуждами служилаго класса.

Указъ 11 января 1558 года, распространившій дѣйствіе ростоваго приговора на сдѣлки заклада вотчинъ, имѣлъ въ виду уже исключительно облегченіе тяжкой задолженности служилыхъ людей вотчинниковъ.

Закладъ земли сопровождался особенно тяжкими послѣдствіями для землевладѣльца, потому что по дѣйствовавшему въ это время обычному праву залога заложенная земля переходила въ пользованіе кредитора-залогопринимателя; кредитору предоставлялось право „за ростъ пахати“ взятую имъ въ закладъ землю. Вотчинникъ-залогодатель лишался, такимъ образомъ, возможности скопить изъ доходовъ съ земли деньги для выкупа заложенной вотчины. Въ случаѣ

просрочки долга, заложенная вотчина переходила немедленно въ собственность заимодавца: „а полягутъ деньги по срокѣ, ино ся кабала и купчая“. Указъ 1558 года установилъ пятилѣтнюю разсрочку уплаты долговъ, обезпеченныхъ залогомъ вотчинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнялъ у кредиторовъ право „пахать за ростъ“ заложенную вотчину. По уплатѣ одной пятой долга закладчику возвращалось право пользованія заложенной землей: „А взяти на заимщикѣ на первый годъ заемныхъ денегъ по расчету пятый жеребей, а вотчину отдати тому, кто закладывалъ“. Только въ томъ случаѣ, если землевладѣлецъ прекращалъ дальнѣйшіе платежи въ погашеніе долга, его вотчина, взятая изъ заклада, возвращалась обратно въ пользованіе заимодавца: „А не мочно будетъ которымъ впередъ въ тѣ пять лѣтъ платитись, и у тѣхъ людей тѣ вотчины велѣти имати, да отдавати тѣмъ же людемъ (кредиторамъ) назадъ въ ихъ деньгахъ пахати по старинѣ“ [56].

IV.

Чрезвычайные указы 1557 и 1558 годовъ, существенно нарушавшіе интересы кредиторовъ въ пользу землевладѣльцевъ, показываютъ, что задолженность служилыхъ людей, помѣщиковъ и вотчинниковъ приняла опасные размѣры. Въ послѣдующія десятилѣтія уровень экономическаго благосостоянія служилыхъ землевладѣльцевъ еще болѣе понизился. По тверскому списку 1585 года на 88 служащихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ царя Симеона Бекбулатовича показаны 41 человѣкъ помѣщиковъ, которые „службы не служатъ, помѣстья свои запустошили, сами или сбѣжали, или ходятъ межъ дворъ“. На періодическихъ смотрахъ всегда оказывалось по нѣскольку человѣкъ обнищавшихъ дѣтей боярскихъ, покинувшихъ свои запустѣвшія помѣстья и бродящихъ „межъ дворъ“, или сбѣжавшихъ безъ вѣсти.

Наиболѣе тяжкимъ было положеніе мелкихъ помѣщиковъ центральныхъ областей. Съ середины XVI столѣтія

начался сильный отливъ населенія изъ этихъ областей на вновь колонизовавшіяся юго-восточныя окраины. Разныя случайныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, многолѣтніе неурожаи пятидесятыхъ годовъ, усиливали этотъ отливъ. Иностранцы, замѣчаетъ проф. Ключевскій, по дорогѣ въ Москву встрѣчали на обширныхъ пространствахъ, даже по бойкимъ торговымъ дорогамъ одни свѣжіе слѣды прежней населенности края, большія, но безлюдныя села и деревни, жители которыхъ ушли куда-то; вездѣ народъ разбѣгался и пустѣли не только деревни, но и города. Съ половины XVI вѣка вопросъ о бѣглыхъ крестьянахъ становится больнымъ мѣстомъ русскаго землевладѣнія. Дѣлаются замѣтными усиленныя заботы землевладѣльцевъ о томъ, чтобы удержать на своихъ земляхъ крестьянъ. и переманить ихъ къ себѣ отъ сосѣдей или съ государственныхъ черныхъ земель

Уходъ крестьянъ тяжелѣе всего отзывался на положеніи средняго класса, помѣщиковъ. Крупные вотчинники и въ особенности монастыри удерживали и привлекали на свои земли крестьянъ различными льготами. Монастырскія земли на основаніи жалованныхъ или *тархинныхъ* грамотъ пользовались важными податными привелегіями; съ нихъ не взимались „никакія царскія дани и земскіе разметы". Царскимъ судебникомъ 1551 года тарханы были отмѣнены: „а тарханныхъ (грамотъ) впередъ не давати никому, а старыя тарханныя грамоты поимати у всѣхъ". Но постановленіе это совсѣмъ почти не примѣнялось на практикѣ. На соборѣ 20 іюля 1584 года духовенству предложено было вновь обсудить вопросъ о полной отмѣнѣ церковныхъ землевладѣльческихъ привилегій. Соборъ этотъ отмѣтилъ фактъ *„многаго запустѣнія въ вотчинахъ и помѣстьяхъ воинскихъ людей"*, и призналъ главной причиной обѣднѣнія помѣщиковъ то обстоятельство, что крестьяне во множествѣ уходятъ съ ихъ помѣстій на монастырскія земли: „крестьяне, вышедъ изъ за служилыхъ людей, живутъ за тарханы во льготѣ и отъ того великая тощета воинскимъ людемъ пріиде". Поэтому, „для

великой нужды и оскудѣнія воинскаго чина", соборъ постановилъ „отставить тарханы, покамѣсть земля поустроится", чтобы „воинскій чинъ (дворяне и дѣти боярскія) на брань противу враговъ креста Христова ополчался крѣпче". Этотъ приговоръ собора былъ отмѣненъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ октябрѣ 1584 года тарханы были возстановлены [58].

Крестьяне, жившие на помѣщичьихъ земляхъ, обязаны были *„слушать* помѣщика, подати ему платить и всякое издѣліе дѣлать". Работая на помѣщика, царскаго слугу, они въ его лицѣ служили государству. Но въ это время, въ концѣ XVI вѣка крестьяне, какъ выяснено новѣйшими изслѣдователями, сохраняли еще древнее право перехода. Сознавая вредъ, какой наносился помѣщичьимъ хозяйствамъ разбродомъ крестьянскаго населенія, правительство Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича не прибѣгало, однако, къ той крайней мѣрѣ — закрѣпощенію крестьянъ, — которая по настоятельнымъ ходатайствамъ служилыхъ людей была узаконена впослѣдствіи правительствомъ царя Алексѣя Михайловича для поддержанія воинскаго чина дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Первоначально, до конца XVI вѣка правительство стремилось, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы упорядочить крестьянскіе переходы. Судебникъ Іоанна III, слѣдуя обычной практикѣ, установилъ опредѣленное время въ году для переходовъ крестьянъ—Юрьевъ день (26 ноября): „А христіанамъ отказыватися изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и за недѣлю послѣ Юрьева дня осенняго", и опредѣлилъ размѣры пошлинъ, взыскивавшихся помѣщиками съ уходящихъ крестьянъ, въ видѣ платы за пользованіе дворомъ (за пожилые дворы). Этою послѣднею мѣрой правительство желало предупредить постоянные споры между землевладѣльцами и крестьянами изъ-за денежныхъ разсчетовъ при отказѣ. Чрезмѣрными поборами съ уходящихъ крестьянъ землевладѣльцы старались удержать ихъ на своихъ земляхъ. Вмѣшиваясь въ эту глухую борьбу между помѣщиками и крестья-

нами, правительство Іоанна III не становилось ни на ту, ни на другую сторону, имѣя въ виду лишь установленіемъ размѣра „пожилого“ предупредить столкновенія между обѣими сторонами. Правительство Іоанна Грознаго усвоило то же самое отношеніе къ этому вопросу. Ст. 88 Судебника 1551 года подтвержденъ былъ прежній срокъ крестьянскаго отказа (Юрьевъ день) и нѣсколько повышены были размѣры сборовъ въ пользу землевладѣльцевъ *). Но, узаконяя обычные высокіе сборы съ отказывающагося крестьянина, Царскій Судебникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью защитить крестьянина отъ дальнѣйшихъ притѣсненій, опредѣлилъ: „а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ“.

Необходимость уплатить эти пошлины, а также вернуть землевладѣльцу выданную имъ ссуду или подмогу ставила въ крайне затруднительное положеніе крестьянъ, желавшихъ перейти къ другимъ землевладѣльцамъ. Не имѣя средствъ для расплаты съ помѣщикомъ по правиламъ отказа, крестьяне нерѣдко уходили тайно. Число такихъ незаконно ушедшихъ, бѣглыхъ крестьянъ значительно увеличилось во второй половинѣ XVI вѣка, когда усилилась колонизація окраинъ. Московскіе приказы были завалены исками о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ. Правительство признало необходимымъ сократить число этихъ дѣлъ и указомъ 1597 года запретило помѣщикамъ возбуждать иски о возвращеніи крестьянъ, бѣжавшихъ за пять лѣтъ до этого указа, то-есть до 1592 года; „на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, за кѣмъ они выбѣжавъ живутъ, суда не давати, и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити“ [59].

Кромѣ незаконнаго выхода крестьянъ безъ уплаты пошлинъ и долговъ, въ это время получилъ большое распро-

*) «Въ полѣ за дворъ рубль да два алтына, а въ лѣсѣ, гдѣ десять верстъ до хоромнаго лѣсу, за дворъ полтина да два алтына. А пожилое имати съ воротъ (а не съ каждой избы). А за повозъ имати съ двора по два алтына, а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ (возъ съ пожитками крестьянина)». Ст. 88.

страненіе также *вывозъ* крестьянъ однимъ помѣщикомъ отъ другого. Помѣщики такъ нуждались въ рабочихъ рукахъ, что готовы были уплатить за крестьянина всѣ его долги и выходныя пошлины, чтобы только переманить его на свою землю, *вывезти* съ земли другого помѣщика. Вывозъ былъ въ то время главной формой перехода крестьянъ, и между помѣщиками велась постоянная борьба изъ-за крестьянъ. Каждый изъ нихъ старался удержать на своей землѣ своихъ людей, не допустить другого помѣщика перевести ихъ къ себѣ, и, въ свою очередь, старался переманить къ себѣ, „вывезти“ крестьянъ сосѣда. Въ этой борьбѣ брали верхъ богатые вотчинники, предоставлявшіе крестьянамъ бо̀льшія льготы и выдававшіе имъ бо̀льшія ссуды—подмоги. Мелкіе помѣщики силою удерживали крестьянъ, требовали отъ нихъ чрезмѣрныхъ пошлинъ, въ видѣ выкупа, мстили уходившимъ тѣмъ, что грабили ихъ имущество (животы).

Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ счелъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному положенію дѣлъ. Идя на встрѣчу желаніямъ средняго класса, помѣщиковъ, онъ указомъ 1601 года, въ видѣ временной мѣры на одинъ годъ, воспретилъ богатымъ землевладѣльцамъ, боярамъ, окольничимъ, большимъ дворянамъ, духовенству, вывозить крестьянъ на свои земли, и всѣмъ московскимъ помѣщикамъ повелѣлъ на этотъ заповѣдный годъ „крестьянъ промежъ себя не отказывати и не возити“. Въ Московскій уѣздъ, въ которомъ владѣли помѣстьями почти исключительно служащіе высшихъ чиновъ, запрещено было вообще перевозить крестьянъ изъ другихъ уѣздовъ. Всѣмъ же остальнымъ провинціальнымъ помѣщикамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ городовымъ разрѣшено было переводить крестьянъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы съ земель одного какого-либо помѣщика другой помѣщикъ не перевелъ къ себѣ болѣе двухъ крестьянъ. Законодатель въ семъ случаѣ стремился предупредить чрезмѣрное усиленіе одного землевладѣльца на счетъ другого.

Но сдѣлавъ эти уступки провинціальному дворянству, стремившемуся къ закрѣпощенію крестьянъ, указъ 1601 года, вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждая право крестьянскаго перехода, требовалъ, чтобы эти дворяне не удерживали насильно своихъ крестьянъ непомѣрными поборами, „отъ налога и продажъ давали имъ выходъ“. При распространеніи дѣйствія указа 1601 года на слѣдующій 1602 годъ, правительство настоятельно требовало, чтобы помѣщики „крестьянъ изъ-за себя выпускали со всѣми ихъ животы, безо всякія зацѣпки и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскія крестьянъ за собой не держали и продажъ имъ нѣкоторыхъ не дѣлали“ Запрещая крестьянамъ выходъ съ земель крупныхъ землевладѣльцевъ, указъ 1602 года, напротивъ, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить свободный переходъ крестьянъ отъ однихъ мелкихъ помѣщиковъ къ другимъ, всецѣло подтверждая ихъ древнее право отказа. Повторяя статью царскаго судебника, правительство царя Бориса Ѳеодоровича объявило, что помѣщики не имѣютъ права требовать съ уходящихъ крестьянъ другихъ пошлинъ, кромѣ пожилого (за дворъ рубль и два алтына). Помѣщикамъ было объявлено, что кто изъ нихъ „учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати“, тотъ будетъ въ великой опалѣ отъ государя. Правительство озаботилось и о томъ, чтобы эти распоряженія сдѣлались извѣстны всѣмъ помѣщикамъ и крестьянамъ: „бирючамъ велѣно было кликать о нихъ не одинъ день во всѣхъ посадахъ и на сельскихъ торжкахъ“ [60].

Этотъ указъ былъ послѣдней попыткой согласить интересы помѣщиковъ и крестьянъ посредствомъ урегулированія крестьянскихъ переходовъ. Правительство царя Алексѣя Михайловича, какъ будетъ указано ниже, признало необходимымъ лишить крестьянское населеніе права перехода.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

ГЛАВА I.

Боярство и мѣстничество.

I.

Смутное время не внесло новыхъ началъ въ государственную жизнь. Правительство Михаила Өеодоровича возстановляетъ, утверждаетъ и развиваетъ основы государственнаго строя, заложенныя въ предшедшемъ столѣтіи. Московское государство времени царя Алексѣя Михайловича по главнымъ началамъ своего строя не отличается отъ государства временъ Іоанна Грознаго. Къ 1650 году правительство окончательно прикрѣпляетъ къ тяглу крестьянъ и посадскихъ людей, обособляетъ классъ служилыхъ людей, строже обязывая его службой. Но прочное начало обособленію и закрѣпощенію классовъ тяглаго и служилаго положено было еще во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка.

Княжеское боярство обнаружило въ смутное время полное безсиліе вь своемъ значеніи высшаго правительственнаго класса; боярская дума, къ которой, съ паденіемъ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, временно перешла верховная власть надъ страной, не могла „устроить государства", отра-

зить поляковъ и шведовъ и прекратить внутреннія смуты. Когда московскіе бояре присягнули польскому королевичу Владиславу, отдавая Россію во власть польскаго короля, средніе классы, дворяне и посадскіе люди, не послѣдовали за ними, не признали ихъ правительственнаго авторитета. Служилое дворянство стало во главѣ народнаго движенія, которое возстановило внутренній порядокъ и сохранило національную независимость недавно объединенной Руси. Новое правительство царя Михаила Ѳеодоровича могло успѣшно закончить трудную борьбу съ Польшею и съ казачествомъ и совершить „великое государево и земское дѣло" возстановленія государственнаго порядка, только благодаря дѣятельной, самоотверженной поддержкѣ земскихъ людей. Понимая государственное значеніе тяжелой ратной службы дворянъ для „цѣлости православной вѣры и избавы крестьянской отъ враговъ", посадскіе и волостные люди изъявляли на соборахъ готовность платить частые сверхсмѣтные сборы на жалованье ратнымъ людямъ, „оскудѣвшимъ отъ многихъ службъ". На соборахъ 1615 и 1616 гг. выборные люди постановляли необычайные сборы пятой деньги, 20% налога съ годоваго дохода плательщика, сверхъ постоянныхъ податей и повинностей [1].

Московское боярство, однако, несмотря на нравственное пораженіе, понесенное имъ въ смутное время, сохранило при новой династіи свое значеніе наслѣдственнаго правительственнаго круга.

Принадлежавшія къ высшей знати княжескія фамиліи окончательно сравнялись въ это время съ старыми боярскими родами. Въ XVII вѣкѣ онѣ не имѣютъ уже и тѣни своего прежняго политическаго значенія: послѣ опричнины и смуты „княжата" сохранили лишь обломки своихъ наслѣдственныхъ владѣній, дававшихъ имъ особое вліяніе и силу. Виднѣйшіе князья-землевладѣльцы половины XVII столѣтія не имѣли уже большихъ удѣльныхъ вотчинъ; ихъ земельныя владѣнія составлялись изъ отдѣльныхъ участковъ, разбро-

санныхъ по многимъ (отъ пяти до тринадцати) уѣздамъ. Богатѣйшимъ вотчинникомъ по списку 1647 года былъ бояринъ не княжескаго рода П. И. Романовъ, имѣвшій болѣе 7012 крестьянскихъ дворовъ; за нимъ по величинѣ вотчинъ слѣдовали бояринъ Бор. Иван. Морозовъ, Ѳ. И. Шереметевъ; только князья Я. К. Черкасскій и Н. И. Одоевскій могли въ качествѣ землевладѣльцевъ соперничать съ этими боярами не княжескаго рода. Князья Куракины, Голицыны, Прозоровскіе, Репнины по количеству земельныхъ владѣній стояли ниже Морозовыхъ, Стрѣшневыхъ, Салтыковыхъ.

Къ половинѣ XVII вѣка, какъ замѣтилъ Котошихинъ, „прежніе большіе роды князей и бояръ, многіе безъ остатку миновались“. Угасли виднѣйшіе роды князей Мстиславскихъ, Глинскихъ, Шуйскихъ, Воротынскихъ. Но мѣсто ихъ въ высшихъ рядахъ правящаго круга заняли другія знатныя фамиліи. Въ XVII вѣкѣ такъ же, какъ въ XVI-мъ, „численное преобладаніе въ думѣ, говоритъ проф. Ключевскій, оставалось за членами родовитыхъ фамилій, хотя многія изъ этихъ фамилій были младшія вѣтви тѣхъ, которыя господствовали въ боярскомъ совѣтѣ XVI вѣка“ [2].

Пожалованіе высшимъ чиномъ боярина зависѣло отъ усмотрѣнія государя: онъ могъ возвести въ это званіе и незнатнаго человѣка. Но въ XVII столѣтіи, такъ же какъ въ предшедшемъ вѣкѣ, въ чинъ боярина возводились по преимуществу члены извѣстныхъ, знатнѣйшихъ родовъ. Достиженіе этого чина было затруднено для неродословныхъ людей необходимостью пройти послѣдовательно рядъ чиновъ: стольника, думнаго дворянина, окольничаго. Напротивъ, члены именитыхъ фамилій прямо возводились въ боярство изъ низшаго чина стольника, минуя окольничество. Въ этомъ состояло особое преимущество „большихъ родовъ“. Полученіе чина окольничаго низводитъ первостепенные роды въ разрядъ второстепенныхъ. Въ XVII столѣтіи было 19 такихъ перворазрядныхъ родовъ, пользовавшихся привилегіей назначенія въ чинъ боярина, минуя чинъ окольничаго, а именно:

князья Воротынскіе, Голицыны, Кашины, Куракины, Одоевскіе, Олшевскіе, Пронскіе, Репнины, Ростовскіе-Бехтеяровы, Буйносовы, Темкины, Сицкіе, Сулешовы, Трубецкіе, Урусовы, Хованскіе, Шаховскіе, Шуйскіе и одна не княжеская фамилія Морозовыхъ.

Второй разрядъ высшей знати составляли роды, члены которыхъ назначались какъ боярами, такъ и окольничими. Въ этотъ разрядъ входили на половину княжескіе и на половину старые боярскіе роды: Захарьины-Романовы-Юрьевы, Годуновы, Салтыковы, Стрѣшневы, Милославскіе, Нарышкины, Шереметевы, и второстепенные князья Барятинскіе, Бѣльскіе, Волконскіе, Долгорукіе, Лобановы-Ростовскіе, Лыковы, Хилковы, Черкасскіе и другіе. Государь при назначеніи бояръ и окольничихъ сообразовался съ родословною честью фамилій. Въ 1651 году П. Головинъ отказался принять чинъ окольничаго; онъ былъ за это наказанъ опалой, но лишь потому, что притязаніе его на полученіе чина боярина оказалось неосновательнымъ, такъ какъ его родственники служили въ боярахъ и окольничихъ. Нѣкоторые знатные роды не поднимались вовсе выше чина окольничихъ; къ нимъ принадлежали и нѣкоторые третьестепенные князья [3]

II.

Опорою боярства было мѣстничество, которое не допускало неродословныхъ людей занимать высокія мѣста. Назначеніе на ту или иную должность зависѣло всецѣло отъ усмотрѣнія государя; онъ могъ назначить на высокій постъ воеводы большого полка неродословнаго человѣка. Но въ такомъ случаѣ и воеводами другихъ полковъ необходимо было назначить такихъ же неродословныхъ людей, совсѣмъ устранивъ боярство, потому что никто изъ лицъ, гордыхъ своимъ отечествомъ, не согласился бы стать на совмѣстной службѣ ниже человѣка невысокаго происхожденія. Если же государь желалъ воспользоваться дарованіями хотя бы не-

многихъ знатныхъ лицъ, „кому ратное дѣло за обычай“, то при назначеніи полковыхъ воеводъ, ему приходилось уже вполнѣ согласоваться съ мѣстническими требованіями и поручить командованіе большимъ полкомъ лицу, наиболѣе высокому по отечеству. Поэтому какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкахъ весьма часто случалось, что отвѣтственный постъ перваго полкового воеводы поручался лицу неспособному, но весьма знатному. Успѣшно охраняя правительственное значеніе московской аристократіи вообще, мѣстничество, естественно, не могло предохранить отъ упадка отдѣльные, тѣ или другіе знатные роды. Напротивъ, оно даже нерѣдко содѣйствовало перемѣщенію центра тяжести отъ однѣхъ фамилій къ другимъ въ предѣлахъ аристократическаго круга. Оно точнѣе опредѣляло и запечатлѣвало упадокъ однѣхъ фамилій и возвышеніе другихъ, насчетъ упавшихъ. Возвысившіеся роды не уступали уже занятаго мѣста тѣмъ, кому оно прежде принадлежало. Отечество, древность рода сами по себѣ значили очень мало въ мѣстническомъ счетѣ: они имѣли значеніе только въ связи съ разрядной службой. Мѣста опредѣлялись по прежнему отношенію лицъ на совмѣстной, высшей разрядной службѣ. Разъ не было такихъ прежнихъ примѣровъ совмѣстной службы, или если такіе примѣры за давностью времени, или за измѣнившимся взаимоотношеніемъ всѣхъ вообще родовъ, теряли свое значеніе, знатный родъ при новыхъ назначеніяхъ на разрядную службу не могъ уже возстановить своихъ правъ на высшія мѣста и долженъ былъ становиться ниже другихъ.

Службы, служебныя назначенія, зависѣвшія единственно отъ государя и не измѣнявшія привилегированнаго положенія высшей знати вообще, оказывали могущественное вліяніе на измѣненіе значенія отдѣльныхъ знатныхъ родовъ. Родъ могъ долгое время совсѣмъ не служить по разряду, его прежняя разрядная служба забывалась, родъ худалъ, какъ тогда говорили, и потомкамъ, которые (Левашевы) „въ закоснѣніи родились и выросли“, трудно было при занятіи

высшихъ должностей возстановить свои отеческія права на высшее мѣсто. Нѣкоторые знатные русскіе роды, происходившіе отъ удѣльныхъ князей, захудали такимъ образомъ въ XVI вѣкѣ; ихъ родословныя были неизвѣстны среди удержавшихъ свое положеніе знатныхъ родовъ *), такъ какъ не были занесены въ составлявшіяся въ то время частныя родословныя книги. Когда въ слѣдующемъ столѣтіи нѣкоторые изъ членовъ такихъ опустившихся фамилій начали оправляться и снова выдвигаться на видныя мѣста, то лица менѣе знатныя, но занявшія тѣмъ временемъ постепенно высокое положеніе, отказывались считаться мѣстами съ захудавшими родами, какъ съ „неродословными". Такъ именно „утягивалъ", по спеціальному мѣстническому выраженію, князя Вяземскаго дьякъ Миронъ Вельяминовъ. Никто не отрицалъ того, что Вяземскіе были князьями Рюриковичами, тѣмъ не менѣе они признаны были неродословными, и правительство дало перевѣсъ надъ захудавшимъ княземъ Рюриковичемъ дьяку Вельяминову.

Когда извѣстный родъ удерживался неизмѣнно на разрядной службѣ, то въ такихъ случаяхъ, благодаря мѣстничеству, онъ болѣе или менѣе продолжительное время могъ успѣшно стоять на одномъ и томъ же мѣстническомъ уровнѣ; движеніе его вверхъ или внизъ не могло идти особенно рѣзкими скачками, но за то всякое случайное пониженіе одного изъ его представителей было трудно исправимой потерей или *потеркой*, какъ тогда говорили; всякое повышеніе, или *находка*, благодаря мѣстничеству, при обычной бдительности заинтересованныхъ лицъ, были для нихъ болѣе или менѣе прочнымъ пріобрѣтеніемъ. Каждая потеря и находка являлись на будущее время важными прецедентами, опредѣлявшими дальнѣйшее положеніе рода. Всякія такія случайныя отклоненія отъ нормы заносились въ лѣтописи жизни ро-

*) О князьяхъ Конинскихъ и Спажскихъ въ родословной замѣчено: «старшая вѣтвь многовѣтвистаго и многочестнаго рода Оболенскихъ, захудѣли и извелись».

довъ—разряды; ближайшія мѣстническія стычки не замедлятъ привести ихъ въ извѣстность, а боярское разслѣдованіе спора закрѣпитъ ихъ мотивированнымъ судебнымъ рѣшеніемъ.

Въ XVI, XVII вѣкахъ при обиліи службъ и мѣстничествъ, иногда рѣшаемыхъ правительствомъ несправедливо, но все же становившихся исходнымъ пунктомъ для послѣдующихъ притязаній, число „потерокъ" и „находокъ" должно было быть безконечнымъ, и мы, замѣчаетъ проф. Маркевичъ, постоянно встрѣчаемъ такія указанія: „князь Шуйскій въ меньшихъ товарищахъ съ княземъ Голицынымъ былъ, да сынъ князя Голицына послѣ того много потерялъ", или „Андрей Измайловъ въ разрядахъ перемѣнился", то-есть измѣнилось его разрядное положеніе къ тѣмъ лицамъ, съ которыми онъ бывалъ на службѣ.

Важное вліяніе потерь и находокъ, закрѣпляемыхъ такимъ путемъ, усиливалось двумя существенными правилами мѣстничества. Во-первыхъ, по общему правилу, хотя и терпѣвшему много исключеній, послѣднее и ближайшее служебное отношеніе лицъ покрывало собою всѣ предыдущія: „а искони во всѣхъ родахъ, кто передъ кѣмъ напослѣдъ потеряетъ, тотъ тому и виноватъ". Кто съ кѣмъ-либо одинъ разъ „былъ въ меньшихъ", тотъ не могъ уже на будущее время требовать, чтобъ его назначили „въ большихъ" съ тѣмъ же лицомъ, хотя бы по отеческой службѣ онъ и былъ выше того, передъ кѣмъ самъ потерялъ. Когда Ив. Волынскій основывалъ свой счетъ мѣстами съ Сабуровымъ на примѣрѣ совмѣстной службы ихъ дѣдовъ, оставляя въ сторонѣ невыгодный для него примѣръ совмѣстной службы отцовъ, то государь ему отвѣтилъ: „мѣстничаешься безлѣпно не отцемъ, но дѣдомъ, и тебѣ бы такъ по нашему наказу быть нынѣ пригоже и грамоты невмѣстной на Ивана Сабурова намъ тебѣ не давать".

Во-вторыхъ, каждое повышеніе или пониженіе одного члена фамиліи, отражалось такъ или иначе на всѣхъ его родичахъ. „Родъ, говоритъ Валуевъ, представляется, перво-

начально, пока не нарушена внутренняя послѣдовательность его отношеній, какъ одно самостоятельное цѣлое и живой организмъ". Всякое повышеніе одного члена этого организма соотвѣтственно повышало всѣ другіе; „всякое пріобрѣтеніе одного являлось новою благопріобрѣтенною собственностью всего рода, которою всякій членъ его могъ въ свою мѣру пользоваться на случай своего вступленія въ разряды государевы". Даже старшіе члены рода могли воспользоваться при послѣдующихъ счетахъ возвышеніемъ меньшаго родича и на немъ основывать свои притязанія. Они могли это сдѣлать, однако, только въ томъ случаѣ, если временно не служили въ разрядахъ, въ то время, какъ возвысились меньшіе родичи. Эти послѣдніе при такомъ условіи являлись представителями всего рода на разрядной государевой службѣ и, возвышая общую представительствуемую ими честь рода, возвышали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бывшихъ своихъ родичей. Но когда бо̀льшіе одновременно съ меньшими служили въ разрядахъ, то несоотвѣтствующее общему положенію въ родѣ, возвышеніе меньшихъ на разрядной службѣ было уже пріобрѣтеніемъ не всего рода, включая и старшихъ, но только меньшихъ, ихъ нисходящихъ и всѣхъ ниже ихъ стоящихъ родичей.

Старшіе родичи должны были занимать высшія мѣста, младшіе—низшія. Разъ это соотношеніе старшихъ и младшихъ на службѣ по разрядамъ нарушалось, прекращался и родовой счетъ лѣствицею между ними; возвысившаяся младшая линія обособлялась, не допускала счета между собою и старшей линіей рода, старшей по родословцу, но меньшей — по разрядной службѣ. „Бывшіе единородцы становились другъ другу навсегда и вполнѣ чужими" и требовали счета между собою единственно по примѣрамъ разрядной службы, какъ между чужеродцами: „во многихъ родахъ, что отъ большаго брата колѣно пойдетъ, а въ разрядахъ малы и худы будутъ, а отъ меньшова брата колѣно пойдетъ, а въ разрядѣ велики живутъ,—и тѣ худые съ добрыми по

родословцу лѣствицею не тяжутся, а тяжутся по случаямъ разряды". Опустившіяся старшія линіи, по выраженію Валуева, отсѣкали себя отъ рода и не считались уже отечествомъ съ возвысившимися младшими линіями, такъ какъ указаніемъ на свое родовое старшинство онѣ могли только унизить младшихъ родичей. Старшая, но упавшая линія князей Гвоздевыхъ изъ рода князей Ростовскихъ, — говорится въ одномъ мѣстническомъ челобитьи, — съ Катыревыми и Темкиными, младшими, но болѣе знатными линіями „въ отечествѣ не считаются и родителей своихъ ростовскихъ князей тѣмъ никакъ не худятъ, что они въ родствѣ своемъ по лѣствицѣ больше Катыревыхъ и Темкиныхъ"; когда разрядное отношеніе не совпадало съ отношеніемъ родовымъ, счетъ по разрядамъ покрывалъ собою счетъ по родословцу: хотя „князь Гвоздевъ великъ по родству князю Темкину, что отецъ, но по разряду меньше сталъ Темкина, что сынъ".

Потеря старшихъ представителей рода принижала весь родъ; потеря меньшихъ родичей, естественно, не нарушала правъ старшихъ линій, но принижала младшія линіи. Упавшія младшія вѣтви рода также должны были обособляться, отдѣляться отъ старшихъ, онѣ не могли уже ссылаться въ спорахъ на примѣры разрядной службы старшихъ. Приниженныя тѣмъ, что заняли мѣсто, не соотвѣтствовавшее имъ, какъ извѣстному звену рода, онѣ создавали для себя уже особые отъ остальныхъ родичей, разрядные прецеденты. Мѣстничество, такимъ образомъ, точнѣе опредѣляло и поддерживало повышеніе однихъ, упадокъ другихъ родовъ, „потери" (потерки) однихъ вѣтвей рода и „находки" другихъ.

Невысокая служебная должность сама по себѣ, какъ указано выше, не уменьшала чести, по строгой теоріи мѣстничества; уменьшить ее могла только совмѣстная служба съ представителемъ менѣе честнаго рода. Несмотря на это уже съ XVI вѣка распространяется взглядъ на унизитель-

ность для знатнаго человѣка нѣкоторыхъ должностей самихъ по себѣ. Считалась низкой, невмѣстной служба въ городничихъ, въ городовыхъ приказчикахъ, позднѣе (въ половинѣ XVII вѣка) въ посольскихъ гонцахъ, въ различныхъ стрѣлецкихъ чинахъ, въ ротмистрахъ и такъ далѣе. Правительство всегда старалось установить принципъ, что всякая царская служба честна; но отвѣтчикъ рѣдко пользовался этимъ принципомъ для своей защиты: онъ отбивался скорѣе тѣмъ, что въ такихъ службахъ служили не его родственники, но однофамильцы, до которыхъ ему и дѣла нѣтъ, или же родственники слишкомъ отдаленные. Иногда лица, которымъ ставили въ укоръ службу ихъ отцовъ въ городничихъ, старались возвысить значеніе этой должности; князь Пожарскій доказывалъ, что городничіе въ XVI вѣкѣ бывали вмѣсто осадныхъ головъ. Юрій Пильемовъ, когда князь Лыковъ утягивалъ его низкою службой отца въ городничихъ, отвѣчалъ: „а въ Полоцку были городничіе, и на нихъ и воеводы подъ руку глядѣли *), а иные большіе роды были и въ городовыхъ приказчикахъ, а нынѣ царскою милостью взысканы тѣ-жъ роды и въ боярахъ; все то дѣлается Божіимъ милосердіемъ да государевымъ призрѣніемъ, великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“ [4].

III.

„Великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“; въ этихъ словахъ обиженнаго отеческой службой человѣка выразилась новая точка зрѣнія, чуждая мѣстничеству. По главному основанію мѣстничества государь жалуетъ не великаго и малаго по произволу, но долженъ жаловать каждаго по отечеству, то-есть сообразно со службой отцовъ. „Бояръ своихъ и вельможъ пожалуй и береги ихъ по оте-

*) Мѣстническое выраженіе «глядѣть подъ руку», вмѣсто обычнаго «быть меньше», ниже; «не смѣть на нихъ и глядѣть»—быть несравненно меньше, (ниже).

честву“, говорили митрополиты царямъ при вѣнчаніи на царство.

Боярство удержалось при Михаилѣ Θеодоровичѣ на высшихъ мѣстахъ и съ прежней энергіей охраняло привилегированное свое положеніе, посредствомъ непрестанныхъ мѣстническихъ счетовъ. Судя по сохранившимся разрядамъ, ни въ одно царствованіе не было такого множества мѣстническихъ споровъ (до 400), какъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ. Изъ этихъ же источниковъ видно, говоритъ проф. Маркевичъ, что какъ во время правленія одного царя Михаила, такъ и при патріархѣ Филаретѣ, правительство постоянно считалось съ мѣстническими притязаніями бояръ, относясь къ нимъ, какъ къ обычному, неизбѣжному явленію, и только старалось нѣсколько умѣрить ихъ вредъ. Наказанія за неправильныя притязанія, неосновательное сопротивленіе назначеніямъ правительства присуждались обычныя: выговоры, тюрьма, выдача головою; только два раза правительство приняло особыя мѣры строгости: наказало боярина князя Голицына ссылкою въ Пермь за упорное мѣстничество на первомъ царскомъ бракосочетаніи и Волынскаго въ 1632 году—ссылкою въ Казань.

Для предупрежденія стычекъ правительство нерѣдко приказывало придворнымъ людямъ „быть безъ мѣстъ“, какъ напримѣръ, во время вѣнчанія Михаила Θеодоровича на царство, на обѣихъ свадьбахъ царя и во время встрѣчи королевича Вольдемара. Предписывалось также неоднократно быть безъ мѣстъ полковымъ воеводамъ, когда угрожали внѣшніе враги, „крымскіе и ногайскіе люди“. Когда ожидалось вторженіе польскаго королевича Владислава съ гетманомъ Сагайдачнымъ, въ 1618 году, принята была чрезвычайная мѣра того же рода: велѣно было всѣмъ чинамъ у всѣхъ государевыхъ дѣлъ быть безъ мѣстъ впредь по 1620 годъ.

Сословно-оборонительное значеніе мѣстничества, сохранившееся въ XVII вѣкѣ, ясно видно изъ любопытныхъ мѣстническихъ дѣлъ князя Дмитрія Пожарскаго. Бояре, гор-

дые отеческой службой, не уступали ни шагу этому знаменитому предводителю земскаго ополченія 1612 года, члену захудавшаго рода. „Никакая заслуга отечеству не могла возвысить лица передъ судомъ мѣстничества; Пожарскаго—спасителя Россіи, говоритъ Валуевъ, могла отстоять отъ непрестаннаго ряда челобитій лишь одна неизмѣнная благодарность царя Михаила Ѳеодоровича, который при этомъ долженъ былъ прибѣгать къ искусственнымъ обходамъ мѣстническихъ правилъ. — Но и милость царская не могла защитить Пожарскаго, возведеннаго ею въ высшую противъ его отечества честь, — передъ Салтыковымъ, однимъ изъ высшихъ членовъ мѣстнической лѣствицы, и должна была уступить требованіямъ мѣстничества въ выдачѣ Пожарскаго головою".

Происходя изъ знатнаго рода князей Стародубскихъ, Пожарскій старался въ мѣстническихъ спорахъ отстоять свои отеческія права. Онъ доказывалъ, что родъ его не потерялъ своихъ правъ, что онъ не потерпѣлъ никакой потери, и не могъ ея потерпѣть, потому что временно вышелъ изъ разрядной службы вслѣдствіе государевой опалы. — Пожарскіе въ послѣднее время совсѣмъ не служили, но они не бывали меньше другихъ, какъ своихъ родичей, такъ и чужеродцевъ, на совмѣстныхъ службахъ: „Пожарскіе меньше по случаямъ въ своемъ родствѣ и чужого рода не бывали,— и въ этомъ государева воля, какъ онъ меня, холопа своего, не велитъ учинить, только — мы въ своемъ роду и по лѣствицѣ, кого меньше, того меньше и кому въ версту, тому въ версту, потому что Пожарскіе, живучи въ опалахъ, меньше своихъ и чужихъ не бывали,—съ кѣмъ имъ невмѣстно быти, не бывали, и потерки нигдѣ не бывало".

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ мѣстничество охватываетъ болѣе широкій кругъ служебныхъ назначеній, но правительство вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ относиться къ нему съ большею строгостью, подготовляя скорую его отмѣну. Съ древнѣйшаго времени споры о мѣстахъ возникали

обыкновенно между болѣе знатными лицами при высшихъ служебныхъ назначеніяхъ. Наиболѣе частыми и вредными для государства были мѣстническія пререканія при назначеніяхъ полковыхъ воеводъ. Довольно часты были также мѣстничества городовыхъ воеводъ съ товарищами; товарищъ воеводы считалъ для себя невмѣстнымъ, если въ отпискахъ-предписаніяхъ правительство не упоминало его имени рядомъ съ именемъ воеводы. Споры изъ за отечества возникали постоянно между лицами, участвовавшими въ торжественныхъ придворныхъ церемоніяхъ, за царскимъ столомъ, при вѣнчаніи на царство, на царскихъ свадьбахъ, во время крестныхъ ходовъ, при встрѣчѣ пословъ. Мѣстничались царскіе дружки, послы, стольники, рынды. Бояре мѣстничались даже при полученіи царскихъ наградъ. Въ 1572 году Замятня Сабуровъ отказался принять въ награду полузолотой, потому что князю Димитрію Хилкову одновременно пожалованъ былъ золотой,—„а ему князя Димитрія меньше быти невмѣстно"*) Начиная съ царствованія Михаила Θеодоровича, возникаютъ мѣстничества среди лицъ малой чести, служащихъ въ чинахъ сравнительно низкихъ. „Начиная отъ большихъ, даже до меньшей чести сице творилося", говоритъ одинъ современный литературный памятникъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ начинаютъ мѣстничаться дьяки и гости (купцы). Въ разряды заносятся и болѣе низкія службы, напримѣръ засѣчныхъ сторожей, и соотвѣтственно съ этимъ возникаютъ мѣстничества людей неродовитыхъ.

Одновременно съ этимъ распространеніемъ счетовъ о мѣстахъ на болѣе широкій кругъ лицъ и служебъ, Алексѣй Михайловичъ начинаетъ примѣнять болѣе строгія кары за мѣстничество: Ржевскій за свое упорство въ спорѣ съ княземъ Лыковымъ сидѣлъ полгода въ тюрьмѣ, а помѣстья и

---

*) Третій, Г. Карповъ, пожалованный одновременно полузолотымъ, также «полузолотова не взялъ», и кромѣ того поставилъ на видъ, что его имя написано въ спискѣ пожалованныхъ ниже Замятни Сабурова, «а ему въ меньшихъ Замятни быть не мочно».

вотчины его были отписаны на государя; долгое время сидѣлъ въ тюрьмѣ и Н. Зюзинъ за мѣстничество съ Бор. Пушкинымъ. Наумовъ былъ сосланъ на Лену въ казачью службу; князья Хованскій и Лобановъ за мѣстничество во время войны приговорены были къ смертной казни, замѣненной высылкою въ деревню. „Мѣстническія столкновенія, замѣчаетъ проф. Маркевичъ, почти всегда оканчиваются въ пользу лицъ, высшихъ по разряду, а лицо, вчинающее споръ, наказывается; случаевъ выигрыша дѣла истцомъ почти не знаемъ: въ лучшемъ случаѣ по мѣстничеству не бывало никакого указа. Такіе результаты, едва ли были слѣдствіемъ большой осторожности при служебныхъ назначеніяхъ; скорѣе это показываетъ большую, чѣмъ прежде, силу правительства и возникновеніе въ правящихъ классахъ мнѣнія, что точное соблюденіе обычаевъ мѣстничества не представляется болѣе существенно необходимымъ“[5].

IV

Вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества былъ возбужденъ въ 1681 году членомъ одного изъ знатнѣйшихъ родовъ, просвѣщеннымъ княземъ В. В. Голицынымъ, который въ этомъ году руководилъ совѣщаніемъ изъ выборныхъ людей, назначенныхъ для обсужденія военной реформы. Князь Голицынъ съ выборными людьми предложилъ „для лучшаго устроенія государевыхъ ратныхъ и посольскихъ и всякихъ дѣлъ“ отставить и искоренить всѣ счеты мѣстами. 12 января 1682 года государь обсуждалъ этотъ вопросъ на соборѣ изъ думныхъ чиновъ, выборныхъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и духовенства (патріарха, архіереевъ и архимандритовъ). Ѳеодоръ Алексѣевичъ держалъ рѣчь противъ мѣстничества. Онъ указалъ, что еще Великій государь Михаилъ Ѳеодоровичъ учинилъ начало отмѣнѣ мѣстничества тѣмъ, что бояре и окольничіе, и думные и иныхъ чиновъ ратные люди во многихъ разрядахъ тогда были безъ мѣстъ“.

При Алексѣ Михайловичѣ такъ же въ его государскихъ походахъ во время войны съ Польшей и Швеціей „всѣ чины были безмѣстны же и во время того безмѣстія, при помощи Божіи, славныя надъ непріятелемъ побѣды учинилися. А которые бояре, презрѣвъ его государское повелѣніе, всчинали тогда мѣста и тѣмъ чинено наказаніе и разореніе отнятіемъ помѣстій и вотчинъ“. Въ послѣдующихъ же походахъ „между бояры и воеводы, для случаевъ отечества ихъ, многія быша несогласія и ратнымъ людямъ тѣснота и отъ того ихъ несогласія многій упадокъ ратнымъ людямъ учинился, а именно подъ Конотопомъ и подъ Чудновымъ и въ иныхъ многихъ мѣстахъ“. Возникновеніе мѣстничества приписано было внушеніемъ злокозненнаго супостата общаго діавола: онъ „всѣялъ въ незлобивыя прежде бывшихъ тогда славныхъ ратоборцевъ сердца—мѣстные случаи возлюбити, отъ которыхъ въ мимошедшія времена въ ратныхъ, въ посольскихъ и во всякихъ дѣлахъ учинилася великая пагуба и отъ непріятелей великое умаленіе“. Государь объявилъ, что онъ желаетъ „оныя разрушающія любовь мѣстничества разрушить и отъ такого злокозньства разрозненныя сердца въ мирную и благословенную любовь соединити“.

Патріархъ отвѣчалъ царю рѣзкою рѣчью противъ мѣстничества: отъ него, „аки отъ источника горчайшаго вся злая и Богу зѣло мерзкая и всѣмъ вашимъ царственнымъ дѣламъ ко вредительному происходило: оно благія начинанія, яко возрастную пшеницу терніе, подавляло и не точію родъ со инымъ родомъ за оное мѣстничество многовременныя злобы имѣлъ, но и въ единомъ родѣ таковое-жъ враждованіе и ненавистить содѣвались. Азъ же и со всѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никакія достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благоволеніе“.

Царь обратился къ боярамъ, чтобы каждый высказалъ „чистосердечно свою мысль безъ всякаго зазора“. Бояре, окольничіе и думные люди согласно отвѣчали: „чтобъ ве-

ликій государь указалъ учинить по прошенію патріарха и архіереевъ, и всѣмъ имъ во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ для того, что въ прошлые годы во многихъ ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ (мѣстническихъ) случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелямъ радованіе, а между ними было противное дѣло—великія, продолжительныя вражды".

Послѣ этого отвѣта государь велѣлъ принести разрядныя книги и сказалъ: „для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія тѣ всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки изволяемъ предати огню, чтобъ та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь не памятна была и соблазна-бъ и претыканія никто никакого не имѣлъ. И отъ сего времени повелѣваемъ боярамъ нашимъ и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ, и всякихъ чиновъ людямъ на Москвѣ, въ приказахъ и у расправныхъ дѣлъ, и въ полкахъ у ратныхъ и у посольскихъ и вездѣ у всякихъ дѣлъ быть всѣмъ межъ себя *безъ мѣстъ*, и впредь никому ни съ кѣмъ никакими прежними случаи не считаться и никого не укорять". На это всѣ присутствующіе отвѣчали: „да погибнетъ во огнѣ оное, богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется вовѣки".

И въ тотъ же день разрядныя „записки о мѣстахъ" были преданы огню въ сѣняхъ передней палаты дворца. Бояринъ князь Долгорукій, думный дьякъ Семеновъ, митрополиты и архіепископы „при томъ стояли, покамѣстъ тѣ книги совершенно всѣ сгорѣли", замѣчаетъ соборное дѣяніе.

Взамѣнъ потерявшихъ значеніе разрядныхъ книгъ государь повелѣлъ составить оффиціальную родословную книгу „предбудущимъ родамъ на память". Въ основаніе этой книги положенъ былъ „Государевъ родословецъ", составленный при Іоаннѣ Грозномъ. Царь повелѣлъ пополнить этотъ родословецъ всѣми честными и знатными родами, поручивъ это дѣло вновь учрежденной палатѣ родословныхъ дѣлъ

(подъ начальствомъ кн. Влад. Дмитр. Долгорукаго) *). Новая родословная книга дѣлилась на четыре части. Въ первую часть должны были быть занесены княжескіе и иные честные роды, которые были въ высокихъ чинахъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, а также всѣ старые роды, которые въ царствованіе Іоанна Грознаго служили въ близости къ государю или въ знатныхъ посылкахъ: въ посольствахъ, полкахъ или въ воеводахъ. Во вторую часть входили роды, которые служили въ такихъ же знатныхъ посылкахъ съ царствованія Михаила Ѳеодоровича, и были записаны въ десятняхъ въ первой статьѣ дворянъ. Въ третью часть записывались роды, которые въ тѣхъ честныхъ и знатныхъ чинахъ не были, а числились по десятнямъ въ средней да въ меньшихъ статьяхъ. Наконецъ въ четвертую часть вносились всѣ тѣ, кто за службы отцовъ или за свои пожалованъ былъ московскими придворными чинами [6].

Отмѣна мѣстничества объясняется упадкомъ боярской знати. Пока эта знать была сильна, она не отказалась бы безъ борьбы отъ мѣстничества, поддерживавшаго ея значеніе. Въ концѣ XVI вѣка бояре говорили: „то имъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть“. Но во второй половинѣ XVII вѣка большая часть „стародавныхъ честныхъ родовъ“ уже сошла со сцены. Мѣстническія притязанія многихъ представителей оставшихся знатныхъ родовъ не имѣли опоры

*) Родословная книга составлялась по частнымъ родословнымъ росписямъ, подававшимся по царскому повелѣнію частными лицами въ разрядъ. Росписи эти приносились въ разрядъ весьма медлительно. Послѣ нѣсколькихъ повторительныхъ указовъ, подано было съ 1682 по 1686 годъ всего около 600 росписей. Указомъ 23 сентября 1686 года дальнѣйшій пріемъ росписей и записка ихъ въ родословную книгу были прекращены. Но и изъ числа представленныхъ росписей, говоритъ г. Барсуковъ, едва ли четвертая часть вошла въ составъ родословной книги. Родословная палата составила (въ 1687 году) лишь первую часть этой книги, внеся въ нее росписи тѣхъ родовъ, которые включены были въ родословецъ Іоанна Грознаго. Родословная книга 1687 года была издана Новиковымъ, въ 1787 году, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ ея составленія; къ сожалѣнію, это изданіе сдѣлано было не по подлинному, а по неисправнымъ спискамъ,

ни въ служебномъ, ни въ матеріальномъ ихъ положеніи. Ѳеодоръ Шакловитый говорилъ о старомъ боярствѣ, что оно представляетъ изъ себя „зяблое упавшее дерево". Въ царствованіе Алексѣя Михайловича выдвинулось много новыхъ дѣльцовъ. Канцлеры этого царствованія, „великихъ государевыхъ и посольскихъ дѣлъ оберегатели", Афанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и Артамонъ Андреевичъ Матвѣевъ, были—первый сыномъ уѣзднаго псковскаго дворянина, второй—сыномъ дьяка, служившаго въ Казанскомъ дворцѣ; прежде, чѣмъ достигнуть высшихъ чиновъ, Матвѣевъ долгое время занималъ невидную должность полковника и головы стрѣлецкаго. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ наибольшимъ вліяніемъ на дѣла правленія пользовались новые люди, наиболѣе близкіе къ царю: Ив. Макс. Языковъ и Алексѣй Тимоф. Лихачевъ, происходившіе изъ незнатнаго дворянства. Языковъ, прежде чѣмъ сдѣлаться комнатнымъ стольникомъ и затѣмъ окольничимъ и бояриномъ, служилъ въ чинѣ „площаднаго стольника". „У царя Алексѣя Михайловича, говоритъ проф. Ключевскій, не оставалось старыхъ бояръ родовитѣе князей Одоевскихъ; а онъ и Одоевскимъ писалъ, пославъ что̀ было нужно на выносъ и погребеніе одного изъ нихъ: „впрямь узналъ и провѣдалъ я про васъ, что опричь Бога на небеси, а на землѣ опричь меня никого у васъ нѣтъ" Въ боярскихъ книгахъ можно найти краснорѣчивыя отмѣтки въ этомъ смыслѣ. Думные и даже простые дьяки получали помѣстные оклады по 1350—1500 десятинъ, а при именахъ комнатныхъ стольниковъ князей М. Ю. Долгорукаго и П. В. Прозоровскаго, которые потомъ стали боярами, списокъ 1670 года замѣчаетъ: „помѣстій и вотчинъ нѣтъ". Этотъ упадокъ старой знати наглядно отразился на генеалогическомъ составѣ думы при новой династіи. По списку 1668 года изъ 62 бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ можно насчитать не болѣе 28 именъ старыхъ фамилій, бывавшихъ въ думѣ при прежней династіи, а въ 1705 году находимъ всего 17 членовъ думы

съ такими фамиліями среди 52 бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ“ [7].

Мѣстническія понятія, естественно, не сразу изгладились изъ жизни. Столкновенія изъ-за мѣстъ возникали и послѣ соборнаго приговора 1682 года. Не смѣя открыто мѣстничаться, знатные люди уклонялись отъ невмѣстныхъ назначеній подъ различными предлогами, за что̀ подвергались немедленной карѣ. Такъ, въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны князь Козловскій, чтобы не занять за царскимъ столомъ мѣста ниже боярина Нарышкина, возвысившагося лишь благодаря свойству съ царскимъ домомъ, отказался подъ предлогомъ болѣзни явиться ко двору. За кн. Козловскимъ „два раза посыланъ былъ дьякъ, но онъ не поѣхалъ, а въ третій разъ посланъ дьякъ и велѣно, взявъ у него карету, привезть неволею. Но Козловскій вновь отказался за болѣзнію и былъ въ черномъ платье, и на дворѣ у него кареты и лошадей не сыскано, и тогда велѣно было за непослушаніе привезти его въ простой телѣгѣ. И привезенъ онъ былъ къ Красному крыльцу, и говорено ему было, чтобы онъ шелъ вверхъ, но онъ не пошелъ. И тогда, по государеву указу, изъ телѣги былъ взятъ и отнесенъ въ патріаршу крестовую и лежалъ на полу многое время и у стола не сидѣлъ, и велѣно было его за столъ посадить неволею, и онъ за столомъ о себѣ не сидѣлъ, а держали его разрядные подьячіе. И того-жъ числа государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичъ за то его многое ихъ указу ослушаніе указали честь у него боярства отнять“ [8].

ГЛАВА II.

Чины и должности.

I.

Въ Московской Руси какъ должности, такъ и чины—въ современномъ значеніи почетныхъ званій—одинаково назывались *чинами*; многіе изъ московскихъ чиновъ имѣли смѣ-

шанный характеръ должностей и почетныхъ званій, или званій и сословныхъ наименованій. Эти обстоятельства значительно затрудняютъ ихъ классификацію. Чины-званія постепенно выработались изъ должностей, утратившихъ первоначальное свое значеніе, подобно тому, какъ чины современной табели о рангахъ выработались изъ должностей совѣтника коллегіи, секретаря коллегіи и другихъ, установленныхъ Петромъ Великимъ.

Два высшихъ чина *боярина* и *окольничаго* имѣли исключительно значеніе почетныхъ званій. Лица въ званіи бояръ занимали высшія должности по гражданскому и военному управленію и присутствовали въ совѣтѣ государя—боярской думѣ. Имъ поручалось управленіе главными приказами; они назначались начальниками-воеводами полковъ, управляли областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ, вели дипломатическіе переговоры съ иностранными послами. Въ случаѣ выѣзда изъ столицы, государь „приказывалъ боярамъ Москву", то-есть поручалъ имъ центральное управленіе на время своего отсутствія. Бояре, высшіе сановники, администраторы и члены совѣта, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ придворныхъ лицъ, принимали участіе во всѣхъ торжественныхъ событіяхъ царскаго двора. Они сидѣли въ золотномъ платьѣ подлѣ государя при пріемѣ и отпускѣ иностранныхъ пословъ; въ торжественные выходы царя, когда люди разныхъ чиновъ жаловались къ рукѣ, бояре стояли подлѣ государя, а одинъ изъ нихъ поддерживалъ его руку, къ цѣлованію которой допускались приглашенные. Во время вѣнчанія государей на царство, бояре стояли на „чертежномъ мѣстѣ", особомъ возвышеніи въ 12 ступеней, приготовлявшемся въ Успенскомъ соборѣ для совершенія обряда вѣнчанія. Бояре, далѣе, сопровождали государя въ его поѣздкахъ по монастырямъ, по загороднымъ дворцамъ, на охоту. Они же, какъ лица, пользовавшіяся довѣріемъ государя, назначались воспитателями царевичей и состояли при нихъ „дядьками". Жены ихъ назначались къ царскимъ дѣ-

тямъ „мамами“ При вѣнчаніяхъ на царство бояре-дядьки вели подъ правую руку наслѣдника престола въ церковь.

Лица въ званіи окольничихъ занимали должности того же рода, что̀ и бояре, но съ меньшимъ значеніемъ. Окольничіе самостоятельно управляли многими приказами, иногда же назначались товарищами къ боярамъ, начальникамъ приказовъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, съ упадкомъ первостепенныхъ родовъ, чинъ окольничаго, дававшійся преимущественно представителямъ второстепенной знати, весьма выигралъ въ своемъ значеніи. Окольничимъ поручалось завѣдываніе такими важными приказами, какъ Большой Приходъ, главное финансовое управленіе, вѣдавшее всѣ торговые и таможенные сборы, или Разрядный приказъ, главное военное вѣдомство; въ то же время нѣкоторые бояре управляли второстепенными приказами, Ямскимъ или Пушкарскимъ. Подобно боярамъ, нѣкоторые виднѣйшіе окольничіе сосредоточивали въ своихъ рукахъ управленіе нѣсколькими разнородными вѣдомствами. Одинъ и тотъ же окольничій управлялъ при Котошихинѣ приказомъ Новая четверть, въ который поступали питейные сборы („кружечные дворы“), и приказами Оружейнымъ и „Золотаго и Серебрянаго дѣла“. Въ нѣкоторые приказы, какъ, напримѣръ, Разбойный, назначались при Котошихинѣ безразлично какъ бояре, такъ и окольничіе. Приближенные къ государю, ближніе или комнатные окольничіе поставлены были, по разряду 1675 года, даже выше бояръ.

Въ XVII столѣтіи третій изъ высшихъ чиновъ, чинъ *думнаго дворянина* также имѣлъ преимущественно значеніе почетнаго званія. Первоначально же въ XVI вѣкѣ этотъ чинъ былъ названіемъ должности члена совѣта, дворянина, присутствующаго въ думѣ. Предшественниками думныхъ дворянъ были (упоминаемыя въ источникахъ съ 1517 года) „дѣти боярскія, которыя у государя въ думѣ живутъ“. Чинъ думнаго дворянина жаловался въ XVII вѣкѣ обыкновенно неименитымъ людямъ, второстепеннымъ московскимъ дворянамъ и лучшимъ городовымъ дѣтямъ боярскимъ.

Эти три званія перваго разряда, чины бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ давались соотвѣтственно знатности лица. По общему правилу эти званія не составляли лѣстницы чиновъ, послѣдовательно проходимой служащими, но жаловались непосредственно, независимо одинъ отъ другого, служащимъ низшихъ чиновъ, стольникамъ или дворянамъ, смотря по родовитости фамиліи, къ которой принадлежали жалуемыя лица. Стольникъ перворазрядной фамиліи сразу получалъ чинъ боярина, минуя чины окольничаго и думнаго дворянина; стольникъ второразрядной фамиліи такимъ же образомъ получалъ чинъ окольничаго и обыкновенно въ этомъ чинѣ заканчивалъ свою служебную карьеру. Наконецъ, стольники, или дворяне незнатныхъ родовъ получали чинъ думнаго дворянина и большею частью не достигали высшихъ чиновъ боярина или окольничаго, составлявшихъ своего рода привилегію знатнѣйшихъ фамилій.

Таковъ былъ обычный порядокъ, унаслѣдованный отъ древности. Но при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ за указанными чинами начинаетъ утверждаться новое значеніе послѣдовательныхъ іерархическихъ ступеней. Случалось и раньше, что неродословные люди получали, вслѣдъ за чиномъ думнаго дворянина, чинъ окольничаго и даже боярина. Алексѣй Михайловичъ чаще, чѣмъ прежде, давалъ послѣдовательно эти чины лицамъ, которыя не имѣли на нихъ правъ по незнатности своего рода. Думный дьякъ Семенъ Ивановичъ Заборовскій, какъ указываетъ проф. Сергѣевичъ, былъ въ 1655 году назначенъ думнымъ дворяниномъ, въ 1674—окольничимъ, а въ 1677—бояриномъ. Извѣстный Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ сыномъ дьячка; но, получивъ въ 1671 году чинъ думнаго дворянина, онъ былъ въ томъ же году назначенъ окольничимъ, а въ 1675—бояриномъ. Кириллъ Полуектовичъ Нарышкинъ, сынъ городового дворянина, получилъ послѣдовательно въ теченіе трехъ лѣтъ (1671—1673) всѣ три высшихъ думныхъ чина [19].

II.

За думными чинами слѣдуютъ придворные чины-званія: *стольниковъ* и *стряпчихъ*. Стольничество было первоначально придворною должностью; стольники прислуживали у стола государя. Въ XVII столѣтіи лица, пожалованныя чиномъ стольника, также исполняли эту придворную обязанность. „Служба ихъ такова, говоритъ Котошихинъ: когда у царя бываютъ иныхъ государствъ послы или власти и бояре на обѣдахъ, и они въ то время предъ царя и предъ властей, пословъ и бояръ носятъ ѣсть и пить; всѣхъ яствъ на столъ вдругъ не ставятъ, и съ иными яствами блюда держатъ на рукахъ стольники". Но такое участіе стольниковъ въ рѣдкихъ придворныхъ торжествахъ было лишь ихъ внѣшнимъ отличіемъ, указывавшимъ на ихъ почетную близость къ царскому двору. Само по себѣ стольничество было въ это время только почетнымъ званіемъ. Лицъ въ чинѣ стольниковъ было очень много, до 500 человѣкъ. Они занимали довольно видныя должности, назначались воеводами, начальниками второстепенныхъ приказовъ, послами и товарищами пословъ; имъ поручались также важнѣйшія „сыскныя дѣла". нѣкоторые стольники несли исключительную придворную службу, и въ XVII вѣкѣ, для отличія отъ остальныхъ „площадныхъ" стольниковъ, назывались „комнатными" или ближними стольниками. Въ придворной должности *спальниковъ* они „спали у царя въ комнатѣ посуточно, по перемѣнамъ, человѣка по четыре, и съ царя одѣяніе принимали и разували". Обозначая чинъ и должность служащихъ, разряды и акты говорятъ о стольникахъ-воеводахъ, стольникахъ-полковникахъ, стольникахъ-спальникахъ.

Такое же значеніе имѣлъ чинъ *стряпчаго*. Въ качествѣ придворныхъ чиновниковъ, стряпчіе назначались по именной росписи къ разнымъ службамъ при особѣ государя. При его выходѣ въ церковь они несутъ за нимъ стулъ и

платокъ; во время церковной службы они держатъ государеву шапку. Когда государь принимаетъ личное участіе въ военномъ походѣ, стряпчіе несутъ его панцырь, мечъ, лукъ съ колчаномъ (саадакъ). Во время зимнихъ поѣздокъ государя по окрестностямъ Москвы, они назначаются въ „ухабничіе“, для поддержанія возка на ухабахъ. Во время праздничныхъ обѣдовъ у государя, стряпчіе служили *чашниками* и наравнѣ со стольниками ставили блюда передъ боярами и другими ближними людьми. Главною обязанностью *комнатныхъ* стряпчихъ было завѣдываніе царскимъ гардеробомъ (платьемъ, постелью и иною стряпней). Одну изъ придворныхъ обязанностей комнатныхъ стряпчихъ и стольниковъ составляло участіе ихъ въ придворныхъ церемоніяхъ, въ качествѣ *рындъ*. Въ бѣлыхъ атласныхъ или бархатныхъ кафтанахъ, опушенныхъ горностаемъ, въ высокихъ горлатныхъ шапкахъ съ бархатнымъ верхомъ, съ двумя золотыми цѣпями на груди, съ приподнятыми кверху серебряными топориками, рынды—стольники и стряпчіе—должны были стоять неподвижно около государя у подножія трона. Чинъ стряпчаго давалъ право на занятіе должностей болѣе низкаго класса, въ сравненіи съ чиномъ стольника. Стряпчіе не занимали должностей начальниковъ приказовъ; они служили на третьестепенныхъ воеводствахъ, въ посольствахъ же—посольскими секретарями. Чинъ стряпчихъ былъ еще болѣе многочисленнымъ, чѣмъ чинъ стольниковъ: ихъ было до 800 человѣкъ.

Чины стольниковъ и стряпчихъ давались только избранному московскому дворянству. Представители лучшихъ фамилій этого дворянства прямо назначались въ стольники и затѣмъ въ бояре или окольничіе. Неименитые же московскіе дворяне должны были послѣдовательно проходить чины стряпчихъ, стольниковъ, думныхъ дворянъ, чтобы при особенной удачѣ дослужиться до чина окольничаго.

Для рядового, „городового“ дворянства эта цѣпь чиновъ увеличивалась лишнимъ звеномъ, чиномъ *жильца*. Это было

низшее придворное званіе. Комнатные стольники служили у стола государя, стряпчіе—завѣдывали царскими вещами, комнатные же жильцы—смѣнами по 40 человѣкъ—охраняли „государевы хоромы и палаты". Званіе жильца давало право на занятіе низшихъ должностей. Городовые дворяне, однако, добивались этого чина, потому что онъ давалъ имъ возможность выслугою достигнуть высшихъ чиновъ стряпчаго, стольника и такъ далѣе.

Изъ лицъ, служившихъ въ высшихъ думныхъ чинахъ и придворныхъ, или *московскихъ чинахъ*: стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ, составлялся государевъ полкъ, царская гвардія. Этотъ полкъ сопровождалъ государя на войну, когда онъ самъ участвовалъ въ походѣ или состоялъ подъ начальствомъ главнаго воеводы. Въ мирное время начальники, головы и нѣкоторыя сотни этого полка участвовали въ придворныхъ церемоніяхъ: „на встрѣчѣ грузинскаго царя, по указу великаго государя (въ 1658 году), велѣно быть царскаго величества полку головамъ и ихъ сотенъ сотеннымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ и жильцамъ указныхъ сотенъ" [10].

III.

Отъ думныхъ и придворныхъ чиновъ отличались по существу чины московскаго дворянина и городового сына боярскаго. Эти „чины" имѣли значеніе сословныхъ наименованій. Все дворянство раздѣлялось по происхожденію на два разряда: *московскихъ дворянъ* и *городовыхъ дѣтей боярскихъ*. Московскіе дворяне непосредственно получали придворные чины стольниковъ или стряпчихъ: дѣти боярскія рѣдко дослуживались до этихъ чиновъ, и, чтобы получить ихъ, должны были пройти особые чины „дворовыхъ", или дворянъ и выборныхъ, иначе—„по дворовому списку" или „по выбору". Повышеніе изъ чина въ чинъ обусловливалось вообще для всѣхъ лицъ не столько выслугою, сколько ро-

довитостью. Московскій дворянинъ получалъ чинъ стольника или стряпчаго соотвѣтственно знатности своего рода и такимъ же образомъ повышался затѣмъ въ чины окольничаго или боярина. Равнымъ образомъ и городовыя дѣти боярскія верстались въ чины выборныхъ или дворовыхъ (по выбору или по дворовому списку) соотвѣтственно ихъ „отечеству".

Въ XVI вѣкѣ сыновья выборныхъ дѣтей боярскихъ писались „по выбору" при первомъ же зачисленіи въ службу; новики, сыновья дворовыхъ дѣтей боярскихъ или дворянъ, такимъ же образомъ, независимо отъ выслуги, верстались по дворовому списку. Этотъ порядокъ былъ измѣненъ въ первой половинѣ XVII столѣтія. Всѣ новики при верстаніи на службу должны были зачисляться въ чинъ дѣтей боярскихъ, служащихъ „съ городомъ" При послѣдующемъ пожалованіи ихъ чиномъ двороваго или выборнаго принималась во вниманіе, однако, не одна лишь ихъ служба, но и родство; сыновья дворянъ и выборныхъ имѣли преимущественное право получить съ теченіемъ времени по отечеству эти чины. „По Государеву указу, — читаемъ въ наказахъ воеводамъ, — новиковъ (при верстаніи на службу) по выбору и по дворовому списку писать не велѣно; а дѣтей боярскихъ велѣно по выбору и по дворовому списку писать въ разрядѣ *по родству и за службу*".

Родство или служба отца и родственниковъ не была, однако, необходимымъ условіемъ для полученія чина дворянина или выборнаго. Дѣти городового сына боярскаго также могли выслужить эти чины, „не по родству, а за службу".—Городовой сынъ боярскій изъ Рыльска, Титовъ просилъ государя написать его по дворовому списку, пожаловать чиномъ дворянина, за его тридцатилѣтнюю „службишку и за полонное терпѣніе, и за раны, и за то, что онъ на многихъ бояхъ съ польскими и съ литовскими людьми бивался". По справкѣ, наведенной разряднымъ приказомъ, оказалось, что челобитчикъ, дѣйствительно, былъ раненъ и

взятъ въ плѣнъ, (за что ему было придано 100 четей помѣстной земли и 4 рубля жалованья), но что его родственниковъ нѣтъ въ спискѣ дворовыхъ дѣтей боярскихъ его уѣзда. Тѣмъ не менѣе, хотя Титовъ и не имѣлъ правъ на чинъ дворянина по родству или по отечеству, было принято во вниманіе, что и ранѣе „дѣти боярскія разныхъ городовъ были написаны по дворовому списку *за службу, а не по родству*", и государь пожаловалъ, велѣлъ его написать по дворовому списку (1634 годъ). Сынъ боярскій Второво просилъ написать его съ сыномъ по выбору, во вниманіе къ ихъ боевымъ заслугамъ: „онъ съ своимъ сынишкомъ и племянникомъ на бою служили государю, билися явственно, убили двѣнадцать мужиковъ". Государь велѣлъ написать его по выбору, а сына по дворовому. Дѣти боярскія послѣдовательно проходили эти чины выборныхъ и дворовыхъ. Служившему въ рейтарахъ сыну боярскому Казимірову велѣно было по недосмотру дать чинъ выборнаго, минуя чинъ дворянина; онъ самъ обратилъ на это вниманіе начальства: „велѣно меня написать по выбору, и по выбору меня прежде двороваго не напишутъ"; ошибка была исправлена— челобитчика произвели въ дворовыя дѣти боярскія, или дворяне (1650). Въ наказанье за проступки по службѣ дѣти боярскія лишались чиновъ: у „нѣтчиковъ", не явившихся въ полкъ по призыву, велѣно было отписывать часть помѣстья, „да ихъ же изъ выбора и изъ двороваго списка написать съ городомъ и впредь въ выборъ и въ дворовый списокъ не писать" (1633).

Званіе московскаго дворянина было наслѣдственнымъ сословнымъ наименованіемъ; но оно могло быть пріобрѣтаемо и выслугой. Выборныя дѣти боярскія за службу повышались въ чины жильца и московскаго дворянина, „писались по московскому или жилецкому списку" *) такъ же,

*) Жилецъ Оброська Чебышевъ былъ произведенъ въ чинъ московскаго дворянина «за службу и по родству». «Служилъ я, писалъ онъ въ челобитной, твои государевы службы по жилецкому списку лѣтъ

какъ городовыя дѣти боярскія писались по дворовому списку, а дворовыя—по выбору [11].

Іерархія московскихъ чиновъ-званій представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Бояре. Окольничіе. Думные дворяне.

II. Стольники. Стряпчіе.—Московскіе дворяне.

III. Жильцы. Выборные дворяне изъ городовъ. Дворовыя дѣти боярскія, или дворяне.—Городовыя дѣти боярскія.

IV.

Отъ разсмотрѣнныхъ выше придворныхъ чиновъ-званій слѣдуетъ отличать придворные чины-должности: крайчаго, постельничаго, оружничаго, казначея и другіе.

Почетнѣйшей придворной должностью была должность *крайчаго*. На церемоніальныхъ обѣдахъ онъ подавалъ блюда царю и наблюдалъ за стольниками, прислуживавшими сановникамъ, боярамъ и посламъ. За небольшими исключеніями случайныхъ людей (Басмановъ, Годуновъ), крайчіе назначались изъ лучшихъ фамилій, нерѣдко перворазрядныхъ, боярскихъ. Большинство крайчихъ оставалось въ этой должности неподолгу, отъ одного до пяти лѣтъ; очень многіе изъ нихъ затѣмъ достигли боярства.

Постельничій вѣдалъ всю государеву постельную казну: его платье, бѣлье, перстни, хранилъ царскую печать. Онъ же завѣдывалъ Мастерской палатой, въ которой изготовлялись вещи на государевъ обиходъ. „И того постельничаго, замѣчаетъ Котошихинъ, чинъ таковъ: вѣдаетъ царскую постель и спитъ въ одномъ покоѣ (съ царемъ) вмѣстѣ, когда съ

съ 20 и больше, и никоторая служба меня нигдѣ не миновала, и «нѣтъ» на меня нигдѣ никакихъ нѣтъ; и нынѣ я посланъ въ Путивль къ межевымъ судамъ,—и мотчанья твоему скорому государеву дѣлу нигдѣ не учинилъ; а отецъ мой и дядья родные побиты за тебя, государя, на твоей государевѣ службѣ на бояхъ, а служили по московскому списку» (1637).

царицею не почиваетъ". Должность постельничаго занимали члены третьестепенныхъ некняжескихъ родовъ, которые не бывали не только въ боярахъ, но даже въ окольничихъ. Только въ царствованіе Алексѣя Михайловича для постельничихъ открывается болѣе свободное движеніе къ высшимъ чинамъ: И. М. Аничковъ и Г. И. Ртищевъ дошли до думныхъ дворянъ; М. А. Ртищевъ былъ возведенъ въ званіе окольничаго, а И. М. Языковъ достигъ боярства. Въ распоряженіи постельничаго состояли спальники, дежурившіе въ комнатѣ царя, и стряпчіе, ходившіе со стряпней. Въ помощники ему по управленію Мастерской палатой назначался особый *стряпчій съ ключемъ*, хранившій ключъ отъ постельной казны. Низшее мѣсто занималъ *шатерничій*, завѣдывавшій обстановкой дворцовыхъ палатъ, полавочниками, шатрами, шатровой казной; ему подчинены были шатерники—дворцовая прислуга. Лица, завѣдывавшія „оружничей палатой" и оружейнымъ приказомъ, назывались *оружничими*. Въ удѣльный періодъ обязанности оружничихъ, какъ предполагаетъ проф. Сергѣевичъ, исполняли „меченоши", которые не только носили, но и хранили княжеское оружіе. Московскимъ оружничимъ принадлежало почетное положеніе; въ этой должности служили родовитые люди, имѣвшіе чины окольничаго или боярина.

Казначеи въ XVI вѣкѣ не только хранили государеву казну, но и вѣдали различные государственные доходы, между прочимъ—таможенный; они присутствовали въ думѣ и писались выше думныхъ дворянъ. Широкое вѣдомство казначеевъ весьма сократилось въ половинѣ XVII вѣка: завѣдываніе доходами перешло въ финансовые приказы разнаго наименованія. По свидѣтельству Котошихина денежный доходъ казеннаго двора, которымъ управлялъ казначей, не превышалъ 3.000 рублей и въ вѣдомствѣ его состояло посадскихъ торговыхъ людей не болѣе 500 человѣкъ. На дѣловую должность казначея назначались люди новые, неименитые. Изъ князей занималъ это мѣсто только одинъ князь

П. П. Мосальскій. Но должность казначея прокладывала дорогу къ высшимъ почестямъ. Съ отправленія этой должности началось возвышеніе Траханіотовъ, Головиныхъ, Ѳ. И. Сукина, бывшаго казначеемъ въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 1544 года) и возведеннаго въ чинъ боярина.

Въ XVI столѣтіи видное мѣсто принадлежало главнымъ должностямъ по дворцовому управленію,—*дворецкаго* и *конюшаго.* Сама по себѣ должность дворецкаго не повышала чести лица; когда дворецкимъ назначался сынъ боярскій (князь Петръ Вас. Великій въ 1561 году) или дворянинъ (кн. Ѳ. И. Хворостининъ въ 1577), онъ писался въ спискѣ чиновъ ниже окольничихъ. Но въ теченіе XVI столѣтія должность дворецкаго давалась почти исключительно лицамъ въ званіи бояръ. Дворяне-князья, Ѳ. И. Хворостининъ и А. М. Львовъ, назначенный на эту должность въ 1626 году, получили, состоя дворецкими, чинъ окольничаго и затѣмъ боярина.

Должность конюшаго, управителя дворцоваго конюшеннаго вѣдомства давалась съ 1496 года лишь лицамъ, имѣвшимъ чинъ боярина. Со времени Іоанна Грознаго должность конюшаго дается важнѣйшимъ боярамъ. При царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ бояре Степанъ Васильевичъ и Дмитрій Ивановичъ Годуновы, состоявшіе въ должностяхъ дворецкаго и конюшаго, занимали первенствующее мѣсто среди бояръ. Такое значеніе этихъ должностей отмѣчено Котошихинымъ: „кто бываетъ конюшимъ, и тотъ первый бояринъ чиномъ и честью“; бояринъ дворецкій—„честью бываетъ другой человѣкъ, подъ конюшимъ первый“.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, говоритъ проф. Сергѣевичъ, въ значеніи наименованія дворецкаго, произошла существенная перемѣна. „Изъ наименованія должности съ опредѣленнымъ кругомъ обязанностей оно стало почетнымъ титуломъ. Получивъ отъ своего отца только одного боярина дворецкаго кн. А. М. Львова, Алексѣй Михайловичъ возводитъ въ это званіе въ 1646 году 12 человѣкъ, и затѣмъ

проходитъ рѣдкій годъ, чтобы званіе боярина-дворецкаго не было пожаловано одному, двумъ, а то, какъ въ 1653 году, и шести лицамъ. Званія боярина и дворецкаго сливаются въ одинъ высшій почетный титулъ". Послѣдній, кому при Алексѣѣ Михайловичѣ было сказано: бояринъ-дворецкій, былъ, имѣвшій чинъ окольничаго, извѣстный Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Управленіе конюшиннымъ вѣдомствомъ въ XVII вѣкѣ упало въ своемъ значеніи; оно поручалось *ясельничимъ*, прежнимъ помощникамъ конюшихъ. М. Ѳ. Нагой былъ послѣднимъ бояриномъ-конюшимъ; послѣ его удаленія отъ должности бояре-конюшіе болѣе не назначались. Должность управителя конюшиннымъ вѣдомствомъ, ясельничаго, давалась съ этого времени людямъ неименитымъ: Татищевымъ, Елизаровымъ, Кондратьевымъ, Болтинымъ. Даже чинъ думнаго дворянина былъ слишкомъ высокъ для должности ясельничихъ; ясельничіе, возведенные въ званіе думнаго дворянина, замѣнялись другими лицами.

Важные дворцовые управители удѣльнаго времени, *сокольничій* и *ловчій*, еще въ XVI вѣкѣ потеряли свое значеніе. Въ сокольничіе и ловчіе назначались въ то время люди неименитые, возвышавшіеся, однако, благодаря этой должности до чиновъ думныхъ дворянъ, окольничихъ и даже бояръ. Гавр. Григ. Пушкинъ былъ послѣднимъ сокольничимъ (до 1606 года). Въ XVII столѣтіи эти должности были уничтожены; царская охота на звѣря (ловчіе) была передана въ вѣдомство Конюшеннаго приказа, а соколиная потѣха при Алексѣѣ Михайловичѣ состояла въ вѣдомствѣ приказа Тайныхъ дѣлъ [12].

V

Особый рядъ чиновъ составляли приказные чины *думныхъ дьяковъ*, *дьяковъ* и *подьячихъ*. Послѣдовательнымъ прохожденіемъ этихъ чиновъ служащій могъ достичь тѣхъ же высшихъ думныхъ чиновъ, къ которымъ вели придворные

чины стряпчаго и стольника. Эти два ряда чиновъ приказной и придворной службы замыкались наверху одними и тѣми же почетными званіями думнаго дворянина, окольничаго и боярина. Дьякъ Ларіонъ Лопухинъ, дослужившись до чина думнаго дьяка, сдѣланъ былъ впослѣдствіи думнымъ дворяниномъ. Дьякъ Сем. Ив. Заборовскій, послѣдовательно проходя ступени чиновной лѣствицы, дослужился до чина боярина.

Но случаи такого возвышенія дьяковъ были довольно рѣдки. Для большинства дьяковъ высшимъ чиномъ, какого они могли достигнуть, былъ чинъ думнаго дьяка. Они составляли особый классъ служащихъ, состоявшій по преимуществу изъ лицъ низкаго происхожденія. Ряды ихъ до указа 1641 года безпрепятственно пополнялись не только дѣтьми духовенства, но и посадскими и крестьянами, „торговыми и пашенными людьми“. Вслѣдствіе этого и чины дьяческіе считались „худыми“. Тѣмъ не менѣе многіе дворяне изъ незначительныхъ или захудалыхъ, „закоснѣвшихъ“ родовъ, которые не могли выдвинуться службой въ придворныхъ чинахъ, избирали приказную службу. „Тѣ дьяки, говоритъ Котошихинъ, въ дьяки бываютъ пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ, и изъ гостей, и изъ подьячихъ“. „Во многихъ фамиліяхъ, говоритъ г. Лихачевъ, дьячество и чисто дворянская военная служба идутъ бокъ-о-бокъ, и нерѣдко дьячество служитъ къ возвышенію упавшихъ дворянскихъ фамилій“. Дворяне московскіе и городовые при этомъ назначались не въ низшій чинъ подьячихъ, но прямо въ дьяки. Добившись этого чина, они, однако, продолжали считать его унизительнымъ для дворянской чести. Ларіонъ Лопухинъ, дворянинъ, назначенный дьякомъ Казанскаго дворца, счелъ для себя очень обидной просьбу гостей (купцовъ) написать ихъ въ Уложеніи 1649 года выше дьяковъ: онъ билъ челомъ, чтобы его или написали въ Уложеніи особой отъ дьяковъ статьей, или совсѣмъ отставили отъ дьячества. Государь его пожаловалъ, велѣлъ

„впередъ ему того, что онъ въ дьякахъ, въ безчестье и въ укоръ передъ его братіей, дворянами, не ставить, потому что онъ взятъ изъ дворянъ въ дьяки по государеву именному указу, а не своимъ хотѣньемъ“ [13]. Худой чинъ дьяковъ не имѣетъ своей отеческой чести. Въ рѣдкихъ случаяхъ мѣстническихъ споровъ думныхъ дьяковъ съ дворянами и окольничими они опираются не на свое дьячество, но на свое происхожденіе отъ дѣтей боярскихъ и на иныя основанія. Думный дьякъ Семенъ Заборовскій, приглашенный къ царскому столу послѣ окольничаго Осипа Ивановича Сукина (въ 1669 году), очень обидѣлся этимъ, уѣхалъ отъ стола и „билъ челомъ государю въ отечествѣ и счетѣ на окольничаго Осипа Сукина“ Самъ дьякъ, онъ унижаетъ своего противника тѣмъ, что прадѣдъ его, Сукина, Борисъ „былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дьякъ, *и въ иныхъ худыхъ чинахъ* бывали родители его“. Сукинъ, потомокъ дьяка, отрекается отъ своего предка: „дѣдъ его, говоритъ онъ, въ отвѣтномъ челобитьи на Семена Заборовскаго, въ дьякахъ не бывалъ, и *тѣмъ* его Семенъ *безчеститъ*; а тотъ Борисъ, что былъ въ дьякахъ и тотъ не ихъ Сукиныхъ; и никто роду его Осипова въ такихъ обышныхъ чинахъ не бывалъ“. Когда въ 1623 году два стряпчихъ, Телепневъ и Ларіоновъ, назначенные рындами, начали считаться мѣстами, то имъ было объявлено, по государеву указу, что оба они, какъ сыновья дьяковъ, одинъ — думнаго, другой—рядового дьяка, *„люди не родословные и счету имъ нѣтъ*, гдѣ государь велитъ быть, тамъ тотъ и будь“.

Чины дьяковъ и особенно подьячихъ, дававшіеся по преимуществу неродословнымъ людямъ, не пользовались почетомъ. Но, относясь пренебрежительно къ „писарямъ-дьякамъ“, дворяне должны были въ жизни часто испытывать на себѣ силу и вліяніе этихъ невидныхъ приказныхъ дѣльцовъ. Въ XVII вѣкѣ, въ періодъ полнаго развитія коллегіальной, приказной системы, дьяки являются непремѣнными членами приказовъ, товарищами окольничихъ и бояръ;

они же назначаются въ товарищи къ посламъ и къ воеводамъ. Котошихинъ такъ характеризуетъ дѣятельность дьяковъ: „на Москвѣ и въ городахъ, въ приказахъ съ боярами и окольничими и думными и ближними людьми, и въ посольствахъ съ послами бываютъ они (дьяки) въ товарищахъ и сидятъ вмѣстѣ, и дѣлаютъ всякія дѣла и суды судятъ.— А судить указано въ приказахъ боярамъ и окольничимъ, и стольникамъ, и дворянамъ, *и дьякамъ*, кому въ которомъ приказѣ вѣдати приказано, *всѣмъ вмѣстѣ*". На смотрахъ служилыхъ людей дьяки принимали такое же участіе, какъ бояре и окольничіе. Иногда они самостоятельно производили смотръ стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ. Нѣкоторыми приказами дьяки управляли самостоятельно и не только такими незначительными, какъ, напримѣръ, Панафидный приказъ, но и такими, какъ Посольскій или приказъ Тайныхъ дѣлъ. Опредѣленные въ этотъ послѣдній приказъ, одинъ дьякъ и десять подьячихъ наблюдали за дѣятельностью всѣхъ высшихъ чиновъ государства; о результатахъ своихъ наблюденій они докладывали непосредственно государю, помимо бояръ и думныхъ людей. „А посылаются того приказа подьячіе съ послами въ государства и на посольскіе съѣзды и въ войну съ воеводами для того, что послы въ своихъ посольствахъ много чинятъ не къ чести своему государю въ проѣздѣ, и въ разговорныхъ рѣчахъ;—а воеводы въ полкахъ много неправды чинятъ надъ ратными людьми; и тѣ подьячіе надъ послы и надъ воеводами надсматриваютъ и царю, пріѣхавъ, сказываютъ. И которые послы или воеводы вѣдаютъ въ дѣлахъ неисправленіе свое, и, страшась царскаго гнѣва, они тѣхъ подьячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они, будучи при царѣ, ихъ пословъ выславляли, а худымъ не поносили". Всего дьяковъ въ московскомъ государствѣ было по счету Котошихина около ста человѣкъ; по списку 1676 года ихъ было 103 человѣка у дѣлъ, изъ нихъ 35 въ уѣздныхъ городахъ. Въ рукахъ этихъ дѣльцовъ сосредоточивалось все центральное

управленіе московскаго государства и мѣстное—въ главнѣйшихъ пунктахъ. „Если принять въ соображеніе, замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, что крайними пунктами московскаго государства при Алексѣѣ Михайловичѣ были: на западѣ Псковъ и Смоленскъ, на сѣверѣ—Архангельскъ, на востокѣ—Тобольскъ, на югѣ—Кіевъ, Астрахань и Тула, то нельзя не признать, что у сотни дьяковъ, которые находились у дѣлъ, дѣла было довольно“.

Подьячихъ было гораздо больше, до 1000 человѣкъ; они дѣлились на *старыхъ* и *молодыхъ*. Старшіе (старые) подьячіе назначались помощниками дьяковъ, въ московскихъ приказахъ и въ провинціальныхъ воеводскихъ избахъ (съѣзжихъ и приказныхъ). Въ низшихъ провинціальныхъ учрежденіяхъ (таможенныхъ, губныхъ, земскихъ избахъ) подьячіе самостоятельно вели дѣлопроизводство. „Площадные подьячіе“ исполняли обязанности современныхъ нотаріусовъ и присяжныхъ повѣренныхъ. Также какъ дворяне, дьяки и нѣкоторые подьячіе получали помѣстное и денежное жалованье. По размѣру подмосковнаго оклада думные дьяки были уравнены съ окольничими (150 четвертей), рядовые дьяки—съ стольниками, стряпчими и дворянами московскими. Общіе размѣры дьяческихъ помѣстій (подъ Москвою и въ уѣздахъ) значительно превышали эти нормы и равнялись помѣстьямъ лучшихъ дворянъ.

Чинъ думнаго дьяка появляется во второй половинѣ XVI вѣка; такъ начали называться прежніе *введеные* дьяки, присутствующіе въ думѣ. Эти дьяки, какъ опытные дѣльцы, возвысившіеся исключительно благодаря своимъ талантамъ и знаніямъ, имѣли большое вліяніе на дѣла и личный авторитетъ. Какъ люди невысокаго происхожденія, они занимали послѣднее мѣсто въ ряду думныхъ чиновъ и должны были на засѣданіяхъ думы стоять въ присутствіи государя, въ то время, какъ бояре и думные дворяне сидѣли. На засѣданіяхъ думы, особенно когда государь не присутствовалъ, думные дьяки принимали дѣятельное участіе въ преніяхъ,

брали на себя инициативу и случалось проводили свое личное мнѣніе въ противоположность мнѣнію остальныхъ членовъ.

Сохранившійся протоколъ судебнаго разбирательства дѣла Ивана Чихачева наглядно рисуетъ дѣятельную, самостоятельную роль думныхъ дьяковъ. Иванъ Чихачевъ, назначенный быть въ рындахъ при пріемѣ шведскаго посла, сказался больнымъ и не явился во дворецъ, такъ какъ счелъ для себя неумѣстнымъ быть рындой ниже князя Шаховского. По государеву указу, „бояре по Ивана послали и велѣли его поставить передъ собою. Иванъ пришелъ къ боярамъ въ Золотую Палату о двухъ посохахъ, и бояре его спросили: для чего ты въ городъ не выѣхалъ, а сказано тебѣ быть (въ рындахъ) въ бѣломъ платьѣ? Онъ сказ[illegible] о лошадь ногу изломила, какъ государь тѣшился за лос[illegible]ми, за тѣмъ, де, и въ городъ не поѣхалъ. И дум[illegible] рязрядный дьякъ Томило Луговской говорилъ ему: больше, де, отбаливаешься отъ князя Аѳанасія Шаховскаго, затѣмъ и въ городъ не хотѣлъ ѣхать“. Видя, что нельзя скрыть настоящей причины ослушанія государева указа, Чихачевъ тутъ же сталъ бить челомъ о судѣ съ княземъ Аѳанасіемъ Шаховскимъ, меньше котораго ему быть невмѣстно. Бояре нашли, что ему можно быть меньше князя Аѳанасія и приговорили было Ивана Чихачева за князя Аѳанасьево безчестіе бить кнутомъ. Но думный дьякъ Томило Луговской не согласился съ такимъ рѣшеніемъ, и сказалъ боярамъ: долго, де, того ждать. „Да взявъ у него посохъ, сталъ его бить по спинѣ и по ногамъ, а бояринъ, Иванъ Никитичъ Романовъ, другимъ посохомъ билъ его по спинѣ и по ногамъ же, а говорили: „не по дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру“; и бивъ его, велѣли быть въ бѣломъ платьѣ по прежней сказкѣ“. Смѣлость, съ какою думный дьякъ поднялъ руку на дворянина,—замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ по поводу этого случая,—достаточно говоритъ о роли, принадлежавшей дьякамъ въ московскомъ государствѣ вообше и въ боярской думѣ въ частности [14].

ГЛАВА III.

Помѣстья и вотчины.

I.

Всѣмъ чинамъ, отъ высшихъ до низшихъ, присвоены были извѣстные помѣстные оклады. Помѣщиками были какъ бояре и окольничіе, стольники и стряпчіе, дворяне и дѣти боярскія, такъ и дьяки и подьячіе. Оклады городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ раздѣлялись на „статьи“, изъ коихъ каждая слѣдующая отличалась отъ предыдущей незначительнымъ количествомъ четей-четвертей (полудесятинъ): 800, 750, 700 четей и такъ далѣе до 200, 150 и иногда до 50. Придворные и московскіе чины получали, кромѣ помѣстій въ провинціи, также подмосковныя помѣстья. Бояре по 200 четей, окольничіе и думные дьяки—150; стольники стряпчіе и дворяне московскіе — 100, выборные дворяне изъ городовъ—75, жильцы—50 четей.

Въ какихъ бы чинахъ ни состояли помѣщики, они равно были обязаны отбывать военную службу со своей земли. Помѣстная система была своеобразной системой содержанія войска. Не имѣя средствъ содержать постоянную конницу на денежное жалованье, правительство обезпечивало ее землею. Дворяне получали также и денежное жалованье, но въ незначительномъ размѣрѣ, достаточномъ нерѣдко лишь на военное снаряженіе въ походъ *). Земельные помѣстные

*) Безпомѣстные и безвотчинные дворяне просили (въ 1634 году) дать имъ земли, указывая на недостаточность полученнаго ими денежнаго жалованья: „Дано намъ твое государево жалованье по 25 рублей человѣку, и на то твое государево жалованье покупили мы лошади и ружье и на себя платьишко; а нынѣ, будучи на твоей государевѣ службѣ, покупаючи сѣно и овесъ, испроѣлися и одолжали великими долги“.—При раздачѣ денежнаго жалованья воеводы вынуждены были иногда принимать особыя мѣры къ тому, чтобы «дворяне и дѣти боярскія и всякіе служилые люди государева денежнаго жалованья и служилыя своей рухляди и платья не пропивали“.

надѣлы назывались одинаково съ денежными дачами—государевымъ жалованьемъ: „новики верстались государевымъ царевымъ и великаго князя жалованьемъ, помѣстными и денежными оклады". Помѣстное жалованье выдавалось обыкновенно не *за службу*, какъ вознагражденіе за исполненныя уже служебныя обязанности, но *для службы* за счетъ будущей службы, для матеріальнаго обезпеченія служилаго человѣка съ тѣмъ, чтобы по требованію правительства онъ во всякое время могъ въ полной исправности явиться въ полкъ „коненъ, люденъ и оруженъ". Новики-новобранцы надѣлялись помѣстьями, хотя они еще не служили, и владѣли помѣстьями по нѣскольку лѣтъ, не будучи призываемы на ратную полковую службу, но они обязаны по первому призыву явиться къ мѣсту сбора съ конями, доспѣхомъ, саадакомъ, или пищалью и съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ людей.

Пока помѣщикъ исправно удовлетворялъ этому требованію правительства, онъ свободно пользовался своимъ помѣстьемъ, такъ же, какъ вотчиной. Хозяйственная его дѣятельность не была ничѣмъ стѣснена: размѣры запашки и способы обработки земли зависѣли всецѣло отъ его усмотрѣнія; крестьяне обязаны были слушать во всемъ помѣщика, также какъ вотчинника, „пашню на наго пахать и доходъ платить ему хлѣбный, денежный и всякій мелкій доходъ, чѣмъ онъ ихъ ни изоброчитъ". Имѣя право пользованія (jus utendi), помѣщикъ не могъ, однако, злоупотреблять этимъ правомъ (jus abutendi). Правительство обязывало его „не пустошити помѣстья, дворовъ не развозити", не разгонять крестьянъ непомѣрными поборами, не переводить ихъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя. Въ 1621 году правительство даже опредѣлило наказанье кнутомъ за опустошеніе помѣстья. Но это распоряженіе не исполнялось и впослѣдствіи не подтверждалось; запрещеніе разорять помѣстье отнесено было уложеніемъ 1649 года только къ мурзамъ и татарамъ. Оно не могло стѣснять помѣщиковъ вслѣдствіе отсутствія правительственнаго контроля надъ ихъ хо-

зяйствами. Когда владѣлецъ просилъ обмѣнять его старое запустошенное помѣстье на новое, правительство производило обстоятельное разслѣдованіе, не было ли разорено помѣстье по винѣ самого помѣщика; но если оказывалось, что оно запустѣло „не отъ голоду и не отъ лихого повѣтрія, не отъ тягла и не отъ кого иного, какъ отъ самого помѣщика“, то правительство ограничивалось тѣмъ, что не удовлетворяло его челобитья и оставляло ему разоренное имѣнье [15].

Свободно хозяйничая въ помѣстномъ имѣньи, помѣщикъ былъ его временнымъ, условнымъ владѣльцемъ. Онъ былъ столь же не обезпеченъ во владѣніи помѣстьемъ, какъ чиновникъ въ полученіи жалованья. Владѣніе помѣстьемъ было строго обусловлено службой; помѣщикъ имѣлъ на него право пользованія, но не имѣлъ правъ распоряженія. Въ противоположность вотчинѣ, помѣстье не было не только наслѣдственнымъ, но даже пожизненнымъ владѣніемъ. Условность обладанія имъ ставила помѣщика въ полную зависимость отъ разряднаго приказа. Не явится помѣщикъ вовремя на службу, постигнетъ его неизлѣчимая болѣзнь, навлечетъ онъ на себя опалу, и онъ лишается части или же всего своего помѣстнаго имѣнья.

Подобно жалованью помѣстные надѣлы увеличивались за долговременную исправную службу и особыя служебныя заслуги и уменьшались, когда дворянинъ оказывался неисправнымъ или неспособнымъ нести впредь ту службу, какую несъ раньше. Время отъ времени производились смотры служилымъ людямъ и передѣлы помѣстій. Особо назначенныя для того лица высшихъ чиновъ, бояре или окольничіе съ дьяками, при содѣйствіи выборныхъ изъ мѣстнаго дворянства „окладчиковъ“, разбирали и верстали служилыхъ людей, опредѣляли, кто кому въ версту, къ какой статьѣ помѣстнаго оклада долженъ быть причисленъ каждый помѣщикъ. Данныя о каждомъ помѣщикѣ заносились въ составлявшіеся при этомъ разборные списки и десятни. Размѣры помѣстныхъ имѣній увеличивались или

уменьшались, сообразно прежней службѣ и служебной годности дворянъ и дѣтей боярскихъ. Бояре и дьяки „смотрѣли дѣтей боярскихъ и, которые собою и службою добры, а помѣстнымъ окладомъ поверстаны мало, тѣмъ, распрашивая про службу окладчиковъ, окладовъ прибавливали, а которые собою и службою худы и верстаны помѣстными оклады большими, у тѣхъ оклады убавливали". Окладчики изъ мѣстныхъ дворянъ должны были дать всѣ необходимыя для этого свѣдѣнія: „кому мочно и кому немочно впередъ государеву службу служити", и какъ кто служилъ ранѣе, „на срокъ ли (въ срокъ) пріѣзжаютъ на государеву службу дѣти боярскія и съ государевы службы до отпуску не съѣзжаютъ ли", и чѣмъ объясняется неисправность службы нѣкоторыхъ изъ нихъ, „кто къ службамъ лѣнивъ за бѣдностью, кто лѣнивъ за старостью или увѣчьемъ и кто воровствомъ и огурствомъ".

Самымъ обычнымъ нарушеніемъ служебнаго долга было *нѣтство*—неявка на службу и побѣгъ со службы, изъ полка. За бѣгство съ поля битвы у служилаго человѣка отнималась половина помѣстнаго и денежнаго оклада. За двукратный побѣгъ изъ полка виновнаго карали, кромѣ наказанія кнутомъ, убавкой 50 четей помѣстнаго оклада; наконецъ, за третій побѣгъ онъ лишался всего помѣстья. Неявка на службу также влекла за собою умаленіе или полную потерю помѣстья. Этому наказанію подлежалъ не только тотъ, кто не являлся въ полкъ, но и тотъ, кто не являлся на смотръ въ мирное время, къ верстанію. Такъ въ 1594 году были „выкинуты со службы дѣти боярскія Ряшане (гор. Ряжска)", которыя не явились въ этомъ году въ Москву на смотръ и верстанье, или „пріѣхавъ, да не дождався верстанья, съ Москвы сбѣжали". Нѣтчики, не явившіеся на службу, наказывались вообще строже лицъ, явившихся въ полкъ и затѣмъ убѣжавшихъ. Указомъ 1621 года велѣно было отбирать помѣстья у тѣхъ дѣтей боярскихъ, которыя не служатъ „воровствомъ", имѣя возможность исправно отбывать службу

(„помѣстья добры и служить мочно“). Извѣстный воевода бояринъ Шеинъ, стоя подъ Смоленскомъ, за сдачу котораго полякамъ онъ поплатился жизнью, писалъ правительству въ 1633 году, что „многіе ярославскіе помѣщики, дѣти боярскія и татары, дождавшись подъ Смоленскомъ литовскаго короля и королевича, и польскихъ, и литовскихъ людей, съ государевы службы изъ подъ Смоленска сбѣжали“. Бояре приговорили у такихъ дѣтей боярскихъ отписать изъ помѣстій по четвертой долѣ; у тѣхъ же нѣтчиковъ, которые вовсе не явились на службу подъ Смоленскъ,—„за ихъ воровство всѣ ихъ помѣстья отняти“ и отдать ихъ товарищамъ *).

Неявка въ полкъ оправдывалась только тогда, когда служилый человѣкъ не явился на призывъ по бѣдности, по неимѣнію средствъ снарядить себя и своихъ людей въ походъ, или по недостатку времени для закупки продовольствія. Нѣкоторые дворяне заявляли, въ оправданіе несвоевременной явки, что они „по бѣдности ходили по запасъ по волостямъ, конскаго корму купить“. Правительство довольно снисходительно отнеслось къ рѣшительному отказу калужскихъ дѣтей боярскихъ явиться на службу по причинѣ полнаго разоренья. „Дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ, писали калужскіе воеводы, твоего государева жалованья не емлютъ и въ государевѣ службѣ намъ отказываютъ, что имъ службы служить за разореніемъ не мочно; какъ они были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ и въ то де время безъ нихъ помѣстья и вотчины разорили

*) Въ 1635 году у дѣтей боярскихъ, неявившихся на государеву службу въ Можайскъ, «помѣстья ихъ и вотчины отписаны были на государя, и людямъ и крестьянамъ ихъ ни въ чемъ слушать было не велѣно». Подвергшіеся этому наказанію нѣтчики, поспѣшили явиться въ полкъ и подали челобитную, въ которой писали, что вслѣдствіе отнятія имѣній, «ихъ отцы, матери, жены и дѣти бродятъ межъ дворъ», а они сами не могутъ «на службу привесть запасовъ ни откуда». Тогда государь возвратилъ въ ихъ владѣніе отобранныя помѣстья, «чтобъ дѣти боярскія были на государевѣ службѣ противо наряду сполна“.

татарове, и женъ ихъ, и дѣтей, и людей, и крестьянъ съ женами и дѣтьми въ полонъ безъ остатку поимали и имъ де государевымъ жалованьемъ подняться нечѣмъ". Правительство прибѣгло къ мѣрамъ увѣщанія по отношенію къ этимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; воеводы должны были напомнить имъ, что „польскіе и литовскіе люди хотятъ церкви Божіи разорить и святую нашу истинную православную христіанскую вѣру превратить въ свою въ проклятую папежскую вѣру и православныхъ крестьянъ побить", что „ихъ же братья дворяне подъ Смоленскомъ живутъ безсъѣздно, честно бьются, не щадя головъ своихъ",—и настаивать, чтобъ они „дворяне и дѣти боярскія, памятуя Бога и истинную христіанскую вѣру, и крестное цѣлованіе, и свою *природу*, и видя свою братію на службѣ подъ Смоленскомъ отъ литовскихъ людей въ утѣсненіи, шли бы на службу не мѣшкая". Но если дворяне ослушаются и на этотъ разъ, то они, какъ измѣнники, будутъ всѣ исключены изъ списковъ [1c].

Помѣщикъ лишался своего имѣнья не только за нѣтство, злонамѣренное уклоненіе отъ службы, но и за бѣдность—худобу. Для помѣстнаго приказа, по замѣчанію г. Рождественскаго, бѣдность была порокомъ. Порокомъ считалась не бѣдность собственно, но крайнее обнищаніе. Помѣщику, успѣшно хозяйничавшему на маленькомъ надѣлѣ и добывавшему съ него, хотя бы и съ крайними усиліями, средства на коней, лукъ съ колчаномъ (саадакъ) и если не на полный доспѣхъ, то хоть на военное платье (тегиляй), былъ разсчетъ помочь, увеличивъ его помѣстный окладъ. Но помѣщику, совершенно опустившемуся и обнищавшему, не имѣвшему вооруженія и лошадей, прирѣзка помѣстной земли не пошла бы впрокъ. Въ 1631 году во Владимірскомъ уѣздѣ правительство совсѣмъ отбирало у такихъ дворянъ земли: „помѣстье, де, у него взято и отдано въ раздачу за то, что онъ за бѣдностью не служилъ". Большею частью, однако, у захудавшихъ дворянъ, такъ же какъ у старыхъ и увѣчныхъ, правительство отбирало только часть помѣстья и, освобождая отъ болѣе

трудной полковой службы, для которой требовалось лучшее вооруженіе и запасы провіанта, переводило ихъ въ гарнизонъ, въ „осадную службу". По уложенію 1649 года, старые и увѣчные по общему правилу должны были служить, вмѣсто полковой, болѣе легкую „городовую, осадную службу". „Служба худа, заявляли окладчики о нѣкоторыхъ дѣтяхъ боярскихъ, да и на службу на срокъ не пріѣзжаетъ и со службы до сроку съѣзжаетъ, помѣстье за нимъ пусто, крестьянъ нѣтъ;—отъ службы отбылъ, на дальнихъ посылкахъ не живетъ и впередъ служити нечѣмъ, помѣстьишко пусто;—старъ и увѣченъ, безъ зубовъ и безъ ноги, а за нимъ одинъ бобыль, и нынѣ его,—рѣшали окладчики,—съ полковую и съ ближнюю службу не будетъ, а служить ему осадную службу". На періодическихъ смотрахъ обыкновенно нѣсколько человѣкъ переводилось въ гарнизонъ и имъ оставлялись ничтожные участки земли „за худобу велѣно имъ служити осадную службу, а помѣстій за ними учинено по 20 чети, а что у нихъ будетъ сверхъ 30 чети лишку, и то у нихъ отписати на государя и въ раздачу раздати [17].

II.

Когда дворянинъ или сынъ боярскій не могъ нести ни полковой, ни осадной службы, правительство отставляло его отъ службы, но не лишало всего помѣстья, выдѣляя часть помѣстья *на прожитокъ*, въ качествѣ пенсіи. Такія земельныя пенсіи, прожиточныя помѣстья давались не только отставнымъ служилымъ людямъ, но и ихъ вдовамъ и малолѣтнимъ дѣтямъ. Въ этомъ случаѣ проявляется особенно наглядно сходство помѣстной системы съ системой денежнаго содержанія служащихъ. Размѣръ прожиточнаго помѣстья зависѣлъ отъ заслугъ дворянина; наибольшія пенсіи назначались вдовамъ и дочерямъ, когда ихъ мужья и отцы бывали убиты въ бою. Уложеніемъ 1649 года было опредѣлено: „будетъ котораго дворянина или сына боярскаго, или

иноземца на государевѣ службѣ въ полкахъ убьютъ воинскіе люди, и женамъ ихъ изъ помѣстій ихъ давати на прожитокъ съ окладовъ ихъ со ста по 20 четвертей, а дочерямъ ихъ со ста по 10 четвертей". Если служилый человѣкъ умиралъ естественной смертью въ полку во время войны, то женѣ и дочери давалось меньше, по 15% и 7,5% помѣстнаго оклада, и еще менѣе, по 10 и 5%, когда онъ умиралъ дома. Прожиточными помѣстьями вдовы владѣли до замужества, постриженія или смерти; дочери — первоначально до 15-лѣтняго возраста, впослѣдствіи — до замужества. Владѣльцы и владѣлицы такихъ помѣстій должны были поставлять ратниковъ, даточныхъ людей или платить взамѣнъ того особый налогъ [18].

Давая прожиточныя помѣстья малолѣтнимъ сыновьямъ служилыхъ людей, правительство руководилось уже не столько гуманными соображеніями, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно обезпечивало бездѣтныхъ вдовъ и дѣвицъ, сколько государственнымъ разсчетомъ. Прожитокъ недоросля былъ столько же пенсіей, какъ и средствомъ къ воспитанію новаго поколѣнія служилыхъ людей. Воспитанный на прожиточномъ помѣстьѣ, недоросль, достигнувъ совершеннолѣтія, „поспѣвъ на службу", съ него начиналъ служить. Недоросль съ этой точки зрѣнія, какъ будущій служилый человѣкъ, имѣлъ больше правъ на полученіе пенсіи-прожитка, чѣмъ его мать, вдова. Помѣстье записывалось за матерью и сыномъ вмѣстѣ, при чемъ мать признавалась владѣлицей его, какъ воспитательница сына; въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ владѣльцами помѣстій записывались недоросли, имѣвшіе 7—10 лѣтъ. Необходимость разграничивать права дѣтей и матери, говоритъ г. Рождественскій, являлась тогда, когда недоросль достигалъ совершеннолѣтія, и его прожитокъ превращался въ служилое помѣстье. Правительство избѣгало въ такихъ случаяхъ выдѣлять матери особые участки земли, стремясь къ тому, чтобы ни одинъ участокъ не уходилъ отъ обязанности службы; оно воспользовалось

семейными отношеніями, и нравственную обязанность сына содержать свою мать превратило въ законое требованіе, а именно обязало недоросля, достигшаго совершеннолѣтія, „мать кормить со своего помѣстья до живота, и сестеръ, вскормивъ, выдать замужъ“.

Размѣръ прожиточнаго помѣстья недоросля зависѣлъ отъ помѣстнаго оклада отца. Нерѣдко, когда послѣ дворянина или сына боярскаго оставалось нѣсколько сыновей, помѣстье переходило къ нимъ цѣликомъ, такъ какъ правительство избѣгало разрушать установившіяся хозяйства, уменьшая и дробя помѣстныя дачи. Двумъ братьямъ недорослямъ оставляли нерѣдко на прожитокъ большія имѣнья, въ размѣрѣ болѣе 500 четвертей. Если послѣ отца оставался одинъ сынъ, то и ему отдавали во владѣніе бо̀льшую часть имѣнья отца, смотря по окладу, отъ 50 до 200 четвертей [19].

Надѣляя несовершеннолѣтняго сына прожиточнымъ помѣстьемъ соотвѣтственно помѣстному окладу его отца, правительство, такимъ образомъ, предназначало его съ малолѣтства не только къ службѣ вообще, но и къ отбыванію ея по тому или иному разряду, близкому къ тому, въ какомъ состоялъ его отецъ. Владѣніе прожиточнымъ помѣстьемъ опредѣляло до извѣстной стенени заранѣе то положеніе, какое займетъ юноша въ средѣ служилаго класса, достигнувъ совершеннолѣтія. Этимъ путемъ устанавливалась наслѣдственность служебныхъ статей. При верстаніи новиковъ принимались во вниманіе: 1) служба отца, 2) ихъ имущественный достатокъ и 3) ихъ собственная служба, если они до верстанія уже служили въ полку: „кто кому въ версту отечествомъ и службою и прожитки“. Для всѣхъ новиковъ, и въ особенности для лицъ не служившихъ (новиковъ не служилыхъ) рѣшающее значеніе имѣла при этомъ ихъ матеріальная обезпеченность—прожитки. Военная подготовка и образованіе, по примитивности военнаго искусства и образованности того времени, не имѣла почти ника-

кого значенія. Отъ служилыхъ людей правительство требовало только людей, коней, вооруженія и провіанта. Служилые люди группировались, главнымъ образомъ, по ихъ достаткамъ, обусловливавшимъ то или иное походное снаряженіе. Новики, владѣвшіе большими имѣньями, легко удовлетворяли высшимъ требованіямъ по отношенію къ числу даточныхъ людей, качеству вооруженія и количеству провіанта. Они, поэтому, тотчасъ же приходились въ версту служилымъ людямъ высшихъ статей и сообразно съ этимъ получали большой помѣстный окладъ; имъ для начала оставляли прожиточное помѣстье, если оно было значительно, или прибавляли земли. Когда нѣсколько братьевъ владѣли большимъ отцовскимъ помѣстьемъ въ 500 и болѣе четвертей, то оно дѣлилось при верстаніи между двумя братьями, изъ которыхъ каждый получалъ значительный надѣлъ въ 250—300 четвертей, остальные же братья верстались „въ отводъ“ соотвѣтствующими окладами. Новики, имѣвшіе по 50—200 четвертей прожитка, верстались „чего стоятъ“, при чемъ прожитокъ принимался за минимумъ оклада.

Положительныя личныя качества новика въ шестнадцатомъ вѣкѣ вовсе не принимались во вниманіе при верстаніи на службу. „Новики служилые“, уже побывавшіе на службѣ до верстанія и имѣвшіе случай проявить свои личныя качества, были надѣляемы одинаковыми имѣньями съ новиками неслужилыми. На верстаніе вліяли, кромѣ матеріальнаго достатка, отрицательныя личныя качества, физическая неспособность къ службѣ; больные и увѣчные, также какъ худые-обнищавшіе вовсе не принимались на службу. Впослѣдствіи, съ начала семнадцатаго вѣка служилымъ новикамъ отдавалось нѣкоторое предпочтеніе передъ новиками неслужилыми; они получали по всѣмъ статьямъ большіе помѣстные оклады. Высшій окладъ для неслужившихъ новиковъ равнялся 300 четямъ земли и 10 рублямъ денегъ; по низшей четвертой статьѣ они получали по 150 четей помѣстья и по

5 рублей. Служилые же новики надѣлялись, смотря по статьѣ, помѣстьями отъ 200 до 350 четвертей и денежнымъ жалованьемъ отъ 7 до 12 рублей. Когда верстались служилые новики, то обращалось вниманіе не на ихъ способности или подготовку, выразившіяся въ качествѣ службы, но только на добросовѣстное исполненіе обязанности. Окладчикамъ предписывалось разъяснить, „пріѣзжаютъ ли новики на государевы службы на срокъ и съ государевы службы до отпуску не съѣзжаютъ ли“.

Помѣстье, данное новику, затѣмъ постепенно увеличивалось въ теченіе его служебной карьеры. Помѣщиковъ вознаграждали прибавками къ помѣстному, какъ и къ денежному окладу, за участіе въ трудныхъ походахъ, нѣмецкія, литовскія, украинскія службы, за раны, полученныя въ бою, за участіе въ оборонѣ крѣпостей — „осадныя сидѣнія“. Нарушенія служебнаго долга случались такъ часто, что дворянамъ и дѣтямъ ставилась иногда въ заслугу обычная исправная служба; имъ давались помѣстныя прирѣзки „за службу и за неотъѣздъ“. Дѣтямъ боярскимъ курчанамъ пожалована была въ 1649 году прибавка къ помѣстному окладу по 50 четей и денегъ по 2 рубля за то, что они „въ Карповѣ городѣ дѣлали земляной валъ и всякія земляныя и деревянныя крѣпости, для береженья отъ прихода воинскихъ людей“. Въ 1660 году дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ разныхъ городовъ пожаловано было въ придачу по 100 четвертей земли и по 10 рублей денегъ за черкасскій походъ 1659 г. Нѣкоторые служилые люди выслуживали постепенно большія имѣнья. Такъ жилецъ Голинищевъ-Кутузовъ за осадное сидѣнье въ Москвѣ въ смутное время получилъ значительное помѣстье въ 460 четей и денегъ 6 рублей; затѣмъ, участвуя въ различныхъ походахъ, онъ выслужилъ къ 1614 году еще 200 четей и 100 рублей; между прочимъ, 50 четей земли и 6 рублей денегъ ему были пожалованы за то, что отецъ его былъ убитъ на войнѣ—„объ отца крови и смерти“ [20].

III

Помѣстья были собственностью государства, помѣщики имѣли на нихъ право владѣнія, но не имѣли права распоряженія. Не довольствуясь временнымъ условнымъ владѣніемъ, служилые люди естественно стремились присвоить себѣ помѣстья въ полную собственность. Они съ первыхъ временъ развитія помѣстной системы дѣлали попытки распоряжаться помѣстьемъ, какъ вотчиной, мѣнялись помѣстными землями, сдавали ихъ за условленное вознагражденіе, иногда закладывали и продавали, наконецъ, чаще всего передавали по наслѣдству женамъ и дѣтямъ. Одинъ изъ помѣщиковъ въ 1532 году отказываетъ свое помѣстье женѣ и сыну, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что не имѣетъ на это полнаго права, поручаетъ своимъ душеприказчикамъ „печаловаться предъ государемъ, чтобы государь пожаловалъ, того помѣстьица у жены и сынишка не велѣлъ взять“. Не считая необходимымъ рѣшительно пресѣчь всѣ такія попытки, правительство стремилось лишь поставить извѣстные предѣлы превращенію помѣстій въ полную собственность дѣтей боярскихъ. Правительство установило извѣстный порядокъ перехода помѣстій по наслѣдству и разрѣшило помѣщикамъ совершеніе нѣкоторыхъ сдѣлокъ на помѣстную землю, но при этомъ неуклонно требовало, чтобы всѣ такія сдѣлки совершались не иначе, какъ съ дозволенія и утвержденія властей. Переходъ помѣстья изъ однѣхъ рукъ въ другія могъ состояться лишь по предъявленіи письменнаго акта сдѣлки въ соотвѣтствующемъ (помѣстномъ) приказѣ, который, удостовѣрившись въ законности сдѣлки, записывалъ помѣстье за пріобрѣтателемъ и дѣлалъ распоряженіе о вводѣ во владѣніе; это называлось „справить помѣстье“. Разрѣшая помѣщикамъ мѣняться помѣстьями и сдавать ихъ другимъ лицамъ, правительство такимъ путемъ сохраняло за собою неограниченное право собственности на помѣстную землю и имѣло

возможность регулировать въ желательномъ направленіи обращеніе помѣстныхъ земель между служилыми людьми.

Наслѣдственность помѣстій установлялась вслѣдствіе постоянной передачи ихъ на прожитокъ сыновьямъ, вдовамъ и дочерямъ служилаго человѣка. Въ случаѣ неимѣнія нисходящихъ наслѣдниковъ, помѣстье нерѣдко передавалось братьямъ умершаго дворянина или сына боярскаго. Переходъ помѣстья отъ отца къ сыну подготовлялся еще при жизни отца: сыновья, „поспѣвшіе на службу", достигшіе пятнадцатилѣтняго возраста, при жизни отца „припускались" къ его помѣстью, дѣлались его совладѣльцами, прежде чѣмъ стать его наслѣдниками. „Припускъ" новиковъ утвердился очень рано, съ двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія. Если служилый человѣкъ владѣлъ большимъ помѣстьемъ болѣе 500 четей, то по правиламъ половины XVII вѣка, два младшихъ сына записывались на службу съ помѣстья отца (припускъ), старшіе же сыновья верстались особо, „въ отводъ". На малыя помѣстья, менѣе 500 четей, припускали одного сына. Малолѣтнимъ сыновьямъ при жизни отца указывалось „ждать отцова помѣстья" [21].

Съ начала XVII вѣка въ законодательствѣ вырабатывается общее положеніе, что помѣстье только тогда идетъ въ чужой родъ, или въ новую помѣстную раздачу, когда у умершаго помѣщика не осталось ни дѣтей, ни жены, ни родственниковъ; по указу 1613 года, „помѣстей родимцовъ, мимо родства, отдавать не велѣно". Указъ 1638 года употребляетъ терминъ, прямо противорѣчащій теоріи помѣстнаго владѣнія, а именно онъ говоритъ о *родовыхъ* помѣстьяхъ. Равнымъ образомъ помѣстья называются „выморочными", когда у помѣщика не осталось наслѣдниковъ, „ни роду, ни племени". Уложеніе царя Алексѣя Михайловича узаконяетъ по отношенію къ помѣстьямъ начала наслѣдованія вотчинныхъ земель: помѣстье по смерти служилаго человѣка переходитъ къ его семьѣ, если нѣтъ семьи—къ роду и, если нѣтъ родственниковъ—къ городу, то-есть идетъ въ раздачу дво-

рянамъ города (уѣзда). Уложеніе требуетъ, чтобы помѣстье, ошибочно принятое за выморочное, по неправильнымъ, корыстнымъ показаніямъ постороннихъ лицъ и справленное за ними, отбиралось назадъ и отдавалось „умершихъ женамъ и дѣтямъ, и родственникамъ, кому доведется". Право сыновей на полученіе отцовскихъ помѣстій признавалось до такой степени сильнымъ, что, какъ было постановлено въ 1636 году, если во время нахожденія дворянъ и дѣтей боярскихъ въ плѣну, помѣстья отцовъ ихъ были розданы постороннимъ, то по возвращеніи дворянъ изъ плѣна, имъ возвращались отцовскія помѣстья, которыя розданы были въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ пребыванія ихъ въ плѣну: „далѣе же десяти лѣтъ помѣстья не поворачивались изъ раздачи" *) [22].

Нарушая основной принципъ помѣстнаго владѣнія, правительство разрѣшало также помѣщикамъ мѣнять и сдавать помѣстья. Первоначально до уложенія 1649 года *мѣна помѣстій* дозволялась только въ самомъ ограниченномъ видѣ; разрѣшалось мѣнять помѣстья только на помѣстья же, но не на вотчины, и вообще только по особо уважительнымъ причинамъ, именно, когда помѣщикъ, къ значительной выгодѣ хозяйства, могъ, посредствомъ обмѣна земель съ сосѣдями, округлить или сосредоточить въ одномъ мѣстѣ разбросанныя помѣстныя дачи. Первоначально требовалось также строгое равенство обмѣниваемыхъ участковъ не только по количеству, но и по качеству земли; требовалось, чтобы „пашни пашнѣ землею и всякими угодьи и доходы были равны и не пусты", и чтобы, такимъ образомъ, „государевой службѣ и податямъ отъ мѣны убытка не было".

Уложеніе Алексѣя Михайловича пошло далѣе предшество-

*) Даже сынъ, родившійся по смерти отца (postumus), имѣлъ право на полученіе отцовскаго помѣстья; если это помѣстье было небольшое, то оно цѣликомъ поворачивалось изъ раздачи и справлялось за сыномъ; о справкѣ же большихъ помѣстій требовался особый на каждый разъ указъ государя. Русское законодательство, такимъ образомъ, замѣчаетъ проф. Загоскинъ, самостоятельно выработало понятіе о postumum'ѣ, развитое римскимъ правомъ.

вавшихъ законовъ по пути предоставленія помѣщикамъ права распоряженія. Наиболѣе важнымъ въ этомъ отношеніи было разрѣшеніе мѣнять помѣстныя земли не только на помѣстныя же, но и на вотчинныя. Другія два вышеуказанныя ограниченія мѣны помѣстій были или отмѣнены, или значительно ослаблены. Равенство обмѣниваемыхъ участковъ уже не требовалось съ прежнею строгостью и было разрѣшено допускать при мѣнѣ переходъ къ одному изъ владѣльцевъ немногихъ лишнихъ четвертей земли (перехожія четверти). Впослѣдствіи, въ 1676 году разрѣшено было допускать перехожихъ четвертей по 10 на 100, не болѣе. Мѣна помѣстьями во избѣжаніе злоупотребленій допускалась съ большими предосторожностями: „мѣновщиковъ" строго допрашивали въ помѣстномъ приказѣ или въ воеводскихъ съѣзжихъ избахъ въ провинціи.

По общему правилу мѣна помѣстьями допускалась только между лицами, принадлежавшими къ одному разряду служащихъ. Предоставляя вообще бо̀льшую свободу помѣщикамъ въ распоряженіи землями, Уложеніе допустило нѣсколько отступленій отъ указаннаго правила. Подтверждая законъ 1647 года, уложеніе разрѣшило мѣну помѣстій между боярами, окольничими, московскими дворянами и жильцами, съ одной стороны, и городовыми дворянами и дѣтьми боярскими—съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ дозволена была мѣна помѣстій между иноземцами и русскими людьми; но запрещеніе обращенія земель между русскими людьми и татарами было оставлено въ силѣ. Спеціальныя ограниченія мѣны помѣстьями, относившіяся къ помѣщикамъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, продолжали дѣйствовать и послѣ уложенія; Новгородцы, Псковитяне и Бѣлозерцы по прежнему не могли мѣняться своими помѣстьями съ служилыми людьми другихъ городовъ.

Другіе способы отчужденія помѣстій, кромѣ мѣны, не допускались. Какъ переходъ помѣщичьихъ земель по наслѣдству, такъ и мѣна разрѣшались правительствомъ по-

тому, что эти сдѣлки не нарушали интересовъ службы; земля въ обоихъ случаяхъ не выходила изъ службы, не выходилъ изъ нея и служилый человѣкъ. Но, продавая, закладывая или сдавая свои помѣстья, служилые люди лишались необходимыхъ средствъ къ исполненію служебныхъ обязанностей; поэтому за воровской закладъ помѣстій, связанный съ побѣгомъ со службы, дворяне и дѣти боярскіе наказывались кнутомъ, помѣстья отбирались безденежно отъ лицъ, принявшихъ ихъ въ залогъ, и возвращались прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Продажу помѣстій даже не было надобности воспрещать особымъ узаконеніемъ; случаевъ такого изъ ряду выходящаго „воровства" не встрѣчалось въ жизни, и Уложеніе о немъ ничего не говоритъ. До послѣднихъ лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича строго преслѣдовалась также по отношенію къ лицамъ, состоящимъ на службѣ, замаскированная продажа помѣстій, въ формѣ *сдачи* помѣстья другому лицу за деньги или съ обязательствомъ кормить прежняго владѣльца до его смерти *). Сдача помѣстій разрѣшалась лицамъ, состоящимъ на службѣ, только въ пользу ихъ дочерей-дѣвицъ. Указами 1636 и 1650 гг. отцамъ дозволено было давать помѣстья за дочерями въ приданое, справляя ихъ въ установленномъ порядкѣ за зятьями, это право дано было также лицамъ, выдававшимъ замужъ своихъ племянницъ.

Отставнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и ихъ женамъ и дочерямъ, владѣвшимъ помѣстьями, какъ земельными пенсіями, дозволялось сдавать помѣстья на разнообразныхъ условіяхъ. По Уложенію, служилые люди за старостью могли сдавать свои прожиточныя помѣстья родственникамъ съ тѣмъ условіемъ, что получившій помѣстье будетъ содержать прежняго владѣльца до его живота. Впослѣдствіи, въ 1674 году дозволено было отставнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ сдавать свои помѣстья также и за деньги. Въ широкихъ размѣрахъ съ начала XVII столѣтія практиковалась

*) О новыхъ узаконеніяхъ по этому предмету 1676 г. см. ниже.

сдача прожиточныхъ помѣстій лицами женскаго пола. Женщины могли сдавать ихъ постороннимъ лицамъ на разныхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Еще въ 1620 году Михаиломъ Өеодоровичемъ разрѣшено было „вдовамъ и дѣвкамъ сговариваться замужъ съ помѣстьями своими"; помѣстья въ такихъ случаяхъ справлялись за женихами. Правительство даже защищало женщинъ отъ обидъ со стороны тѣхъ лицъ, которыя взяли на себя помѣстья съ обязательствомъ давать средства къ жизни прежнимъ ихъ владѣлицамъ. Въ томъ же 1620 году было опредѣлено: — въ тѣхъ случаяхъ, когда вдовы и дѣвки бьютъ челомъ на своихъ родимцевъ, которымъ они сдали помѣстья, что „родимцы не кормятъ ихъ и замужъ не выдаютъ, и изъ тѣхъ помѣстій выбиваютъ вонъ,—тѣ ихъ сдачи поворачивать за ихъ обиды тѣмъ вдовамъ и дѣвкамъ" Уложеніе царя Алексѣя Михайловича подтвердило эти узаконенія [23].

IV

Обязательство службы возложено было въ равной мѣрѣ какъ на помѣщиковъ, лицъ, получавшихъ земельное жалованье изъ казны, такъ и на вотчинниковъ, владѣвшихъ землею на правѣ полной собственности. Служба опредѣлялась вообще „противъ помѣстій и вотчинъ" Если вотчина была невелика, то владѣльцу давалось въ придачу помѣстье; если же вотчины были достаточно обширны, то владѣльцы должны были служить государеву службу съ однѣхъ вотчинъ, „какъ кому мочно". Правительство признавало право собственности служилаго человѣка на вотчину только тогда, когда онъ исправно отбывалъ ратную службу. Въ случаѣ неисполненія этой обязанности, вотчина на томъ же основаніи, какъ и помѣстье, отбиралась у владѣльца.

Упомянутымъ выше указомъ 1621 года велѣно было отбирать вотчины, наравнѣ съ помѣстьями, у тѣхъ дѣтей бояр-

скихъ, которыя не служатъ воровствомъ *). Но по уложенію 1649 года вотчины конфисковались въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, чѣмъ помѣстья. Помѣстье, данное во временное владѣніе подъ условіемъ службы, могло быть отнято съ бо̀льшимъ основаніемъ, чѣмъ вотчина, наслѣдственная собственность, на которую, кромѣ самого владѣльца, имѣлъ неотъемлемыя, хотя и нѣсколько ограниченныя, права его родъ. Служилый человѣкъ лишался половины помѣстнаго оклада за двукратный побѣгъ изъ полка или за бѣгство съ поля битвы. Вотчины же, наравнѣ съ помѣстьями и всѣмъ имуществомъ, отнимались по уложенію только съ наказаніемъ смертною казнью за измѣну, переходъ въ непріятельскіе полки и разглашеніе непріятелю военныхъ тайнъ.

Впослѣдствіи, однако, правительство неоднократно прибѣгало къ угрозамъ лишить нѣтчиковъ дѣтей боярскихъ какъ помѣстій, такъ и вотчинъ. Нѣтчики доходили до того, что дерзали похваляться неявкою на службу къ сроку; правительство въ 1665 году объявило: „кто дерзнетъ впередъ такія рѣчи говорить, а великому государю про то будетъ вѣдомо, и ему быть въ жестокомъ наказаніи и въ государевой опалѣ, а *помѣстья и вотчины* отдать въ раздачу“. Въ 1671 году половина вотчинъ наравнѣ съ помѣстьями была отписана у тѣхъ ратныхъ людей, которые, „забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованье“, не явились къ сбору на службу или сбѣжали изъ полковъ.

Правительство объясняло это распоряженіе тѣмъ, что неисправно служащіе вотчинники-нѣтчики наносятъ важный ущербъ внѣшней оборонѣ государства. „Дворяне и дѣти боярскія, говоритъ указъ 1675 года, по наряду на государеву службу, въ полки бояръ и воеводъ на указные сроки

---

*) Въ 1625 году было объявлено: «которые дворяне и дѣти боярскія тотчасъ на нашу службу не пойдутъ и на нашу службу по нашему указу къ сроку не поспѣютъ, и мы у тѣхъ помѣстья и вотчины велимъ взять и отдать въ раздачу безповоротно тѣмъ, которые на нашей службѣ будутъ на срокъ».

и послѣ сроковъ лѣнью своей и огурствомъ не пріѣзжаютъ, а иные, побывъ на службѣ въ полку малое время, изъ полковъ бѣгаютъ и живутъ въ домѣхъ своихъ, въ избылыхъ, а люди они полные, и помѣстья и вотчины за ними жилыя и дачи не малыя, и съ *тѣхъ помѣстій и вотчинъ* полковую службу служить имъ мочно безъ съѣзду". Между тѣмъ, продолжаетъ указъ, „непріятельскіе люди, провѣдавъ про то малолюдство, приходятъ на полки бояръ и воеводъ и подъ государевы городы войною и разоренье чинятъ большое, а боярамъ и воеводамъ, будучи въ полкахъ, надъ воинскими людьми промыслу и поиску за малолюдствомъ учинити некѣмъ" [24].

Вотчины и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ приравнивались къ помѣстьямъ. Весьма знаменательнымъ въ этомъ смыслѣ является указъ 1621 года, коимъ вотчинникамъ, также какъ и помѣщикамъ, запрещено было пустошить свои земли, какъ если бы вотчины были такой же казенной землей, какъ и помѣстья. Московское правительство, въ этомъ случаѣ, видѣло въ вотчинной землѣ, какъ и въ помѣстной, одинаково служилую землю, запустѣніе которой наносило ущербъ военной силѣ государства, ослабляя ратныхъ людей. Поэтому, если оказывалось, что вотчины служилыхъ людей, какъ и помѣстья, запустѣли „не отъ войны, не отъ гоненья и не отъ насильства сосѣдей, но отъ собственнаго ихъ нестроенія и воровства", то дворянъ и дѣтей боярскихъ въ такихъ случаяхъ велѣно было „*бить кнутомъ*, а въ службѣ взять на нихъ поруки, чтобы имъ служити, а будетъ въ комъ поруки не будетъ и тѣхъ сажати въ тюрьму".

Приравнивая вотчины къ помѣстьямъ, правительство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стѣсняло обращеніе вотчинныхъ земель между различными разрядами служилыхъ людей. Особенно строгое постановленіе включено было въ Уложеніе о вотчинахъ казаковъ; имъ велѣно было своихъ казачьихъ вотчинныхъ земель никому не продавать и не сдавать. Совершенно воспрещено было также Уложеніемъ обращеніе

помѣстныхъ *и всякихъ* земель между русскими и инородцами (татарами, мордвой, чувашами, черемисами, вотяками и башкирами). Подтверждая указъ 1636 года, Уложеніе воспретило также Бѣлозерскимъ помѣщикамъ продавать и мѣнять свои вотчины людямъ другихъ чиновъ. Предохраняя отъ обезземеленія украинскихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, правительство неоднократно воспрещало московскимъ дворянамъ, болѣе богатымъ вообще, покупать безъ государева указа вотчины въ украйныхъ и польскихъ городахъ. Указъ 1637 года объ этомъ предметѣ не былъ повторенъ Уложеніемъ. Но позднѣе, съ 1672 года изданъ былъ рядъ указовъ ограничивавшихъ обращеніе земель между украинцами и служилыми людьми московскихъ чиновъ. Указы эти разрѣшали продажу и мѣну земель только между самими Украинскими владѣльцами, но московскимъ дворянамъ и другимъ чинамъ запрещали пріобрѣтать заказныя земли на южной окраинѣ и „сживать украинцевъ съ земель“ [25].

V

Вотчины, по способу пріобрѣтенія, раздѣлялись на *родовыя*, *выслуженныя* (пожалованныя правительствомъ) и *купленныя*. Эти три разряда вотчинъ существенно различались въ отношеніи порядка наслѣдованія. Сообразно съ служебнымъ значеніемъ вотчинныхъ земель, московское правительство ограничиваетъ право наслѣдованія женщинъ въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ.

Родовыя вотчины не могли переходить по наслѣдству къ бездѣтнымъ вдовамъ вотчинника. Эти послѣднія исключались изъ круга наслѣдниковъ потому, что не могли отбывать той службы, какая требовалась отъ землевладѣльцевъ; имъ предоставлялось по закону наслѣдовать только четвертую часть движимаго имущества и ихъ приданое.

По отношенію къ вотчинамъ выслуженнымъ, пожалованнымъ государемъ за службу, правительство въ 1619 году

отступило на нѣкоторое время отъ указаннаго правила, разрѣшивъ переходъ ихъ, по смерти вотчинника, въ пожизненное владѣніе къ бездѣтной вдовѣ. Въ этой перемѣнѣ видятъ слѣдъ усилившагося вліянія землевладѣльческаго класса послѣ смутнаго времени Съ прибытіемъ изъ плѣна патріарха Филарета положеніе дѣлъ измѣнилось. По его почину выслуженныя вотчины были сравнены съ родовыми, въ отношеніи права наслѣдованія женъ. Указомъ 3 декабря 1627 года правительство, сославшись на правила св. Апостоловъ и св. Отцовъ, велѣло исключать изъ жалованныхъ грамотъ на вотчины статью, которою вотчинникамъ предоставлялось передавать пожалованныя вотчины женамъ по наслѣдству.

Уложеніе 1649 года нѣсколько смягчило это узаконеніе, а именно опредѣлило, что бездѣтная вдова имѣетъ право на полученіе по наслѣдству *части* выслуженной вотчины на прожитокъ, въ пожизненное владѣніе, но только въ томъ случаѣ, если она не можетъ быть обезпечена изъ помѣстныхъ земель умершаго мужа или изъ его купленныхъ вотчинъ [26].

Порядокъ наслѣдованія этихъ послѣднихъ существенно отличался отъ наслѣдованія родовыхъ имѣній; купленныя вотчины безусловно могли переходить по наслѣдству къ бездѣтнымъ вдовамъ. Первоначально, въ 1572 году правительство до крайности ограничило кругъ наслѣдниковъ купленныхъ вотчинъ, а именно, продавая земли изъ казны, оно не признавало наслѣдственныхъ правъ на такія купли не только за женой, но и за родомъ. Но затѣмъ, по настоятельнымъ челобитьямъ лицъ, покупавшихъ казенныя порожнія земли, имъ было разрѣшено указомъ 1619 года передавать благопріобрѣтенныя имѣнья по наслѣдству и боковымъ родичамъ, и женѣ. Уложеніе подтвердило этотъ указъ о вотчинахъ, купленныхъ какъ изъ казны, такъ и отъ чужеродцевъ, разрѣшивъ наслѣдовать ихъ женамъ. Это исключительное постановленіе о купленныхъ вотчинахъ, отличавшее ихъ отъ родовыхъ и выслуженныхъ, объясняется тѣмъ, что правительство, съ одной стороны, хотѣло поощрить служи-

лыхъ людей къ покупкѣ казенныхъ порожнихъ земель,—съ другой же стороны, дозволяя переходъ „купель" ко вдовамъ, могло имѣть при этомъ въ виду, что купленныя вотчины обыкновенно были только придаткомъ къ наслѣдственнымъ имѣніямъ, были менѣе значительны, и что, слѣдовательно, вдовы, наслѣдуя ихъ, получали въ свое владѣніе меньшую часть имѣнья мужа, въ которомъ и находили себѣ лишь необходимое обезпеченіе.

Въ концѣ XVII столѣтія было узаконено новое существенное ограниченіе права передачи вотчинъ по наслѣдству. Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича и Новоуказными статьями былъ точно опредѣленъ порядокъ законнаго наслѣдованія въ родовыхъ вотчинахъ, но собственникамъ предоставлялось, выражая свою волю въ духовномъ завѣщаніи, передать ее тому или другому изъ родственниковъ. Это право было отнято у вотчинниковъ указомъ 1679 года. Посмертная воля собственника, по этому указу, не признавалась, разъ она не согласовалась съ законно установленнымъ порядкомъ наслѣдованія лицъ по степенямъ родства: „кто напишетъ въ духовной свою родовую, или выслуженную, или купленную отъ родичей вотчину *мимо дѣтей своихъ*, сыновей и дочерей, братьямъ роднымъ и родственникамъ и чужеродцамъ, и по тѣмъ духовнымъ тѣхъ вотчинъ не давати, а давати по уложенію умершаго дѣтямъ; а будетъ дѣтей нѣтъ, и тѣ вотчины отдавать родственникамъ, а по духовнымъ такихъ вотчинъ не давати" Одновременно, въ 1679 году для обезпеченія того же законнаго перехода вотчинъ къ нисходящимъ, запрещено было вотчинникамъ дарить свои земли (поступаться безденежно) родственникамъ или чужеродцамъ, помимо дѣтей и родныхъ внучатъ

По отношенію къ *выкупу* родовыхъ имѣній законодательство XVII вѣка твердо держится началъ, установленныхъ Судебникомъ Іоанна IV и почти не даетъ имъ дальнѣйшаго развитія. Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича въ гл. XVII „о вотчинахъ" лишь пересказываетъ положенія

ст. 85 Судебника 1551 года, опредѣляя, что право выкупа родовыхъ вотчинъ принадлежитъ только боковымъ родственникамъ, которые не были свидѣтелями сдѣлки. Срокъ выкупа узаконяется прежній—сорокалѣтній. Подтверждается далѣе старое правило о выкупѣ только наслѣдственныхъ, но не благопріобрѣтенныхъ вотчинъ.

За нѣсколько лѣтъ до Уложенія, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была сдѣлана попытка облегчить для родичей возвращеніе роду вотчины, проданной въ чужія руки. Судебникъ предоставилъ опредѣленіе выкупной цѣны полюбовному соглашенію сторонъ: „не полюбовно вотчины не выкупити“. Не желая возвращать вотчины, чужеродецъ, купившій ее, могъ, такимъ образомъ, назначить на выкупъ несоразмѣрно высокую цѣну. Въ предупрежденіе этого, была установлена правительствомъ выкупная цѣна вотчины, сначала, въ 1619 году — общая для всѣхъ мѣстностей — по по полтинѣ за четверть въ трехъ поляхъ (по современному счету, по 4²/₃ рубля за десятину); затѣмъ въ 1621 году—особая для четырехъ разрядовъ земель по уѣздамъ, отъ полтины до 2 рублей за четверть въ трехъ поляхъ (за десятину—отъ 4 до 18 рублей съ копейками на наши деньги). Эта мѣра должна была оказать существенную помощь родичамъ при выкупѣ ихъ родовыхъ имѣній, особенно въ тѣхъ случаяхъ когда лицо, купившіе вотчину, требовало за выкупъ ея цѣну, превышавшую ея дѣйствительную стоимость.

Уложеніе 1649 года отмѣнило этотъ законъ, но, съ своей стороны, для обезпеченія пользованія правомъ выкупа родовыхъ вотчинъ, опредѣлило, что вотчина должна быть выкупаема по той цѣнѣ, за какую она была продана: „выкупать вотчины по купчимъ, въ чемъ которая вотчина продана“. За всѣ же хозяйственныя улучшенія въ выкупаемыхъ вотчинахъ была назначена добавочная плата: родичъ, выкупающій вотчину у чужеродца, долженъ платить ему за пашенную землю, расчищенную имъ изъ подъ лѣсной поросли, по 3 рубля за десятину; за новые сѣнные покосы по 3 рубля

за десятину и за каждый прибылой крестьянскій дворъ по 50 рублей; за выстроенные же имъ дома и различныя строенія вознагражденіе назначается по оцѣнкѣ стороннихъ людей.

Что касается до права выкупа заложенныхъ вотчинъ, то Уложеніе совершенно сравняло его съ правомъ выкупа проданныхъ вотчинъ—въ опредѣленіи круга родственниковъ, имѣвшихъ это право, а также срока и цѣны выкупа. Заложенную землю, кромѣ боковыхъ родичей, имѣлъ право выкупить также и самъ собственникъ. Особыми постановлевленіями уложеніе старалось обезпечить за нимъ осуществленіе этого права и указало, что лицо, выдавшее деньги подъ залогъ вотчины, не должно отказываться брать цѣну залога отъ вотчинника—залогодателя, съ цѣлью окончательно завладѣть его вотчиною, оттягать ее, принудивъ его пропустить срокъ выкупа.

Постановленія о выкупѣ, принятыя Уложеніемъ, впослѣдствіи, до времени Петра Великаго оставались безъ всякой перемѣны: они были только подтверждаемы и поясняемы частными узаконеніями. Коренныхъ измѣненій не было сдѣлано въ нихъ и Петромъ Великимъ. Основныя начала права выкупа, установленныя въ 1551 году, дожили почти до середины прошлаго вѣка; они были существенно измѣнены только законами 1737 и 1744 гг. Первымъ изъ этихъ законовъ назначенъ былъ, взамѣнъ 40-лѣтняго, только трехълѣтній срокъ выкупа; вторымъ—преимущественное право выкупа проданныхъ и заложенныхъ земель предоставлено было прямымъ потомкамъ вотчинника; для родственниковъ же боковой линіи, въ противность прежнему порядку, право выкупа заключено было въ тѣснѣйшіе предѣлы [28].

VI.

Развивая начала вотчиннаго законодательства предшествовавшаго вѣка, правительство XVII столѣтія принимаетъ мѣры къ ограниченію и пресѣченію перехода вотчинъ во

владѣніе церкви. Соборный приговоръ 1580 года не достигъ своей цѣли, не остановилъ быстро увеличивавшагося скопленія земель въ рукахъ церкви и особенно монастырей. Запрещеніе вотчинникамъ сдавать земли по душѣ въ монастырь не могло стѣснять предсмертныхъ распоряженій вотчинниковъ, поглощенныхъ мыслью о спасеніи своей души. Между тѣмъ, соборнымъ приговоромъ разрѣшено было монастырямъ владѣть завѣщанными имъ землями до выкупа этихъ земель родичами или казной. На практикѣ это узаконеніе имѣло бы значеніе только въ томъ случаѣ, если бы правительство могло имѣть постоянный бдительный надзоръ за всѣми землями, которыя завѣщались монастырямъ. При отсутствіи же надзора завѣщанныя вотчины оставались во владѣніе монастырей на неопредѣленное время, потому что ихъ не выкупали ни родственники, ни казна, не знавшая о нихъ.

Въ 1622 году правительство особымъ указомъ само отказалось отъ выкупа вотчинъ, проданныхъ монастырямъ или отданныхъ имъ по душѣ съ 1580 г. и не выкупленныхъ до 1613 года, и признало ихъ собственностью монастырей по давности владѣнія: „потому что тѣ вотчины *застарѣли* въ монастыряхъ многими лѣты“. Постановленія соборнаго приговора 1580 года редактировались со времени указа 1619 года иначе, чѣмъ прежде и болѣе сообразно съ ихъ истиннымъ смысломъ. Въ жалованныхъ грамотахъ на вотчины правитяльство уже прямо разрѣшало землевладѣльцамъ давать вотчины въ монастырь, но только до выкупа, при чѣмъ поясняло, что „въ монастырь та вотчипа попрежнему уложенью *некрѣпка*“, такъ какъ она должна быть выкуплена изъ монастыря родичами, или, за неимѣніемъ ихъ, казною по установленной цѣнѣ.

Между тѣмъ быстрое увеличеніе церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ все болѣе обращало на себя вниманіе правительства. По даннымъ 1623 года въ Московскомъ уѣздѣ преобладающее количество пашни принадлежало монастырямъ; въ ихъ владѣніи находилось около половины всей

воздѣланной земли въ Московскомъ уѣздѣ (43,65%), до 93,000 десятинъ. Уложеніе 1649 года приняло рѣшительныя мѣры для сокращенія церковнаго и монастырскаго землевладѣнія. Постановленія Уложенія по этому вопросу принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ новыхъ узаконеній, внесенныхъ въ этотъ замѣчательный законодательный памятникъ. Вопросъ о церковныхъ земляхъ обсуждался на одномъ изъ соборовъ, выработывавшихъ всѣ новые законы Уложенія. Царь Алексѣй Михайловичъ „объ этомъ совѣтовалъ со Отцемъ своимъ и Богомольцемъ, Святѣйшимъ Іосифомъ Патріархомъ Московскимъ и Всея Русіи и со всѣмъ освященнымъ соборомъ“, а также „говорилъ со своими государевыми бояры“. Духовенство въ 1648 году должно было признать необходимость наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ для пресѣченія перехода вотчинъ въ монастыри и сдѣлать то, чего не сдѣлалъ духовный соборъ 1580 г. Теперь, въ добавленіе къ прежнимъ запрещеніямъ покупать и принимать въ закладъ вотчины,— патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и монастырямъ было рѣшительно воспрещено принимать вотчины „по душамъ въ вѣчной поминокъ, никоторыми дѣлы“; запрещено было принимать такія вотчины хотя бы и временно, до выкупа: „а кто и напишетъ вотчину въ монастырь по духовной, и тѣхъ вотчинъ въ монастыри по духовнымъ не давати“ и въ помѣстномъ приказѣ за ними не записывать. Если родственники не захотятъ немедленно выкупить вотчины, то душеприказчики должны продать ее стороннимъ людямъ, а деньги дать въ монастырь. Въ случаѣ нарушенія этихъ правилъ, вотчина берется въ казну *безденежно.*

Одновременно былъ закрытъ и другой путь перехода вотчинъ въ монастыри—при постриженіи вотчинниковъ въ монахи. У владѣльцевъ вотчинъ отнято было право отдавать ихъ въ монастыри при постриженіи, а равно и самимъ имъ велѣно было „постригшись, въ монастырѣ вотчинъ отнюдь не держать“ Изрекая монашескій обѣтъ, они обязаны были

или продать свои земли, или отдать ихъ родственникамъ съ тѣмъ, чтобы тѣ ихъ „кормили и одѣвали и всякимъ покоемъ покоили до смерти“.

Наконецъ, Уложеніе 1649 года не только положило предѣлъ на будущее время увеличенію церковныхъ имуществъ, но и опредѣлило отписать на государя часть этихъ имуществъ, хотя и неособенно значительную. Всѣ „патріарши, митрополичьи, владычни и монастырскія слободы въ Москвѣ и другихъ городахъ, а также всѣ ихъ пригородныя вотчины, стоящія въ рядъ съ посады“ и населенныя торговыми и промышленными людьми, наравнѣ съ такими же слободами бояръ и другихъ служилыхъ людей, были взяты на государя въ тягло, всего болѣе 10,000 дворовъ. Эта мѣра затрогивала интересы всѣхъ вообще землевладѣльцевъ и вызвана была заботой объ охраненіи не служилыхъ людей, а тяглыхъ, но чувствительнѣе всего должна была она отразиться на духовенствѣ, какъ на крупнѣйшемъ вотчинникѣ [29].

VII.

Извѣстнымъ указомъ Петра Великаго о майоратѣ 1714 года помѣстья были сравнены съ вотчинами подъ общимъ наименованіемъ „недвижимыхъ имѣній“. Сліяніе помѣстій съ вотчинами было вполнѣ подготовлено законодательствомъ XVII вѣка.

Московскому правительству не было надобности строго охранять начала помѣстнаго землевладѣнія и стремиться къ его развитію въ ущербъ землевладѣнію вотчинному, такъ какъ вотчины въ то время были обязаны службой государству наравнѣ съ помѣстьями; одни и тѣ же начала, замѣчаетъ Градовскій, были проведены чрезъ всю систему поземельнаго владѣнія; несвободное положеніе служилаго класса обусловливало и несвободное положеніе его собственности. Для правительства, увѣреннаго въ вѣчной и безповоротной службѣ дворянъ, становилось до извѣстной степени безраз-

лично, съ какой земли, помѣстной или вотчинной, будутъ они служить.

Поэтому оно нерѣдко передавало служилымъ людямъ часть ихъ помѣстныхъ владѣній въ полную собственность. Пожалованіе части помѣстій въ вотчину было обыкновенною милостью московскихъ государей служилымъ людямъ за участіе въ какомъ-либо трудномъ походѣ. Помѣстье превращалось въ вотчину, которую, согласно жалованной грамотѣ, собственникъ могъ „продать и заложить и въ приданое дать", безъ доклада помѣстному приказу. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій пожаловалъ въ вотчину служилымъ людямъ по 20 четвертей со 100 четвертей помѣстнаго оклада „за московское осадное сидѣнье и за неотъѣздъ къ самозванцу тушинскому вору". Такія пожалованія стали особенно часты со второй половины царствованія Алексѣя Михайловича. По заключеніи Андрусовскаго перемирія съ Польшей въ 1667 г., послѣ долгой и трудной войны, всякихъ чиновъ служилымъ людямъ даны были земли изъ помѣстій въ вотчину за то, что они „Великому Государю служили, противъ польскихъ и литовскихъ людей мужественно и храбро стояли, промыслъ всякій чинили и отъ Княжества Литовскаго въ перемиріе уступку годную и прибыльную Великой Россіи учинили". При этомъ боярамъ дано было въ вотчину по 500 четей земли, окольничему 300 четей, думнымъ дворянамъ и думнымъ людямъ по 200 четей, а другимъ чинамъ: дворянамъ московскимъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и такъ далѣе, по 20 четей со 100 четей помѣстнаго оклада. Первоначально служилые люди награждались за особыя заслуги; съ теченіемъ времени награды эти стали выдаваться скорѣе въ силу обычая всѣмъ участникамъ похода. Такъ служилые люди награждаемы были вотчинными дачами за походъ противъ Стеньки Разина, по случаю заключенія мира съ Крымскимъ ханомъ и Турецкимъ султаномъ въ 1681 году — и съ Польшею въ 1686 году, за скорый пріѣздъ къ Троице-Сергіеву мона-

стырю въ 1682 году на защиту государей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ взбунтовавшихся стрѣльцовъ *) [30].

Значительныя количества государственной помѣстной земли переходили такимъ образомъ постепенно въ полную собственность дворянъ и дѣтей боярскихъ. Переходъ этотъ усиливался еще болѣе вслѣдствіе неоднократно разрѣшавшихся правительствомъ съ XVI ст. покупокъ помѣстій въ вотчину. Оставшіяся за раздачей, *порозжія* помѣстныя земли въ Московскомъ уѣздѣ продавались желающимъ еще по указу 1573 года. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ продавались съ разрѣшенія государя какъ подмосковныя, такъ и городовыя помѣстья. Уложеніе постановило „продавать помѣстныя земли помѣщикамъ въ вотчину, по государеву именному указу, что̀ Государь пожалуетъ“ **). Впослѣдствіи порядокъ этой продажи былъ упрощенъ; по указу 1676 года, служилые люди могли покупать себѣ вотчины и безъ именного указа, а за помѣтами думныхъ дьяковъ на челобитныхъ. Въ это время, въ концѣ XVII ст. правительство постоянно рекомендовало помѣщикамъ покупать въ вотчину т. наз. *примѣрныя земли*, то-есть тѣ земли, которыя распаханы были ими въ предѣлахъ отведенныхъ имъ угодій, сверхъ опредѣленнаго оклада пашни, и подлежали отрѣзкѣ въ казну. „Что за окладомъ будетъ въ лишкѣ примѣрныя

*) Помѣстья жаловались въ вотчину служилому человѣку «и его дѣтямъ, внучатамъ и правнучатамъ, въ роды ихъ неподвижно, чтобы царское жалованье и ихъ великое дородство и храбрая служба за вѣру и Великаго Государя и за свое отечество послѣднимъ родомъ было на память, и на ихъ бы службы, дѣти его и внучата и правнучата, кто по немъ роду его будетъ, также за вѣру христіанскую и за святыя Божія церкви и за Великаго Государя и за свое отечество, стояли мужественно» (1668).

**) Помѣстное землевладѣніе, съ точки зрѣнія контроля службы, было болѣе выгодно для правительства, чѣмъ землевладѣніе вотчинное. Поэтому, когда на какой-либо участокъ казенной порожней земли два лица заявляли свои притязанія,—одинъ, желавшій пріобрѣсти участокъ въ вотчину, другой, желавшій получить его въ помѣстье, — правительство предпочитало отдавать этотъ участокъ въ помѣстье, запрещая продавать его въ куплю.

земли и тѣ земли продавать имъ же въ вотчину, а деньги имать по уложенью". Эти земли отдавались въ помѣстье или продавались посторонним въ томъ случаѣ, если владѣльцы отказывались отъ покупки ихъ въ собственность [31].

Дозволяя, съ одной стороны, переходъ помѣстій въ полную собственность владѣльцевъ, правительство, съ другой стороны, предоставляетъ помѣщикамъ все въ большемъ объемѣ права распоряженія на помѣстныя земли. По законамъ временъ полнаго развитія помѣстной системы (1649 годъ) помѣщикамъ, какъ указано выше, разрѣшалось мѣнять помѣстья и не только на помѣстья, но и на вотчины. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, однако, преимущественно на южной и юго-западной Польской окраинѣ и на Бѣломъ озерѣ мѣна помѣстій до конца столѣтія ограничивалась особыми узаконеніями, изданными въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Въ столь же широкихъ размѣрахъ, какъ и мѣна помѣстій, практиковалась съ дозволенія закона сдача прожиточныхъ помѣстій, состоявшихъ во владѣніи отставныхъ дворянъ или ихъ вдовъ и дѣтей.

Въ 1676 году, разрѣшено было сдавать помѣстья также всѣмъ помѣщикамъ, состоявшимъ на службѣ, при чемъ было опредѣлено, что лица, сдавшія свои помѣстья, теряютъ право на полученіе новыхъ помѣстій. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, это право сдачи было существенно ограничено. Въ слѣдующемъ же 1677 году постановлено было, что лицо, состоящее на службѣ, не можетъ сдавать другимъ болѣе половины своего помѣстнаго имѣнья. Но, разрѣшая безусловно сдачу помѣстій, правительство преждевременно зашло слишкомъ далеко по пути сліянія помѣстій съ вотчинами; сдача помѣстья за деньги была скрытою продажею помѣстья. Въ виду этого, указомъ 1685 года было опредѣлено, что служащіе помѣщики могутъ только поступаться безденежно половиною помѣстья и не имѣютъ права сдавать его за деньги [32].

Въ отношеніи порядка наслѣдованія, помѣстья все болѣе уравнивались съ вотчинами. „По новоуказнымъ статьямъ 1676 года, говоритъ Кавелинъ, мать, жена и сыновья помѣщика, оставившаго послѣ себя небольшое помѣстное имѣніе, дѣлятъ его между собою по равнымъ частямъ, а дочери получаютъ изъ него вдвое меньшія части, чѣмъ прочіе наслѣдники. Затѣмъ завелся обычай давать помѣстье въ приданое по частному условію, а не по распоряженію правительства. Также начали чаще и чаще оставлять за сыновьями, внуками и правнуками всѣ помѣстья ихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, не обращая вниманія на то, совершеннолѣтніе они или нѣтъ, имѣютъ ли они или не имѣютъ своихъ помѣстій, достанется ли имъ вслѣдствіе этого больше помѣстьевъ, чѣмъ слѣдуетъ по окладу, или нѣтъ". Живя изъ поколѣнія въ поколѣніе на одномъ и томъ же помѣстномъ участкѣ, помѣщики естественно начинали смотрѣть на него, какъ на свою родовую собственность — *отчину*, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Они говорили, что заслуги отцовъ и дѣдовъ даютъ имъ право на владѣніе наслѣдственнымъ помѣстьемъ. Такъ, одинъ изъ предковъ извѣстнаго мемуариста прошлаго вѣка Болотова, Кирило Ерофеевъ защищалъ свои права на родовыя помѣстныя пустоши, между прочимъ, такими доводами: „Съ этихъ пустошей всѣ наши родичи служили; четверо ихъ убито, а двое въ полонъ взято; не вели, Государь, отнимать за кровь и за раны выслуженное помѣстье". Земля, данная въ помѣстье на южной окраинѣ Болотовымъ при Іоаннѣ Грозномъ, сохранялась въ ихъ роду до Петра Великаго и тогда сдѣлалась ихъ вотчиной, не только на дѣлѣ, но и по праву.

Сліяніе помѣстій съ вотчинами дѣлало еще бо̀льшіе успѣхи въ жизни, чѣмъ въ законодательствѣ. Въ послѣдніе годы XVII столѣтія, какъ это видно изъ актовъ частныхъ сдѣлокъ, многіе помѣщики считали уже, что они имѣютъ въ полномъ объемѣ право распоряженія помѣстьями. Одинъ служилый человѣкъ закладываетъ въ 1693 г. свое помѣстье

и при этомъ дѣлаетъ оговорку о немъ, какъ бы о своей вотчинѣ: „а мнѣ, Леонтію и женѣ моей, и дѣтямъ моимъ, и родственникамъ моимъ на него Марка (заимодавца) и его родственниковъ о поворотѣ той земли не бить челомъ". Другой, Данило Масловъ, поступаясь въ 1697 году обиженнымъ имъ лицамъ своей помѣстной землей, говоритъ о ней, какъ о своей полной собственности: „а тѣ четверти у меня никому не проданы и не заложены, и не промѣнены, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплены". Указы Петра Великаго и Анны Іоанновны, сравнявшіе помѣстья съ вотчинами, только довершали то, что было подготовлено законодательствомъ и еще болѣе жизнью предшествовавшаго столѣтія [33].

ГЛАВА IV.

Классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

I.

Дворяне и дѣти боярскія составляли обособленный, наслѣдственный классъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ службою и свободныхъ отъ податей. Дворянскому классу московскаго времени принадлежало право вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія и преимущество личной свободы отъ податей; взамѣнъ тягла на него возложена была обязанность пожизненной ратной службы. Отличительныя черты класса дворянъ и дѣтей боярскихъ составляютъ: наслѣдственная обособленность, право землевладѣнія, свобода отъ налоговъ, обязанность службы. Иначе говоря, дворяне и и дѣти боярскія были „служилыми людьми по отечеству, вотчинниками и помѣщиками, бѣломѣстцами".

Наслѣдственная обособленность класса дворянъ и дѣтей боярскихъ по общему правилу твердо поддерживалась правительствомъ въ XVII вѣкѣ. При верстаніи въ службу но-

виковъ окладчикамъ предписывалось верстать денежнымъ и помѣстнымъ жалованьемъ однихъ лишь *природныхъ* дѣтей боярскихъ, „отъ отцовъ дѣтей, отъ брата братьевъ, отъ дядь племянниковъ". Окладчики обязаны были строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ списки дѣтей боярскихъ, служащихъ „полковую службу съ городомъ", не попадали лица другихъ классовъ: крестьяне, дѣти священниковъ, холопы. Въ наказѣ 1601 года окладчикамъ запрещалось подъ крестнымъ цѣлованьемъ верстать помѣстными окладами „поповыхъ и мужичьихъ дѣтей, холопей боярскихъ и слугъ монастырскихъ"; въ наказѣ 1606 года въ числѣ разрядовъ неслужилыхъ людей, недопускаемыхъ въ среду дѣтей боярскихъ, указаны также посадскіе люди *). Это требованіе правительства постоянно повторяется въ послѣдующихъ многочисленныхъ наказахъ о верстаніи дѣтей боярскихъ. Въ 1652 году окладчикамъ строго повелѣвалось верстать помѣстьями только тѣхъ новиковъ, у кого „отцы были въ дѣтяхъ боярскихъ и служили съ городы", и при этомъ „беречь накрѣпко, чтобы однолично неслужилыхъ отцовъ дѣтей мимо государева указу помѣстными и денежными оклады никого не поверстати:—чтобы новики у нихъ подставою и никакимъ воровствомъ не верстались,—и отъ того всего ни у кого посуловъ и поминковъ не имати". Великая опала и жестокая казнь ожидала окладчиковъ, которые дерзнули бы нарушить этотъ запретъ; впослѣдствіи имъ угрожало кромѣ того „всякое разоренье безъ пощады". Наказъ 1675 года равнымъ образомъ требовалъ, чтобы въ государеву службу были зачислены только дѣти, братья и племянники дворянъ и дѣтей боярскихъ и приказывалъ „къ дворянамъ и дѣтямъ

*) Въ Муромѣ, по особому повелѣнію царя Бориса Годунова, были поверстаны въ дѣти боярскія два холопа за особыя услуги правительству (за доводы), но Димитрій Самозванецъ, слѣдуя установившейся практикѣ, повелѣлъ въ 1605 году отставить ихъ отъ службы и отдать въ холопство прежнимъ ихъ господамъ. Впослѣдствіи крестьяне и холопы зачислялись въ списки дѣтей боярскихъ лишь вслѣдствіе злоупотребленій воеводъ, которые противозаконно верстали крестьянъ, взявъ съ нихъ «поминки великія».

боярскимъ никому ни для какихъ своихъ прихотей не приметываться“ [34].

Правительство устанавливало не только наслѣдственность состоянія дѣтей боярскихъ вообще, но и наслѣдственность разрядовъ этого класса. Первоначально новики при верстаніи на службу сразу зачислялись по отечеству въ выборные или дворовые. Впослѣдствіи эти званія стали даваться за службу, но при пожалованіи ими обыкновенно принималась во вниманіе не только служба, но и отечество. Помѣстные оклады въ теченіе XVII вѣка постоянно давались по отечеству. Окладчикамъ запрещалось „малоотческихъ дѣтей взносить изъ нижнихъ статей въ высшія“ и наоборотъ „сносить новиковъ изъ высшихъ статей въ нижнія“.

Дворяне и дѣти боярскія составляли высшій обособленный разрядъ служилыхъ людей. Отъ нихъ существенно отличался низшій разрядъ служилыхъ людей, такъ называемые „служилые люди по прибору“, стрѣльцы казаки и пушкари. Эти низшіе чины занимали середину между природнымъ дворянствомъ и тяглыми людьми. Низшіе служилые люди были разночинцами; они набирались изъ вольныхъ, гулящихъ людей, изъ посадскихъ людей и крестьянъ, а также и изъ малопомѣстныхъ или безпомѣстныхъ дѣтей боярскихъ. Эти чины служили на жалованьи и надѣлялись, сверхъ того, подобно крестьянамъ и посадскимъ людямъ, мелкими земельными дачами. Податныя привилегіи, принадлежавшія имъ, какъ служилымъ людямъ, были существенно ограничены.

До второй половины XVII вѣка наслѣдственная обособленность класса дворянъ и дѣтей боярскихъ нарушалась вслѣдствіе нерѣдкихъ переходовъ въ этотъ классъ служилыхъ людей разночинцевъ низшаго разряда. Въ концѣ XVI вѣка при образованіи состава украинскихъ дѣтей боярскихъ, производились иногда массовыя верстанія дѣтей боярскихъ изъ казаковъ.

Въ наказахъ окладчикамъ правительство, запрещая верстать въ помѣстную службу: 1) поповскихъ дѣтей, 2) тяг-

лыхъ людей (крестьянъ и посадскихъ), 3) холоповъ и монастырскихъ слугъ, говоритъ лишь о верстаніи прирожденныхъ дѣтей боярскихъ (сыновей, братьевъ, племянниковъ), но не воспрещаетъ особо вносить въ дворянскіе списки служилыхъ людей низшаго разряда, стрѣлецкихъ, казацкихъ, солдатскихъ дѣтей. Оно настаиваетъ лишь на томъ, чтобы окладчики не верстали „дѣтей неслужилыхъ отцовъ", и этимъ выраженіемъ косвенно разрѣшаетъ переходъ казацкихъ и солдатскихъ дѣтей въ классъ дѣтей боярскихъ. Пользуясь этимъ, окладчики на южной украинѣ, гдѣ недоставало природныхъ дворянъ, заносили въ дворянскіе списки стрѣльцовъ и казаковъ. Стрѣлецкія и казацкія головы съ южной украины доносили правительству, что „многіе стрѣльцы и казаки, покинувъ свои службы, сбѣжали и верстались въ иныхъ городахъ въ дѣти боярскія (а также въ станичники и пушкари), и отъ того стрѣлецкія службы пустѣютъ" (1651). Лишь въ 1675 году было особо запрещено называть дѣтьми боярскими и верстать въ помѣстную службу какъ неслужилыхъ людей (холопей боярскихъ, пашенныхъ мужиковъ), такъ и служилыхъ людей низшаго разряда, стрѣлецкихъ и казачьихъ дѣтей.

Наслѣдственность состоянія дѣтей боярскихъ нарушалась также началомъ выслуги, которому впослѣдствіи Петръ Великій далъ преобладающее значеніе. Выслужившійся подьячій, солдатъ или рейтаръ-разночинецъ, произведенный въ начальные люди, головы или полковники, получалъ отъ правительства помѣстье или вотчину и дѣти его, въ качествѣ землевладѣльцевъ, могли быть поверстаны въ дворянскую помѣстную службу и войти въ составъ класса дѣтей боярскихъ. Котошихинъ говоритъ: „кто изъ тѣхъ людей посадскихъ, духовныхъ, боярскихъ слугъ отпуститъ своего сына на службу въ солдаты, или въ рейтары, или въ приказъ подьячимъ и инымъ царскимъ человѣкамъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малыя чести дослужатся повыше и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины, и отъ него пойдетъ дворянскій родъ" [35].

Правительство исключало во второй половинѣ вѣка казаковъ и стрѣльцовъ изъ дворянскихъ списковъ, однако, оно поступало такъ не потому, чтобы особенно заботилось о чистотѣ дворянскаго класса; это дѣлалось для того, чтобы одинъ классъ не пополнялся на счетъ другого, имѣвшаго одинаково съ нимъ государственное значенiе. Стрѣльцы возвращались въ прежнюю службу для того, чтобы „стрѣлецкiя службы не пустѣли", посадскiе люди возвращались въ посадъ, для того чтобы они не „избывали тягла и тяглыхъ службъ". Иногда въ видѣ исключительной мѣры зачислялись въ классъ дѣтей боярскихъ лица неслужилыхъ классовъ. Такъ, въ 1649 году, сокращая число архiерейскихъ дѣтей боярскихъ, владѣвшихъ вотчинами, правительство разрѣшило попрежнему состоять на службѣ у церковныхъ властей—только „изстариннымъ, природнымъ дѣтямъ боярскимъ", изстари служившимъ патрiарху, митрополитамъ, архiепископамъ или епископамъ; всѣ же остальные архiерейскiе дворовые слуги, владѣвшiе вотчинами, „неслужилыхъ отцовъ дѣти и не природныя дѣти боярскiя были зачислены въ классъ государевыхъ дѣтей боярскихъ, съ обязательствомъ нести дворянскую „службу съ городомъ" [36].

II.

Особымъ наслѣдственнымъ преимуществомъ дворянскаго класса московскаго времени было землевладѣнiе по праву собственности или же по праву владѣнiя подъ условiемъ службы. Принадлежавшее дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ въ силу происхожденiя, право владѣть вотчинами и помѣстьями составляло отличительную черту ихъ отъ лицъ другихъ классовъ. Неслужилые люди, посадскiе и крестьяне, могли владѣть только тяглыми участками государственныхъ земель. Низшiй разрядъ служилыхъ людей изъ разночинцевъ, стрѣльцы, казаки и другiе „служилые люди по прибору",—

какъ разъяснено будетъ ниже,—владѣли мелкими участками земли по сябренному (товарищескому) праву владѣнія.

Право вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія пріобрѣталось также выслугой, независимо отъ происхожденія. Такъ, помѣстья давались выслужившимся дьякамъ и подьячимъ, хотя бы они были и недворянскаго рода; помѣстьями надѣлялись и дослужившіеся до начальныхъ чиновъ стрѣльцы и солдаты-разночинцы. Вотчинами владѣли также гости, высшій разрядъ торговыхъ людей, въ силу того, что они исполняли различныя службы по финансовому вѣдомству *). Но однимъ лишь дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, „служилымъ людямъ по отечеству", принадлежало право владѣть вотчинами и пріобрѣтать ихъ независимо отъ службы, въ силу происхожденія. Уложеніе 1649 года поставило въ зависимость отъ службы лишь пріобрѣтеніе дворянствомъ казенныхъ земель; эти земли запрещено было продавать въ вотчину „неверстаннымъ и неслужащимъ государевы службы дѣтямъ боярскимъ". Но дѣтямъ боярскимъ не возбранялось пріобрѣтать частно-владѣльческія земли, хотя бы они и не служили государевой службы.

Въ качествѣ вотчинниковъ и помѣщиковъ дворяне и дѣти боярскія пользовались податнымъ преимуществомъ, были лично свободны отъ податей и тяглыхъ повинностей. Въ силу личной податной привилегіи они безданно, безпошлинно занимались не только сельскимъ хозяйствомъ, но и торгово-промышленной дѣятельностью въ городахъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ права служилыхъ людей бѣломѣстцевъ сталкивались съ правомъ посадской тяглой общины на обложеніе торговли и промысловъ. До уложенія 1649 года бѣломѣстцы не только владѣли торгово-промышленными слободами около городовъ, но и нерѣдко освоивали участки посадскихъ земель, пріобрѣтая ихъ отъ тяглыхъ людей по-

*) Въ 1666 году, однако, гостямъ запрещено было покупать и принимать въ закладъ частновладѣльческія земли безъ особаго разрѣшенія государя.

купкою или по просроченнымъ закладнымъ, а также отнимая силою, и затѣмъ „записывали и укрѣпляли ихъ въ писцовыхъ книгахъ вѣчно за собою *бѣлою землею*“. Тяглая община большею частью тщетно отстаивала свои права на обложеніе тяглой земли, незаконно пріобрѣтенной служилымъ человѣкомъ. Въ видахъ огражденія интересовъ тяглой общины, уложеніемъ 1649 года предписано было отнять отъ дворянъ высшихъ чиновъ пріобрѣтенныя ими городскія земли и торгово-промышленныя слободы, выстроенныя около городовъ *). Низшіе служилые люди разночинцы, также пользовавшіеся податнымъ преимуществомъ, были отличены въ этомъ отношеніи отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Нѣкоторые разряды ихъ были совершенно сравнены съ тяглыми людьми; податная привилегія другихъ была существенно ограничена. Только „служилые люди по отечеству“ остались всецѣло *бѣломѣстцами* [37].

Землевладѣльческое и податное преимущества дворянскаго класса московскаго времени обусловливались лежавшею на немъ обязанностью службы. Дворяне и дѣти боярскія пользовались этими преимуществами не въ качествѣ самостоятельнаго, привилегированнаго сословія, но въ качествѣ всецѣло зависящаго отъ правительства служилаго класса. Владѣя вотчинными и помѣстными землями, съ прикрѣпленнымъ къ нимъ населеніемъ, дворянство обязано было отбывать съ земли ратную службу и за это освобождалось отъ податей и тяглыхъ повинностей. Служба государству опредѣляла всю организацію дворянскаго класса. Крѣпостная зависимость отъ правительства лишала его самостоятельнаго значенія, не дозволяла развиться въ его средѣ корпоративнымъ стремленіямъ и понятію сословной дворянской чести. Въ сынѣ боярскомъ московскаго времени „служилый человѣкъ“ закрывалъ собою „дворянина“.

---

*) Иногда, однако, до Уложенія, какъ напримѣръ, въ Устюгѣ въ 1623 году, правительство облагало податями бѣломѣстцевъ, завладѣвшихъ тяглыми

Понятія о дворянскомъ достоинствѣ, о дворянской сословной чести были чужды дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ XVII вѣка; взамѣнъ ихъ были весьма развиты понятія родословной отеческой чести и чести чиновной преимущественно среди высшаго дворянства. Чины, дававшіеся сообразно съ происхожденіемъ (родствомъ) служащихъ, разбивали московское дворянство на наслѣдственные разряды лицъ, разъединенные различной отеческой и чиновной честью. Судя по той настойчивости, съ какою московское правительство предписывало дворянскимъ окладчикамъ не верстать въ дѣти боярскія неслужилыхъ людей, мѣстныя общества дворянъ и дѣтей боярскихъ оказывали мало поддержки стремленіямъ правительства къ обособленію дворянства и относились безразлично къ тому, что въ ихъ среду иногда попадали крестьяне и холопы. — Въ 1668 году правительство, отправивъ въ Астрахань нѣсколькихъ плѣнныхъ литовцевъ, велѣло зачислить ихъ въ списки дѣтей боярскихъ. Астраханскія дѣти боярскія, узнавъ, что эти литовцы были не шляхтичами, но мѣщанскими и гайдукскими дѣтьми, просили государя разверстать ихъ съ этими иноземцами литовскаго полону: „чтобы намъ, холопямъ твоимъ, предъ своею братьею верховыхъ городовъ ими впредь въ безчестьѣ не быть". Замѣчательно, однако, что это челобитье написано было подъ вліяніемъ служившихъ въ Астрахани иноземцевъ-шляхтичей, отъ которыхъ дѣти боярскія узнали о низкомъ происхожденіи высланныхъ къ нимъ литовцевъ [38].

III.

Ратная служба была обязанностью дворянства, такимъ же *тягломъ*, какимъ для посадскаго человѣка и для крестьянина были его оброки, подати и натуральныя повинности. Слу-

---

дворами на посадѣ. Въ концѣ же XVII вѣка, отступая отъ началъ Уложенія, правительство издало общее постановленіе объ обложеніи податями бѣломѣстцевъ, владѣвшихъ черными посадскими землями (1677 г.).

жилый человѣкъ былъ прикрѣпленъ къ службѣ такъ же, какъ человѣкъ черныхъ волостей былъ прикрѣпленъ къ тяглу, и не имѣлъ права выйти изъ своего чина, пока былъ въ состояніи нести военную службу.

Служилому человѣку такъ же, какъ тяглому крестьянину, совершенно воспрещенъ былъ свободный выходъ изъ своего сословія въ другое; чтобы крестьянинъ не ушелъ изъ тяглоій общины, членовъ общины правительство связываетъ круговой порукой; такая же порука съ XVI столѣтія требуется и отъ помѣщиковъ, записанныхъ въ службу по одному и тому же уѣзду, съ тою только разницею, что здѣсь за исправное отбываніе службы ручаются не всѣ члены общества, но двое или трое, которые въ свою очередь связываются порукою третьихъ лицъ и такъ далѣе. При запискѣ сына боярскаго въ десятню, всегда отмѣчалась „порука по немъ въ службѣ“. Дворянинъ обязанъ былъ служить до полной потери силъ; отставку получали только „самые старые и увѣчные люди“. Въ періодъ первой организаціи служилаго класса, опредѣлившей всѣ основы дальнѣйшаго ея развитія, былъ пресѣченъ закономъ обычный способъ уклоненія отъ государственной службы, а именно переходъ дѣтей боярскихъ на частную службу, въ услуженіе къ знатнымъ лицамъ и къ богатымъ землевладѣльцамъ. Государевы служилые люди *задавались* за бояръ, чтобы найти въ нихъ защиту отъ требованій государственной власти, поступали въ *знакомцы* или послужильцы (холопы) къ богатымъ землевладѣльцамъ. Поэтому въ Царскомъ Судебникѣ было постановлено „дѣтей боярскихъ служилыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ“. Служилыя кабалы, взятыя на несовершеннолѣтнихъ дѣтей боярскихъ, еще незаписанныхъ на службу, признаны были недѣйствительными указомъ 1558 года. Авраамій Палицынъ въ Сказаніи о смутномъ времени сообщаетъ, что при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ „Борисъ Годуновъ и иніи мнози отъ вельможъ многихъ

человѣкъ въ неволю къ себѣ ввели служить, иныхъ же ласканіемъ и дарми въ домы своя притягнувше,—и не отъ простыхъ токмо, ради нарочитаго рукодѣльства или какова хитра художества, но и отъ чествуемыхъ издавна съ многимъ имѣніемъ и съ селы и съ винограды, наипаче же меченосцевъ и крѣпкихъ со оружіи во браняхъ". Это явленіе, какъ на то намекаетъ и Авраамій Палицынъ, должно было особенно развиться въ Смутную эпоху, во время ослабленія государственной власти. Правительство Михаила Θеодоровича, утверждая расшатанныя основы государственной и земской жизни, прикрѣпляя все населеніе къ тяглу или службѣ, дѣятельно возвращало изъ боярскихъ дворовъ задавшихся дворянъ.

Въ 1621 году дворянскимъ окладчикамъ приказано было произвести строгій розыскъ о дѣтяхъ боярскихъ и казакахъ, покинувшихъ свои земли и ушедшихъ въ холопы: „Которые дворяне, не хотя государевой службы служити, воровствомъ изъ службы побѣжали, и иные, покиня помѣстныя и вотчинныя земли, били челомъ въ дворы къ боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ и кабалы служилыя на себя дали и въ дворѣхъ поженились на крѣпостныхъ дѣвкахъ: и тѣхъ всѣхъ, съ женами и дѣтьми, указалъ государь и бояре приговорили, изъ боярскихъ дворовъ *взяти въ службу* и написати съ городы по помѣстью и по вотчинѣ".

Въ дополненіе къ этому указу 1639 года правительство въ 1642 году запретило вообще на будущее время принимать въ холопы дворянъ и дѣтей боярскихъ, ихъ дѣтей, племянниковъ и внучатъ какъ верстанныхъ, такъ и неверстанныхъ. Указъ 1641 г. о невыходѣ служилыхъ людей въ частную зависимость, былъ подтвержденъ Уложеніемъ 1649 г. Правительство отказывалось отъ своихъ правъ на служилыхъ людей только въ тѣхъ случаяхъ, когда они, будучи освобождены одинъ разъ изъ холопства, вторично уклонялись отъ государственной службы, и били челомъ въ дворовую службу къ какому-либо другому господину. Такихъ не-

покорныхъ дворянъ велѣно было отдавать первому ихъ господину, отъ котораго они ранѣе были освобождены [30] *).

IV.

Какъ указано выше, еще во второй половинѣ XVI вѣка сельско-хозяйственный кризисъ нанесъ тяжелый ударъ помѣщикамъ. Смутное время должно было еще болѣе понизить уровень ихъ благосостоянія. Вольница самозванцевъ, казацкія шайки, отряды польскихъ и литовскихъ людей разорили много хозяйствъ; продолжительные походы истощили средства служилыхъ людей. „Дворяне и дѣти боярскія и всякіе ратные люди отъ многихъ службъ оскудѣли", говоритъ одна изъ правительственныхъ грамотъ 1613 года.

Оскудѣніе дворянъ-помѣщиковъ, какъ слѣдствіе смутнаго времени и тяжелыхъ войнъ перваго десятилѣтія царствованія Михаила Θеодоровича, замѣтно по десятнямъ двадцатыхъ годовъ. Лучшіе, „выборные" тверскіе дворяне заявляютъ окладчикамъ въ 1629 году, что они „отъ литовской войны и казаковъ обѣднѣли", и не въ состояніи подняться на службу даже при помощи царскаго денежнаго жалованія. Про двороваго сына боярскаго Григорія Семичева, служившаго по высшему помѣстному окладу (750 четей) окладчики сказали, что онъ „головою своею и службою добръ, прежде служивалъ на добромъ конѣ, и простой конь и служилой человѣкъ за нимъ бывалъ, а нынѣ бѣденъ; на государевѣ службѣ быть ему не съ чего, помѣстья за нимъ съ пустошами 50 четей, а въ помѣстьи два бобыля и тѣ бродятъ межъ дворовъ.—Государева жалованья ему семнадцать рублевъ, и тѣмъ жалованьемъ на службу подняться не съ чѣмъ". Петръ Новосильцевъ также „служивалъ на добромъ конѣ въ доспѣхѣ и приводилъ съ собою человѣка, а нынѣ

*) Уложеніе отказалось также и отъ тѣхъ изъ дѣтей боярскихъ, ранѣе поступившихъ въ холопство, которые не были верстаны на службу и не имѣли вотчинъ и помѣстій.

бѣденъ, помѣстье и вотчина пуста отъ литовской войны и на государеву службу ему подняться не съ чего". Сыну боярскому Чаплину на службѣ быть не съ чего, хотя онъ собою добръ и прежде служилъ исправно; въ его довольно значительномъ помѣстьѣ 240 десятинъ, „всего одинъ бобыль и тотъ кормится по дворамъ". Такія и подобныя краснорѣчивыя отмѣтки помѣщены въ десятнѣ почти о каждомъ сынѣ боярскомъ Зубцовскаго уѣзда.

Общей причиной бѣдности дворянъ былъ не недостатокъ земель, но недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Съ тридцатыхъ годовъ среднее дворянство жалуется все болѣе настойчиво на то, что крестьяне уходятъ съ ихъ вотчинъ и помѣстій, бѣгутъ на окраины или переманиваются на земли богатыхъ землевладѣльцевъ, сильныхъ людей. Въ десятняхъ встрѣчаются отмѣтки о нѣкоторыхъ дѣтяхъ боярскихъ, что у нихъ нѣтъ ни крестьянъ, ни бобылей, потому что ихъ „развезли насильствомъ сосѣди". Помѣщики были крайне недовольны короткимъ пятилѣтнимъ срокомъ, установленнымъ для отысканія и возвращенія по суду бѣглыхъ крестьянъ. Въ челобитной, поданной царю Михаилу Ѳеодоровичу, дворяне и дѣти боярскія писали, что, даже провѣдавъ, за кѣмъ живутъ ихъ бѣглые крестьянене, они не могутъ добиться на нихъ суда и указа; но особенно они сѣтовали на урочные годы, указывая на то, что волокита за суднымъ дѣломъ заставляетъ нерѣдко пропускать срокъ давности на возвратъ бѣглыхъ, и просили отставить тѣ урочныя лѣта и объявить крестьянъ навѣки крѣпкими землевладѣльцамъ. Но Михаилъ Ѳеодоровичъ ограничился тѣмъ, что увеличилъ срокъ возврата бѣглыхъ—съ пяти до десяти лѣтъ.

Въ первый же годъ по воцареніи Алексѣя Михайловича дворяне и дѣти боярскія разныхъ городовъ возобновили прежнее свое ходатайство. Они писали въ челобитной 1645 года, что „служили отцу государя, Михаилу Ѳеодоровичу, тридцать два года, также и прежнимъ государямъ служили безпрестанныя службы и отъ службъ обѣдняли

и одолжали великими долги и коньми опали; а помѣстья ихъ и вотчины опустѣли и домы ихъ оскудѣли и разорены безъ остатку отъ войны и сильныхъ людей; люди ихъ и крестьяне выходятъ изъ-за нихъ за сильныхъ людей, за бояръ, и за окольничихъ и за ближнихъ людей, и за власти и за монастыри, и государевъ указъ къ отдачѣ тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ урочные годы дясять лѣтъ,—а они по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ и въ тѣ урочные годы про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ. А иные сильные люди бѣглыхъ ихъ крестьянъ для тѣхъ урочныхъ лѣтъ развозятъ по дальнимъ своимъ вотчинамъ и, какъ тѣмъ бѣглымъ крестьянамъ урочныя лѣта пройдутъ, привозятъ ихъ въ вотчины свои, которыя съ ними (помѣщиками) смежно, да и достальныхъ людей ихъ и крестьянъ изъ-за нихъ вывозятъ въ свои-жъ вотчины и помѣстья и тѣхъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ называютъ своими старинными крестьяны. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ отдачѣ бѣглыхъ крестьянъ урочныя лѣта отставить; и пожаловалъ бы государь, велѣлъ тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ отдавать имъ по писцовымъ книгамъ и по выписямъ, какъ они ихъ провѣдаютъ, а не въ урочныя лѣта“

На этотъ разъ челобитье имѣло полный успѣхъ. Во вниманіе къ неоднократнымъ просьбамъ дворянъ, правительство предприняло общую перепись и объявило указомъ 19 октября 1645 года, что по новымъ переписнымъ книгамъ (1646—1648) „крестьяне и бобыли и ихъ дѣти, и братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“.

Вслѣдъ за посадскими людьми, прикрѣпленными къ городскому тяглу, и служилыми людьми, прикрѣпленными къ службѣ, закрѣпощены были и крестьяне на службу помѣщикамъ и вотчинникамъ; подобно посадскимъ тяглецамъ, служившимъ государству денежными и натуральными повинностями, и дворянамъ, отбывавшимъ государственную ратную службу, крестьяне должны были служить государству въ лицѣ его ратныхъ людей. Каждый классъ несъ свою службу

и одинаково былъ крѣпокъ ей, не имѣя права отъ нея уклоняться; говоря словами дворянской челобитной, государство устанавливало „неподвижный крѣпостной уставъ“, съ тою цѣлью, чтобы въ государевой державѣ, всѣ люди Божіи и государевы, кождо отъ великихъ четырехъ чиновъ, освященный, служивый, торговый и земледѣтельный въ своемъ уставѣ и въ царскомъ повелѣніи твердо и непоколебимо стояли [40].

ГЛАВА V

Служба въ полкахъ иноземнаго строя и однодворцы.

I.

Природные дворяне и дѣти боярскія отбывали съ древнѣйшаго времени свою ратную службу въ полкахъ дворянской конницы стараго строя, такъ наз. „полковую или сотенную службу съ городомъ“. Съ царствованія Михаила Θеодоровича въ эту службу записывались преимущественно лишь болѣе состоятельные представители дворянскаго класса. На бѣднѣйшихъ же дѣтей боярскихъ возложена была обязанность служить въ составлявшихся изъ разночинцевъ полкахъ иноземнаго строя, солдатскихъ, драгунскихъ и рейтарскихъ. Эти полки вербовались изъ разныхъ вольныхъ людей, изъ незаписанныхъ въ тягло сыновей посадскихъ людей и крестьянъ, изъ незаписанныхъ въ службу стрѣлецкихъ и казацкихъ дѣтей, изъ монастырскихъ слугъ. Вмѣстѣ съ этими разночинцами должны были служить и дѣти боярскія, безвотчинныя и безпомѣстныя или маломѣстныя.

Въ 1638 году велѣно было набирать въ солдаты вмѣстѣ съ стрѣлецкими, казацкими и посадскими дѣтьми, незаписанными въ тягло или службу, также и дѣтей боярскихъ, за которыми нѣтъ помѣстій и вотчинъ; „а за которыми помѣстья и вотчины, хотя малыя дачи, и тѣхъ не писати

въ солдаты, а служить имъ съ своихъ земель съ городы". Въ 1653 году набирались въ солдаты вмѣстѣ съ людьми разныхъ чиновъ „дѣти, братья и племянники дворянъ и дѣтей боярскихъ", при чемъ имъ было объявлено, что если они „въ солдатскій строй писаться не учнутъ, то имъ впредь служилыми людьми не называться и въ государевѣ ни въ какой службѣ отнюдь не бывать, а быть въ землепашцахъ".

Въ рейтарскіе конные полки иноземнаго строя, также какъ и въ пѣхотные солдатскіе, набирались вольные люди разныхъ чиновъ. Въ эти полки должны были, между прочимъ, поставлять новобранцевъ монастыри и богатые вотчинники, свѣтскіе и духовные: „со ста крестьянскихъ дворовъ рейтаръ, монастырскій служка или холопъ". Но вмѣстѣ съ вольными разночинцами и холопами въ рейтары набирались въ большомъ числѣ дѣти боярскія. Въ солдатской пѣхотѣ служили бѣднѣйшія безземельныя дѣти боярскія; въ рейтарскую же конницу зачислялись по преимуществу дворяне и дѣти боярскія малопомѣстныя. Въ эти полки набирались новики и изъ высшаго чина уѣздныхъ дѣтей боярскихъ— жильцовъ. Котошихинъ говоритъ, что въ „рейтары выбираютъ изъ жильцовъ, изъ дворянъ городовыхъ, изъ дворянскихъ дѣтей недорослей, и изъ дѣтей боярскихъ, которыя малопомѣстныя и безпомѣстныя, и царскимъ жалованьемъ денежнымъ и помѣстнымъ не верстаны, также и изъ вольныхъ людей прибираютъ, кто въ этой службѣ быти похочетъ [41].

Дѣти боярскія, служившія въ рейтарахъ и солдатахъ, не надѣлялись помѣстьями, но зато они вооружались на казенный счетъ и имъ давалось денежное жалованье за службу въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ изстари получали дѣти боярскія, служившія съ городомъ. Въ 1678 году этимъ послѣднимъ денежное жалованье совсѣмъ не выдавалось. Въ этомъ году при верстаніи дѣтей боярскихъ было точно опредѣлено, что дѣти боярскія должны служить въ томъ

или иномъ строю, смотря по степени своей матеріальной обезпеченности. Въ старинную полковую службу съ городомъ зачислялись дворяне и дѣти боярскія, владѣвшіе не менѣе, чѣмъ 24 крестьянскими дворами. Имѣвшіе менѣе 24 дворовъ, а также часть пустопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ зачислялись въ рейтарскій строй; вслѣдствіе ихъ „скудости" имъ выдавалось денежное жалованье. Наконецъ, бѣднѣйшія дѣти боярскія, про которыхъ „окладчики скажутъ, что они люди скудные, пустопомѣстные, и тѣ ихъ помѣстья безугодныя и худыя, а иные безпомѣстные и безвотчинные, и съ городомъ сотенныя и рейтарскія службы за бѣдностью служить имъ никоторыми мѣрами не мочно, а собою они добрые и не старые"—такія дѣти боярскія писались въ солдаты и получали кормовыя деньги помѣсячно.

Дворяне и дѣти боярскія, зачислявшіеся въ солдатскіе или рейтарскіе полки, не исключались изъ состоянія „своей братіи", дѣтей боярскихъ, служившихъ сотенную полковую службу. Они сохраняли свои отеческіе чины и званія. Въ 1653 году для привлеченія дѣтей боярскихъ въ солдатскую службу было даже объявлено, что записавшіяся въ солдаты будутъ повышены въ чинѣ: выборные дворяне будутъ написаны по московскому и по жилецкому списку, дворовые—по выбору, а городовые—по дворовому списку. Рейтары и солдаты имѣли болѣе однообразное вооруженіе, ихъ полки имѣли иную иноземную организацію; при сборѣ полковъ передъ войной ихъ обучали иноземному строю. Но они не составляли постоянной регулярной арміи. Также какъ полки стараго строя, ихъ по окончаніи похода распускали по домамъ. Малопомѣстные дворяне-солдаты и рейтары жили въ своихъ помѣстьяхъ; пустопомѣстные, не имѣвшіе крестьянъ, своими руками обрабатывали землю; безземельные — жили у своихъ родственниковъ. Въ 1678 году послѣ смотра и разбора всѣхъ дѣтей боярскихъ и полковой службы, и рейтарской, и солдатской одинаково отпустили по домамъ и всѣмъ имъ одинаково было сказано „вслухъ,

съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобы они были въ домахъ своихъ и къ службѣ строились, запасы свои готовили, лошадей кормили и всѣ были наготовѣ".

Въ первой половинѣ XVII вѣка, кромѣ рейтарскихъ полковъ, набирались на время войны также драгунскіе конные полки. Въ драгуны такъ же, какъ въ солдаты, поступали бѣднѣйшія дѣти боярскія, не имѣвшія вотчинъ и прожиточныхъ помѣстій. Правительство давало имъ наравнѣ съ солдатами полное военное снаряженіе: „мушкеты и всякую ратную сбрую драгунамъ и солдатамъ по нашему указу дадутъ изъ нашея казны да драгунамъ лошади и сѣдла, и узды дадутъ наши же". Въ драгунскій, какъ и въ солдатскій строй, правительство въ 1639 году прибирало „дѣтей боярскихъ и иноземцевъ, и татаръ, которые не верстаны и не въ службѣ, и за которыми прожиточныхъ помѣстій и вотчинъ нѣтъ, и которыя дѣти боярскія напередъ сего были въ солдатской драгунской службѣ, а съ городы съ службы не написаны и помѣстій и вотчинъ за ними нѣтъ же; также и стрѣлецкихъ и казачьихъ и всякихъ чиновъ людей дѣтей, и братью и племянниковъ, которые не въ службѣ, и не въ тяглѣ, и не на пашнѣ, и въ холопѣхъ ни у кого не служатъ, всякихъ охочихъ вольныхъ людей". Драгунскій конный строй мало отличался отъ рейтарской конницы иноземнаго строя; въ 1678 году правительство вербовало только рейтаръ и солдатъ [42].

II.

Полки иноземнаго строя съ теченіемъ времени получаютъ все болѣе и болѣе важное значеніе въ московской арміи и во второй половинѣ столѣтія превосходятъ численностью помѣстную дворянскую конницу.

Первые полки рейтаръ и солдатъ были сформированы въ 1632 году для похода на Смоленскъ. Въ составъ войска, отправленнаго въ этотъ походъ подъ начальствомъ воеводы

Шеина (въ 1633 году), входилъ рейтарскій полкъ изъ 2.700 человѣкъ подъ командою нѣмецкаго офицера Дельберта и шесть русскихъ солдатскихъ полковъ, обученныхъ нѣмецкими инструкторами, а также четыре полка солдатъ, нанятыхъ за границей.

Численность дворянской конницы остается приблизительно на одномъ уровнѣ въ теченіе XVII вѣка, между тѣмъ какъ численность полковъ иноземнаго строя сильно возрастаетъ къ концу столѣтія, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	1632 г.	1679 г.	1681 г.
Дворянъ и дѣтей боярскихъ	11187	9300	16097
Рейтары, драгуны и солдаты	17031	68827	82047

Первоначально въ полки иноземнаго строя зачислялись только безпомѣстныя и малопомѣстныя дѣти боярскія, а въ 1678 году, какъ сказано выше, взяты были въ рейтары всѣ владѣльцы небольшихъ имѣній, менѣе 24 дворовъ. При этомъ правительство склонно было всю дворянскую конницу стараго строя переформировать въ рейтарскіе полки. Всѣмъ болѣе состоятельнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, имѣвшимъ право служить старую полковую службу, было объявлено, что они безпрепятственно будутъ зачислены въ рейтары, если изъявятъ на то желаніе, и что великій государь лицъ, „записавшихся въ рейтарскую службу волею и хотѣньемъ, жалуетъ, милостиво похваляетъ“.

Рейтарскіе полки состояли изъ 1200—1500 человѣкъ (нѣкоторые менѣе 1000), солдатскіе—отъ 1000 до 2000 человѣкъ. Полки раздѣлялись на роты; полковники и другіе начальные люди: маіоры, ротмистры, поручики, прапорщики большею частію были изъ иноземцевъ. Вооруженіе составляли мушкеты или карабины, пистолеты, сабли, пищали и латы; въ составъ рейтарскихъ полковъ входили копейщики и драгуны; копейщики, составлявшіе избранный отрядъ, имѣли копья сверхъ прочаго вооруженія. Вооруженіе пѣхо-

тинцевъ-солдатъ состояло изъ мушкетовъ, пикъ, шпагъ и бердышей. „Когда не было войны, говоритъ Устряловъ, рейтары какъ начальные люди, такъ и рядовые, проживали въ своихъ помѣстьяхъ и не болѣе одного мѣсяца въ году, обыкновенно осенью послѣ уборки хлѣба, занимались ратнымъ ученіемъ по особому предписанію правительства. Полковникъ пріѣзжалъ въ городъ, въ уѣздѣ котораго расположенъ былъ его полкъ, разсѣянный по волостямъ и станамъ, собиралъ начальныхъ людей и рейтаръ, записывалъ ихъ пріѣзды, досматривалъ оружіе, доспѣхи лошадей и, роздавъ порохъ по фунту на человѣка, училъ ихъ ратному строю,—а затѣмъ распускалъ по домамъ до будущей осени". Въ сущности, войско иноземнаго строя немногимъ отличалось отъ дворянскихъ ополченій: названіе рейтаръ, копейщиковъ, драгунъ, солдатъ, перемѣна оружія, раздѣленіе на полки и роты, подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ, сборы людей на нужное время для обученія ратному строю, все это, замѣчаетъ Устряловъ, „не могло переродить старыхъ воиновъ Руси; попрежнему они оставались тѣми же дворянами, дѣтьми боярскими, городовыми казаками и проч., вообще землевладѣльцами разныхъ названій, какими были за сто лѣтъ передъ симъ; попрежнему большую часть года проживали въ деревняхъ и дворахъ, разсѣянныхъ по волостямъ и станамъ, хлопоча болѣе о насущномъ хлѣбѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, чѣмъ о военной службѣ. Собрать ихъ въ походъ было столь же трудно, какъ и прежде: не взирая на самые строгіе указы, тысячи дворянъ, рейтаръ, солдатъ оказывались въ нѣтяхъ". Сами иноземцы-капитаны заживались въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ и не являлись въ полкъ, за что̀ ихъ наказывали батогами и послѣ третьяго „нѣта" высылали за границу. Дѣти боярскія уклонялись иногда отъ службы въ полкахъ иноземнаго строя еще съ бо̀льшимъ упорствомъ, чѣмъ отъ ратной службы стараго строя. Когда стольникъ Никита Демской набиралъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ дѣтей боярскихъ

въ драгунскую службу, „они, ефремовцы, дѣти боярскія воровствомъ своимъ отъ его выбору бѣгали, не хотя служити драгунской службы, и сидѣли въ лѣсахъ, и онъ, Никита, съ ефремовскими казаками за ними ходилъ, и ихъ много въ лѣсахъ переимали".

Неудачная турецкая война привела правительство царя Ѳеодора Алексѣевича къ мысли о необходимости предпринять коренное преобразованіе войска. Вопросъ этотъ поручено было въ 1681 году обсудить особой коммиссіи подъ предсѣдательствомъ боярина князя Василія Васильевича Голицына, отличавшагося образованіемъ и склонностью къ реформамъ. Государь поручилъ ему вѣдать ратныя дѣла для лучшаго устроенія рати и повелѣлъ быть съ нимъ у того дѣла выборнымъ стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, генераламъ и полковникамъ рейтарскимъ и пѣхотнымъ. Задача этого совѣщанія была опредѣлена такъ: „вѣдомо великому государю учинилось, что въ мимошедшихъ воинскихъ браняхъ, будучи на бояхъ съ государевыми ратными людьми, его государевы непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы, — для тѣхъ нововымышленныхъ непріятельскихъ хитростей учинити въ государскихъ ратяхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе, чтобы тѣмъ въ воинскія времена имѣти противу непріятелей пристойную осторожность и охраненіе и чтобы прежде бывшее воинское устроеніе, которое показалося на бояхъ не прибыльно, перемѣнить на лучшее".

Военная коммиссія возбудила вопросъ объ отмѣнѣ мѣстничества, въ которомъ усмотрѣла главную причину всѣхъ военныхъ неудачъ. По отношенію же къ прямой своей задачѣ коммиссія ограничилась немногимъ, а именно выработала проектъ новаго раздѣленія дворянскихъ полковъ: стольникамъ и стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ служить полковую службу попрежнему, но расписать ихъ вмѣсто сотенъ на роты, по шести ротъ въ полку, и вмѣсто сотенныхъ

головъ „для лучшаго устроенія и крѣпкаго противъ непріятелей стоянія быти у нихъ ротмистрамъ и поручикамъ“ [43]. Военную реформу, поставленную на очередь царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, суждено было осуществить его геніальному брату, Петру Великому.

III.

Отъ служилыхъ людей по отечеству, дворянъ и дѣтей боярскихъ, отличались служилые люди по прибору: стрѣльцы, казаки, пушкари. Состояніе приборнаго служилаго человѣка было наслѣдственнымъ такъ же, какъ сына боярскаго; стрѣлецкія дѣти по общему правилу прибирались въ стрѣльцы, казацкія дѣти—въ казаки.

Но этотъ рязрядъ лицъ не имѣлъ наслѣдственной замкнутости, и постоянно пополнялся притокомъ новыхъ силъ изъ различныхъ классовъ; въ стрѣльцы и казаки время отъ времени прибирались всякіе вольные люди.

Приборные служилые люди отличались отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ такъ же и тѣмъ, что они не владѣли вотчинами и помѣстьями. Они поселялись не въ уѣздахъ, но въ городахъ слободами и надѣлялись мелкими земельными участками казенной земли, при чемъ ихъ земельные надѣлы весьма схожи были съ тяглыми надѣлами посадскихъ людей, съ тою разницей, что посадскіе люди тянули тягло съ своихъ участковъ, а стрѣльцы и казаки отбывали службу — также тягло своего рода. Нѣкоторые изслѣдователи (Бѣляевъ) полагаютъ, что приборные люди владѣли землями на общинномъ правѣ владѣнія, и что земли ихъ были собственностью стрѣлецкой или казацкой слободки. Другіе историки усматриваютъ въ земельныхъ владѣніяхъ приборныхъ людей форму товарищескаго, сябриннаго землевладѣнія. Доля каждаго опредѣлялась не общиной, но правительствомъ, сами служилые люди называли себя сябрами или себрами, т.-е.

товарищами *), они владѣли сообща „вопче“ тѣми или другими участками земли, или угодьями. Въ противоположность дѣтямъ боярскимъ приборные люди, будучи сябренными землевладѣльцами, въ то же время, по общему правилу, были и земледѣльцами, — не имѣя крестьянъ или холоповъ-работниковъ, сами обрабатывали землю и промышляли своими руками.

Стрѣльцы, казаки и другіе приборные люди такъ же, какъ и дѣти боярскія, были свободны отъ налоговъ, въ качествѣ служилыхъ людей, бѣломѣстцевъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Многіе изъ нихъ, живя въ городахъ, занимались торговлей и промыслами и, благодаря податнымъ льготамъ, вели свои дѣла успѣшнѣе многихъ посадскихъ людей, которые постоянно сѣтовали на ущербъ отъ неравной борьбы съ бѣломѣстцами на поприщѣ промышленности. Поэтому правительство нашло необходимымъ ограничить податную привилегированность низшихъ служилыхъ чиновъ. Относительно стрѣльцовъ и казаковъ, а также драгуновъ, которые „всякими промыслами промышляютъ и въ лавкахъ сидятъ“, Уложеніе 1649 года постановило, что они, будучи свободны отъ тяглыхъ службъ (натуральныхъ повинностей) и податей, обязаны платить таможенныя пошлины съ промысловъ и оброкъ съ лавокъ. Другіе же менѣе многочисленные низшіе разряды служилыхъ людей, артиллеристы, пушкари, затинщики и воротники, а также казенные кузнецы и плотники, совершенно сравнивались въ податномъ отношеніи съ посадскими людьми, если торговали въ лавкахъ или занимались промыслами; имъ велѣно было платить не только таможенныя пошлины, но и „всякія подати и быть въ тяглѣ съ посадскими людьми въ рядъ“ [44].

Кромѣ полковъ иноземнаго строя, составлявшихся лишь на время войны, при Михаилѣ Θеодоровичѣ было образо-

*) «А пашню ему, Василью, пахать и сѣно косить, и въ лѣса выѣзжать, и всякими угодьями владѣть со старыми помѣщиками, своими сябрами, вопче по своимъ дачамъ».

вано нѣсколько постоянныхъ, солдатскихъ и драгунскихъ, полковъ. Они содержались въ мирное время на тѣхъ же основаніяхъ, какъ стрѣльцы и казаки. Солдаты были поселены на шведской границѣ, драгуны же—по преимуществу на южной окраинѣ. „Старые солдатскіе полки, говоритъ Котошихинъ, издавна устроены житьемъ на порубежныхъ мѣстахъ, въ двухъ мѣстахъ къ границѣ Свейскаго государства, острогами, погостами и деревнями". Въ военное время они входили въ составъ войска, но четвертая часть ихъ оставалась на границѣ, „для обереганія пограничныхъ мѣстъ, острожковъ и домовъ". „*Старые драгуны*" устроены вѣчнымъ житьемъ на украйнѣ къ татарской границѣ, противъ того-жъ, что и солдаты къ границѣ Свейскаго государства". Въ дополненіе къ этимъ сообщеніямъ Котошихина, слѣдуетъ замѣтить, что драгунскія военныя поселенія существовали не только на югѣ, но и на сѣверо-западѣ, на шведской границѣ. Въ 1648 году принадлежавшій новгородскому митрополиту, Олонецкій погостъ Новгородскаго уѣзда былъ отписанъ въ казну и велѣно было „того Рождественскаго Олонецкаго погосту крестьянъ и бобылей устроить въ драгунскую службу для того, что тѣ крестьяне и бобыли живутъ смежно съ нѣмецкими людьми" *). Военно-стратегическія соображенія побуждали правительство и въ другихъ мѣстностяхъ превращать крестьянъ въ служилыхъ людей. Въ 1648 году въ одно изъ селъ южной окраины Бѣлъ-Колодезь и въ поселки и деревни, тянувшія къ нему, прислана

*) Въ 1650 г. велѣно было взять въ солдаты и стрѣльцы сыновей священниковъ и причетниковъ, ихъ племянниковъ и внучатъ, которые не будучи неграмотными, не служили ни въ дьячкахъ, ни въ пономаряхъ, «жили въ гулякахъ и занимались неподобными промыслами, воровствомъ и чернокнижествомъ». Указъ этотъ возбудилъ крайнее неудовольствіе въ духовенствѣ и черезъ полтора мѣсяца былъ отмѣненъ. Но отмѣняя его, правительство все-таки повелѣло писать въ драгуны и солдаты тѣхъ дѣтей священническаго чина, которые «сами похотятъ своей охотою», и вмѣстѣ съ тѣмъ обязало священниковъ унять своихъ сыновей отъ неподобныхъ промысловъ.

была грамота, которою крестьянамъ объявлялось, что имъ за помѣщиками быть не велѣно, а велѣно быть въ драгунской службѣ; они обязывались имѣть по пищали, рогатинѣ и топору, освобождались отъ многихъ сборовъ, но земельные надѣлы оставлены были имъ въ прежнемъ размѣрѣ.

Бѣднѣйшія дѣти боярскія также зачислялись въ такую постоянную драгунскую службу, переходя въ разрядъ низшихъ служилыхъ людей, разночинцевъ. Дѣти боярскія драгунскаго строя отличались отъ дѣтей боярскихъ уѣздныхъ помѣщиковъ. Имъ всѣмъ отводились равные земельные надѣлы и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ дѣтямъ боярскимъ полковой службы съ городомъ. Они владѣли землей на одинаковыхъ условіяхъ съ другими приборными служилыми людьми и, по общему правилу, въ противоположность другимъ дѣтямъ боярскимъ, были землевладѣльцами-земледѣльцами. Такъ, напримѣръ, ни у одного изъ дѣтей боярскихъ драгунской службы, поселенныхъ въ гор. Карповѣ на р. Ворсклѣ (нынѣ слобода Пушкарская въ Грайворонскомъ уѣздѣ), не было ни крестьянъ, ни бобылей. Подобно стрѣльцамъ и казакамъ, драгуны должны были жить не въ уѣздныхъ имѣньяхъ, а въ городахъ особыми слободами и пахали пашню „наѣздомъ".

Дѣти боярскія драгунскаго строя, какъ и другіе приборные служилые люди, вели хозяйство на отведенныхъ имъ надѣлахъ подъ близкимъ надзоромъ властей. Воеводѣ одного изъ пограничныхъ южныхъ городовъ предписано было въ 1648 году приказать служилымъ людямъ, которые были посланы на житье въ этотъ городъ, чтобы они немедленно распахивали пашню и сѣяли хлѣбъ, и еслибъ они его не послушались, то заставить ихъ „пашню пахать и въ неволю". Воевода слѣдилъ за тѣмъ, какъ служилые люди „устраивались дворами, огородами и гумнами", присматривалъ „съ большимъ раденіемъ и съ поспѣшеніемъ" за ихъ посѣвами, и тѣхъ, кто не хотѣлъ пахать пашню, билъ батогами [45].

IV

Упомянутый выше городокъ Карповъ на верхнемъ теченіи р. Ворсклы былъ однимъ изъ передовыхъ укрѣпленій на южной украйнѣ, выстроенныхъ въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка. Смутное время остановило колонизаціонное движеніе на югъ; въ первую половину царствованія Михаила Ѳеодоровича южная окраина не выдвигается далѣе мѣстности нынѣшней Орловской губерніи, занятой русскими поселеніями при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ: въ смутное время исчезли безслѣдно нѣкоторыя передовыя укрѣпленія, какъ, напр., городокъ Царевъ-Борисовъ, возникшій при Борисѣ Годуновѣ. Съ 30-хъ годовъ правительство принимается съ новой энергіей за строительную дѣятельность на югѣ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1636 по 1656 годъ создается новая оборонительная линія *Бѣлгородская черта*, рядъ укрѣпленій съ Бѣлгородомъ во главѣ, расположенныхъ по южной окраинѣ Курской губерніи и по сѣверной части Воронежской (отъ Ахтырки на Бѣлгородъ и Воронежъ). Продолженіемъ Бѣлгородской черты на востокъ была Симбирская линія укрѣпленій, отъ Тамбова на Симбирскъ.

Вновь занятая окраина закрѣпляется за государствомъ, по примѣру XVI вѣка, военной колонизаціей. Правительство переселяетъ сюда служилыхъ людей низшихъ разрядовъ, переселяетъ дѣтей боярскихъ, верстая ихъ въ полковую службу и надѣляя помѣстьями или записывая въ драгунскую службу. Дѣти боярскія и казаки какъ поселенные на окраинѣ, такъ и присылавшіеся сюда на время изъ другихъ городовъ, несли такъ же, какъ въ XVI вѣкѣ, сторожевую станичную службу, наблюдая за движеніями ордынцевъ въ степи. Въ 1623 году былъ выработанъ новый уставъ этой службы, взамѣнъ прежняго, утвержденнаго въ 1571 году. Южные кочевники постоянно угрожали набѣгами и заста-

вляли принимать особыя мѣры предосторожности. Правительство предписывало воеводамъ отпускать служилыхъ людей на сельско-хозяйственныя работы не иначе, какъ раздѣливъ ихъ на двѣ партіи, изъ которыхъ одна должна была работать, а другая стоять на караулѣ; воеводы наблюдали за тѣмъ, чтобы служилые люди „на сѣнокосъ ѣздили съ пищалями и со всякимъ ружьемъ, и около сѣнокосу сторожей и людей съ ружьемъ держали и были бы на сѣнокосѣ на двое: половина изъ нихъ косили, а другая половина стояли для береженья отъ татаръ съ ружьемъ на готовѣ, чтобы на нихъ татары безвѣстно не пришли и не побили“ Татары весьма нерѣдко нападали на окраину, жгли и разоряли недавно основанные поселки, иной разъ уводили въ полонъ половину населенія разореннаго уѣзда. Помимо разоренія, „грозившаго населенію каждую минуту отъ воинскихъ людей, говоритъ г. Миклашевскій, самый фактъ поселенія въ новомъ мѣстѣ въ иныхъ климатическихъ условіяхъ требовалъ отъ населенія много жизненной энергіи для того, чтобы приспособиться къ нимъ. Памятники сохранили достаточно указаній о невзгодахъ, испытанныхъ новопоселенцами южной окраины и о тѣхъ мѣрахъ, какія предпринимало правительство для ихъ устраненія“. Въ 1648 году били челомъ государю „богомольцы и холопы его новаго города Карпова, попы, дѣтишки боярскія и драгуны, и стрѣльцы, и пушкари, и затинщики, и воротники всѣмъ городомъ: „сведены мы, государь, въ Карпово изъ разныхъ городовъ на вѣчное житье съ женишками и съ дѣтишками, и дворишки себѣ построили, и за грѣхи, государь, наши въ Карповѣ напали на насъ болѣзни и скорби полевыя, и вода въ Карповѣ нездоровая, многіе отъ тѣхъ болѣзней-скорбей помираютъ, а цѣлебнаго животворящаго креста Господня съ мощами святыхъ въ Карповѣ нѣтъ: — вели, государь, прислать въ Карповъ животворящій крестъ Господень съ мощами святыхъ на освященіе водъ и на утвержденіе и исцѣленіе намъ... отъ тѣхъ полевыхъ болѣзней и скорбей“. Московскія власти

не замедлили исполнить эту просьбу дѣтишекъ боярскихъ и другихъ служилыхъ людей [46].

Поселенныя на южной и юго-восточной окраинахъ дѣти боярскія были вообще мелкими землевладѣльцами. Свободной земли здѣсь было много, но не хватало рукъ для ея обработки: незначительность имѣній обусловливалась недостаткомъ крестьянъ. Многіе помѣщики, не имѣя крестьянъ, должны были своими руками обработывать свою землю, превращаясь въ *однодворцевъ*. Въ Бѣлгородскомъ, Воронежскомъ, Оскольскомъ и другихъ уѣздахъ на югѣ число крестьянъ, незначительное въ началѣ XVII вѣка, постепенно уменьшалось къ концу этого вѣка. Въ одномъ изъ становъ Бѣлгородскаго уѣзда (Разумницкомъ) крестьянъ въ 1626 году было 146 человѣкъ; къ 1646 году это число уменьшилось до 130 человѣкъ; а въ 1678 году въ этомъ стану было крестьянъ только 21 человѣкъ. Въ Корочанскомъ уѣздѣ въ 1647 году было 134 двора дѣтей боярскихъ и только 13 дворовъ крестьянскихъ. Съ 1646 года по 1678 число крестьянскихъ дворовъ уменьшилось болѣе, чѣмъ на половину. „Число крестьянъ и бобылей, какъ выяснилъ г. Миклашевскій, въ южныхъ уѣздахъ въ 3-й четверти XVII вѣка постоянно уменьшалось, тогда какъ число поселеній и число служилыхъ людей постоянно возрастало. Помѣщики превращались въ однодворцевъ“, все чаще принимались за плугъ лично;—„крестьянъ и бобылей нѣтъ, пашетъ самъ“, отмѣчали о нихъ переписчики.

Къ однодворцамъ предъявлялись, естественно, меньшія требованія, чѣмъ къ дѣтямъ боярскимъ, владѣвшимъ населенными имѣніями. Ихъ собирали въ городъ только при полученіи извѣстій о приближеніи татаръ: „безъ вѣсти о татарахъ, читаемъ въ грамотѣ 1638 года, ихъ въ городѣ держати не велѣно, потому что они, бѣдные однодворцы, работаютъ сами на себя“. Рязанскія дѣти боярскія, „бѣдные однодворцы, безкрестьянные, пустопомѣстные, малопомѣстные и безпомѣстные“, объясняли въ челобитьѣ, что одни

изъ нихъ вовсе не были на дальней государевѣ службѣ, а другіе были на ней, но не дожили до сроку и съѣхали до отпуску, исключительно по несостоятельности, „за бѣдностью, а не за воровствомъ“. Во вниманіе къ этому правительство, несмотря на неисправную службу (нѣтство) однодворцевъ, выдало имъ денежное жалованье, „чтобы имъ въ конецъ не погибнуть“.

По мѣрѣ построенія новыхъ крѣпостей, они освобождались отъ главной ихъ обязанности станичной сторожевой службы. Такъ, напримѣръ, сторожевая служба дѣтей боярскихъ на рѣкѣ Лебедяни съ Ногайской стороны, „откуда къ Лебедяни татарскіе приходы бывали“, стала излишней въ 1640 году, когда тамъ „на сокмахъ татарскихъ стали новые государевы городы: Козловъ да отъ Козлова поперекъ татарскихъ сокмъ къ Тамбову сдѣланъ былъ валъ земляной, и крѣпости по той степи учинены; да на той же степи, на татарскихъ сокмахъ сталъ государевъ новый городъ Усердъ... Впередъ,—объясняли дѣти боярскія и казаки въ челобитной,—татарамъ съ той Ногайской стороны для тѣхъ новыхъ городовъ къ Лебедяни безвѣстно не придти и Лебедянскаго уѣзда безвѣстно извоевати не мочно, потому что засѣли новые городы“. Съ теченіемъ времени по мѣрѣ того, какъ южная граница отодвигалась далѣе на югъ и за Бѣлгородской чертой стала возникать Слободская Украйна съ новой оборонительной линіей, поселенія дѣтей боярскихъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ потеряли свое прежнее военное значеніе. Однодворцы-землепашцы не имѣли средствъ для дальней полковой службы. Естественно было, замѣчаетъ г. Лаппо-Данилевскій, такого служилаго человѣка, обрабатывавшаго свою пашню, малоспособнаго къ строевой службѣ и уже не вполнѣ необходимаго для охраны границы, превратить въ тяглаго крестьянина. Со времени введенія подворной подати (1679—1681), однодворцы должны были платить эту подать наравнѣ съ крестьянами [47].

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ШЛЯХЕТСТВО ВРЕМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЛАВА I.

Сословныя начала.

I.

Основнымъ началомъ русскаго общественнаго строя московскаго времени было полное подчиненіе личности интересамъ государства. Внѣшнія обстоятельства жизни Московской Руси, ея упорная борьба за существованіе съ восточными и западными сосѣдями требовали крайняго напряженія народныхъ силъ. Въ обществѣ развито было сознаніе о первѣйшей обязанности каждаго подданнаго служить государству по мѣрѣ силъ и жертвовать собою для защиты русской земли и православной христіанской вѣры. Служилый человѣкъ обязанъ нести ратную службу въ теченіе всей своей жизни и „биться до смерти съ нагайскими или нѣмецкими людьми, не щадя живота“ Посадскіе люди и волостные крестьяне должны жертвовать своимъ достояніемъ для помощи ратнымъ людямъ. Всѣ классы населенія прикрѣплены къ службѣ или тяглу, чтобы „каждый въ своемъ крѣпостномъ уставѣ и въ царскомъ повелѣніи стоялъ твердо и непоколебимо“.

Великая сѣверная война и тѣсно связанныя съ нею преобразованія Петра Великаго, закончившія періодъ борьбы московскаго государства за свое существованіе и обезпечившія на будущее время его политическую самостоятельность и внутреннее развитіе, потребовали отъ народа чрезмѣрныхъ усилій и жертвъ. „Петръ Великій, говоритъ Градовскій, нуждался въ закрѣпощенныхъ сословіяхъ даже больше, чѣмъ московское правительство и поэтому оставилъ сословную организацію почти въ томъ же видѣ, въ какомъ получилъ ее отъ своихъ предшественниковъ“. Онъ сохранилъ прежнее раздѣленіе классовъ по различію лежавшихъ на нихъ повинностей, увеличилъ служебныя и податныя требованія и усилилъ зависимость лицъ отъ государственной власти, пресѣкая уклоненіе отъ службы или тягла. Новая подушная система обложенія вѣрнѣе настигала каждаго плательщика. Строгія мѣры противъ дворянъ, укрывающихся отъ службы, и преобразованіе войска обезпечивали болѣе исправное исполненіе дворянствомъ военной повинности.

Подъ вліяніемъ западно-европейскихъ порядковъ Петръ Великій положилъ рядомъ мѣропріятій начало развитію дворянскаго сословнаго самосознанія; онъ далъ служилому классу общее наименованіе *шляхетства*, присвоилъ дворянскому званію значеніе почетнаго *благороднаго* достоинства, даровалъ дворянству гербы, заимствовалъ съ запада аристократическіе титулы графа, барона, свѣтлѣйшаго князя. Съ другой стороны, ослабивъ существовавшую ранѣе тѣсную связь между службой и владѣніемъ помѣстьями и вотчинами, преобразователь увеличилъ землевладѣльческія права дворянства и тѣмъ содѣйствовалъ послѣдующему развитію его сословной самостоятельности и мѣстнаго значенія. Однако, это послѣдующее развитіе дворянскаго сословія шло въ значительной мѣрѣ вопреки основнымъ положеніямъ петровскаго законодательства.

Петръ Великій сохранилъ и усилилъ прежнюю основу

организаціи дворянства, его служебную повинность; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ослабилъ наслѣдственную замкнутость служилаго сословія, узаконенную въ предшествовавшемъ столѣтіи, а именно установилъ выслугу дворянства, открывъ свободный доступъ въ шляхетское сословіе разночинцамъ, возвысилъ чиновную честь надъ честью сословной и, приблизивъ къ себѣ дѣятелей низкаго происхожденія, принизилъ родовитое дворянство. Наконецъ, вопреки примѣру Запада и вопреки началамъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, Петръ Великій допустилъ смѣшеніе занятій между классами служилымъ и торгово-промышленнымъ и переходъ лицъ изъ одного класса въ другой [1].

II.

Случалось и ранѣе, въ XVI и особенно въ XVII вѣкахъ, что боярская знать, имѣвшая правительственное значеніе, должна была уступать высшія мѣста неродовитымъ новымъ людямъ: Годуновымъ, Матвѣевымъ, Ордынъ-Нащокинымъ. Въ царствованіе Петра Великаго новые люди занимаютъ первенствующее положеніе, и они выходятъ не только изъ среды невиднаго или захудалаго дворянства, какъ раньше, но и изъ низшихъ общественныхъ классовъ.

Князь Куракинъ въ своей „гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“ относитъ „начало паденія первыхъ фамилій“ еще ко времени молодости Петра, когда руководящее значеніе принадлежало: брату царицы Наталіи Кирилловны, Льву Нарышкину, князю Борису Голицыну и Тихону Стрѣшневу. „Въ томъ правленіи, говоритъ Куракинъ, имя князей было смертельно возненавидѣно и уничтожено какъ отъ его царскаго величества, такъ и отъ тѣхъ правительствующихъ персонъ. Оные господа, какъ Нарышкины, Срѣшневы, Головкинъ были домомъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда внушали ему отъ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилій. Къ тому же и самъ его величество склоннымъ

явился, дабы уничтоженіемъ оныхъ отнять у нихъ всю власть (повоаръ) и учинить бы себя наибольшимъ сувереномъ".

Нѣкоторыя фамиліи знатнаго боярства сохраняютъ при Петрѣ Великомъ высокое положеніе; князья Долгорукіе, Куракины занимаютъ виднѣйшія мѣста сенаторовъ, губернаторовъ, президентовъ коллегій, полномочныхъ пословъ; въ первую половину царствованія пользуются большимъ значеніемъ князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ изъ стараго боярскаго рода. Но княжеское и некняжеское боярство въ цѣломъ теряетъ всякое значеніе; о прежнихъ притязаніяхъ знати на первенствующее положеніе нѣтъ болѣе и рѣчи.

Несравненно выше всѣхъ знатныхъ сановниковъ стоялъ бывшій правою рукою Петра Александръ Даниловичъ Меншиковъ, человѣкъ темнаго происхожденія, возведенный въ достоинство свѣтлѣйшаго князя. Виднѣйшіе дѣятели второй половины петровскаго царствованія: первый генералъ-прокуроръ графъ Ягужинскій, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ, графъ Девіеръ, первый генералъ-полицмейстеръ были иноземными выходцами низкаго происхожденія. Извѣстный первый прибыльщикъ, инспекторъ ратуши, архангельскій вице-губернаторъ Курбатовъ былъ изъ боярскихъ людей, холоповъ.

Управлявшій московской губерніей, Ершовъ былъ также первоначально боярскимъ человѣкомъ [2].

Наиболѣе довѣренными лицами при Петрѣ были люди незнатнаго или низкаго происхожденія. Самъ онъ не цѣнилъ знатности происхожденія; по замѣчанію Татищева, Петръ „великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ" и того же требовалъ отъ сотрудниковъ; но чтобы возвысить авторитетъ своихъ приближенныхъ, чтобы сравнять ихъ до извѣстной степени со старою знатью, Петръ заимствовалъ иноземные титулы графовъ и бароновъ. Меншиковъ былъ пожалованъ въ 1707 году высшимъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя; передъ тѣмъ, въ 1705 году онъ былъ сдѣланъ княземъ римской имперіи. Первые иноземные ти-

тулы русское дворянство начало получать отъ иноземныхъ же монарховъ. Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ былъ возведенъ въ графское достоинство римской имперіи Леопольдомъ I въ 1701 году. Затѣмъ Петръ самъ началъ возводить въ графское достоинство: Б. П. Шереметева въ 1706 году, канцлера Головкина, Никиту Зотова, адмирала Апраксина, Толстого, Ягужинскаго, Девіера. Въ 1710 году Шафировъ, впослѣдствіи вице-канцлеръ, былъ пожалованъ титуломъ барона; въ то же достоинство возведенъ былъ въ 1722 году „именитый человѣкъ" Александръ Строгановъ.

Рядомъ съ этими аристократическими титулами, Петръ заимствовалъ съ запада также внѣшніе знаки дворянскаго достоинства, дипломы на дворянство и гербы. Въ 1722 году, учредивъ должность герольдмейстера, онъ повелѣлъ назначенному на эту должность Колычеву выдавать дипломы на дворянство и гербы всѣмъ дворянамъ, которые могли доказать столѣтнюю службу своего рода, и всѣмъ, дослужившимся до оберъ-офицерства. Узаконяя гербы, Петръ отвѣчалъ желаніямъ дворянства. Подъ вліяніемъ польскаго шляхетства еще московское боярство въ концѣ семнадцатаго вѣка начало интересоваться гербами; среди же петровскаго шляхетства интересъ къ геральдикѣ быстро возросталъ по мѣрѣ знакомства съ западно-европейской жизнью; многіе своевольно изобрѣтали себѣ гербы, и нѣкоторые присвоивали гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ фамилій.

Дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ присвоивается общее сословное наименованіе шляхетства, или дворянства. Названіе дѣти боярскія очень скоро, къ 1711 году совершенно выходитъ изъ употребленія въ перепискѣ присутственныхъ мѣстъ. Люди высшихъ придворныхъ чиновъ: стольники, стряпчіе, жильцы называются въ указахъ царедворцами. Сначала эти царедворцы по древнему обыкновенію поименовываются въ общихъ обращеніяхъ къ дворянству особо отъ низшаго чина рядовыхъ дворянъ; — высшіе чины противополагаются шляхетству. Но съ 1713 года за этимъ тер-

миномъ окончательно устанавливается значеніе общаго сословнаго наименованія. Въ собственноручномъ указѣ 1712 года Петръ обращается ко „всему шляхетству". Иностранное польско-немѣцкое слово было выбрано въ этомъ случаѣ не только вслѣдствіе пристрастія Петра къ иноземнымъ терминамъ, но и потому (какъ замѣчаетъ Романовичъ-Славатинскій), что терминъ дворянинъ обозначалъ ранѣе сравнительно невысокій чинъ и тотъ, кто изъ дворянъ былъ возведенъ въ чинъ боярина, уже не назывался дворяниномъ. Каждый членъ шляхетства не назывался, однако, шляхтичемъ, но дворяниномъ. Въ послѣдніе годы царствованія Петръ въ указахъ пользуется уже нерѣдко терминомъ дворянство, и это наименованіе затѣмъ ко времени Екатерины II вытѣсняетъ наименованіе шляхетства.

Вмѣстѣ съ новымъ наименованіемъ появляется и новое понятіе дворянскаго достоинства, общаго всѣмъ членамъ сословія независимо отъ того или другого ихъ чина и служебнаго положенія. Дворянское достоинство передается по наслѣдству, является присущимъ дворянину съ момента рожденія. Въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Котошихина, дворянство, какъ сословное достоинство, „не давалось никому". Петръ Великій устанавливаетъ пожалованіе и выслугу наслѣдственнаго дворянства [3].

III.

Установленіе графскихъ и баронскихъ титуловъ, гербовъ и наслѣдственнаго дворянскаго достоинства носитъ слѣды внѣшняго подражанія западу. Другія узаконенія Петра I, касавшіяся существенныхъ основъ организаціи дворянства, противорѣчатъ идеѣ указанныхъ заимствованій, ослабляя сословное начало.

Важнѣйшее изъ петровскихъ законоположеній, относящихся къ этому вопросу, табель о рангахъ 24 января 1722 года и связанные съ нею указы 1721 года, открывая

свободный доступъ въ дворянство лицамъ другихъ классовъ, нарушаютъ начало сословной замкнутости, установленное законодательствомъ семнадцатаго вѣка. „Дворянъ и дѣтей боярскихъ верстати по отечеству, неслужилыхъ отцовъ дѣтей въ службу не верстати", постоянно повторяло московское правительство, закрывая доступъ въ служилый классъ людямъ иныхъ чиновъ. Теперь въ военную и гражданскую службу привлекались лица различныхъ классовъ и по табели о рангахъ всякій, не изъ дворянъ, дослужившійся до оберъ-офицерскаго чина на службѣ военной и до должности 8 ранга на службѣ гражданской, пріобрѣталъ дворянское достоинство и приравнивался, съ своими потомками, „во всѣхъ достоинствахъ и авантажахъ лучшему старшему дворянству". Въ XVII вѣкѣ правительство настаивало на томъ, чтобы въ классъ дѣтей боярскихъ не входили крестьяне и холопы. Петръ Великій, напротивъ, въ 1711 году повелѣлъ сенату, набирая молодыхъ дворянъ для запасу въ офицеры, собрать „тако-жъ тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для того-жъ". Прежде высшій боярскій чинъ по общему правилу составлялъ преимущество извѣстныхъ знатныхъ фамилій; достиженіе его было крайне затруднено, не говоря о лицахъ низкаго происхожденія, даже для большей части старинныхъ дворянскихъ фамилій, и если новый человѣкъ проникалъ на высшія мѣста, то мѣстничество постоянно напоминало ему, что онъ былъ чужимъ человѣкомъ въ боярскомъ кругу. „Теперь по табели о рангахъ,—говоритъ проф. Романовичъ-Славатинскій,—лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства, и ничто не возбраняло каждому даровитому человѣку, перешагнувъ эти ступени, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина „подлые" члены общества могли „облагородиться" и войти въ ряды шляхетства".

Петръ проводитъ въ жизнь понятіе о дворянскомъ достоинствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ понятіе не

дворянской, но чиновной служилой чести и отдаетъ ей преимущество передъ дворянской честью и передъ знатностью. „Сказать всему шляхетству, объявляетъ Петръ въ собственноручномъ именномъ указѣ, данномъ Сенату 16 января 1712 года, чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ какой бы фамиліи ни былъ, *почесть и первое мѣсто* давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать и писаться токмо офицерамъ, а шляхетству, которые не въ офицерахъ, только то писать, куда развѣ посланы будутъ; а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ, треть его жалованья" *). Петръ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе службѣ передъ знатностью: „Сыновьямъ россійскаго государства князей, графовъ, бароновъ, знатнѣйшаго дворянства, такожде служителей знатнѣйшаго ранга, хотя мы позволяемъ для знатной ихъ породы или ихъ отцовъ знатныхъ чиновъ въ публичной ассамблеѣ, гдѣ дворъ находится свободный доступъ предъ другими нижняго чину и охотно желаемъ видѣть, чтобъ они отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались", однакожъ,—продолжаетъ государь,—мы не даемъ никому изъ нихъ никакого рангу, „пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ и за оные характера не получатъ".

Въ 1721 году было постановлено опредѣлять сыновей знатнаго шляхетства въ гвардію, а прочихъ въ армейскіе полки. Начальство затруднилось разрѣшеніемъ вопроса о томъ, кого именно считать знатнымъ шляхетствомъ, и въ 1724 году представляло государю: считать ли за знатное шляхетство тѣхъ, которые имѣютъ болѣе ста дворовъ или же по рангамъ. Петръ Великій положилъ знаменательную резолюцію на этомъ докладѣ: „знатное дворянство по годности считать".

Соотвѣтственно различію повинностей, законодательство XVII вѣка устанавливало строгое раздѣленіе занятій между классами, хотя и допускало нѣсколько отступленій отъ этого

*) Въ этомъ указѣ Петръ I впервые употребляетъ терминъ шляхетства.

общаго правила: нижніе служилые чины могли заниматься торговлей и промыслами, и нѣкоторые изъ нихъ даже несли одновременно какъ служебное, такъ и податное тягло. Прожектеры петровскаго времени, слѣдуя какъ традиціямъ XVII вѣка, такъ и примѣру запада, настаивали на необходимости сословнаго раздѣленія занятій; Посошковъ говорилъ, что дворянину „воину отнюдь купечествовать не подобаетъ, потому что единъ рабъ не можетъ двумъ господамъ служити"; другіе писали, что „фамильные люди" не должны заниматься торгово-промышленною дѣятельностью, чтобы „добывать себѣ честь исключительно наукою и службою своею". Императрица Екатерина II впослѣдствіи признала, что занятіе торговлей несовмѣстно съ достоинствомъ человѣка благороднаго, дворянина.

Но сословная обособленность не составляла цѣли петровскаго законодательства, и поэтому Петръ Великій отказался отъ раздѣленія занятій между сословіями, съ цѣлью привлеченія возможно болѣе силъ къ торгово-промышленной дѣятельности. Въ 1711 году, по мысли государя, Сенатъ издалъ указъ, коимъ разрѣшено было „всякаго чина людямъ торговать всѣми товарами вездѣ невозбранно своими именами съ платежемъ всѣхъ обыкновенныхъ пошлинъ". Многіе сановники при Петрѣ устраивали заводы и фабрики, занимались торговыми и промышленными предпріятіями. Одинъ изъ недовольныхъ этими порядками писалъ: „всѣ торги отняты у купцовъ, и торгуютъ высокія персоны".

Петръ разрѣшилъ дворянству не только заниматься торгово-промышленной дѣятельностью, но и переходить изъ служилаго сословія въ „купеческій чинъ". Указомъ 1714 года дворянскимъ кадетамъ, лишеннымъ недвижимыхъ имѣній, дозволено было „идти въ чинъ купеческій или въ какое знатное художество, или въ духовные, то-есть въ бѣлые священники", и Петръ требовалъ, чтобы „тѣмъ, кои въ сіе вышеписанное вступятъ, не ставить ни въ какое безчестье ни имъ, ни ихъ фамиліямъ, ни словесно, ни письменно"[4].

IV

Въ мартѣ 1714 года, составленными самимъ Петромъ и собственноручно редактированными имъ, извѣстными „пунктами о движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ“ узаконено было, по примѣру запада, единонаслѣдіе, чуждое русской жизни. Во введеніи къ пунктамъ Петръ разъяснилъ, между прочимъ, сословное значеніе этого учрежденія, какъ средства для поддержанія знатныхъ дворянскихъ фамилій: вслѣдствіе постоянныхъ раздѣловъ имѣній между наслѣдниками, члены знатной фамиліи, размножаясь, въ такую бѣдность приходятъ, что сами становятся однодворцами, и „знатная фамилія вмѣсто славы превращается въ поселянъ, какъ уже много тѣхъ экземпляровъ (образовъ) есть въ Россійскомъ народѣ“. Благодаря же майорату или единонаслѣдію, „фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы“.

Тѣмъ не менѣе поддержаніе знатныхъ фамилій не было главною цѣлью изданія этого закона. Петръ установилъ единонаслѣдіе не для одного шляхетства, но для всѣхъ своихъ „подданныхъ, какого чина и достоинства оные ни есть“. Онъ запретилъ закладывать и продавать, и повелѣлъ обращать въ родъ не однѣ лишь вотчины и помѣстья, но и дворы и лавки, и всякія недвижимыя имѣнія. Разъясняя значеніе майората, Петръ прежде всего указалъ на то, что „ежели недвижимое будетъ всегда одному сыну, а прочимъ только движимое, то государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ бо̀льшаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по малу возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ (крестьянъ), а не разорять“. Первые русскіе сторонники майората видѣли главное значеніе его въ томъ, что лишеніе младшихъ сыновей наслѣдства побуждаетъ ихъ къ болѣе усиленной дѣятельности: графъ Матвѣевъ въ своихъ запискахъ 1705 года замѣтилъ,

что благодаря майорату во Франціи „шляхетство николи ни духовнаго, ни мірскаго правленія не отпадаетъ“, и Ѳедоръ Салтыковъ въ „Пропозиціяхъ“ указываетъ пользу майората въ томъ, что меньшіе сыновья „не имѣя отеческихъ стяжательствъ, простираться будутъ прилежнѣе къ службѣ и къ наукамъ“. Это соображеніе могло скорѣе всего склонить къ введенію майоратовъ Петра, который велъ постоянную борьбу съ уклоненіемъ дворянъ отъ службы и отъ ученья, и съ недостаткомъ предпріимчивости у купцовъ и ремесленниковъ. Раздѣленіе имѣній между наслѣдниками, говоритъ Петръ въ пунктахъ 1714 года, ведетъ къ тому, что „каждый, имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государства безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всякій уклоняться и жить въ праздности, которая по Святому Писанію есть матерію всѣхъ злыхъ дѣлъ“. Благодаря же единонаслѣдію, сыновья, не получившіе обезпеченія, „не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что оные сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть“.

Законъ о майоратѣ возбуждалъ общее неудовольствіе и поэтому, вскорѣ по вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, Сенатъ въ декабрѣ 1730 года представилъ Императрицѣ докладъ о его отмѣнѣ. Въ докладѣ этомъ указывалось, что „пункты о единонаслѣдіи, яко необыкновенные сему государству, приводятъ къ превеликому затрудненію въ дѣлахъ“ и не достигаютъ той цѣли, съ которою они были изданы. „Хотя по тѣмъ пунктамъ опредѣлено, дабы тѣ, которые къ деревнямъ ненаслѣдники, искали бы себѣ хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ, но того самимъ дѣйствомъ не исполняется, ибо всѣ шляхетскія дѣти какъ наслѣдники, такъ и кадеты, берутся въ одну службу сухопутную и морскую въ нижніе чины, что̀ кадеты за двойное несчастіе себѣ почитаютъ, ибо и отеческаго лишились

и въ продолжительной солдатской или матросской службѣ бываютъ, и тако въ отчаяніе приходятъ, что уже всѣ свои шляхетскіе поступки теряютъ".

Сенатъ указывалъ, что отцы, имѣя многихъ дѣтей, „всячески ищутъ, какимъ бы образомъ ихъ равно удовольствовать", вопреки закону, и оправдывалъ эти стремленія: „отцамъ не точію естественно есть, но и законъ Божій повелѣваетъ дѣтей своихъ всѣхъ равно награждать". Дворяне различными способами обходили законъ о единонаслѣдіи, они продавали часть деревень, чтобы оставить вырученныя деньги на раздѣлъ дѣтямъ, „перепродавали деревни черезъ нѣсколько персонъ, для укрѣпленія меньшимъ дѣтямъ", обязывали клятвою сына наслѣдника уплатить извѣстную сумму братьямъ и сестрамъ, лишеннымъ ихъ части въ недвижимомъ наслѣдствѣ. Пункты Петра, какъ указано въ сенатскомъ докладѣ, возбуждаютъ между родственниками „ненависти и ссоры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ съ обѣихъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ, и не безъизвѣстно есть, что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники между собою, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти". Землевладѣльцы, стремясь надѣлить равно всѣхъ своихъ дѣтей, „почитаютъ въ деревняхъ обрѣтающійся хлѣбъ, лошади и всякій скотъ за движимое и отдаютъ меньшимъ братьямъ съ сестрами и тако у наслѣдника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніи быть не могутъ, а у меньшихъ братьевъ безъ деревень хлѣбъ и скотъ пропадаютъ и какъ наслѣдники, такъ и кадеты отъ того въ разореніе приходятъ"

Этотъ докладъ Сената былъ „апробованъ" Анной Іоанновной 9 декабря 1730 года и, вслѣдъ затѣмъ, указомъ 17 марта 1731 года пункты о единонаслѣдіи и дополнительные къ нимъ указы 1716 и 1725 гг. были отмѣнены, и возстановленъ былъ въ существенныхъ чертахъ порядокъ наслѣдованія, опредѣленный Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича.

V

Реформы Петра Великаго имѣли существенное вліяніе на измѣненіе землевладѣльческаго положенія шляхетства. Съ реорганизаціей арміи отмѣнена была прежняя помѣстная система содержанія служилыхъ людей. Раздача помѣстій прекращается; денежное жалованье, которое ранѣе было только придаткомъ къ жалованью помѣстному, дѣлается основнымъ постояннымъ вознагражденіемъ за службу. При Петрѣ и въ послѣдующія царствованія служащіе не рѣдко получали земли, населенныя имѣнья, но уже не для обезпеченія службы, какъ прежде раздавались помѣстья, а въ видѣ особой награды за службу, и не въ условное владѣніе, а въ собственность на томъ же основаніи, какъ ранѣе раздавались „выслуженныя, жалованныя вотчины"

Помѣстья, принадлежавшія дворянамъ на правѣ владѣнія, отданы были имъ въ полную собственность. Начавшееся въ XVII вѣкѣ постепенное сліяніе помѣстій съ вотчинами довершается закономъ о единонаслѣдіи 1714 года. Петръ Великій соединилъ ихъ съ вотчинами подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ; помѣстья были подчинены одинаковому съ вотчинами порядку наслѣдованія. Это постановленіе Петра подтверждено было въ послѣдующее время. Императрица Анна Іоанновна, отмѣняя указъ его о единонаслѣдіи, въ то же время повелѣла „впредь какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно недвижимое имѣніе, вотчина, и отцамъ и матерямъ дѣтей своихъ дѣлить по уложенію всѣмъ равно, тако-жъ и за дочерьми въ приданое давать попрежнему".

Землевладѣніе послѣ этой реформы так же, какъ и ранѣе, возлагало на шляхетство обязанность службы. Ревизія 1718—1724 годовъ точнѣе опредѣлила землевладѣльческій характеръ дворянства. Въ служилое сословіе зачислены были всѣ болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы.

Мелкіе же землевладѣльцы, однодворцы—дѣти боярскія, на которыхъ еще въ XVII вѣкѣ возложена была, наряду со службой, обязанность уплаты податей, зачислены были въ податное сословіе, наравнѣ съ государственными крестьянами; они сохранили дворянское право владѣть населенными имѣніями, но были освобождены отъ служебной повинности и положены были въ подушный окладъ.

Новыя начала военной службы, однако, ослабили прежнюю тѣсную связь между землевладѣніемъ и служебною повинностью. Въ качествѣ землевладѣльцевъ, дворяне освобождаются отъ того подчиненія правительству, какое связывало помѣщиковъ—дворянъ и дѣтей боярскихъ московскаго времени. На основѣ вотчиннаго землевладѣнія, освобожденнаго отъ службы, шляхетство пріобрѣтаетъ съ теченіемъ времени болѣе сословной самостоятельности. Въ связи съ этимъ дворянскія общества получаютъ бо̀льшее мѣстное значеніе.

Нѣкоторыя начатки объединенія дворянъ въ мѣстныя общества существовали еще въ семнадцатомъ вѣкѣ. Уѣздныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, приписанныхъ къ тому или другому городу, связывали общіе служебные интересы. При верстаніяхъ на службу и при назначеніи помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ важное значеніе имѣли выборные изъ дворянъ окладчики, которые должны были знать всѣ обстоятельства жизни и службы каждаго городового дворянина и сына боярскаго. Уѣздное общество имѣло нѣкоторыя права на помѣстныя владѣнія своихъ членовъ; правительство признавало преимущественное право на полученіе выморочнаго помѣстья за дѣтьми боярскими того же города, къ которому былъ приписанъ умершій помѣщикъ. Городовые дворяне и дѣти боярскія выбирали своихъ представителей на земскіе соборы; они замѣщали по выбору мѣстныя должности губныхъ старостъ и сыщиковъ, выбиравшихся обыкновенно изъ отставныхъ дворянъ.

Указомъ 1702 года Петръ Великій предоставилъ мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ, въ лицѣ ихъ выборныхъ

представителей, болѣе важное участіе въ мѣстномъ управленіи. Губные старосты и сыщики были упразднены, и предписано было „всякія дѣла съ воеводами вѣдать городовымъ дворянамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ (въ большихъ городахъ по 4 и по 3, въ меньшихъ по 2 человѣка), и „дѣла чинить воеводамъ обще съ дворянами и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и ихъ дворянамъ всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить". Начало участія дворянства въ мѣстномъ управленіи получаетъ бо̀льшее развитіе въ 1713 году. Ознакомившись послѣ взятія Риги и Ревеля съ выборными губернскими совѣтами ландратовъ въ Эстляндіи и Лифляндіи, Петръ указомъ 24 апрѣля 1713 года предписалъ: „учинить ландратовъ въ губерніяхъ, по 12, 10 и 8, смотря по величинѣ губерній. Ландраты должны были „всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать; губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать". Значеніе ландратской должности было существенно измѣнено указомъ 28 января 1715 года, вводившимъ новые губернскіе штаты. Ландраты — совѣтники коллегіальнаго губернскаго присутствія—сдѣлались по этому закону единоличными начальниками „долей", на которыя раздѣлены были губерніи, и замѣнили комендантовъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не было гарнизоновъ. Совѣщательное значеніе ландратовъ было, однако, сохранено: „изъ ландратовъ по два человѣка должны были состоять при губернаторахъ, смѣняясь черезъ одинъ или два мѣсяца; по окончаніи года устраивался общій съѣздъ ландратовъ „для счета и исправленія дѣлъ". Выборы ландратовъ утверждались сенатскими указами, при чемъ сенатъ нерѣдко нарушалъ выборное начало учрежденія ландратовъ, назначая собственною властью лицъ на эту должность.

Учрежденіе ландратовъ было отмѣнено съ введеніемъ

новой губернской администраціи 1719 года: губернаторовъ, провинціальныхъ воеводъ, дистриктныхъ земскихъ коммиссаровъ и другихъ. Мѣстное дворянство сохранило извѣстную долю участія въ губернскомъ управленіи; оно по инструкціи 1724 года выбирало земскихъ коммиссаровъ, начальника дистрикта и наблюдало за ихъ дѣятельностью. Главною обязанностью земскаго коммиссара былъ сборъ новаго налога, подушной подати; такъ какъ взиманіе подати производилось дворянами, то было послѣдовательно,—замѣчаетъ проф. Милюковъ,—и должность земскаго коммиссара сдѣлать выборной отъ мѣстнаго дворянства. Земскіе коммиссары выбирались на одинъ годъ и были отвѣтственны передъ избирателями. Въ инструкціи земскому коммиссару было сказано: „по окончаніи каждаго года, а именно въ декабрѣ мѣсяцѣ велѣно всѣмъ самимъ помѣщикамъ (а въ поморскихъ городахъ и въ другихъ тѣмъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ, тамошнимъ обывателямъ), кому они межъ себя вѣрятъ, съѣзжаться въ одно мѣсто, гдѣ полковой дворъ и въ наступающій новый годъ въ земскіе коммиссары на твое мѣсто выбрать иного: а буде на тебя будутъ челобитчики, въ томъ тебя судить, и въ чемъ явишься виновенъ, за то штрафовать, чему будешь достоинъ“ Губернская реформа Петра I подверглась рѣзкой критикѣ со стороны членовъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. Указомъ ея 9 января 1727 года, изданнымъ по инціативѣ Меньшикова, велѣно было, „всѣхъ лишнихъ управителей, и канцеляріи и конторы земскихъ коммиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить и положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ“ Это постановленіе было осуществлено невполнѣ, и должность земскаго коммиссара была сохранена послѣ уничтоженія другихъ губернскихъ учрежденій Петра I [6].

ГЛАВА II.

Дворянская повинность службы и ученья.

I.

Упадокъ военной организаціи московскаго государства начался задолго до Петра; новыя войска иноземнаго строя постепенно получали преобладающее значеніе передъ старой конницей дворянъ и дѣтей боярскихъ. Организуя регулярную армію, Петръ дѣлаетъ послѣдній шагъ по пути, на который вступили его предшественники. Регулярные полки замѣняютъ дворянскія ополченія помѣщиковъ и вотчинниковъ, служилыхъ людей.

Въ первые годы шведской войны дворянская конница отбывала еще военную службу на прежнихъ началахъ, но имѣла уже значеніе лишь вспомогательнаго корпуса. Въ 1706 году въ полкахъ Шереметева и Хованскаго въ низовомъ походѣ служили еще попрежнему стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы. Въ 1712 году по случаю опасеній турецкой войны велѣно было снарядиться на службу этимъ чинамъ подъ новымъ именемъ царедворцевъ. Въ слѣдующемъ году царедворцамъ и городовымъ дворянамъ всѣхъ губерній велѣно было быть на государевой службѣ съ ратниками для защиты украйны. Но затѣмъ, съ 1713 года эти спеціально дворянскія ополченія замѣняются земскими ополченіями изъ людей разныхъ чиновъ — украинской ландмилиціей.

„Шляхетство" освобождается отъ помѣстной полковой службы, лежавшей на „дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ" московскаго времени. Но петровскіе дворяне остаются такими же, какъ эти послѣдніе, служилыми людьми, обязанными службой государству. Дворянство было освобождено отъ служебнаго тягла значительно позднѣе, при Петрѣ III.

Преобразователь же лишь видоизмѣнилъ характеръ служебной повинности дворянъ, обязавъ ихъ нести военную службу въ регулярныхъ полкахъ и во флотѣ, а также службу гражданскую, которая при Петрѣ получила значеніе государственной повинности. Кромѣ обязанности службы военной или статской, на шляхетство возложена была новая повинность образованія, спеціальной подготовки къ службѣ по западно-европейскимъ образцамъ.

Дворянинъ попрежнему обязанъ пожизненной службой; даже старость и увѣчье, какъ и прежде, не всегда освобождали его отъ этой повинности: человѣка, ставшаго неспособнымъ къ военной службѣ, переводили нерѣдко на считавшуюся болѣе легкою службу гражданскую. „По указамъ Петра Великаго, доносила Сенату военная коллегія въ 1731 году, для учрежденія регулярнаго войска, всероссійское шляхетство, кромѣ старолѣтныхъ и увѣчныхъ, опредѣлены были въ службу, и опредѣлены были въ армію по смерть, а иные по то время пока за старостію и за разными неисцѣльными болѣзнями отставкою абшидъ получили".

Дворянинъ зачислялся въ военную службу съ юныхъ лѣтъ, обыкновенно съ 15-ти, и долженъ былъ начинать ее непремѣнно съ рядового. Петръ требовалъ, чтобы дворяне, производимые въ офицеры, знали „съ фундамента солдатское дѣло". Замѣтивъ, что полковое начальство производитъ нерѣдко въ офицеры молодыхъ дворянъ, неслужившихъ въ низшихъ чинахъ или служившихъ рядовыми „только для лица" короткое время, государь подтвердилъ указами 1714 и 1719 года „чтобъ изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь въ офицеры не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи". Дворянскіе недоросли „по годности" зачислялись одни въ гвардію, другіе въ полки армейскіе и гарнизонные. Наши первые гвардейскіе полки, Преображенскій и Семеновскій, были наполнены рядовыми изъ дворянъ и князей, которые исполняли всѣ обязанности низшихъ чиновъ, получали содержаніе и службу несли наравнѣ съ ними:

такъ однажды, по свидѣтельству Берхгольца, въ караулъ къ герцогу Голштинскому были наряжены вмѣстѣ съ другими рядовыми князья Голицыны. Знатное дворянство впослѣдствіи обходило эти порядки. При Аннѣ Леопольдовнѣ и еще болѣе при Елизаветѣ Петровнѣ дворяне записывали своихъ сыновей еще дѣтьми въ полки капралами, унтеръ-офицерами и сержантами и затѣмъ держали ихъ при себѣ до совершеннолѣтія; старшинство же службы и производство въ чины считалось со дня записи. Сынъ знаменитаго А. И. Бибикова при Екатеринѣ II, такимъ образомъ, двухъ лѣтъ былъ записанъ въ гвардію, а девяти—произведенъ въ офицеры.

Петръ Великій возложилъ на шляхетство также необычную дотолѣ обязанность службы во флотѣ. Недоросли начинали служить здѣсь также съ низшаго чина гардемарина. Большая часть стольниковъ, отправленныхъ для ученія за границу въ 1697 году, по возвращеніи въ Россію была опредѣлена во флотъ гардемаринами.

Кромѣ военной службы, какъ главной повинности, шляхетство со времени Петра Великаго обязано было отбывать также повинность службы гражданской. Въ московское время приказную службу несли разночинцы — дьяки и подьячіе. Служилые люди были по преимуществу военно-служилыми людьми и если они занимали высшія гражданскія должности воеводъ или старостъ, то исполняли ихъ въ видѣ временныхъ порученій, дѣлъ, посылокъ. При Петрѣ Великомъ „дѣла и посылки“ превращаются въ „гражданскую службу“ (1714). Со времени генеральнаго регламента и табели о рангахъ „штатская служба“ получаетъ полныя права гражданства и дворянинъ-воинъ дѣлается и чиновникомъ. Генеральный регламентъ 1720 года опредѣлилъ, чтобы шляхетскія дѣти при коллегіяхъ и канцеляріяхъ подъ наблюденіемъ секретарей обучались канцелярскому дѣлопроизводству, дабы современемъ они „по градусамъ“ могли быть произведены въ высшіе чины. Зная традиціонный взглядъ дворянства на канцелярскую службу, законодатель предписывалъ „не ста-

вить въ укоризну" прохожденія ея знатнымъ и шляхетскимъ фамиліямъ. Въ 1724 году было постановлено: „въ секретари не изъ шляхетства не опредѣлять, дабы потомъ могли въ ассесоры, совѣтники и выше происходить"; изъ подьяческаго же чина опредѣлять въ секретари въ исключительныхъ случаяхъ.

Военная служба остается, тѣмъ не менѣе, главной повинностью шляхетства. Герольдмейстеръ обязанъ былъ наблюдать, чтобы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой шляхетской фамиліи не было, „чтобы служивыхъ на землѣ и морѣ не оскудить". Это ограниченіе оказалось излишнимъ. До времени императора Павла I дворянство предпочитало военную службу, считая гражданскую службу менѣе почетной. Правительство въ 1731 году, при учрежденіи кадетскаго корпуса, въ который принимались одни шляхетскія дѣти, разъясняло, что преподаваніе юриспруденціи въ этомъ корпусѣ введено, „понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожъ и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе". Правительство насильственно опредѣляло дворянъ въ гражданскую службу; но эта мѣра въ 1740 году признана была безуспѣшною. Сенатъ усмотрѣлъ, „что изъ такихъ, кои по выбору опредѣлены, не только изъ великопомѣстныхъ и знатныхъ, но и изъ посредственныхъ и подлыхъ, къ приказному обученію охоты не имѣютъ, а всѣ, смотря происхожденіе воинской службы другихъ ихъ братіи дворянъ, болѣе къ тому прилежатъ и тщатся"; вслѣдствіе этого было постановлено въ гражданскую службу опредѣлять только такихъ, кои сами пожелаютъ, а не неволею [7].

II.

Для службы въ дворянскихъ ополченіяхъ семнадцатаго вѣка, какъ указано выше, не требовалось никакой подготовки. Петровскія преобразованія арміи, флота и администра-

тивныхъ учрежденій вызвали потребность въ людяхъ со спеціальными знаніями. Петръ Великій, поэтому, возлагаетъ на дворянство незнакомую ему дотолѣ обязанность обученія не только грамотѣ и цифири, но и навигаціи, фортификаціи, юриспруденціи и экономіи.

Въ 1697 году, не останавливаясь передъ общимъ недовольствомъ боярства, Петръ отправляетъ за границу въ Голландію, Англію и Италію 60 человѣкъ придворныхъ, комнатныхъ стольниковъ изъ знатныхъ фамилій, для изученія навигаціи и кораблестроенія. Послѣ этой первой попытки Петръ постоянно посылалъ дворянскихъ недорослей, партіями въ 40—50 человѣкъ, для ученья въ Голландію, Англію, Францію, Италію. Съ 1705 года въ Амстердамѣ жилъ особый коммиссаръ князь Львовъ, для надзора за „навигаторами", какъ назывались русскіе ученики за границей; въ 1717 году въ одномъ этомъ городѣ учились 69 человѣкъ „недорослей и школьниковъ". Молодые люди изъ дворянъ посылались, обыкновенно, за границу съ спеціальною цѣлью изученія мореходства и кораблестроенія; для практики они служили по нѣскольку лѣтъ на иностранныхъ судахъ. Въ 1716 году Петръ велѣлъ выбрать изъ школьниковъ 60 человѣкъ „лучшихъ дворянскихъ дѣтей" и отправилъ ихъ по 20 человѣкъ въ Италію, Францію и Англію для практическаго изученія мореходства.

Часть московскаго боярства, сохранившая приверженность къ старинѣ, враждебно относилась къ этому ученью за границей. Абрамъ Лопухинъ, пользовавшійся вліяніемъ среди враждебной нововведеніямъ московской знати, отстаивалъ своихъ родственниковъ отъ посылки за море и говорилъ: „еще тотъ не родился человѣкъ, кому насъ посылать; развѣ Абрама Лопухина на семъ свѣтѣ не будетъ, тогда моимъ сродникамъ за море идти; онъ (Меньшиковъ) которыхъ сродниковъ моихъ написалъ за море, и я велѣлъ деньги кинуть, на тѣ деньги Меншиковой княгинѣ сѣдла покупять, на чемъ ей ѣздить въ полкахъ". Многіе недоросли считали

ученье за границей тяжкимъ несчастьемъ: Василій Головинъ, разсказывая, что Петръ въ 1712 году отправилъ „за море для морской навигаціонной науки“ недорослей дворянъ, прибавлялъ: „въ числѣ ихъ за море и я, грѣшникъ, въ первое несчастіе опредѣленъ“. Навигаторъ князь Михаилъ Голицынъ писалъ изъ-за границы: „наука опредѣлена самая премудрая, хотя мнѣ всѣ дни живота своего къ той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ; для того — незнамо учиться языка, незнамо науки“.

Жизнь за границей для тѣхъ навигаторовъ и школьниковъ, которые учились тамъ на казенный счетъ, была труднымъ испытаніемъ. Правительство давало имъ скудное содержаніе и нерѣдко подолгу задерживало высылку денегъ. Лондонскій агентъ указывалъ на бѣдственное положеніе навигаторовъ въ Лондонѣ и Голландіи: они „такъ одолжали, что не рады жизни своей съ первыхъ лѣтъ по пріѣздѣ своемъ, они почитай помираютъ съ голоду, а за долги ихъ хотятъ посадить въ тюрьму“. Кононъ Зотовъ изъ Парижа сообщалъ, что русскіе гардемарины, учившіеся во Франціи, помирая съ голоду, хотятъ идти въ холопи, „только я стращаю ихъ жестокимъ наказаньемъ“. Вслѣдствіе недостаточнаго надзора, ученики изъ богатыхъ дворянскихъ семей впадали въ другую крайность: получая отъ родителей большія деньги, они за соблазнами европейской жизни, забывали о наукахъ. Поэтому въ 1710 году было запрещено посылать деньги ученикамъ за границу помимо адмиралтейскаго приказа. Грубые нравы русскихъ учениковъ приводили въ изумленіе французовъ. Зотовъ изъ Парижа извѣщалъ государя въ 1717 году: „Маршалъ д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ; дерутся между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ; того ради обобрали отъ нихъ шпаги. Въ Тулонѣ гардемаринъ Сунбуловъ одного француза застрѣлилъ изъ пищали. Гардемаринъ Глѣбовъ покололъ шпагою гардемарина Барятинскаго

и за то подъ арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ; хотя и колются, только честно, на поединкахъ, лицомъ къ лицу".

Петръ Великій часто бывалъ недоволенъ малыми успѣхами русскихъ учениковъ, когда экзаменовалъ ихъ въ Петербургѣ; но многимъ изъ нихъ заграничное ученье шло впрокъ. Өедосѣй Скляевъ, учившійся въ Голландіи вмѣстѣ съ государемъ, такъ хорошо изучилъ кораблестроеніе, что не уступалъ иностраннымъ мастерамъ. Ученики русскихъ школъ, отправлявшіеся за границу для изученія языковъ, затѣмъ съ успѣхомъ переводили иностранныя книги; изъ числа навигаторовъ многіе дѣлались достойными моряками русскаго флота. Давая спеціальныя знанія, жизнь за границей имѣла для русскихъ людей важное общеобразовательное значеніе. Она наиболѣе содѣйствовала сближенію съ Западомъ русскаго служилаго дворянства. Сознавая это значеніе заграничныхъ учебныхъ поѣздокъ, Петръ Великій въ 1721 году повелѣлъ тѣмъ лицамъ, которые выучатся „правамъ и экономіи" въ Россіи, не побывавъ за границей, „зачитать чины вполы, понеже они вѣдѣнія чужихъ государствъ видѣніемъ лишатся" [8].

Дворянство обучалось по преимуществу военнымъ наукамъ; Петръ съ неменьшей энергіей стремился къ распространенію техническихъ знаній и образованія также среди другихъ классовъ общества. Онъ посылалъ купеческихъ дѣтей въ Лифляндію и за границу для изученія коммерціи; приказныхъ людей и разночинцевъ—для изученія юриспруденціи, иностранныхъ языковъ для переводовъ, ремеслъ и искусствъ. Рядомъ съ обученіемъ дворянъ и другихъ чиновъ людей за границей шло, все болѣе развиваясь, и обученіе ихъ въ Россіи во вновь открытыхъ школахъ. Въ 1700 году была учреждена въ Москвѣ школа математики и навигаціи; въ 1712 году — инженерная школа; ученики въ эту школу набирались „изъ царедворцевыхъ дѣтей и изъ

всякихъ чиновъ людей". Въ 1715 году открыто было высшее военно-учебное заведеніе—морская академія, въ 1721—артиллерійская школа.

По докладу Генриха Фика, голштинца, извѣстнаго дѣятельнымъ участіемъ въ учрежденіи коллегій, Петръ въ 1718 году повелѣлъ устроить академію для подготовки молодыхъ людей къ гражданской службѣ. За недостаткомъ учебниковъ и учителей это дѣло было отложено, и въ 1721 году Петръ, въ ожиданіи устройства академіи, повелѣлъ „сдѣлать краткую школу для обученія экономіи и гражданству".

Указомъ 28 февраля 1714 года велѣно было устроить повсюду въ провинціи начальныя школы въ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ для обученія „грамотѣ, цифири и нѣкоторой части геометріи". Этотъ указъ замѣчателенъ тѣмъ, что имъ впервые возложена была на всѣхъ дворянъ и людей приказнаго чина (дьяковъ и подьячихъ) обязанность начальнаго обученія дѣтей. Дворянскіе и приказнаго чина дѣти (кромѣ однодворцевъ) должны были учиться въ указанныхъ школахъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Не имѣющимъ аттестата объ окончаніи школы запрещено было жениться: „безъ свидѣтельственныхъ писемъ жениться ихъ не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать". Вслѣдъ затѣмъ, однако, было принято во вниманіе, что дворянскія дѣти до поступленія или до окончанія курса этихъ школъ, 10—13 лѣтъ высылаются на смотръ въ столичные или губернскіе города и распредѣляются по военнымъ школамъ или по полкамъ, или же посылаются для ученья за границу. Поэтому указомъ 18 января 1716 года въ провинціальныхъ монастыряхъ, или архіерейскихъ школахъ (которыя къ этому времени еще не были открыты) велѣно было учиться только „дьячьимъ и подьяческимъ и всякаго чина людей дѣтямъ, окромѣ дворянскихъ дѣтей".

Обязательное начальное обученіе дворянскихъ дѣтей было вновь узаконено впослѣдствіи указомъ Анны Іоан-

новны 1737 года; къ двѣнадцати годамъ дворянскіе недоросли должны были быть грамотными; кто же изъ нихъ ничему не научался въ шестнадцать лѣтъ, того отдавали въ матросы. Императрица Анна Іоанновна положила также начало системѣ особыхъ дворянскихъ училищъ, учредивъ въ 1731 году шляхетскій кадетскій корпусъ.

Кромѣ общихъ обязанностей учиться и служить, правительство возлагало на дворянство и другія частныя повинности. Въ 1714 году Петръ обязалъ 1000 шляхетскихъ фамилій переселиться въ Петербургъ. На Васильевскомъ островѣ онѣ должны были построить въ короткій срокъ каменное и деревянное строеніе, размѣры котораго обусловлены были числомъ принадлежавшихъ имъ крестьянскихъ дворовъ; дворяне, имѣвшіе болѣе 500 дворовъ, должны были строить каменные дома въ два жилья; владѣльцы маленькихъ имѣній въ 50 — 40 дворовъ обязывались построить деревянные дома въ одинъ этажъ. Указъ этотъ не исполнялся и неоднократно подтверждался при Петрѣ и при Аннѣ Іоанновнѣ (въ 1735 году). Въ этой обязанности переселяться и строиться наглядно обнаруживается существенная черта организаціи петровскаго дворянства, сохранившаяся отъ московскаго времени; служилое дворянство состоитъ въ полной зависимости отъ правительства, которую историки сравниваютъ съ крѣпостною зависимостью крестьянъ отъ помѣщиковъ; переселенія дворянъ по приказу правительства „заключаютъ въ себѣ много схожаго съ переселеніями крѣпостныхъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое по волѣ помѣщика“ [9].

III.

Сообразно съ этимъ весь наличный составъ дворянства при Петрѣ Великомъ такъ же, какъ въ предшествовавшее время, подлежалъ постоянному надзору со стороны правительства. Время отъ времени производились смотры дво-

рянскимъ недорослямъ и взрослымъ дворянамъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ эти смотры производилъ Разрядный приказъ въ Москвѣ или бояре и дьяки въ провинціи. Петръ же нерѣдко лично осматривалъ дворянъ. Въ 1704 году потребованы были недоросли изъ городовъ на царскій смотръ: государь самъ „смотрѣлъ ихъ и годныхъ въ службу записалъ въ солдаты“. Въ 1705 году велѣно было явиться на государевъ смотръ въ Москву всѣмъ московскимъ дворянамъ и придворнымъ чинамъ: стольникамъ, стряпчимъ, жильцамъ. Смотръ неслужащимъ дворянамъ и недорослямъ, съ распредѣленіемъ ихъ по осмотрѣ въ службу или ученье, производится въ Петербургѣ въ 1711, 1712 годахъ. Неявившимся на этотъ смотръ, болѣе состоятельнымъ дворянамъ, имѣвшимъ не менѣе 100 дворовъ, велѣно было прибыть въ Петербургъ въ 1713 году. Для менѣе состоятельныхъ дворянъ поѣздка въ отдаленный отъ средней Россіи Петербургъ требовала непосильныхъ расходовъ и потому лицамъ, имѣвшимъ менѣе 100 дворовъ, велѣно было являться на смотръ въ Москву, въ канцелярію сената. Недоросли моложе 10 лѣтъ отпускались домой, съ обязательствомъ явиться по первому призыву правительства; часть недорослей отъ 10 до 15 лѣтъ опредѣлялась въ школы или посылалась въ заграничное ученье; 15 лѣтъ и выше — зачислялись въ военную службу или къ гражданскимъ дѣламъ.

Вѣдѣніе дворянскаго сословія, принадлежавшее Разрядному приказу, какъ одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ государства, передано было Петромъ въ 1711 году вновь учрежденному сенату, при чемъ начальникъ Разряднаго приказа, дѣятельный бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, сдѣланъ былъ сенаторомъ. Въ сенатской канцеляріи образованъ былъ особый разрядный столъ, который наслѣдовалъ отъ бывшаго разряда всѣ списки служилыхъ людей—десятни, списки всѣхъ прежнихъ смотровъ и назначеній къ различнымъ должностямъ. Сенатъ такъ же, какъ прежде разрядъ, долженъ былъ слѣдить за всѣми перемѣнами въ наличномъ

составѣ дворянства, наблюдать, кто чѣмъ занятъ и кто освободился отъ возложенныхъ порученій. Назначеніе на должности въ первое время принадлежало сенату; впослѣдствіи же, когда были учреждены коллегіи, то имъ вмѣнено было въ обязанность доносить сенату о всѣхъ назначеніяхъ и командировкахъ служащихъ. Всѣ прибывшіе на смотръ должны были явиться прежде всего въ разрядный столъ и дать свѣдѣнія о лѣтахъ и объ имуществѣ, вотчинахъ и помѣстьяхъ. Затѣмъ въ сенатѣ составлялись и хранились списки дворянъ съ отмѣтками о каждомъ, кто куда назначенъ, кто отставленъ отъ службы за старостью или негодностью, кто на время отпущенъ въ имѣнье.

Въ 1721 году, въ связи съ реформой центральныхъ и губернскихъ учрежденій, предпринятъ былъ общій смотръ всѣмъ дворянамъ какъ состоящимъ на службѣ, такъ и уволеннымъ въ отставку. Всего государства царедворцамъ, дворянамъ всякаго званія и отставнымъ офицерамъ велѣно было явиться на смотръ, жившимъ въ городахъ Петербургской губерніи—въ Петербургъ, остальнымъ—въ Москву. Только дворяне, жившіе или служившіе въ отдаленной Сибири и Астрахани, избавлены были отъ явки на смотръ. Недовѣряя прежнимъ сенатскимъ смотрамъ, Петръ повелѣлъ прибыть въ столицы всѣмъ, бывшимъ на прежнихъ смотрахъ и уволеннымъ въ отставку за старостью или увѣчьемъ. Обязаны были явиться также и всѣ тѣ, кто въ губерніяхъ и провинціяхъ находился у дѣлъ; а чтобы въ отсутствіе ихъ дѣла не остановились, всѣ дворяне были раздѣлены на двѣ смѣны: одна смѣна должна была прибыть въ Петербургъ или Москву въ декабрѣ 1721, другая—въ мартѣ 1722 года. Главное руководство этимъ дѣломъ поручено было стольнику Степану Колычеву съ тремя помощниками: двумя подполковниками и царедворцемъ. Въ слѣдующемъ 1722 году Колычевъ назначенъ былъ герольдмейстеромъ. Съ преобразованіемъ сената въ 1721 — 1722 гг., дѣла по завѣдыванію личнымъ составомъ дворянства выдѣ-

лены были въ особое вѣдомство герольдмейстера, состоявшаго при сенатѣ. Петръ сосредоточивалъ завѣдываніе служилымъ сословіемъ въ однѣхъ рукахъ. Герольдмейстеръ, по краткому первоначальному опредѣленію Петра, долженъ былъ „вѣдать дворянъ и всегда представлять къ дѣламъ, когда спросятъ". По инструкціи 5 февраля 1722 года, онъ долженъ былъ имѣть „всего государства всѣхъ дворянъ списки троякіе: „1) генеральные именные и порознь по чинамъ, 2) кто изъ ихъ къ дѣламъ годится и употреблены будутъ къ какимъ порознь, и затѣмъ что оныхъ останется, 3) что у кого дѣтей и въ каковы лѣта и впредь кто родится и умретъ мужска пола". Герольдмейстеръ обязанъ имѣть о томъ „обстоятельныя и вѣрныя вѣдомости" и постоянно пополнять и провѣрять ихъ свѣдѣніями о служащихъ, которыя должны были сообщать ему погодно рапортами всѣ коллегіи и канцеляріи, столичныя и губернскія. Онъ долженъ былъ представлять кандидатовъ на гражданскія должности: „когда къ какимъ дѣламъ гражданскимъ какія персоны понадобятся въ сенатъ, чтобъ тотчасъ представить на примѣръ могъ, смотря по дѣлу и его состоянію, кто къ чему достоинъ и потомъ въ тѣ мѣста отсылать, кого въ сенатѣ опредѣлятъ" [10].

IV

Вѣдая личный составъ дворянства, герольдмейстеръ обязанъ былъ строго наблюдать, чтобы дворяне подъ какимъ либо предлогомъ не „укрывались отъ службы".

Съ укрывательствомъ дворянъ отъ службы Петръ Великій велъ энергичную борьбу въ теченіе всего своего царствованія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, его дѣятельность является непосредственнымъ продолженіемъ дѣятельности московскаго правительства, которое также упорно боролось противъ уклоненія служилыхъ людей отъ исполненія лежавшихъ на нихъ обязанностей (или нѣтства).

Петръ тщетно стремился искоренить московское „нѣтство“ чрезмѣрно строгими карами. Въ 1703 году было объявлено, что дворяне, не явившіеся на смотръ въ Москву къ указному сроку, а также и воеводы, „чинящіе имъ поноровку“, будутъ безъ пощады казнены смертью. Эта угроза не приводилась въ исполненіе, и впослѣдствіи правительство Петра отказалось отъ устрашенія нѣтчиковъ смертною казнью и чаще всего прибѣгало къ испытаннымъ уже въ XVII вѣкѣ мѣрамъ наказанія дворянъ, укрывавшихся отъ службы, отнятіемъ вотчинъ и помѣстій. Такъ, въ 1707 году велѣно было съ дворянъ московскихъ чиновъ и городовыхъ, не явившихся на службу, брать штрафъ по полуполтинѣ и полтинѣ, а тѣхъ, которые не явились къ послѣднему сроку, 1 октября, „бить батогами, сослать въ Азовъ и отписать ихъ деревни на государя“.

Въ 1711 году Петръ Великій въ числѣ другихъ важнѣйшихъ дѣлъ поручилъ особому вниманію вновь учрежденнаго сената также разысканіе дворянъ, уклонявшихся отъ службы. Въ пунктахъ, данныхъ сенату 2 марта 1711 года (написанныхъ Петромъ собственноручно), сказано: „дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а *наипаче* тѣхъ, которые кроются, сыскать“. Для сыска нѣтчиковъ Петръ прибѣгаетъ къ новому средству, крайнему поощренію доносовъ: „кто скрывается отъ службы, объявить въ народѣ, кто такого сыщетъ или возвѣститъ, тому отдать всѣ деревни того, кто ухоронивался“. Съ этого времени правительство постоянно грозитъ нѣтчикамъ конфискаціей деревень и для поощренія доносовъ обѣщаетъ отдать отписанныя деревни доносчикамъ. Если недоросли не являлись на смотръ, то деревни отписывались какъ у нихъ самихъ, такъ и у тѣхъ, кто ихъ укрывалъ. Въ 1711 году сенатъ повелѣлъ комендантамъ сыскивать и держать за карауломъ дворянъ, которые „огурствомъ своимъ на службу въ Бѣлгородъ не поѣдутъ и станутъ укрываясь жить въ домахъ своихъ“, а помѣстья и вотчины ихъ отписывать на государя.

Въ 1716 году имена неявившихся на смотръ въ Петербургъ велѣно было напечатать, разослать по губерніямъ, городамъ и знатнымъ селамъ, чтобы всѣ вѣдали, кто укрывается отъ службы и знали, на кого доносить. Отысканіемъ нѣтчиковъ усердно занимались петровскіе фискалы; оберъ-фискалъ Нестеровъ, по его словамъ, сыскалъ болѣе 1.000 человѣкъ „недорослей и кроющихся отъ смотровъ и службы".

Неповиновеніе указу 1721 года о явкѣ на смотръ всѣхъ служащихъ и неслужащихъ дворянъ вызвало установленіе новаго строгаго наказанія нѣтчикамъ. Несмотря на три повторительныхъ указа сената, къ Колычову явились немногіе дворяне. Тогда Петръ далъ послѣднюю отсрочку для явки недорослей и дворянъ до 31 января 1722 года и объявилъ, что ежели кто на тотъ срокъ не явится, „таковые будутъ шельмованы и съ добрыми людьми ни въ какія дѣла причтены быть не могутъ и ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у нихъ отыметъ, а ежели и до смерти убьетъ, о такихъ челобитья не принимать и суда имъ не давать; а движимое и недвижимое ихъ имѣнье отписаны будутъ на насъ безповоротно; — и по прошествіи сроковъ всѣхъ нѣтчиковъ имена будутъ особо напечатаны и для публики прибиты къ висѣлицамъ на площади, дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равныхъ измѣнникамъ"

Несмотря на всѣ строгія мѣры Петра, дворяне нерѣдко уклонялись отъ смотровъ и службы болѣе или менѣе продолжительное время, а нѣкоторымъ, благодаря взяткамъ и различнымъ уловкамъ, удавалось вовсе избѣгнуть службы. Иванъ Посошковъ въ своей извѣстной „Книгѣ о скудости и богатствѣ" говоритъ: „Се колико послано указовъ во всѣ городы о недоросляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ,—и аще коего дворянина и на имя указано выслать, то и того нескоро высылаютъ, но по старому уложенію, дождався третьяго указу, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И въ такомъ ослушаніи и указовъ царскаго ве-

личества въ презреніи, иные дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали... Въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Михайловъ сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой и одною ногой не бывалъ, и какія посылки жестокія на него не были, никто взять его не могъ: овыхъ дарами угобзитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь или возложитъ на себя юродство. И за такимъ его пронырствомъ иніи и съ дороги (его) отпущали, и егда изъ глазъ у посыльщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ, и домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И аще и никаковыя службы великому государю кромѣ огурства не показалъ, а сосѣди всѣ его боятся".

Энергія правительства въ привлеченіи на службу дворянъ значительно ослабѣла послѣ смерти Петра Великаго: смотры дворянамъ дѣлаются рѣже, угрозы нѣтчикамъ становятся менѣе строгими. Въ 1732 году предписано было явиться на смотръ къ герольдмейстеру всѣмъ шляхетскимъ и офицерскимъ дѣтямъ 15 лѣтъ, а также отставнымъ штабъ-, оберъ- и унтеръ-офицерамъ. Въ виду ослушанія дворянъ этому указу, Анна Іоанновна возстановила отчасти строгія мѣры Петра, предписавъ отдавать половину имѣнья нѣтчиковъ лицамъ, донесшимъ на нихъ. Пристанодержателямъ нѣтчиковъ грозилъ такой же штрафъ, какой былъ установленъ за пристанодержательство бѣглыхъ крестьянъ: за каждаго человѣка сто рублей. Въ 1742 году велѣно было недорослей за неявку на смотръ и за необученіе записывать въ матросы и солдаты безъ выслуги, а престарѣлыхъ сослать въ Оренбургъ на поселеніе [11].

Строго преслѣдуя дворянъ за уклоненіе отъ службы, Анна Іоанновна вмѣстѣ съ тѣмъ существенно облегчила дворянству исполненіе служебной повинности. Удовлетворяя до извѣстной степени желаніямъ шляхетства, которыя высказаны были имъ въ мнѣніяхъ, поданныхъ въ Верховный

Тайный Совѣтъ въ 1730 году, императрица указомъ 31 декабря 1736 г. ограничила срокъ обязательной службы дворянъ 25-ю годами и предоставила одному изъ братьевъ шляхетскихъ замѣнять личную службу поставкой рекрутъ изъ крѣпостныхъ людей. Указъ этотъ знаменовалъ собою начало освобожденія дворянства отъ лежавшей на немъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій обязанности государственной службы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Узаконенія о вольности дворянства.

Манифестомъ 18 февраля 1762 года Петръ III даровалъ вольность и свободу россійскому дворянству, освободивъ его отъ служебной повинности. Этимъ важнымъ законодательнымъ актомъ отмѣнена была существенная основа организаціи класса государевыхъ служилыхъ людей и полагалось начало образованію привилегированнаго дворянскаго сословія.

Правительство Петра III „не находило той необходимости въ принужденіи дворянства къ службѣ, какая до того времени потребна была“, такъ какъ, по мнѣнію его, лежавшая на дворянствѣ въ предшествовавшія царствованія обязанность службы и ученія принесла свои благіе плоды: „Послѣдовали отъ того неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу, однимъ словомъ заключить, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность“.

Освободивъ дворянство отъ обязательной службы, манифестъ дозволилъ россійскимъ дворянамъ безпрепятственно

отъѣзжать въ другія европейскія государства и служить иностраннымъ государямъ, и возвратилъ, такимъ образомъ, дворянству отнятое у него московскими государями право отъѣзда. Дарованная дворянству вольность, однако, не была безусловной. Манифестъ Петра III сохраняетъ возложенную на дворянство Петромъ Великимъ повинность образованія, требуя, чтобы „никто не дерзалъ безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать", подъ страхомъ тяжкаго гнѣва государя. Въ отношеніи же служебной повинности манифестъ не только удерживаетъ за государемъ право обязывать дворянъ служить неволею, „когда особливая надобность потребуетъ", но и возлагаетъ на дворянство нравственную обязанность „по всеподданнической вѣрности и усердію не только не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностью и желаніемъ въ оную вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную по крайней возможности продолжать". Дворяне, которые, злоупотребляя предоставленной имъ свободой, „никакой и нигдѣ службы не имѣли, но только какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употребятъ", лишаются права пріѣзда ко Двору, не могутъ быть терпимы въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ и должны быть презираемы и уничижаемы всѣми вѣрноподданными и истинными сынами отечества.

Императрица Екатерина II Жалованной грамотой на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства, 21 апрѣля 1785 года, подтвердила „на вѣчныя времена въ потомственные роды дворянству вольность и свободу", подтвердила „благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ", а также „дозволеніе вступать въ службы прочихъ европейскихъ, намъ союзныхъ державъ и выѣзжать въ чужіе краи" (ст. 17—19). Вмѣстѣ

съ тѣмъ дворянство обязано было „во всякое россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянству общему добру нужна и надобна,—по первому призыву отъ самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы государственной" (ст. 20). Другія стѣсненія вольности дворянства, установленныя Петромъ III, были отмѣнены; для поощренія же къ службѣ, дворяне, вовсе неслужившіе и недослужившіеся до оберъ-офицерскаго чина, лишены были права голоса въ дворянскихъ собраніяхъ и права служить по выборамъ (ст. 64).

Съ освобожденіемъ отъ обязательной службы, дворянство, надѣленное важными правами и преимуществами, заняло исключительное, привилегированное положеніе среди другихъ сословій, попрежнему обязанныхъ государственными повинностями. Сверхъ прежнихъ преимуществъ владѣнія населенными имѣніями и свободы отъ личныхъ податей, дворянское сословіе получило преимущества въ порядкѣ судебной отвѣтственности.

Жалованная грамота подтвердила „благороднымъ право покупать деревни"—населенныя имѣнія (ст. 26). Право землевладѣнія и связанное съ нимъ право владѣнія крѣпостными людьми составляло, по законамъ 1754 и 1766 гг., исключительную привилегію потомственныхъ дворянъ.

Дворянскому сословію сохранена была податная привилегія, несмотря на то, что она, наравнѣ съ привилегіей землевладѣльческой, утратила свое основаніе съ отмѣной служебной повинности дворянъ. По Жалованной грамотѣ „благородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей и по деревнямъ помѣщичій домъ имѣетъ быть свободенъ отъ постоя" (ст. 35, 36).

Подтвердивъ эти привилегіи, Екатерина II даровала благородному дворянству свободу отъ тѣлесныхъ наказаній и преимущества въ порядкѣ суда: „Тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго; да не судится благородный окромѣ своими равными; дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное

преступленіе, да не вершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества (ст. 12, 13, 15).

Нарушая принципъ раздѣленія занятій между сословіями, Жалованная грамота дала дворянству право заниматься торговлей и промышленностью. „Благороднымъ дозволялось заводить фабрики и заводы по деревнямъ, оптомъ продавать и изъ указныхъ гаваней за море отпускать товаръ, какой у кого родится или выдѣланъ будетъ“ (ст. 28, 32). Дворянамъ дозволено было также заниматься торговлей и промыслами въ городахъ, согласно статьѣ 37, гласившей: „буде кто благородный желаетъ пользоваться городовымъ правомъ, да повинуется оному“. Но это постановленіе вскорѣ послѣ изданія Жалованной грамоты было отмѣнено указомъ сената 1790 года, соотвѣтственно выраженному въ Наказѣ положенію о томъ, что „противно существу самодержавнаго правленія, чтобы въономъ дворянство торговлю производило“.

Привилегированное дворянское сословіе, освобожденное отъ прежняго тѣснаго подчиненія правительству, должно было образовать собою, по мысли Екатерины II, самостоятельную силу—опору монархіи. „Имперіи и престолу полезно, гласитъ Жалованная грамота, ...чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо“. Въ этихъ видахъ Императрица обезпечиваетъ дворянству неотъемлемость и ненарушимость его „правъ, выгодъ, отличностей и преимуществъ“ и даруетъ ему корпоративное устройство. „Да пребудетъ на вѣки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются“ (ст. 2). Дворянское достоинство, со всѣми связанными съ нимъ преимуществами, сообщается дѣтямъ наслѣдственно, и неотъемлемость его обезпечивается особыми постановленіями: „безъ суда да не лишится благородный дворянскаго достоинства и чести, а также — жизни и имѣнія“ (ст. 8—11). Постановленія же суда по симъ дѣламъ могутъ

быть приведены въ исполненіе лишь по разсмотрѣніи ихъ сенатомъ и по утвержденіи государемъ.

Опорой сословной самостоятельности дворянства является корпоративное его устройство съ широкими правами внутренняго сословнаго самоуправленія и съ извѣстнымъ участіемъ въ предметахъ общаго управленія. Дворянамъ дозволено было составлять дворянскія общества въ каждомъ намѣстничествѣ (ст. 37). Для охраны ихъ независимости Жалованной грамотой было опредѣлено, что „собранія дворянъ ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ стражѣ“ (ст. 57) и вслѣдъ затѣмъ, въ 1788 году запрещено было губернаторамъ входить въ дворянскія собранія. Дворянскимъ обществамъ подтверждено было право „дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ какъ сенату, такъ и Императорскому Величеству“ (ст. 48) и дозволено было „составлять особливую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять имъ по общему ихъ согласію“ (ст. 54).

Дворянскія общества по Учрежденію о губерніяхъ 1775 г., подтвержденному Жалованной грамотой, избирали губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и депутатовъ, замѣщали по выборамъ уѣздныхъ судей и засѣдателей *уѣздныхъ судовъ*, засѣдателей *верхняго земскаго суда*, предсѣдатели коего назначались короной, наконецъ, капитанъ-исправника и двухъ или трехъ дворянскихъ засѣдателей, завѣдывавшаго уѣздной полиціей *нижняго земскаго суда*, въ составъ коего входили также два сельскихъ засѣдателя, назначавшихся изъ нижней расправы.

Утверждая въ полномъ объемѣ сословныя начала общественнаго строя, Екатерина II отказалась лишь отъ установленія строгой наслѣдственной замкнутости дворянскаго сословія. Нарушавшее эту замкнутость начало выслуги дворянства было сохранено въ своей силѣ. Императрица опредѣлила, что „благородными разумѣются всѣ тѣ, кои или отъ предковъ благородныхъ рождены или монархами симъ достоинствомъ пожалованы“ (ст. 91), и привела въ толкова-

ніяхъ къ ст. 79 Жалованной грамоты указъ Петра I объ уравненіи съ лучшимъ старшимъ дворянствомъ служащихъ первыхъ осьми ранговъ, хотя бы они и низкой породы были. Но въ то же время Екатерина II стремилась возвысить приниженное Петромъ Великимъ понятіе благороднаго дворянскаго достоинства, наслѣдственной дворянской чести, которая, по опредѣленію Жалованной грамоты, представляетъ собою „слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Часть первая.

1. В. И. Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности, т. I, с. 297. Срезневскій, Мысли объ исторіи русскаго языка, с. 133.— Соловьевъ полагалъ, что историческая жизнь съ раздѣленіемъ общества на классы началась для русскихъ славянъ, послѣ младенческаго прозябанія въ формахъ родового быта, только съ пришествія варяжскихъ князей съ дружинами варяговъ: Исторія Россіи, кн. I (новое изданіе), т. I, с. 217, т. XIII, гл. I. Но указываемыя проф. Ключевскимъ дѣятельныя торговыя сношенія днѣпровскихъ славянъ съ Византіей и отдаленнымъ арабскимъ востокомъ должны были рано повысить ихъ культуру, разбить замкнутые родовые союзы, если послѣдніе не распались еще ранѣе при передвиженіи славянъ съ Карпатъ на Днѣпръ; классы бояръ, горожанъ и сельчанъ должны были образоваться значительно раньше IX вѣка. В. О. Ключевскій, Боярская дума, с. 20, 23. О земскихъ боярахъ: И. Бѣляевъ, жители мос. госуд., ст. 2, Служилые люди, Временникъ М. Общ. Ист. и Др., кн. 3. 1849, с. 7 и слѣд., также Бѣляевъ, Лекціи по ист. русск. законод., изд. 2, с. 40—43.

2. О *градскихъ старцахъ* см. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2, с. 27—28. В. Сергѣевичъ, Р. Юрид. Древн., т. II, вып. 2, с. 343. В. Ключевскій, Бояр. дума, с. 14, 15, 24. Послѣдній изслѣдователь видитъ въ градскихъ старцахъ— „городскую военно-торговую аристократію“. Военныя обстоятельства „сдѣлали большіе промышленные города политическими центрами областей“. Изъ главныхъ торговыхъ домовъ (этихъ городовъ), подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ варяжскихъ компаній, составилась военно-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и областью. Эту торговую аристократію городовъ начальная лѣтопись... называетъ „нарочитыми мужами“,

а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей „старцами градскими и старѣйшинами по всѣмъ градамъ" с. 27, 31—32. Это мнѣніе было подвергнуто вѣской критикѣ проф. Владимірскимъ-Будановымъ, рецензія въ Сборникѣ Госуд. Знаній, т. VIII.

3. В. Ключевскій, тоже, с. 28, 42. Соловьевъ, кн. I, с. 219, 314, 360. М. Влад.-Будановъ, Обзоръ ист. рус. права, с. 29.

4. Соловьевъ, кн. I, с. 219—220, 223—225. Лаврент. лѣтопись, годы 996 и 1093, с. 123, 211.

5. Лаврент. лѣт., годъ 996, с. 124. Ипатьевская лѣтоп., с. 131. В. Сергѣевичъ, Р. Юрид. Др., т. II, вып. 2, с. 342, 344, 345. Соловьевъ, кн. I, с. 221. В. Ключевскій, с. 42, 56, 57.—Основываясь на приведенныхъ въ текстѣ словахъ кн. Игоря Сѣверскаго о боярахъ думающихъ и мужахъ храборствующихъ, Соловьевъ полагалъ, что слово мужъ, наряду съ обозначеніемъ дружинника вообще, безъ различія степеней, „имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ второго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ". — Значеніе лѣтописнаго термина *огнищанинъ* неясно. Одни изслѣдователи (Соловьевъ, Владимірскій-Будановъ) полагаютъ, что огнищанами назывались въ древнѣйшее время старшіе члены дружины; они производятъ это слово отъ *огнища*—очага, дома княжескаго и сближаютъ по значенію съ позднѣйшимъ терминомъ дворянинъ (отъ княжескаго двора, дома-огнища) и нашимъ—придворный. Проф. Платоновъ сближаетъ огнищанина (тіуна огнищнаго, завѣдующаго огнищемъ, т.-е. челядью) съ дворскимъ позднѣйшаго времени (Труды VIII Археолог. съѣзда). — Другіе, принимая въ соображеніе, что этотъ терминъ долѣе всего, до XIII вѣка, держался на сѣверѣ, въ новгородской области, гдѣ дольше сохранялось земское боярство, независимое отъ князя, видятъ въ огнищанинѣ—боярина земскаго. Бѣляевъ усматривалъ въ огнищанинѣ древняго, богатаго землевладѣльца (отъ слова огнище, въ смыслѣ пашня на мѣстѣ сожженнаго лѣса). Проф. Ключевскій производитъ это слово отъ огнища—въ смыслѣ рабъ, челядь, откуда огнищанинъ—рабовладыка. Проф. Сергѣевичъ связываетъ происхожденіе этого наименованія съ языческими жертвоприношеніями славянъ: огнище — очагъ было съ языческой древности также жертвенникомъ семьи; отсюда огнищанинъ—домохозяинъ, приносящій жертвы, какъ flaminus (жрецъ) отъ Flamma. Въ этомъ объясненіи Сергѣевичъ слѣдуетъ до нѣкоторой степени Мстиславскому, по мнѣнію котораго огнищане (отъ огнище—хранилище огня) были первоначально жрецами огня и вмѣстѣ владыками племенъ (Статья: Огнищанинъ и князь мужъ или слѣды быта

древнихъ слав. князей въ Русской Правдѣ: Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс., 1860, кн. 4).

6. Для обозначенія *младшей дружины* лѣтописецъ употребляетъ наименованія: гридь или гридьба, отроки, дѣтскіе, пасынки. Различіе этихъ терминовъ невполнѣ выяснено. Соловьевъ полагалъ, что младшая дружина раздѣлялась на два разряда: 1) гридьбу и 2) пасынковъ, отроковъ и дѣтскихъ. Послѣдніе составляли „собственную прислугу князя, жившую постоянно при немъ, въ его домѣ, дворцѣ"; они „раздѣлялись на старшихъ и младшихъ или меньшихъ"; эта „служня", слуги княжескіе, начинаютъ на сѣверѣ носить названіе двора, дворянъ. Ист. Россіи, нов. изд., кн. I, т. Ш, с. 684. Н. П. Загоскинъ различаетъ въ составѣ гридьбы—младшей дружины—три разряда лицъ: 1) мечниковъ, 2) дѣтскихъ, 3) отроковъ. „Дѣтскіе носятъ исключительно военный характеръ, между тѣмъ какъ отроки ополчались лишь въ случаѣ надобности, главное назначеніе ихъ хозяйственно-дворцовая служба князю... Дѣтскимъ давали князья и различныя административныя должности,—посылали ихъ посадниками по городамъ... Лучшіе дѣтскіе, которыхъ князь отличалъ отъ другихъ, особенно приближая къ особѣ своей, назывались мечниками или меченошами". Очерки орган. и происх. служ. сословія въ допетровской Россіи, с. 54—56. В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что всѣ эти термины обозначали одинъ и тотъ же разрядъ лицъ—младшихъ дружинниковъ. „Гриди (отъ слова gred—мечъ) и мечники это два разныя наименованія того же рода лицъ, воиновъ, жившихъ во дворѣ князя и на его содержаніи.—Эти дворовые воины назывались по возрасту—отроками, по оружію—гридями и мечниками. Въ то время, какъ однѣ лѣтописи говорятъ о дѣтскихъ, другія въ томъ же случаѣ упоминаютъ отроковъ". Рус. Юрид. Древн., т. I, с. 352—353. М. Ф. Владимірскій-Будановъ ограничивается замѣчаніемъ: „древнее общее наименованіе (младшей дружины) гридь (гридница—домъ, комната) замѣнилось другими: отроки, дѣтскіе, пасынки": Обзоръ ист. р. права, изд. 2, с. 29.—Встрѣчается также рѣдкое наименованіе младшей дружины—*болярцы*.

7. Соловьевъ, кн. I, с. 225, 226. М. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, с. 29, 31, 33. В. Ключевскій, Боярск. дума, 55—58. М. Яблочковъ, Ист. двор. сословія въ Россіи, с. 22.

8. Соловьевъ, кн. I, т. Ш, с. 682. В. Ключевскій, с. 68. Лаврент. лѣтоп., годъ 6647, с. 291—292. Неволинъ говоритъ: „пока князья не осѣлись, не утвердились окончательно въ извѣстныхъ областяхъ, безпрерывно перемѣняли одни княжества на другія, для служилыхъ людей не могло образоваться твердаго поземельнаго владѣнія, такъ какъ они по принадлежавшему имъ праву, непрерывно переходили на службу отъ одного князя къ

другому и раздѣляли перемѣнчивую судьбу своихъ князей": Ист. Росс. Гражд. Зак., т. II, § 367, с. 128. Тоже, вслѣдъ за Неволинымъ, утверждаютъ Соловьевъ и Градовскій: „съ большею осѣдлостью князей развивалась и частная поземельная собственность дружины". Ист. мѣстн. управл., с. 11.

9. В. Ключевскій, с. 68, 72. И. Линниченко, черты изъ ист. сословій въ Ю. Зап. (Галицкой) Руси XIV, XV вв., с. 58, 60 (Учен. зап. Моск. унив., вып. 20). Ш. Дворянство въ Россіи: Вѣстникъ Евр., 1887, апр., с. 555, 557.

10. Лаврентьев., лѣт., 1177 года, с. 361, 365, 366. О новгородскихъ боярахъ, служащихъ Тверскому князю, говорятъ договоры Новгорода съ князьями; Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 28 и др. О сліяніи дружины съ земщиною (и земскими боярами) см. Бѣляевъ, Жители Моск. госуд. Ст. I. Дружина и земщина. Вр. М. Общ. Ист. и Древн., т. I, 1849, с. 9 и слѣд.

11. В. Ключевскій, Боярская дума, с. 87, 88, 89.

12. Неволинъ, Ист. Росс. гражд. зак., т. II, § 272. Древнѣйшая жалованная грамота, данная Ивану Петелину Іоанномъ Калитой, дошла до насъ въ подтвердительной грамотѣ 27 сент. 1450, данной вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ: Акты Арх. Экспед., т. I, № 46. Отъ XV вѣка дошло десять такихъ жалованныхъ грамотъ, отъ XVI—семь, отъ XVII—одна; см. Сергѣевичъ, Р. Юр. Древ., т. I, с. 329, 330. Неволинъ справедливо полагаетъ, что „въ древнѣйшія времена права вотчинниковъ были не тѣснѣе, а напротивъ еще обширнѣе, чѣмъ они были во времена позднѣйшія. Власть княжеская постепенно распространялась, а не уменьшалась. При слабой власти общественной вотчинникъ въ предѣлахъ своей земли былъ самовластнымъ господиномъ". Порядокъ вещей, устанавливавшійся жалованными грамотами, „въ древнѣйшія времена существовалъ самъ собою и по общему правилу". Градовскій сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ этого мнѣнія Неволина: онъ полагалъ, что значеніе жалованныхъ грамотъ можно объяснить гораздо полнѣе, съ одной стороны, кормовымъ-ихъ происхожденіемъ (т.-е. предоставленіемъ судебныхъ и другихъ пошлинъ вотчиннику для его матеріальнаго обезпеченія), съ другой стороны, стремленіемъ князей, постоянно развивавшимся, ограничить власть намѣстника. На основаніи такихъ предположеній Градовскій полагаетъ, что „жалованныя грамоты составляютъ исключеніе изъ общаго правила". Ист. мѣстнаго управл., с. 24, 26. Эти соображенія Градовскаго показались убѣдительными г. Блюменфельду: О формахъ землевладѣнія въ древней Руси, с. 183. Не входя въ подробное обсужденіе этого вопроса, укажемъ здѣсь, въ подтвержденіе мнѣнія Неволина, на замѣчательную правую грамоту кн. Михаила Андреевича Верейскаго, 1435—1447 г.,

изъ которой видно, что вотчинники имѣли права суда и дани въ предѣлахъ своихъ владѣній, независимо отъ княжескихъ пожалованій: истецъ, Кистемскій бояринъ Левъ Ивановичъ заявляетъ князю: „та деревня (въ нашей отчинѣ Кистемѣ) *изъ старины* тянетъ судомъ къ намъ; еще отецъ нашъ Иванъ судилъ ту деревню и дань на ней ималъ". Акты Гражд. Расправы, Ѳедотова-Чеховскаго, т. I, № 4. Ср. Д. Мейчикъ, Грамоты XIV и XV вв. Моск. Арх. М. Юст., с. 18.

13. Ср. Чичеринъ, Опыты по ист. р. права, с. 83, 84 и с. 243: „Частное владѣніе иногда вовсе освобождалось отъ всякаго вліянія княжеской власти и такимъ образомъ состояло на правахъ отдѣльнаго княжества (83). Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ вовсе не было: вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства (343). Такимъ образомъ, установлялась такая же іерархическая лѣстница землевладѣльцевъ, какъ въ феодальномъ мірѣ на западѣ. Сверху былъ князь, верховный землевладѣлецъ, затѣмъ бояринъ, имѣвшій право суда и дани, затѣмъ монастырь, распоряжавшійся землею, какъ собственностью, затѣмъ сынъ боярскій, владѣвшій ею временно, подъ условіемъ службы, наконецъ крестьянинъ. На одной и той же землѣ лежало право цѣлой іерархіи лицъ и всѣ держали ее одинъ подъ другимъ" (с. 84). Чичеринъ не знаетъ о боярскихъ служилыхъ людяхъ и боярскихъ дворахъ. О нихъ см. Сергѣевичъ, т. I, с. 303. Данныя изъ Тверской писцовой книги въ сочиненіи И. Лаппо, Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ, с. 230. Сборникъ Актовъ Н. П. Лихачева, с. 206 (дѣти боярскія кн. Ѳ. М. Мстиславскаго). О сходствѣ нѣкоторыхъ другихъ порядковъ удѣльной Руси съ соотвѣтствующими учрежденіями феодальнаго запада, см. нашу статью „Закладничество-патронатъ" съ Зап. Импер. Археолог. Общ., т. IX, ч. 1, 2.

14. „А кто которому князю служитъ, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ княземъ ходити (ходятъ съ тобой, вел. княземъ и съ вашими воеводами), а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто и сидѣти, опричь путныхъ бояръ": С. Г. Гр. и Дог., I, № 43, 1428 и № 45, 1433. Эта статья вызвала неправильное толкованіе. Градовскій въ объясненіе ея говоритъ, что „землевладѣльцы несли нѣкоторыя служебныя обязанности по отношенію къ тѣмъ князьямъ, гдѣ находились ихъ вотчины; это была *одна изъ земскихъ повинностей*, имѣвшихъ преимущество предъ служебными отношеніями" Ист. мѣст. упр., с. 14, 15. Проф. Ключевскій говоритъ, что „частное землевладѣніе доставляло князю не только личную, но и поземельную службу, притомъ обязательную: „какъ землевладѣльцы, вольные слуги уже начинали складываться *въ зем-*

скій классъ, отбывавшій финансовыя и нѣкоторыя ратныя повинности (городовая осада) по землѣ и по водѣ, по мѣсту землевладѣнія". Боярская дума, с. 83, 97. Такое распространительное толкованіе приводитъ къ явной несообразности. Если бы бояринъ долженъ былъ, въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца, во всѣхъ случаяхъ защищать городъ, около котораго жилъ, то онъ долженъ бы былъ защищать его и противъ того князя, которому служилъ? Надо полагать, что бояринъ подручнаго князя долженъ былъ защищать городъ, принадлежавшій великому князю, — не въ качествѣ мѣстнаго жителя, но въ силу того, что онъ, какъ слуга подручнаго князя, долженъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ княземъ, сѣсть на конь противъ недруга великаго князя. Въ этомъ случаѣ, когда соединялись полки союзныхъ князей, каждый бояринъ шелъ въ походъ не иначе, какъ подъ начальствомъ воеводы своего князя. Въ случаѣ же городной осады, онъ долженъ былъ защищать городъ также и съ воеводой чужого князя. Разсматриваемая статья договора говоритъ только о военной субординаціи, а не о „земскихъ повинностяхъ", и сообразно съ этимъ она встрѣчается отнюдь не во всѣхъ договорахъ, какъ думалъ Градовскій, но только въ тѣхъ, которые устанавливаютъ для подручныхъ князей отношенія политической зависимости отъ великаго князя, обязываютъ ихъ „садиться на конь противъ недруговъ великаго князя" и не вести самостоятельныхъ войнъ и дипломатическихъ переговоровъ. Ср. договоры Васил. Дмитр. №№ 37 и 38 (1405). Особое соглашеніе о городной осадѣ, см. № 35 (1389). Тѣсная связь соглашенія о городовой осадѣ съ другими соглашеніями о военной субординаціи бояръ видна какъ изъ этого договора № 35, такъ и, между прочимъ, изъ договора № 52 (1434).

15. Статья „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля" въ договорѣ вел. кн. Дмитрія Іоанновича съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1362 г., Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, № 27, и во всѣхъ почти послѣдующихъ договорахъ между князьями. Договоръ 1341 г. вел. кн. Семіона Ивановича съ братьями Иваномъ и Андреемъ, С. Гос. Гр. и Дог., I, № 23. Тоже въ договорѣ Дмитрія Донского, № 28, 1268. — Полн. Собр. Р. Лѣтоп., т. XV, с. 470. Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс., т. 4, гл. 9, прим. 304 и 324.—О терминахъ отказаться и приказаться, см. Сергѣевичъ, Р. Юр. Древн., т. I, с. 308 и 309, 315. Ник. лѣт., т. IV, с. 240.

16. См. нашу статью „Закладничество-патронатъ". Зап. Импер. Археол. Общ., т. IX, ч. 1, 2. Разборъ преданій о бояринѣ Степанѣ Кучкѣ у Бѣляева въ Лекціяхъ по исторіи русскаго законодат., изд. II, стр. 304 и слѣд.—Мы полагаемъ, что *отъѣздъ съ вотчинами* составлялъ обычное право древнихъ землевладѣльцевъ, и

что статья „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“ была новостью права, создаваемаго договорами князей. Въ подтвержденіе этого укажемъ, между прочимъ, на то, что во второй половинѣ XIV в. кн. Владиміръ Андреевичъ давалъ жалованныя грамоты лицамъ, владѣвшимъ землею въ предѣлахъ чужого княжества Дмитрія Донского, давалъ подчинившимся ему боярамъ землевладѣльцамъ чужого удѣла привилегіи суда и дани, очевидно, потому что смотрѣлъ на ихъ земли, какъ на свою территорію. („А въ твой ми удѣлъ грамотъ жалованныхъ не давати также и тебѣ: а которыя грамоты подавалъ, и тѣ ми грамоты отоймати“: С. Г. Гр. и Дог., т. I, № 27, 1362). Съ другой стороны, даже во второй половины XV вѣка князья, настаивая на новомъ принципѣ неотъемлемости боярскихъ вотчинъ отъ удѣла, должны были, передавая наслѣдникамъ свои владѣнія, особо каждый разъ оговаривать, что вмѣстѣ съ удѣломъ переходятъ по наслѣдству и лежащія въ его предѣлахъ боярскія вотчины. „А кому буду давалъ своимъ княземъ и боярамъ и дѣтямъ боярскимъ свои села въ жалованье *или хотя и въ куплю* кому далъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтямъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и есть“ Духовная в. кн. Василія Васильевича. Или: „а которыя села и деревни въ Новгородѣ Нижнемъ за моими князьями и за бояры и за дѣтьми боярскими за кѣмъ нибуди, и то все сыну же моему Василію“. Духовная Верейскаго кн. Мих. Андр. 1486. С. Г. Гр. и Дог., т. I, № 121. Значеніе такихъ, странныхъ и излишнихъ на нашъ взглядъ оговорокъ станетъ понятно только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что онѣ направлены противъ древняго обычнаго права отъѣзда съ вотчинами, жившаго въ сознаніи общества, въ видѣ пережитка старины, даже въ XV столѣтіи, когда, казалось бы, уже твердо былъ установленъ принципъ неотчуждаемости участковъ государственной территоріи, по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ.

17. „А которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ *дань и судъ*“, Собр. Гос. Грам. и Дог., т. I, 76 (1451), № 88 (1462), № 119—120, (1484). Хотя болѣе ранніе договоры упоминаютъ только объ обязанности бояръ платить дань по мѣсту жительства: №№ 27, 29, 35 (1362, 1371, 1389), и др. (см. вышеуказанную нашу статью), но, повидимому, и въ это время (въ XIV в.), бояре подлежали суду по мѣсту жительства. Это видно, между прочимъ, изъ договора 1388 г. Общій порядокъ суда выраженъ въ немъ такъ: „а ударитъ ми челомъ мой (подданный) на твоего (подданнаго), кто живетъ въ твоемъ удѣлѣ, и мнѣ послати къ тобѣ, а *тобѣ ему исправа* учинити“. Напротивъ, если „ударитъ ми челомъ кто изъ Великаго княженія на твоего боярина“, но „*москвитина*“, (т.-е. имѣющаго осѣдлость въ московскомъ княжествѣ) и *мнѣ пристава послати по него*“.

Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 33, с. 56.—Ср. Б. Чичеринъ. Опыты по истр. р. пр., с. 341, 342; Бѣляевъ, Лекціи по ист. р. закон. изд. 2, с. 245, 246.

18. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, № 22, 1328, № 27, 1362, № 40, 1410 и др.—О слугахъ подъ дворскимъ, см. Блюменфельдъ, Формы землевлад. въ др. Россіи, с. 224—225. Эти слуги, какъ видно изъ сопоставленія ихъ въ грамотахъ съ боярами (см. цитир. грамота 1410), занимали сравнительно высокое положеніе среди слугъ (какъ позднѣйшіе помѣщики) и нѣтъ основанія приравнивать ихъ, какъ дѣлаетъ Сергѣевичъ, къ бортникамъ (пчеловодамъ) садовникамъ, псарямъ и проч. низшему разряду дворовыхъ слугъ: Юрид. Др., т. I, с. 395.—О служнихъ земляхъ см. И. И. Лаппо, Тверской уѣздъ въ XVI в., с. 77, 78, и С. Рождественскій, служилое землевл. въ Моск. Госуд., с. 34—38.

19. Воскресенская лѣт., с. 90, 120.—Терминъ „дворный слуга" встрѣчается въ Ипат. лѣтописи подъ 1281 годомъ: такъ названъ слуга Владиміра Васильковича Рахъ Михайловичъ. Въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1214 годомъ сказано: „Чудь поклонишася ему (Мстиславу) и Мстиславъ же князь възя на нихъ дань и да новгородцемъ" двѣ части дани, а третью часть „*дворянамъ*". Тамъ же подъ 1210 г: „приде Мстиславъ Мстиславичъ на Торжекъ и изыма дворяне Святославли". К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ: „Слово *дворянинъ* едва ли не появилось первоначально въ Новгородѣ, такъ какъ прежде всего мы встрѣчаемся съ нимъ въ новгородскихъ памятникахъ,—гдѣ этимъ словомъ замѣняется употреблявшееся въ другихъ мѣстахъ слово: слуга... Изъ Новгорода это слово могло распространиться и на сосѣднія области.. Въ московскихъ актахъ и лѣтописяхъ этого періода (удѣльнаго) слово дворяне встрѣчается рѣдко, замѣняясь словами: люди дворные или дворъ". Ст. О значеніи слова „дворянинъ" по памятникамъ до 1462 года: Труды Второго Археол. съѣзда, 1876, вып. I Дворянами въ древнѣйшее время назывались также въ частности какъ княжескіе, такъ и монастырскіе судебные пристава (А. Арх. Эк. I, № 5). Объ этихъ терминахъ см. также В. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др., т. I, с. 422, 423. Ш. Дворянство въ Россіи, Вѣстн. Евр., 1887, апр., с. 559—560.—Впослѣдствіи, когда бояре стали называть себя холопами-людьми, терминъ *слуги* получилъ значеніе особенно почетнаго титула. Этотъ титулъ давался въ видѣ исключенія за особыя заслуги князю С. И. Ряполовскому при Іоаннѣ III, Борису Годунову и другимъ: см. А. Маркевичъ, Ист. мѣстничества, с. 175, 307.

20. П. Собр. р. лѣт., т. V, с. 352. В. Ключевскій, Боярск. дума, с. 101. „Вольные слуги суть воины и по общему правилу живутъ не при дворѣ князя, а въ своихъ имѣніяхъ". Сергѣевичъ,

Р. Юрид. Древн. I, с. 310.—Иного взгляда на этотъ вопросъ держится П. Н. Милюковъ, который, слѣдуя въ извѣстной степени Градовскому, утверждаетъ, что „высшее сословіе не дорожило землей въ древней Руси“. Вольные слуги свободно странствовали изъ удѣла въ удѣлъ; „покидая свою боярщину, свой вотчинный участокъ, русскій землевладѣлецъ искалъ болѣе выгодныхъ занятій на сторонѣ, при князѣ“. Очерки по ист. р. культуры, с. 165 и 166. Такими свободными странниками, недорожившими землей, были дружинники, но никакъ не сѣверные бояре и слуги. Осѣдлость этихъ послѣднихъ, ихъ земская самостоятельность становится явно замѣтной по лѣтописямъ и договорамъ съ XII, XIII вѣка. Переходя отъ одного князя къ другому, (что въ XIII—XIV бояре дѣлали вовсе не такъ часто, какъ утрированно изображаетъ названный изслѣдователь), бояре, по общему правилу, отнюдь не покидали своихъ боярщинъ. Это видно изъ княжескихъ договоровъ, которые, узаконяя вольную службу бояръ, ихъ право отъѣзда, въ то же время постоянно, настойчиво регулируютъ поземельныя отношенія отъѣзжавшихъ бояръ къ князьямъ, обязываютъ князей „не вступаться въ домы и села“ ушедшихъ отъ нихъ бояръ. Если бы слуги не дорожили землей, князья рано бы получили возможность установить столь выгодное для себя правило: „кто выйдетъ изъ удѣла, инъ земли лишенъ“, какъ опредѣлено было относительно „слугъ подъ дворскимъ“. Между, тѣмъ на конфискаціи вотчинъ отъѣзжавшихъ слугъ рѣшились только великіе князья, въ XVI вѣкѣ.

21. О введеныхъ боярахъ: Владимірскій-Будановъ, Обзоръ ист. р. права, с. 158. В. Ключевскій, Боярск. Дума, с. 131.—В. И. Сергѣевичъ даетъ два опредѣленія введенаго боярства, мало согласованныхъ между собой. Съ одной стороны, согласно съ названными изслѣдователями, онъ утверждаетъ, что введеные бояре суть тѣ, „кому боярство сказано“, съ другой стороны, видитъ въ нихъ спеціальныхъ *„бояръ для суда“*: „введеные бояре принадлежатъ къ древнѣйшимъ нашимъ суднымъ учрежденіямъ“, Р. Юр. Др., с. 361 и 263. Но едва ли въ древнѣйшее время судъ могъ такъ обособиться отъ администраціи. Бояринъ введеный, надо полагать, судилъ въ качествѣ управителя: дворецкаго, сокольничаго или стольника. См. Ключевскій, с. 130.

22. Сергѣевичъ, Р. Юрид. Древн., т. II, вып. 2, 1896, с.348, 349.

23. Сергѣевичъ, тоже, т. I, с. 394, 395 и 385, 388.

24. О путяхъ см. Ключевскій, Боярская Дума, с. 106, 107, 110. О селеніяхъ бобровниковъ, бортниковъ, рыбниковъ, |см. Милюковъ Очерки по истор. р. культуры, ч. I, с. 68, 69.

25. Сергѣевичъ, Р. Юр. Древн., I, с. 415, 416. Собр. Гос. Гр.

и Дог., т. I, № 25 (1356) № 144 (1504). Сергѣевичъ полагаетъ, что въ древнѣйшее время были только казначеи-холопы и что учрежденіе должности казначея, какъ придворнаго чина, „принадлежитъ, по всей вѣроятности, вел. кн. Ивану Васильевичу (XV в.), (с. 416). Названный профессоръ предполагаетъ, равнымъ образомъ, что и конюшіе бояре составляютъ „нововведеніе того же великаго князя Ивана Васильевича“, въ связи съ учрежденіемъ приказовъ: предъ тѣмъ же „конюхи и конюшіе состояли въ вѣдомствѣ дворецкихъ“ (с. 403, 405). Онъ не придаетъ особаго значенія и должностямъ ловчихъ и сокольничихъ“ (с. 469, 471). Между тѣмъ, преобладающее значеніе дворцоваго хозяйства надъ хозяйствомъ государственнымъ (признаваемое и Сергѣевичемъ, с. 394) и важное экономическое значеніе путей (также извѣстное этому изслѣдователю, с. 342) даютъ основаніе думать, что всѣмъ чинамъ, завѣдывавшимъ дворцовыми путями, принадлежало въ удѣльномъ періодѣ видное положеніе, которое замѣтно отчасти по актамъ и котораго они лишились впослѣдствіи.

26. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. III, нов. изд., кн. I, с. 952, 967.

27. Сергѣевичъ, т. I, с. 333, 341, 342. Тоже Ключевскій, с. 127, 131: „путными назывались всѣ дворцовые чиновники, высшіе и низшіе, получавшіе за службу дворцовыя земли и доходы въ путь или въ кормленіе. Бояринъ введеный былъ вмѣстѣ и путнымъ, потому что обыкновенно пользовался такимъ жалованьемъ“.

Часть вторая.

1. Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. I, №№ 28, 144, 163, 167. Лѣтопись Зап. Археогр. Комм., т. I, с. 6—7. Р. Истор. Сборн., т. V, с. 35.—В. Сергѣевичъ, Р. Юрид. Древн., т. I, с. 313—324.—Мы не думаемъ, чтобы бояре, отъѣзжая, нарушали клятву, данную князю; чтобы, *приказываясь* въ службу, они цѣловали крестъ служить вѣрно, какъ полагаетъ проф. Сергѣевичъ (с. 309). Это было бы добровольнымъ отказомъ отъ своего права, на который едва ли соглашались бояре по общему правилу, при поступленіи на службу. Никоновская лѣтопись, на которую въ этомъ случаѣ ссылается названный изслѣдователь, не можетъ дать надежнаго свидѣтельства для порядковъ XIV-го вѣка. Тверская же лѣтопись говоритъ лишь объ исключительномъ крестоцѣлованіи на случай: „а князь великій Дмитрій Московскій по всѣмъ градомъ бояръ и люди привелъ къ цѣлованію не датися имъ кн. Михаилу (Тверскому), а

въ землю его не пустити на княженіе на великое". (1371 г. П., Собр. Р. Лѣт., т. XV, с. 430).

2. М. Дьяконовъ, Власть московскихъ государей, 1889, с. 168, 171, 173, 182 — 185. Рецензія на это сочиненіе С. М. Шпилевскаго, въ Отчетѣ о 33 присужденіи наградъ гр. Уварова. Прилож къ LXX т. Зап. Акад. Наукъ.

3. С. В. Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ Московскомъ Государствѣ въ XVI вѣкѣ, СПБ. 1897, с. 149, 153.

4. В. О. Ключевскій, Боярская дума, с. 248—249. С. В. Рождественскій, назв. сочин., с. 168 и статья въ Запискахъ Имп. Р. Арх. Общ. т. VIII, вып. 1 и 2, с. 5.

5. В. Ключевскій, назв. соч., с. 250. С. Рождественскій, с. 196, 207.

6. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 43—44 (1428), № 77 (1451) и другіе. Изслѣдователи обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что московскіе государи прежде всего начали конфисковать вотчины у служебныхъ князей въ случаѣ отъѣзда, въ то время когда они еще сохраняли вотчины во владѣніи отъѣзжавшихъ бояръ. Загоскинъ объясняетъ это тѣмъ, что „служебные князья впервые появляются въ Московскомъ государствѣ уже въ эпоху значительнаго усиленія Москвы; новизна этого класса могла побудить великихъ князей московскихъ, принимая ихъ съ вотчинами въ службу, требовать отъ нихъ клятвеннаго обѣщанія вѣрности.... цѣлью клятвы служебныхъ князей была неотчуждаемость вотчинъ ихъ" Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія, с. 70—71. Градовскій иначе и болѣе удовлетворительно объясняетъ это различіе въ положеніи бояръ и служилыхъ князей, Ист. мѣстнаго управленія, с. 43. Московскіе князья сохраняли за боярами право отъѣзда потому, что переманивали этимъ путемъ въ свою службу бояръ удѣльныхъ княженій; „удѣлы же, приносимые служебными князьями были гораздо важнѣе ихъ личной службы", и поэтому московскіе князья поспѣшили закрѣпить за собою эти удѣлы.

7. В. И. Сергѣевичъ, Р. Юрид. Древн., т. I, с. 317 — 320. Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. I, № 103. С. В. Рождественскій указываетъ, что записи брались преимущественно съ служебныхъ князей, владѣвшихъ удѣлами на границѣ съ Литвою: Служилое землевладѣніе, с. 195—196.

8. Ключевскій, Боярская дума, с. 220, 225, 227. С. М. Середонинъ, Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историческій источникъ. Ш. Дворянство въ Россіи, Вѣстникъ Европы, 1887, май, с. 187, 189.

9. Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. I, с. 1405, 1409—1410, 1512. Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс., т. VI, гл. VII. В. Сергѣевичъ, Р. Юрид. Древн., т. II, с. 360, 386. Акты Арх. Экспед., т. I, № 172.

10. С. Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ Моск. Госуд. XVI вѣка, с. 81, 83 (примѣч. 1), 155—157, 173, 178 и другія. А. Ист. т. I, № 146.

11. С. Рождественскій, тоже сочин., с. 151, 188—194.

12. В. Ключевскій, с. 219. С. Рождественскій, с. 317, Д. Валуевъ, Синб. Сборникъ, введеніе, с. 90—91. Указъ Іоанна III, неизвѣстнаго года приводится въ указѣ 1551 года: Акты Арх. Эксп., т. I, № 227.

13. Указы 1562 г., янв. 15 и 1572, окт. 9: Акты Историч., т. I, № 154, ст. XVIII и XIX. Соловьевъ видѣлъ цѣль изданія указа 1562 г. въ „скорѣйшемъ переходѣ княжескихъ вотчинъ въ казну", т. VII, кн. 2, с. 352. Неволинъ объясняетъ значеніе указа видами высшей политики и полагаетъ, что вслѣдствіе мѣръ Іоанна „большая часть княжихъ вотчинъ перешла въ казну", Ист. Росс. Гражд. Зак, т. III, § 561. — Политическое значеніе указа 1562 г. признаетъ проф. Бестужевъ-Рюминъ (Р. Исторія т. II, с. 261) и г. Середонинъ, Сочин. Джильса Флетчера, с. 86. Въ послѣднее время Г. Рождественскій усмотрѣлъ цѣль этихъ указовъ въ томъ, что правительство стремилось предупредить „распаденіе вотчинъ и переходъ ихъ въ неслужилыя руки"; поддерживая цѣлость княжеской вотчины, правительство сохраняло ея военно-служилое значеніе, какъ опредѣленной твердо-установившейся территоріальной военной единицы (Служилое Землевладѣніе, с. 121, 129). Это мнѣніе оспариваютъ проф. Сергѣевичъ, въ ст. Пересмотръ ист. служ. землевлад. (Сѣв. Вѣстн. 1897 г. № 11, с. 65 и сл.), и г. Середонинъ, въ рецензіи на книгу г. Рождественскаго: Журн. Мин. Нар. Просв., 1897, № 5, ч. 311, с. 244 и слѣд.

14. Сказанія Кн. Курбскаго, 127, 188. Рождественскій, Служилое Землевладѣніе, с. 196—198, 205.

15. Сказанія Кн. Курбскаго, изд. 3, с. 85, 87, 157, 220.

16. Это значеніе *опричнины* выяснено путемъ тщательнаго изученія отрывочныхъ указаній источниковъ въ ст. С. Ѳ. Платонова: Къ исторіи опричнины XVI вѣка, представляющей отрывокъ изъ приготовляемой къ печати монографіи: Журн. Мин. Нар. Просв., 1897, Октябрь, с. 261, 265—267, 271. Взглядъ на опричнину, какъ на орудіе борьбы съ боярствомъ, высказанъ былъ ранѣе безъ полнаго обоснованія въ трудахъ Бестужева-Рюмина, Русск. Исторія, II, с. 261 — 262, Е. А. Бѣлова, Объ историч.

значенiи русскаго боярства, 1886, с. 107, и С. М. Середонина, Сочиненiе Джильса Флетчера, 1891, с. 31.—Соловьевъ объяснялъ учрежденiе опричнины тѣмъ, что царь „заподозрилъ вельможъ въ непрiязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей вполнѣ преданныхъ ему“, но не могъ инымъ путемъ удалить отъ себя „все старинное вельможество“. Ист. Росс., нов. изд., кн. II, с. 167. Тамъ же, стр. 164—166, описанiе отъѣзда царя въ Александровскую слободу и казней, и изложенiе его грамотъ 1565 г. В. О. Ключевскiй видитъ въ опричнинѣ „высшую полицiю“, Боярск. дума, с. 348 — 349. — Принижая владѣтельныхъ князей, Iоаннъ Грозный принялъ также нѣкоторыя мѣры къ ослабленiю архiереевъ, въ ихъ значенiи владѣтельныхъ вотчинниковъ. Митрополиты и архiепископы, подобно западно-европейскимъ епископамъ, имѣвшимъ вассаловъ, имѣли своихъ, независѣвшихъ отъ великаго князя, свѣтскихъ слугъ—землевладѣльцевъ, „бояръ великихъ и малыхъ“, дѣтей боярскихъ — вотчинниковъ и помѣщиковъ. Владычные бояре и слуги, подобно боярамъ и слугамъ княжескимъ, служили при дворахъ архiереевъ, отправляли судъ въ предѣлахъ церковныхъ владѣнiй, несли военную службу. Бояре „служили“ архiереямъ на тѣхъ же условiяхъ, на какихъ они служили князьямъ, „отказываясь отъ князя, они „приказывались“ на службу къ митрополиту или епископу. Iоаннъ Грозный стремится разрушить эти удѣльные порядки, также какъ и всѣ другiе, и прибѣгаетъ къ тѣмъ же мѣрамъ насилiя по отношенiю къ владычнымъ боярамъ, какими онъ пользовался противъ князей. Князь Курбскiй говоритъ: „по убiенiи митрополита (Филиппа) не токмо многихъ клириковъ, но и нехиротонисанныхъ мужей благородныхъ сколько помучено различными муками и погублено; бо тамъ есть въ той землѣ обычай: на церковной землѣ мнози мужи благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнiя маютъ, во время мирное епископамъ служатъ, а егда брань належитъ отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христiанскомъ бываютъ, когда не хиротонисаны“. Ранѣе этихъ казней Стоглавый соборъ постановилъ, что архiереи могутъ назначать бояръ на должности по церковному управленiю и отрѣшать отъ нихъ, лишь съ „вѣдома царева“. Боярскимъ родамъ, которые издавна служили церковнымъ властямъ, разрѣшено было служить святителямъ попрежнему. Но если у святителя „изведутся такiе боярскiе роды“, то государь назначаетъ святителю бояръ и дворецкихъ собственной властью. Правительство XVI вѣка приняло мѣры противъ владычныхъ бояръ, крупныхъ землевладѣльцевъ, усиливавшихъ свѣтское значенiе церкви, но не коснулось архiерейскихъ дѣтей боярскихъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Только царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился сократить число такихъ дѣтей боярскихъ-вотчинниковъ, оставивъ архiереямъ только природныхъ дѣтей боярскихъ, изстари

служившихъ церкви. См. Н. Каптеревъ, Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, М. 1874, с. 64, 70, 86, 97—101 и др.

17. Ключевскій, Боярская дума, с. 251. Соловьевъ, Ист. Росс. т. XIII, с. 70 (о кн. Стародубскомъ).

18. В. Ключевскій, Боярск. дума, с. 223—224, 228. — Д. Валуевъ (Д. В), Статья о мѣстничествѣ въ видѣ предисловія въ разрядной книгѣ: Синбирскій Сборникъ, М. 1845, с. 50, 123, 172, 173 (рн҃, ркв҃, роѡз҃) и др.—А. Маркевичъ, Мѣстничество, гл. 47, с. 776 и слѣд.. Того же автора, Исторія мѣстничества, с. 419, 457. — Д. Валуевъ полагаетъ, что счетъ старшинствомъ родовъ выработался къ XVII вѣку. „По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ XVII вѣку и особливо со времени Романовыхъ, роды и особливо знатнѣйшіе начинаютъ выдѣляться изъ общаго распорядка въ сомкнутыя цѣлыя“ (с. 169). Но авторъ самъ же замѣчаетъ, что слѣды такой классификаціи чести (которая идетъ въ разрѣзъ закону органическихъ соотвѣтствій мѣстничества), появляются очень рано, съ 1519 года. Не потому ли указанія на старшинство родовъ встрѣчаются гораздо чаще въ XVII вѣкѣ, что въ XVI вѣкѣ, вслѣдствіе большей ясности взаимнаго отношенія многихъ родовъ, рѣже возникали мѣстническіе счеты между лицами знатнѣйшихъ и второстепенныхъ родовъ?—Въ XVII вѣкѣ, по мѣрѣ перемѣщенія значенія фамилій и появленія бо́льшаго числа родовъ, подвигавшихся выслугой на первыя мѣста, являлись въ большемъ числѣ такіе мѣстническіе споры между фамиліями, въ которыхъ не было надобности высчитывать соотвѣтствіе звеньевъ одного рода родовымъ звеньямъ другого. — А. И. Маркевичъ отмѣчаетъ разницу между мѣстничествомъ XVI и XVII вѣковъ, но полагаетъ, что счетъ старшинствомъ одной фамиліи въ цѣломъ ея составѣ надъ другой показываетъ, что „жизнь привела мѣстничество въ XVII вѣкѣ къ тому положенію, какое было въ древнѣйшее время до царскихъ указовъ XVI вѣка“ (с. 457). Ср. С. Шпилевскій, союзъ родственной защиты у др. сл. и германцевъ, 1866, гл. V, с. 84 и сл.

19. В. Ключевскій, ibid., с. 299, 300. Д. Валуевъ, ibid. введеніе, с. 53, 168.

20. Котошихинъ, гл. IV, § 15, с. 51. Д. Валуевъ, введеніе, с. 114 (рдı҃,) Разрядная книга, тамъ же, въ Синбирскомъ Сборникѣ, с. 98, 99, 103, 105. „Мѣстническія дѣла 1563—1605 г.“ собраны и изданы Н. П. Лихачевымъ, Сборн. Археолог. Инстит., т. VI, 1894.

21. Указъ отъ іюля 1550 года; Собр. Госуд. Грам. и Дог., т. II, № 38 Сокращенная и позднѣйшая редакція въ Дополнит. указахъ къ Судебнику Акты Историч., т. I, (Приговорилъ „Царь и государь“ вмѣсто „царь и великій князь“). А. Маркевичъ, Истор.

мѣстнич., с. 273—275. Д. Валуевъ (введеніе с. 67—83 высчитываетъ сколькими мѣстами былъ ниже одинъ воевода другого: Первые воеводы: Большой полкъ—О, Правая рука—1, Передовой и сторожевой—2, Лѣвая рука—3, Вторые воеводы: большаго полка—4, правая рука—5, передовой и сторожевой—6, лѣвая рука—7. Маркевичъ замѣчаетъ, что на практикѣ такія строгія математическія выкладки не дѣлались. Спорящему достаточнымъ казалось установить фактъ, что такой-то воевода былъ вообще выше такого-то, безразлично на сколько мѣстъ. — Замѣтимъ еще, что счетъ вторыхъ воеводъ съ первыми едва ли былъ такъ опредѣленно установленъ на практикѣ. Изъ указа 1550 года видно, что второй воевода большаго полка иногда мѣстничался даже съ важнѣйшимъ изъ первыхъ воеводъ,—первымъ воеводой правой руки; между тѣмъ какъ, по вычисленію Валуева, онъ былъ ниже послѣдняго изъ первыхъ воеводъ (лѣвой руки). Этому вычисленію противорѣчитъ также и тотъ фактъ, что Кн. Ю. М. Голицынъ, признанный по суду выше кн. Ю И. Темкина, занималъ должность второго воеводы большаго полка, въ то время какъ Темкинъ былъ первымъ воеводой правой руки, — и затѣмъ, помимо Темкина, былъ сдѣланъ первымъ воеводой большаго полка. См. А. Маркевичъ, с. 269.

22. Синбирскій Сборникъ, с. 43. Грамота по дѣлу князя Юрія Курлятева, 1573 года. О счетѣ по родословцу см. Маркевичъ, указ. соч., с. 410 — 417. Уравненіе перваго сына старшаго брата съ четвертымъ дядей Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что обыкновенно первый племянникъ равенъ лѣтами четвертому дядѣ; Валуевъ — обычнымъ представленіемъ о семьѣ въ составѣ отца и трехъ сыновей. — Это уложеніе о мѣстничествѣ могло появиться, по мнѣнію Маркевича, не позже половины XVI вѣка (с. 257). При Іоаннѣ Грозномъ были изданы, кромѣ того, второстепенные указы о мѣстничествѣ, представляющіе развитіе идеи указа 1550 года: головамъ въ полкахъ мѣстъ нѣтъ, подрындамъ тоже мѣстъ нѣтъ; городничіе и губные старосты ниже послѣдняго (разряднаго) воеводы. Маркевичъ, с. 286.

23. И. Ждановъ, Матер. для исторіи Стоглаваго Собора, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1876, № 7, ч. 186, с. 54. — Валуевъ, Введеніе, с. 32, 60 (лв)—Маркевичъ, ук. соч., с. 288—289.—А. И. Маркевичъ ставитъ въ связь съ Стоглавымъ Соборомъ указъ 1550 года, относя его къ 1551 году; но у него нѣтъ достаточныхъ основаній для оспариванія даты указа, приводимой въ различныхъ его спискахъ: іюль 1550 года, см. Собр. Госуд. Грам. и Дог., Акты Историч., Суд. Башилова и Татищева.

24. Выписки изъ Флетчера и Горсея у А. И. Маркевича, с. 295.—П. Н. Милюковъ, Очерки по ист. р. культ., ч. I, с. 171.—

О думныхъ дворянахъ и дьякахъ: В. Ключевскій, T. cit. с. 277, 278; В, И. Сергѣевичъ, l. с. т. I, с. 502, 504, и 373. Н. Лихачевъ, Думн. двор. въ боярской думѣ XVI в. Сб. Арх. Инст., т. VI.

25. Грамота 1509 г.: А. Арх. Эксп., т. I, № 151.—Никон. лѣт., ч. IV, 158 (1500). Воскрес. лѣт., П. С. Р. Лѣт., т. VIII, с. 215, 218 и т. V, 1489 г.—Сергѣевичъ, Р. Юр. Др., т. I, с. 346, 427. Блюменфельдъ, О формахъ землевлад., с. 228. О политикѣ Іоанна III по отношенію къ Новгороду см. Бѣляевъ, Предисловіе къ окладной книгѣ 1506 г., Временникъ М. Общ. Ист. и Др. Росс., кн. XI, с. 78, 79.

26. А. Арх. Эксп., т. I, № 84; Жалов. грам. вел. кн. Маріи Ярославны Нерехотскому тіуну, 1466—1478 г. Судебн. 1497 г., ст. 63. Выраженіе „благовѣрнымъ помѣстнымъ княземъ" встрѣчается въ посланіи митр. Іоны 1454 г.: А. Ист. I, № 264. См. В. Сторожевъ. Указная книга помѣстн. приказа, с. 10. О терминѣ „дѣти боярскія" и о ихъ положеніи, см. Сергѣевичъ, Р. Юрид. Древн., т. I, с. 324—327. Мнѣнія излѣдователей о происхожденіи помѣстья изложены и разобраны въ недавнее время г. Рождественскимъ, въ диссертаціи Служ. Землевлад. въ Моск. гос. XVI в. Введеніе, § 1. Собственная гипотеза автора по этому вопросу была подвергнута критикѣ въ рецензіяхъ проф. Сергѣевича и Середонина, указанныхъ выше въ примѣч. 13.

27. В. И. Сергѣевичъ, назв. соч., т. I, с. 426 и 425. Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., т. 6, прим. 201, приводитъ 46 фамилій боярскихъ послужильцевъ изъ разрядной книги Бекетова. Изъ этихъ послужильцевъ Васюку Нефедьеву, человѣку Василія Борисовича Тучковскаго даны были 7 деревень Великаго князя въ двухъ боярщинахъ Городенскаго погоста, принадлежавшихъ ранѣе Вас. Шапкину и Федору Оксѣнтьеву Мустельскому. Волостка великаго князя въ Песоцкомъ погостѣ, принадлежавшая ранѣе Новгородцу Ѳед. Побѣдицкому, дана была въ помѣстье Козлу Шадрину, человѣку того же Вас. Тучковскаго: въ этой боярщинѣ было 11 деревень съ 12 дворами и 18 чел. крестьянъ. Сенькѣ Печенѣгову, человѣку того же Тучковскаго, дано было 6 новгородскихъ боярщинокъ,—13 деревень, съ населеніемъ въ 33 чел. крестьянъ (21 дворъ). См, Переписная окладная книга Водской пятины 1500 г, изд. И. Бѣляевымъ во Временникѣ И. М. Общ. Ист. и Др., кн. XI (1851), с. 134—135, 49—51, 22—24. См. тамъ же описаніе земель, данныхъ другимъ послужильцамъ, изъ фамилій, поименованныхъ въ разрядной книгѣ Бекетова: Юшкѣ Печенѣгову, Ондрейкѣ Постельникову, и другимъ, с. 25, 47 и 134, и др. Болѣе полный списокъ именъ новгородскихъ холоповъ-помѣщиковъ (болѣе 80) см. Прозоровскій, Опись рукоп. Археол. Общ. 1879. Многіе изъ нихъ носили дворянскія фамиліи Бесту-

жевыхъ, Нелединскихъ, Назимовыхъ, Муравьевыхъ, Чепчуговыхъ и др. Нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ см. А. Маркевичъ, Ист. мѣстнич. въ Московск. госуд., с. 168 — 169.

28. Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 65 (1555), Акты Истор., т. I, № 140 (1539). „Рыбныя ловли за дѣтьми боярскими и за *земцы* и за ихъ крестьяны" (1568) см. Н. Чечулинъ, Города Моск. госуд. въ XVI в., 1889, с. 43. Описаніе своеземцевыхъ земель (жеребьевъ)— въ вышеуказ. переп. книгѣ Вотской пятины, и въ Новгор. Писцовыхъ книгахъ. Нѣкоторые *земцы*, владѣя землями въ уѣздѣ, жили въ городахъ и занимались торговлей и промыслами; такіе земцы были обложены тягломъ и вошли въ составъ посадскаго тяглаго класса; см. данныя въ книгѣ Чечулина, с. 42. Среди земцевъ или своеземцевъ-вотчинниковъ надо отличать: 1) мелкихъ землевладѣльцевъ-землепашцевъ, слившихся съ крестьянами, 2) земцевъ тяглыхъ-посадскихъ людей, 3) земцевъ, записанныхъ въ службу, вошедшихъ въ составъ класса дѣтей боярскихъ. Эти послѣдніе, въ отличіе отъ посадскихъ людей-вотчинниковъ, владѣли въ городахъ нетяглыми дворами. См. Ключевскій, въ Отчетѣ о XXXIII присужд. наградъ гр. Уварова, 1892, с. 310 и др. Приводимый Н. Д. Чечулинымъ (Города моск. госуд., с. 43, 44) перечень мнѣній о земцахъ (Соловьева, Влад.-Буданова, Блюменфельда) слѣдуетъ дополнить указаніемъ на замѣчанія Бѣляева, „О позем. владѣніи", Временникъ, кн. XI, с. 78, 80; А. Никитскаго, Оч. внутр. ист. г. Пскова, с. 279, и Ист. Эконом. быта Вел. Новгорода, с. 40—41.

29. Кн. П. Долгоруковъ, Росс. родосл. книга, ч. I—IV. (1851—1852) Н. Загоскинъ, Очерки организ. и происхожд. служ. сословія, гл. IV. П. Н. Петровъ, Ист. родовъ русскаго дворянства, т. I (1886). В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, Родословный сборникъ дворянскихъ фамилій т. I, П. Гр. А. Бобринскій, Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всерос. Имперіи (1890) и др. П. Н. Петровъ предполагаетъ, что въ легендарныхъ родоначальникахъ дворянскихъ фамилій, „выѣзжихъ изъ пруссъ", слѣдуетъ видѣть новгородцевъ, перешедшихъ въ древности на службу въ Москву. Михайло Прушанинъ могъ быть новгородцемъ изъ Прусскаго конца Новгорода. Ист. родовъ русск. двор., т. I, с. 3. На новгородское происхожденіе „выходца изъ пруссъ" Андрея Ивановича Кобылы (Glandos Cambila) указываютъ большія земельныя владѣнія, принадлежавшія ему въ новгородской области и въ Вологодскомъ краѣ исконной новгородской колоніи (Кобылинскія вотчины). Д. К—овъ рецензія на книги кн. Н. Н. Голицына и А. Барсукова, Историч. Вѣстн., 1881, № 9, с. 190. Миллеръ въ прошломъ вѣкѣ замѣтилъ, что „никоторое государство такъ не прославилось надежнымъ родословіемъ знатнѣйшихъ своихъ фамилій, какъ Россія" (Изв. о дв. росс., 1790, с. 297). „Надежность"

родословныхъ росписей защищаетъ въ послѣднее время г. А. Барсуковъ, Обзоръ источн. и литерат. русск, родословія (изъ LIV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ). Онъ вполнѣ довѣряется тому „большому знанію дѣла, тщанію и осмотрительности, съ какими производилось обновленіе и пополненіе Родословной книги“ при Θеодорѣ Алексѣевичѣ, забывая, что генеалоги того времени не имѣли достаточныхъ знаній для удовлетворительной исторической критики. Если довѣрять вполнѣ Бархатной книгѣ, то оказывается, что „изъ дворянскихъ фамилій, внесенныхъ въ нее, кромѣ фамилій, происшедшихъ отъ Рюрика, нѣтъ ни одной не только коренной московской, но даже вообще и великорусской фамиліи, такъ какъ родоначальники ихъ были изъ кесаговъ (черкесовъ), литовцевъ, пруссовъ, волынянъ, галичанъ, германцевъ, татаръ, шведовъ и грековъ“. Г. Карновичъ не сомнѣвается „въ достовѣрности такого факта“ (Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими, с. 234). Въ достовѣрности его однако, весьма естественно усомниться, между прочимъ, потому, что въ XVII вѣкѣ иноземное происхожденіе считалось необходимымъ признакомъ знатности рода. Даже „неродословные люди писались въ росписяхъ своихъ выѣзжими“, хотя ихъ иноземное происхожденіе казалось сомнительнымъ даже для составителей родословной книги (см. указъ 3 сентября 1686 г.). Проф. Маркевичъ и Корсаковъ признаютъ легендарность большей части родословій отъ выѣзжихъ иноземцевъ древнѣйшаго времени. Д. Θ. Кобеко удалось, путемъ кропотливаго изученія источниковъ, выяснить полную недостовѣрность одной изъ родословныхъ легендъ этого рода, а именно о происхожденіи рода Бестужевыхъ-Рюминыхъ отъ англичанина Гавріила Беста, будто бы пріѣхавшаго въ Россію при Василіи Дмитріевичѣ: О разработкѣ генеалог. данныхъ въ смыслѣ пособія для русск. археологіи: Зап. Имп. Р. Арх. Общ., т. II, с. 271 (1887) и Дополнит. Замѣтки, тамъ же, т. III, с. 194, т. IV, с. 75. Н. П. Лихачевъ выяснилъ происхожденіе рода Адашевыхъ отъ костромскихъ вотчинниковъ Олговыхъ: Русскій Біографич. Слов., т. I и ст. въ Истор. Вѣстн., 1890, № 5. Примѣры фальсификаціи родословныхъ росписей приведены въ книгѣ того же автора „Государевъ Родословецъ и родъ Адашевыхъ, с. 57 и слѣд. (Лѣт. зан. Археогр. ком., в. XI). Нѣкоторыя дворянскія фамиліи родовъ, производящихъ себя отъ „выѣзжихъ“ иноземцевъ (Бестужевы, Чепчуговы, Нелединскіе и др.), носили въ концѣ XV вѣка боярскіе послужильцы, поселенные въ Водской пятинѣ, см. выше, прим. 27.

30. Собр. госуд. грам. и дог., т. I, № 192. Терминологія въ это время, однако, еще не установилась. Въ концѣ грамоты сказано: „а мы, княжата и дѣти боярскіе и дворяне“ (См. Сергѣевичъ, въ Юрид. Древн., т. I, с. 429—430). Эта цитата противорѣчитъ предположенію Бѣляева, что „боярскіе роды особымъ ука-

зомъ около 1566 г. были переименованы въ дворянъ или слугъ государевыхъ". Жители моск. госуд., ст. 2. Служилые люди. Временникъ М. Общ. Ист. и Др., кн. III, 1849, с. 46.

31. Никон. лѣтоп., ч. VII, с. 261. Тоже въ Дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику 1550 г., редакціи Татищева, ст. 103—104. Слова указа: „не противъ государева жалованья и *вотчинъ* служба ихъ" указываютъ на то, что при верстаніи помѣстьями принимались во вниманіе вотчинныя владѣнія помѣщиковъ.— Н. Загоскинъ, Очерки организ. и происхожд. служ. сословія, с. 65.

32. Указы 1562, янв. 15 и 1572, окт. 9, въ А. Истор., т. I, № 154 XVIII, XIX, Неволинъ, Ист. Росс. гражд. зак., т. III, § 511.

33. В. Ключевскій. Составъ представительства на земскихъ соборахъ, Русск. Мысль, 1890, № 1, с. 159—160, 164—165, 167.— В. Сторожевъ, Десятни и тысячная книга XVI вѣка: Опис. докум. и бумагъ, хранящ. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. 8, с. 180—181. Тысячная книга напечатана во Временникѣ М. Общ. Ист. и Древн., кн. XX.

34. Акты Археогр. Эксп., т. I, № 225. Указъ 1587 г., августа 31, см. В. Сторожевъ, Указн. кн. пом. прик., с. 149. С. Рождественскій, Служ. землевладѣніе, с. 251—253.

35. Тревожная жизнь украинныхъ помѣщиковъ наглядно изображена въ книгѣ Е. Щепкиной, Старинные помѣщики на службѣ и дома, 8—9 и др.

36. П. Милюковъ, Государственное Хозяйство въ первой четв. XVIII вѣка и реформа Петра Великаго, с. 301—302; того же автора. Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, с. 53—55. И. Н. Миклашевскій, Къ ист. хоз. быта Моск. госуд., ч. I. Заселеніе и сельское хоз. южной окраины XVII вѣка, с. 22.

37. Д. Иловайскій, Исторія Россіи, т. III, с. 380. Н. Д. Чечулинъ, Города Моск. госуд. XVI вѣка (объ осадныхъ дворахъ и дворникахъ). Замѣчанія объ этихъ послѣднихъ см. въ нашей статьѣ „Закладничество-патронатъ".

38. С. В. Рождественскій, Служ. землевл. въ Моск. госуд. XVI вѣка, с. 236, 350—351, 353—354. В. Сторожевъ, Десятни и тысячная книга, с. 100 и др.

39. И. Бѣляевъ, О сторожевой, станичной и полевой службѣ, 1845, с. 1—6. Приговоръ князя Воротынскаго съ дѣтьми боярскими 1571 года; Акты Моск. Госуд., т. I, № 2. О сторожахъ казакахъ: А. М. Гос., т. I, № 16.—И. Н. Миклашевскій, къ ист. хоз. быта моск. госуд., ч. I, с. 9, 13—15. Н. Лихачевъ, Разрядные дьяки, XVI вѣка, с. 462. Д. И. Иловайскій, Исторія Россіи, т. III, с. 377—379. С. Рождественскій, цитир. сочин., с. 258—259.

40. Е. Замысловскій, Объясненія къ учебному атласу по русской исторіи, с. 62. С. Рождественскій, ibid, с. 302, 355.

41. Г. Котошихинъ, О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, гл. VII, ц. 3 и 8; изд. 3, с. 98, 106. Н. Лихачевъ, Разр. дьяки, с. 80, 452, С. Рождественскій, Служ. землевл., с. 318, 319, 321.—Неволинъ относилъ учрежденіе *разряднаго приказа* ко времени Іоанна III; Градовскій—къ XVI вѣку. Н. П. Лихачевъ говоритъ, что разрядъ былъ основанъ тогда, когда „служебныя, военныя, гражданскія и дипломатическія назначенія сдѣлались настолько многочисленны, что для веденія имъ списковъ потребовалась при думѣ особая канцелярія. Существованіе разряда въ половинѣ XVI столѣтія несомнѣнно свидѣтельствуется существованіемъ въ эту эпоху тѣхъ документовъ, которые характеризуютъ разрядную дѣятельность позднѣйшаго времени;—разрядъ въ это время былъ учрежденіемъ уже далеко не новымъ". Разр. дьяки, с. 77, 79, 452.

42. В. О. Ключевскій, Боярск. дума, с. 407. Сказанія Массы и Германа о смутномъ времени, ред. Е. Замысловскаго, с. 55. Н. Лихачевъ, ibid, с. 195, 204, 556, 557.

43. С. М. Середонинъ, Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историческій источникъ, с. 337—338, 349, 359. — Въ походѣ 1563 года бояръ и дѣтей боярскихъ было, по итогу разрядныхъ книгъ, 18025 человѣкъ (по счету же г. Середонина—17658 человѣкъ); казаковъ—6054 чел.; татаръ—5174 чел.; сборныхъ людей изъ разныхъ городовъ—2105 чел., число стрѣльцовъ не указано.—Общая цифра численности русскаго войска временъ Іоанна IV въ 110,000 чел., выведена въ названномъ, новѣйшемъ изслѣдованіи г. Середонина, на основаніи возможно точныхъ разсчетовъ. Прежніе ученые большею частью довѣрялись показанію Флетчера, который сообщаетъ, что въ его время русская армія состояла изъ 300,000 человѣкъ, Соловьевъ, касаясь этого вопроса, ограничивается тѣмъ, что приводитъ цифры изъ сочиненія Флетчера, Of the russe common vealth. Бѣляевъ ошибочно полагалъ, что число служилыхъ людей, получавшихъ помѣстныя дачи, простиралось до полумилліона; а численность всего войска, помѣщиковъ и даточныхъ людей доходила до милліона (!). Крестьяне на Руси, изд. 3, с. 89.

44. С. М. Середонинъ, назв. сочин., с. 359—361, 365, 366.—Опис. докум. и бум., хран. въ Моск. Арх. Мин. Юст., кн. VIII, Коломенская десятня, с. 4 и слѣд. Ряжскія десятни, с. 333, 454—460; примѣчанія къ нимъ г. Сторожева, с. 51, 360.—О бехтерцѣ и тегиляѣ см. П. Савваитовъ, Описаніе стар. р. утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное, 1896, с. 11, 144.

45. Извѣстія Ричарда Чанслора, бывшаго въ Россіи въ 1553 г., перев. Середонина въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс., 1884, № 4.

46. Развивая, приведенныя въ текстѣ соображенія о возникновеніи *права родового выкупа* въ древнѣйшее время, Неволинъ, однако, полагаетъ, что „въ древнія времена право родственнаго выкупа должно было встрѣчаться весьма рѣдко", что „право выкупа первоначально должно было существовать въ той же неопредѣленности, въ какой существуютъ первоначально всѣ установленія, возникающія изъ обычаевъ", и что оно у насъ обязано, если не происхожденіемъ, то, по крайней мѣрѣ, утвержденіемъ своимъ новому порядку вещей. Ист. Росс. Гражд. Зак., т. III, § 415. По мнѣнію другихъ изслѣдователей, царскій судебникъ узаконилъ порядки родового выкупа, созданные жизнью. „Московское государство, которому выгодно было сохраненіе вотчинъ въ рукахъ служилыхъ людей, а не ихъ обезземеливаніе, подхватило новыя начала наслѣдованія, выработанныя обычнымъ правомъ и слѣдуя, постепенно за ходомъ жизни, развило ихъ далѣе": Блюменфельдъ, О формахъ землевладѣнія, с. 176. А. Ефименко, Изслѣдов. народной жизни, вып. I, Обычное право, с. 251, 252. Тоже: В. Сторожевъ, Ук. кн. пом. прик., с. 162—163, 185—186, А. Башмаковъ, Инст. родов. имуществъ, Журн. Мин. Юст., 1897, № 8, с. 23 и сл. (здѣсь указана литерат. вопроса, с. 61).—По мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, право родового выкупа выработалось въ XVI вѣкѣ изъ прежняго права собственности на имущество всѣхъ членовъ рода: „до этого времени члены рода не отчуждали земли безъ согласія родичей". Обзоръ, с. 460—461.

47. Цитаты изъ правыхъ грамотъ 1550 и 1559 г. приведены Неволинымъ въ примѣчаніяхъ 312, 313. Ист. Гражд. Зак., II, § 414.

48. С. В. Рождественскій, Служилое землевлад., с. 93.

49. Соображенія о ст. 85 Царскаго Судебника, см. Неволинъ, Ист. Гражд. Зак., т. III, § 417, п. 1—5. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ ист. р. права, с. 463—464 и Христом. по ист. р. пр., вып. III, примѣч. 207—212. Блюменфельдъ. О формахъ землевлад., с. 187—189. С. Рождественскій, цит. соч., с. 93—100.

50. В. Ключевскій, Боярск. дума, с. 288—289 и др. С. Рождественскій, цит. соч., с. 87—90.

51. Блюменфельдъ, цит. соч., с. 202—203. А. С. Павловъ, Истор. очеркъ секуляриз. церковныхъ земель въ Россіи, с. 20 и сл. Двѣ цитаты въ началѣ абзаца взяты изъ памятниковъ XVII вѣка (1664 и 1651), но онѣ могутъ быть приведены и для характеристики положенія этого вопроса въ XVI вѣкѣ.

52. Указъ 11 Мая 1551 г.: Акты Арх. Эксп., т. I, № 227. Указъ 1557 г. въ Христом. Владим.-Буданова, вып. III, № VI,

с. 12. „Докуды духовная не запечатана и несовершена, и тѣмъ вотчичѣмъ на вотчины давати мѣрщиковъ и выкупити вотчины по мѣрѣ, чего вотчина стоитъ".

53. Христом. по исг. р. пр. Влад.-Буданова, вып. III, № XIX, с. 34.

54. Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 200. Приговоръ 1584 г., id. № 202. Иная редакція въ А. Арх. Эксп.—Угрозы вкладчиковъ судомъ въ будущемъ вѣкѣ взяты изъ книги Рождественскаго, с. 108. Въ грамотѣ 1580 г. сказано: „земель не покупати, закладней не держати"; объясненіе значенія слова закладни въ этой цитатѣ см. въ нашей статьѣ Закладничество-патронатъ. Статья о выкупѣ вотчинъ читается такъ: „а отъ сего дни впередъ съ Генваря пятагонадесять дня вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не давати, а давать за нихъ въ монастыри деньги, которое село, чего судитъ; а село имати вотчинникомъ, хотя кто и далеко въ роду; а буде у кого роду не будетъ, ни дальняго, ни ближнего и та вотчина имать на государя, а деньги за нее платить изъ казны (с. 685). Эта статья передается различно гг. Блюменфельдомъ (цит. соч., с. 211—215), Рождественскимъ (с. 112—114) и Сторожевымъ: Ук. кн. пом. прик., с. 159.

55. Акты Моск. госуд. т. I, № 21. Десятни В. Сторожева, с. 344 и др. С. Середонинъ, Сочин. Дж. Флетчера, с. 353. С. Рождественскій, Служ. землевл., с. 306, 307, 334.

56. Указы 1557 г., авг. 5 и 1558, генв. 11, въ Дополнит. указахъ къ Судебнику, въ изд. Башилова, Судебникъ ц. и в. кн. Ивана Васильевича, Спб. 1768, №№ 133—143. Тоже, Акты Истор., т. I, № 154, №№ VI, VIII. Въ изложеніи указа 1558 г. о закладныхъ вотчинахъ мы слѣдуемъ болѣе исправному тексту изданія Башилова (№ 141): „А взяти на заимщикѣ на первый годъ заемныхъ денегъ по разсчету на пятой жеребей, а вотчина *отдати тому кто закладывалъ*... и та вотчина закладная, кому изъ закладу какову вотчину выдадутъ, *держати за собою*, доколѣ своему должнику выплатитъ, *а у иного въ тужъ пять лѣтъ тое вотчины за ростъ пахати не заложити ни у кого*, ни продати, ни промѣнити, ни въ приданое, ни по душѣ не отдати, доколѣ всѣ деньги выплатитъ въ ту пять лѣтъ" и пр.—Изслѣдователи обыкновенно упускали изъ виду этотъ текстъ и придумывали сложныя объясненія несообразнаго текста, напечатаннаго въ Актахъ Историч. Въ этомъ изданіи статья читается такъ: „А та вотчина закладная тому, кому изъ закладу какову вотчину выдадутъ, *держати за собою*, доколѣ своему должнику выплатитъ, *а у него въ ту же пять лѣтъ тое вотчину за ростъ пахати*, а не заложити ни у кого, ни продати, ни промѣнити, ни въ приданое, ни по душѣ не отдати" и пр. (одинаково въ обоихъ спискахъ). По этому тексту выходитъ, что вотчиннику право пользованія не возвра-

щается; кредиторъ продолжаетъ за ростъ пахать вотчину; вотчиннику возвращается лишь отвлеченное право владѣнія: „держати“. Но, вѣдь, съ закладомъ вотчины онъ не терялъ права собственности и права владѣнія на нее; странно было возвращать собственнику то, что имъ не было утрачено. Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы московскіе юристы того времени строго различали права распоряженія, владѣнія и пользованія. Они различали права собственности (въ реальномъ его проявленіи: распоряженіи) и право владѣнія (въ матеріальной оболочкѣ пользованія).—Смыслъ указа уясняется вполнѣ сопоставленіемъ слѣдующихъ выраженій: когда уплачена пятая часть долга, то слѣдуетъ „вотчину *отдати тому, кто закладывалъ*; когда же заимщики прекращаютъ платежъ долга въ разсрочку, то слѣдуетъ у нихъ „тѣ вотчины *имати*, да *отдавати тѣмъ же людемъ* (кредиторамъ) *назадъ въ ихъ деньгахъ пахати по старинѣ*“. Чтобы отдать пахать вотчину назадъ кредитору, очевидно надо было ранѣе взять ее у кредитора и отдать пахать закладчику, собственнику.—Ср. Мейеръ, Др. русское право залога, въ Юрид. Сборн. 1855, с. 249. Владимірскій-Будановъ, Христ. по ист. р. права, вып. III, прим. 58. С. Рождественскій, Служ. землевл., с. 102—103. Неисправная редакція указа 1558 г. въ Акт. Историч., справедливо заставила г. Рождественскаго удивиться: „почему на долги съ земельнымъ обезпеченіемъ не распространена льгота 1557 г., не уничтоженъ ростъ на льготные 5 лѣтъ“?—Изъ яснаго текста изд. Башилова видно, что ростъ на долги съ земельнымъ обезпеченіемъ (за ростъ пахати) былъ уничтоженъ также, какъ на долги безъ такого обезпеченія.

57. С. Середонинъ, цитир. соч., с. 353. Десятни, с. 61, 79, 419. В. Ключевскій, цит. соч., с. 313.

58. Царскій Судебникъ, ст. 43. Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, № 202 (1584), с. 394, 395. Соловьевъ, Ист. Росс., нов. изд. кн. 2, т. VII, с. 647.

59. *О христьянскомъ отказѣ*: ст. 57 Судебника 1497 г. и ст. 88 Судебн. 1551 г., Акты Историч., т. I, № 105. Тоже въ Христом. по ист. р. пр. Владим.-Буданова, ч. II.—Указъ 24 ноября 1597 г., А. Истор., т. I, № 22, III. По мнѣнію прежнихъ изслѣдователей, этому указу о возвращеніи бѣглыхъ предшествовалъ недошедшій до насъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, который былъ изданъ около 1590 г. въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Погодинъ, въ 1858 г., въ статьѣ „Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права“ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ этого взгляда. По его мнѣнію „никакого общаго безусловнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ Борисъ не давалъ“, винить въ его развитіи слѣдуетъ обстоятельства. Это мнѣ-

ніе принято, развито и подтверждено многими новѣйшими изслѣдователями (проф. Ключевскій, Владимірскій-Будановъ, Дьяконовъ, Милюковъ). Проф. Сергѣевичъ въ послѣднее время возобновилъ старые поиски за указомъ о прикрѣпленіи крестьянъ, 1590 года; онъ полагаетъ, что понятіе *бѣглаго* крестьянина было понятіемъ новымъ и могло имѣть своимъ источникомъ лишь отмѣну Юрьева дня и что, слѣдовательно, указу 1597 года, говорящему о бѣглыхъ крестьянахъ, долженъ былъ предшествовать указъ о прикрѣпленіи (Юрид. Древн., т. I, с. 243). Между тѣмъ, о бѣглыхъ крестьянахъ говоритъ уже писцовая книга Тверского уѣзда 1581 года, когда еще несомнѣнно дѣйствовало право перехода. Эта книга различаетъ крестьянъ: 1) законно *вышедшихъ по указу*, съ уплатой пошлинъ о Юрьевѣ дни, 2) *вывезенныхъ* съ отказомъ или безъ отказу и безпошлинно, 3) *выбѣжавшихъ и сбѣжавшихъ*: „дер. Олешино, Митка Ивановъ сбѣжалъ безвѣстно; Олеша Кузьминъ выбѣжалъ въ 88 г. въ великій постъ, за кн. Дм. Борятинскаго". Писцовая книга, т. II, с. 368, тоже 293, 309, 361 и др.; о вышедшихъ и вывезенныхъ, с. 300, 311, 369.— Литература вопроса и новыя соображенія въ цѣнной статьѣ П. Н. Милюкова, Крестьяне, Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVI, с. 675 и слѣд.; а также въ ст. Н. Н. Дебольскаго. Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльч. крестьянъ, Журн. Мин. Нар. Просв., 1895, ноябрь.

60. А. Археогр. Экспед., т. I, № 20 (1601 г., ноября 28) и № 23, 1602, ноября 24.—Кромѣ того, приговоръ 1606, февр. 1, о невозвращеніи тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, которые ушли отъ бѣдности, въ голодные годы 1603 и 1604, „что было имъ прокормиться не мочно".—Статистическія данныя о преобладаніи вывоза крестьянъ, см. Милюковъ, Оч. по ист. р. культ., ч. I, с. 194, прим. 1.

Часть третья.

1. Соловьевъ, Истор. Россіи, т. XIII. С. Ѳ. Платоновъ, Лекціи по русской исторіи.

2. С. В. Рождественскій, Служ. землевл., с. 227—229. Относительно открытаго имъ списка боярскихъ вотчинъ 1647 года, авторъ замѣчаетъ: юго-западные князья: Черкасскій, Одоевскій, Трубецкой, Куракинъ, благодаря службѣ, стоятъ выше другихъ по богатству владѣній; „князья же сѣверо-восточные преимущественно занимаютъ мѣста уже во второй половинѣ списка. Къ старымъ боярскимъ родамъ: Романовымъ, Морозовымъ, Шереметевымъ приближаются по своимъ земельнымъ богатствамъ предста-

вители такой неродовитой фамиліи, какъ Стрѣшневы".—Котошихинъ, О Россіи, с. 25. В. Ключевскій, цит. сочин., с. 382.

3. *Перворазрядные боярскіе роды* (члены которыхъ назначались въ бояре, минуя чинъ окольничаго):

Въ XV вѣкѣ: Кн. Барбашины, Бороздины, Кн. Булгаковы, Кн. Дорогобужскіе, Кн. Микулинскіе, Морозовы, Кн. Оболенскіе, Кн. Патрикѣевы, Кн. Ряполовскіе, Сабуровы, Кн. Симскіе, К. Телятевскіе, Кн. Холмскіе, Кн. Хромые, Челяднины, Кн. Щенятевы, Кн. Ярославскіе.

XVI вѣка: Кн. Булгаковы, Кн. Бѣлевскіе (Бѣльскіе), Кн. Воротынскіе, Кн. Глинскіе, Кн. Голицыны, Кн. Горбатые, Кн. Горенскіе, Кн. Кашины, Кн. Куракины, Кн. Куракины-Булгаковы, Кн. Курбскіе, Кн. Курлятевы, Кн. Микулинскіе, Кн. Мстиславскіе, Кн. Ноготковы, Кн. Ногтевы, Кн. Оболенскіе, Кн. Одоевскіе, Кн. Пеньковы (Ярославскіе), Кн. Пронскіе, Кн. Репнины, Кн. Ростовскіе, Кн. Ростовскіе-Каптеревы, Кн. Ростовскіе-Темкины, Кн. Ростовскіе Холодковы, Кн. Ростовскіе-Хохолковы, Сукины, Кн. Трубецкіе, Кн. Холмскіе, Челяднины, Кн. Черкасскіе, Кн. Шуйскіе, Кн. Щенятевы, Ѳедоровы.

XVII вѣка: Кн. Воротынскіе, Кн. Голицыны, Кн. Кашины, Кн. Куракины, Морозовы, Кн. Одоевскіе, Кн. Олшевскіе, Кн. Пронскіе, Кн. Репнины, Кн. Ростовскіе-Бехтеяровы, Кн. Ростовскіе-Буйносовы, Кн. Ростовскіе-Темкины, Кн. Сицкіе, Кн. Сулешовы, Кн. Трубецкіе, Кн. Урусовы, Кн. Хованскіе, Кн. Шаховскіе, Кн. Шуйскіе.

Знатные роды второго разряда (члены которыхъ служили какъ въ боярахъ, такъ и въ окольничихъ).

XV вѣка: Заболоцкіе, Захарьины-Романовы-Юрьевы, Плещеевы.

XVI вѣка: Адашевы, Басмановы, Борисовы, Бутурлины, Кн. Бѣльскіе, Волынскіе (Вороные-Волынскіе), Воронцовы, Годуновы, Давыдовы, Даниловы, Заболоцкіе, Захарьины - Романовы - Юрьевы, Колычевы, Кн. Кубенскіе, Кутузовы, Морозовы, Кн. Палицкіе, Плещеевы, Кн. Ромодановскіе, Кн. Ряполовскіе, Сабуровы, Салтыковы, Кн. Серебряные, Кн. Симскіе, Кн. Сицкіе, Собакины, Кн. Татевы, Кн. Телепневы, Кн. Телятевскіе, Траханіоты, Кн. Троекуровы, Тучковы, Кн. Ушатые, Кн. Хворостинины, Кн. Хилковы, Шеины, Шереметевы, Кн. Шестуновы, Яковлевы (Яковля).

XVII вѣка: Кн. Барятинскіе, Басмановы, Бутурлины, Кн. Бѣльскіе, Кн. Волконскіе, Годуновы, Головины, Далматовы, Кн. Долгорукіе, Захарьевы-Романовы-Юрьевы, Зюзины, Колычевы, Кн. Лыковы, Кн. Львовы, Матвѣевы, Кн. Мезецкіе, Милославскіе, Кн. Мосальскіе, Нагово (Нагіе), Нарышкины, Нащокины, Плещеевы, Кн. Пожарскіе, Кн. Прозоровскіе, Пушкины, Кн. Ромодановскіе, Кн. Ростовскіе-Лобановы, Сабуровы, Салтыковы, Стрѣшневы, Кн. Татевы, Кн. Троекуровы, Кн. Туренины, Кн. Хворостинины,

Кн. Хилковы, Хитрово, Кн. Черкасскіе, Шеины, Шереметевы. См. В. Сергѣевичъ, Русск. Юрид. Древн., т. I, с. 367—370, 389—397, т. II, 440.

4. А. Маркевичъ, Истор. мѣстнич., с. 438, 458, 429, 432—434. Д. Валуевъ въ Симб. Сборн., введеніе, с. 50, 51, 136 — 137, 142, 160.

5. А. Маркевичъ, тоже, с. 487, 509, 511, 501, 502, 506, 523—525. Д. Валуевъ, с. 122, 128, 112.

6. Соборное дѣяніе объ отмѣнѣ мѣстнич. 12 Генв. 1682: Собр. Гос. Гр. и Дог., т. IV, № 130. Соловьевъ, кн. III, т. XIII, с. 875—879. А. Маркевичъ, Истор. мѣстнич., с. 572—579. О составленіи родословной книги, см. Дворцовые разряды, т. I, введеніе; А. Барсуковъ, Обзоръ источн. и литер. рус. родословія, изъ LIV т. Зап. И. Ак. Н.), с. 10—11. Н. Лихачевъ, Государевъ родословецъ и родъ Адашевыхъ, с. 11, примѣч. (изъ IX вып. Лѣтоп. Зап. Арх. Ком.).

7. Соловьевъ, кн. III, т. XIII, с. 822 — 823. В. Ключевскій, Боярская дума, с. 388, 509, 892.

8. Д. Валуевъ, цит. сочин., с. 157. Извѣстны и другіе случаи мѣстничества за это время. См. Соловьевъ, кн. III, т. 14, с. 1041.

9. В. И. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др. т. I, с. 378. Дворц. разряды, т. III, с. 1624. Н. Лихачевъ, Думн. двор. въ боярской думѣ XVI ст. См. выше стр. 91 и прим. 24.—Н. Калугинъ, Окольничій: Арх. Истор.-Юрид. свѣд., кн. II, пол. I, 1855.

10. В. Сергѣевичъ, тоже, с. 435—436, 466.—Придворныя обязанности комнатныхъ стольниковъ, стряпчихъ и жильцевъ характеризуются, между прочимъ, особою формой присяги, установленной для каждаго изъ этихъ чиновъ. Стольники клялись „государю служити и прямити и его государева здоровья во всемъ оберегати и ничѣмъ его государя *въ ѣствѣ и въ питьѣ* не испортити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не дати и мимо себя никому дати не велѣти, и дурна и лиха никакого надъ государемъ своимъ не учинити“.—Стряпчіе обязывались „лиха никакого государю не мыслити, и *въ платьѣ, и въ полотенцѣ, и во всякой стряпнѣ* коренья лихова не положити“. — Жильцы клялись „будучи у государя своего *въ житьѣ*, ничѣмъ его государя не испортити, и зелья и коренья лихова въ его *государевыхъ хоромахъ и палатахъ* и индѣ нигдѣ не положити“. 1646 годъ. Полн. Собр. Зак., т. I, № 114.—Изъ разборной книги 1681 года видно, что стряпчіе служили также на мелкихъ воеводствахъ: см. выписки изъ этой книги у Устрялова, Ист. царств. Петра Вел., т. I, прим. 74.—Отъ стряпчихъ придворныхъ надо отличать, какъ видно изъ Уложенія (ст. 1, гл. XVI), стряпчихъ-рабочихъ

царскихъ хозяйственныхъ дворовъ.—Случаи пожалованія жильцовъ въ стряпчіе (за заслуги и смерть родителей и за собственныя заслуги челобитчика) см. Акты М. Гос., т. II, № 436, 438 (1650) и др. *Рынды* появились впервые при дворѣ Василія Іоанновича. При Вел. Кн. Димитріи Іоанновичѣ былъ одинъ рында, возившій великокняжеское знамя: Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс., т. V, прим. 76, т. VII, прим. 955, т. X, прим. 58.—О Царскомъ полкѣ см. И. Бѣляевъ. О русскомъ войскѣ въ царствов. Михаила Өеодоровича, 1846, с. 7, 8, Акты Арх. Эксп., т. IV, № 70, 103.

11. О неверстаніи новиковъ по выбору и по дворовому списку см. наказъ 1652 г. П. С. З., I, № 86 и наказы 1641 и 1647 г.: Русск. Историч. Библіот., т. X, с. 241, 390 (Записн. кн. Моск. стола).—Приносимъ благодарность П. Г. Васенко, обратившему наше вниманіе на эти два послѣдніе наказа. — Примѣры, производства въ чинъ: См. Акты Моск. Госуд., т. I, № 578 (1633), № 698 (1634), т. II, № 77 (1637), №№ 435, 613, и др. Угличанинъ Өедоръ Перскій, служившій 30 лѣтъ, а по дворовому списку 12 лѣтъ, просилъ государя пожаловать его, за службу и по родству „написать именьишко его въ углицкомъ спискѣ по выбору, чтобъ ему на государевѣ службѣ передъ своей братью позорну не быть“ (1654). А. М. Гос., т. II, № 624.—Бѣляевъ неправильно полагаетъ (цит. соч., с. 13, 15), что на три разряда выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ дѣлились какъ дворяне, такъ и дѣти боярскія. „Дворовыхъ дворянъ“ быть не могло. Были только, какъ видно изъ десятенъ, *дворовыя дѣти боярскія*, которыя иногда назывались дворянами. Ср. В. Ключевскій, въ Отчетѣ о присужд. нагр. гр. Уварова, с. 288.—Указанная въ текстѣ градація среднихъ и низшихъ чиновъ явствуетъ изъ многихъ указовъ: „стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы, дворяне, дѣти боярскіе“. *Выборные дворяне изъ городовъ* обыкновенно не упоминаются особо въ перечисленіи чиновъ; указы, такъ же какъ Котошихинъ, говорятъ о жильцахъ, городовыхъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ. Московскіе дворяне получали по 100 четей въ московскомъ уѣздѣ; „дворяне же изъ городовъ, которые служатъ по выбору“ (и написанные въ московскій списокъ?)—по 75 четей, а жильцы—по 50. Уложеніе, гл. XVI, ст. 1. Нѣкоторые изъ выборныхъ уѣздныхъ дворянъ, написанныхъ по московскому списку, какъ можно заключить изъ этой статьи уложенія, получали помѣстья подъ Москвой, хотя и нѣсколько меньше, чѣмъ природные московскіе дворяне. Для большинства же уѣздныхъ дворянъ чинъ московскаго дворянина былъ только почетнымъ отличіемъ; они, достигнувъ этого чина, не получали подмосковныхъ помѣстій и служили по прежнему съ своимъ городомъ: „По московскому списку написаны, а на службѣ велѣно быть въ полкахъ съ тѣми городами, изъ кото-

рыхъ написаны;—по московскому списку написаны изъ городовъ, а на государевѣ службѣ съ своими городами“ (1676). М. Сергѣевичъ, Р. Юр. Др., т. I, с. 454,

12. В. Сергѣевичъ указ. соч., т. I, гл. III, §§ 3, 6, 8—11.—Предметы вѣдомствъ постельничаго, ясельничаго и шатерничаго видны изъ формулъ присяги. *Постельничій* клялся „въ государскомъ платьѣ, и въ постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинѣхъ никакого дурна не учинити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не положити“. Какъ близкій къ государю человѣкъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ клятву „государскія думы до его государева указа не проносить никому“.—*Ясельничій* обязывался „государскихъ сѣделъ, ковровъ, попонъ, возковъ, саней и проч. и всякаго конскаго наряду беречи накрѣпко,—конюшенною казною не корыстоваться,—и надъ конюхами и надъ стремянными, и надъ мѣсячными, и надъ стадными, и надъ мастеровыми всякими людьми смотрѣти и беречи отъ всякаго дурна“. Наконецъ, *шатерничій* давалъ клятву служити вѣрно, и „подъ ихъ государскія мѣста, и въ зголовья и въ полавочники и въ шатрѣхъ зелья и коренья лихова ни въ чемъ положити не велѣти, того мнѣ всего оберегати накрѣпко; государеву шатерную казну оберегати накрѣпко и шатерниковъ и барашей и всякихъ чиновъ людей судити вправду“.—П. С. З. т. I, № 114.

13. Котошихинъ, о Россіи, гл. II, с. 28, Н. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки XVI вѣка, с. 153 и др.—В. Ключевскій, Боярская дума, с. 391.—Указомъ 1641 года было воспрещено принимать въ подьячіе „поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей и гостинныя и суконныя сотни торговыхъ и черныхъ сотенъ посадскихъ всякихъ и пашенныхъ людей и ихъ дѣтей“. Акты Историч., т. III, № 92, XXXI.

14. В. Сергѣевичъ, указ. сочин., т. I, гл. 4. Дворцовые разряды, т. I, с. 435, 436. Уложеніе, ст. 1, гл. XVI. Н. Оглоблинъ, Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ XVII вѣка, Журн. Мин. Нар. Просв. 1894, №№ 9, 10. Здѣсь приведены данныя о своеобразномъ институтѣ площадныхъ подьячихъ (§ III), о „подьячихъ съ приписью“ и „подьячихъ съ справою“ (§ II, с. 139), и проч. и терминъ *Думный дьякъ* упоминается впервые въ 1562 г. См. Н. Лихачевъ, Думн. Дворянство, с. 9.

15. Уложеніе, гл. XVI, ст. 1. П. Собр. Зак., т. I, № 86. Собр. Государ. Грам. и Дог., т. III, № 59 (1621). Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 52, VIII (дѣло Палицына). Градовскій, Истор. мѣст. управл.,. с. 59, 61—62. Блюменфельдъ, О формахъ землевладѣнія, с. 230. В. Сторожевъ, Указн. кн. пом. прик., с. 167, 171.—Акты Моск. Гос., т. I, №№ 599, 659 (1634).

16. А. Градовскій, Ист. мѣст. управл., с. 51. С. Рождественскій, Служ. землевлад., с. 261, 265, 292. Уложеніе 1649 г., ст. 8, 19, гл. XII, ст. 25, 51, гл. XVI. Акты Моск. госуд., т. I, № 556, № 598 (с. 528, 556), т. II, № 53 (1636). В. Сторожевъ, Указн. кн. пом. прик., с. 203.—„А и только къ тому сроку, который въ граматѣ написанъ, не поспѣетъ, и тѣхъ дѣтей боярскихъ напишутъ воеводы въ нѣтѣхъ и за то отымаютъ помѣстья". Акты Ист., т. II, № 335 (1610—1613). Блюменфельдъ, с. 240—241, прим. 7. Н. Загоскинъ, Очерки организ. служ. сословія, с. 86, 87.

17. Уложеніе, ст. 61, гл. XVI. В. Сторожевъ, Десятни, въ Опис. Докум. и Бум. Арх. Мин. Юст., кн. VIII, с. 79, 85, 348—350. — Указ. кн. пом. приказа, с. 151 (Цитаты изъ Ряжской десятни 1597 г. Кашинской 1622 и др.). С. В. Рождественскій, 256—257, ср. с. 263.—При Іоаннѣ Грозномъ былъ изданъ указъ, по которому помѣстья уменьшались также у дѣтей боярскихъ, переведенныхъ на службу въ городовые приказчики, приказано было имъ „учинить помѣстья по пять четей, а лишки отписывать на государя" (1535—1555) Доп. къ Акт. Истор., т. I, № 52, XXVII. А. Градовскій, с. 57.

18. А. Градовскій, Ист. мѣст. упр., с. 56, 57. К. Неволинъ, Ист. росс. гражд. зак., т. III, § 512, с. 371 и др. Уложеніе 1649 г., ст. 30—32, гл. XVII. Въ эти статьи вошелъ указъ 1634 года (о прожиточныхъ помѣстьяхъ): В. Сторожевъ, Указн. кн. пом. прик., 209, 210. Сначала дѣйствовало правило: „больше пятинадцати лѣтъ за дѣвками помѣстій не держати": Доп. къ Акт. Ист., т. I, № 52, XXXV. Блюменфельдъ. О формахъ землевлад., с. 243.—О даточныхъ людяхъ, ст. 61, гл. XVII, Уложенія.

19. С. Рождественскій, Служ. землевлад., стр. 371—372, 369, 373. Полн. Собр. Зак., т. I, № 86 (1652, окт. 20).

20. Оклады новикамъ по наказу 1652 года: *не служилымъ*— 1 статьи—300 четей, 10 р.; 2 статьи—250 чет., 8 р.; 3 ст.— 200 чет., 7 р.; 4 ст.—150 чет., 5 р. *Служилымъ*: 1 статьи— 350 четей, 12 р., 2 ст.—300 чет., 10 р.; 3 ст.—250 чет., 9 р. 4 ст.— 200 чет., 7 р. Эти оклады нѣсколько измѣнялись для нѣкоторыхъ городовъ: П. С. З., т. I, № 86.—Тоже по наказу 1675 г. П. С. З., п. I, № 615. — Рождественскій, с. 245, 246, 264. Служба Голенищева-Кутузова: Акты Моск. Госуд., т. I, № 60.—Прибавки къ окладамъ: П. С. З., т. I, №№ 8, 264 и др. Относящіеся сюда номера Полн. Собр. Зак. указаны Неволинымъ, т. II, § 301, прим. 461.

21. Завѣщаніе 1532 года (изъ неизд. актовъ): С. Рождественскій, Служ. землевлад., с. 368. Ср. завѣщаніе Ильи Борщова

1610 года: Н. П. Лихачевъ, Сборникъ актовъ, с. 71.—О припускѣ, см. С. Рождественскій, с. 297. Наказъ верстанія 1652 г.: П. Собр. Зак., т. I, № 86. Наказъ верстанія 1628 г. требовалъ, чтобы два сына припускались на помѣстье отъ 600 до 350 четвертей: Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., 1895, кн. 4, с. 3—4.

22. Указы 1618, 1638 и др.: В. Сторожевъ, Указн. кн. пом. прик., с. 177—178. Уложеніе, ст. 37, гл. XVI. П. Собр. Зак., т. I, № 14 (1649, іюля 6). А. Градовскій, Ист. мѣстн. управл., с. 73. К. Неволинъ, Ист. росс. гражд. зак., т. III, § 512, с. 373 и § 298 п. 2. Н. Загоскинъ, Очерки организ. и происхожд. служ. сословія въ допетровской Россіи, с. 92.

23. Узаконенія о мѣнѣ и сдачѣ помѣстій изложены подробно К. Неволинымъ, Ист. Росс. Гражд. Зак., кн. II, § 298, п. 1, 2, 3, § 293. Кромѣ того, см. А. Градовскій. Ист. мѣстн. управл., с. 73, 74. Законъ 1620 года: Указн. кн. помѣстн. приказа, с. 47, 48; замѣчанія В. Сторожева объ этомъ предметѣ, тамъ же, с. 206, 207 (Ист. Юрид. Мат., изд. М. Арх. Мин. Юст., вып. I, 1889). — О перехожихъ четвертяхъ см. замѣтку А. Кизеветтера въ Юрид. Вѣстн., 1888 г., т. XXVIII.

24. Наказъ 1621 г.: Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 59. Указъ 1625 г.: А. Моск. Гос., т. I, № 185. Наказъ 1675 г., П. С. З., № 615. Указы 1665 г. іюля 12 и 1671 февр. 15, П. С. З., №№ 160 и 489. Неволинъ, указ. соч., т. II, § 288.

25. Уложеніе, ст. 8, 18, 9, гл. XII и ст. 47, гл. XVI. Собр. Г. Гр. и Дог., т. III, № 59.—Уложеніе, ст. 43, 49, 50, гл. XVI. Подробности объ указахъ, касающихся Бѣлозерскихъ и украинскихъ землевладѣльцевъ, см. Неволинъ, указ. соч., кн. II, § 268, п. 1, 2, 3.—Къ числу Бѣлозерскихъ помѣщиковъ принадлежали служилые люди Смоленска и другихъ городовъ Смоленской области (Можайска, Вязьмы, Дорогобужа и др.), которые были поселены на Бѣлоозерѣ послѣ разоренія Смоленска поляками въ смуту.

26. Уложеніе, ст. 1-4, гл. XVII. А. С. Лаппо-Данилевскій, Выслуженныя вотчины въ Моск. Госуд. XVI-XVII в.в: Историч. Обозрѣніе, т. III, с. 118, 119, 121. В. Сторожевъ, Указн. кн. пом. прик., с. 182—183.

27. Уложеніе, ст. 5-8, гл. XVII. Ук. кн. пом. прик. П. С. Зак., № 764, 765, 1679 г. К. Неволинъ, т. II, § 276, п. 2 и 3 Ср. К. Кавелинъ, Взглядъ на историч. развитіе р. пор. законнаго наслѣдованія, 1860, с. 33—34. (Мотивы постановленія о наслѣдованіи женъ въ купленныхъ вотчинахъ Кавелинъ усматриваетъ въ томъ, что эти вотчины были пріобрѣтены самимъ мужемъ и так. обр. родъ не имѣлъ на нихъ права, и что при томъ же онѣ могли быть куплены на женины деньги).

28. К. Неволинъ, т. III, §§ 418, п. 5, 419, п. 5, 420. В. Стороженъ, Ук. кн. пом. прик., с. 133, 164, 165.—Уложеніе (ст. 27, гл. XVII), узаконяя выкупъ вотчины по цѣнѣ обозначенной въ купчей, только подтвердило законъ, изданный нѣсколько ранѣе, въ 1646 году. Законодательство послѣ уложенія см. К. Неволинъ, т. III, §§ 421, 422, 423, 425.

29. В. Стороженъ, указ. соч., с. 159, 182.—Уложеніе 1649 г., ст. 42, 43, 44 гл. XVII, ст. 1—9, гл. XIX.

30. К. Неволинъ, Ист. Росс. Гражд. Зак., т. II, § 282, п. 3. Полн. Собр. Зак., т. I, №№ 404, 512 и др. А. С. Лаппо-Данилевскій, Выслуж. вотчины; Историч. обозрѣніе, т. III, с. 110, 111. Блюменфельдъ, О формахъ землевладѣнія, с. 239.

31. В. Стороженъ, ук. соч., с. 140, п. 16, с. 190—191. Уложеніе ст. 9, 45, гл. XVII. Неволинъ, т. II, § 283, п. 2, § 303.

32. Неволинъ, ук. соч., т. II, § 298, п. 2.—Въ 1672-1675 годахъ изданъ былъ родъ узаконеній, строго ограничивавшихъ обращеніе помѣстій (мѣну и сдачу) между нѣкоторыми разрядами служилыхъ людей, но эти узаконенія по большей части были вскорѣ отмѣнены. Такъ, въ 1675 г. новокрещенымъ совершенно запрещено было мѣнять и сдавать свои помѣстья, но это запрещеніе было въ силѣ не болѣе трехъ лѣтъ. Въ 1675 году мѣна и сдача помѣстій запрещена была также Бѣлозерцамъ, среди которыхъ было много помѣщиковъ изъ Смоленскаго края; черезъ два года это запрещеніе было отмѣнено. Въ 1672 году строго было запрещено московскимъ чинамъ мѣняться своими землями съ украинцами, но въ 1676 г. мѣна земель была вновь имъ разрѣшена. Кромѣ того, въ 1682 г. Смоленской, Бѣльской и Рославльской шляхтѣ, испомѣщенной въ Дорогобужскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ, было объявлено, чтобы они ни съ кѣмъ своихъ помѣстій не мѣняли, никому ни продавали и не закладывали ихъ. См. Неволинъ, т. II, § 268, п. 2, § 283, п. 3, 5, 11 и др. (сс. 143, 192, 205 и др. по изд. 1851 г.).

33. К. Кавелинъ, Взглядъ на истор. разв. р. пор. закон. наслѣдов. Ст. 1860, с. 38—39.—Е. Щепкина, Старинные помѣщики на службѣ и дома, 1890, с. 3, 25, Г. Блюменфельдъ, ук. соч., с. 244.

34. Запись о верстаніи новгородцевъ и псковичей 1601 г.: А. Моск. Госуд., т. I, № 40. Наказъ муромскимъ окладчикамъ 1605 г.: „неслужилыхъ отцовъ дѣтей и холопей боярскихъ не верстати"; по наказу государя здѣсь верстали „дворянъ и дѣтей боярскихъ . . отъ отцовъ дѣтей, отъ братьевъ братью отъ дядь племянниковъ": Стороженъ, Десятни, с. 90. Наказомъ епифанскимъ окладчикамъ 1606 г. запрещалось верстать „всякихъ неслужилыхъ отцовъ дѣтей и посадскихъ людей и пашенныхъ крестьянъ и

холопей боярскихъ" называть дѣтьми служилыхъ отцовъ: А. М. Гос., I, № 44. Въ 1616 году велѣно было „верстать денежнымъ и помѣстнымъ жалованьемъ недорослей дѣтей боярскихъ" и запрещено было верстать „неслужилыхъ отцовъ дѣтей"; Книги Разрядныя, т. I, с. 148. Общій наказъ 1621 г.: Собр. Гос. Гр. и Дог., III, № 59. Наказъ 1628 г.: чт. М. Общ. Ист. и Др. 1895, кн. 4, с. 3—4. Наказы 1641 и 1647 г.г.: Русск. Ист. Библ., т. X, с. 241, 390, („неслужилыхъ отцовъ дѣтей не верстати"). Наказъ 1652 г.: П. С. Зак., т. I, № 85. (А. М. Гос., т. II, № 497). Тождественный наказъ 1660 г., ibid, № 273. Наказы 1675 и 1678 г.: П. С. З., т. I, №№ 615, 744.—Отсюда видна ошибка проф. Владимірскаго-Буданова, который, вслѣдъ за Яблочковымъ, утверждаетъ, что „поступленіе на службу не принадлежало какому-либо классу по происхожденію; до половины XVII вѣка верстали въ дѣти боярскія и холоповъ, и крестьянъ, и посадскихъ людей" etc. Обзоръ истор. р. пр., с. 120; М. Яблочковъ, Ист. дворянскаго сословія въ Россіи, с. 260.—Частныя случайныя отступленія, вродѣ распоряженія царя Бориса, не измѣняютъ значенія установленнаго наказами общаго правила. (Распоряженіе ц. Бориса; Сторожевъ, Десятни, с. 89). То же слѣдуетъ сказать и объ исключительныхъ случаяхъ верстанія крестьянъ въ дѣти боярскія по злоупотребленіямъ воеводъ; „Воевода съ тѣхъ крестьянъ взялъ 20 р. денегъ да котелъ винный и назвалъ нововерстанными, поверсталъ въ Обоянскомъ въ дѣти боярскіе", или „воевода Данило Милославскій поверсталъ того его крестьянина въ дѣти боярскіе, взявъ съ него поминки великія": И. Миклашевскій, Къ ист. хоз. быта моск. госуд., ч. I, с. 16, 17, примѣч.

35. Полн. Собр. Зак., I, № 82. Сент. 1652. Вслѣдствіе донесенія стрѣлецкихъ и казацкихъ головъ было объявлено: „А нынѣ по нашему указу бѣглыхъ стрѣльцовъ и казаковъ въ дѣти боярскіе, станичники и пушкари верстать не велѣно"; этимъ указомъ не воспрещалось, однако, еще, верстать въ дворянскую службу стрѣлецкихъ и казацкихъ дѣтей, незаписанныхъ въ стрѣльцы или казаки.—Наказъ 1675 г., П. С. З., № 615.

36. Уложеніе 1649 г., гл. XVII, ст. 37. Объ архіерейскихъ дѣтяхъ боярскихъ, владѣвшихъ вотчинами и помѣстьями, которыя они получали отъ архіереевъ см. Н. Каптеревъ, Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси, и выше, примѣч. 16 ко II части.

37. Уложеніе, ст. 47, гл. XVII, ст. 15, 16, гл. XIX. Указъ 15 Іюня 1666 г.: П. С. З., I, № 390 (№ 767). Въ 1636 г. было разрѣшено продавать казенныя порозжія земли какъ служилымъ, такъ и неслужилымъ людямъ (Уложеніе, ст. 45 гл. XVII). По объясненію Градовскаго, „это дозволеніе относилось гл. образомъ къ гостямъ, которые пользовались нѣкоторыми служебными пра-

вами“: Ист. мѣстн. управл., с. 68. О служебныхъ обязанностяхъ гостей, см. А. Лаппо-Данилевскій, Организ. прям. облож., с. 47, 48.

38. Вопросъ объ отличительныхъ празнакахъ класса служилыхъ людей и о томъ, составлялъ ли онъ сословіе,—рѣшается различно изслѣдователями. „Подъ именемъ *сословій*, говоритъ Градовскій, разумѣются отдѣльныя группы подданыхъ, между которыми самъ законъ установилъ наслѣдственныя преимущественно различія въ правахъ и обязанностяхъ. Слѣдовательно, сословія, по самой своей природѣ, являются учрежденіемъ государственнымъ. Этимъ они отличаются: 1) отъ кастъ, 2) отъ классовъ“. Съ этой точки зрѣнія Градовскій полагаетъ, что *сословія* образовались въ Россіи еще въ московскій періодъ: „Исторія образованія нашихъ сословій тѣсно связана съ исторіей закрѣпощенія народа, которое началось въ московскомъ періодѣ... Московскіе государи организовали систему разныхъ тяглъ, повинностей, наложенныхъ въ пользу государства на различные классы общества... Служилое сословіе несло свое служебное тягло съ особаго рода имущества—съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, поэтому оно скоро получило исключительную привилегію владѣть такими землями... По общему принципу сословныхъ тяглъ, одно тягло не могло быть смѣшиваемо съ другимъ. Поэтому дворянство, несшее служилое тягло, не могло уже нести никакого другого, т.-е. оно было избавлено отъ прочихъ податей и повинностей“. Начала русск. госуд. права, т. I, 210, 212, 217, 218 и др. (1875).—Проф. Владимірскій-Будановъ, напротивъ, полагая, что основнымъ признакомъ сословнаго дѣленія общества являются права и преимущества, присвоенныя сословіямъ независимо отъ лежащихъ на нихъ обязанностей, утверждаетъ, что „московское государство есть *государство безсословное*.—Населеніе его раздѣлялось на классы... различіе коихъ истекало не изъ правъ, а обязанностей по отношенію къ государству: а именно: одни служатъ государству лично, другіе—уплатою денегъ въ пользу его... Служилыми людьми назывался классъ населенія, обязанный службою (придворною, военною, гражданскою) и пользовавшійся за нее частными земельными имуществами на условномъ правѣ“. Обзоръ ист. р. права, изд. 1888, с. 115, 119.—Въ этомъ опредѣленіи состоянія служилыхъ людей названный авторъ опускаетъ существенный признакъ—податную привилегію служилыхъ людей. Затѣмъ онъ неправильно утверждаетъ, что „сыновья лицъ служилыхъ не получали никакихъ особыхъ правъ съ момента рожденія: при совершеннолѣтіи (15 лѣтъ) они подвергались верстанію наравнѣ съ прочими и только тогда уже принадлежали къ служилому классу“ Въ составѣ служилыхъ людей различать служилыхъ людей по отечеству—дѣтей боярскихъ и приборныхъ служилыхъ людей разночинцевъ. Дѣти боярскія наслѣдственно пользовались преимуществами вотчиннаго землевладѣнія и свободы отъ податей.

Какъ видно изъ актовъ, они, даже если не были поверстаны въ спеціальную дворянскую службу, не зачислялись въ классъ податныхъ лицъ. Правительство лишь въ видѣ наказанія грозило неверстаннымъ дѣтямъ боярскимъ превратить ихъ въ „пашенныхъ мужиковъ", если они не станутъ писаться въ солдатскій строй. Служба въ солдатахъ была временной и по окончаніи ея дѣти боярскія оставались „дѣтьми боярскими". Какъ видно изъ уложенія, неверстанныя дѣти боярскія имѣли право покупать вотчины (только не изъ казенныхъ земель). См. текстъ, с. 226, 237, и выше примѣч. 34. Проф. Сергѣевичъ въ послѣднее время затруднился указать отличительныя черты дворянства московскаго времени: „Это масса до крайней степени разношерстная... Разграничительной черты нельзя найти ни въ обязанностяхъ, ни въ правахъ дворянства". Проф. Сергѣевичъ полагаетъ, что „между дворянами и другими классами населенія можно указать только формальное различіе" въ томъ, что дворяне записывались въ дворянскіе списки, посадскіе же люди и крестьяне въ писцовыя и переписныя книги". Русск. Юрид. Древн., т. I, 1890, с. 441, 442. Въ другомъ своемъ сочиненіи, изданномъ нѣсколько ранѣе, Сергѣевичъ, болѣе основательно, на нашъ взглядъ, говоритъ, что „основаніемъ различія сословій (московскаго времени) было различіе службы". Въ московскій періодъ „слагаются сословія, т.-е. опредѣленные разряды лицъ, въ извѣстной степени замкнутые и пользующіеся особенными правами". Лекціи и изслѣдованія по ист. р. пр., 1883, с. 630.

39. П. Милюковъ, Оч. по ист. р. культ., ч. I, с. 168. Царск. Суд., ст. 81. Указъ 1558 г., Сент. 1, Христ. Владим.-Будан., вып. III, с. 21. Рус. Истор. Библіот., т. XIII, с. 482—483. Наказъ 1671 г.: С. Г. Гр. и Дог. III, № 59, с. 244. Указатель Максимовича I, 148—151. Улож., ст. 1—3 гл. XX. Градовскій, Ист. мѣстн. упр., с. 69—70. Ш. Дворянство въ Россіи, Вѣстн. Евр., 1887, апр., с. 568—569.

40. А. Арх. Эксп., т. III, №№ 5, 14. И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, с. 126 и слѣд. В. Сторожевъ, Тверск. дворянство XVII в., вып. I, с. 35, 45—46, 65, вып. III, с. 38. Того же автора, Рязан. Двор. въ XVII в. того же автора, Два челобитья въ Библіограф. Запискахъ 1892, № 1.

41. Акты Моск. Гос., I, № 98 (1638). Акты Ист., т. IV, № 70, с. 189. Котошихинъ, О Россіи, с. 147—148.

42. П. Собр. Зак., т. II, № 744 (1678), ст. 6, 7, 8, 10, 12, 21. Акты Истор., т. IV, № 70. А. Арх. Эксп., т. III, № 287 (1639). И. Бѣляевъ, О русскомъ войскѣ въ царств. Мих. Θеод. и послѣ его до преобраз. Петра В., (1646), с. 62. Предположеніе Бѣляева о томъ, что солдатскіе полки раздѣлялись на постоянные и на-

биравшіеся на время войны и затѣмъ распускавшіеся по домамъ, подтверждается свидѣтельствомъ Котошихина (см. ниже) и многими актами. Такъ, въ 1639 году государь указалъ: „писати въ солдаты дѣтей боярскихъ и *старыхъ содлатъ*, верстанныхъ изо всякихъ вольныхъ людей“ Въ Тулѣ въ томъ же году „объявились разныхъ городовъ дѣти боярскіе малопомѣстные и пустопомѣстные, которые были прежъ сего въ солдатахъ *для смоленской службы*“: А. Моск. Гос., т. I, № 98, 99, с. 54. Дѣти боярскія рейтарскаго и драгунскаго строя попрежнему получали дворянскіе чины. Такъ, „рейтарскаго строя жилецъ изъ выбору Гришка Михайловъ сынъ Неѣловъ“, служившій „въ житьѣ лѣтъ съ десять, былъ произведенъ въ 1650 году въ чинъ стряпчаго“: А. М. Гос., т. II, № 438.

43. Brix, Gechichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen. 1867, с. 278—284. П. Милюковъ, Госуд. Хоз, въ первой четв. XVIII вѣка, с. 52. П. Собр. Зак., № 744, ст. 8. Н. Устряловъ, Ист. царствован. Петра Вел., т. I, с. 184—185, 187—188. Акты Моск. Гос., т. II, № 1130 (Дѣти боярскія также бѣгали отъ набора въ драгуны въ 1659 г.). Собр. Гос. Гр. и Дог., т. IV.

44. И. Миклашевскій, Къ ист. хоз. быта моск. госуд., гл. I, с. 188—192. В. О. Ключевскій въ Отчетѣ о XXXIII присужденіи наградъ гр. Уварова, 1892 г. с. 289—291. С. Рождественскій, Служ землевлад., с. 364—365. Мнѣнія объ общинномъ землевладѣніи приборныхъ людей держатся Неволинъ, Бѣляевъ, гг. Влад.-Будановъ, Чечулинъ, Города Моск. Гос., с. 319—322.—Уложеніе, ст. 15, 16, гл. XIX. „О посадскихъ людяхъ“ („А кто (изъ приборныхъ людей) въ тяглѣ быть не похочетъ и тѣмъ людямъ лавки свои продати государевымъ тяглымъ людямъ“). Предшествовавшія Уложенію частныя распоряженія, см. А. С. Лаппо-Данилевскій, Орган. Прям. Облож., с. 51.

45. Котошихинъ, гл. IX, п. 4, 5. А. Арх. Эксп., т. IV, № 26. И. Миклашевскій, ук. соч., ч. I, с. 74, 150, 151, 180 (Грамота 1648 года). Полн. Собр. Зак., т. I, № 288, 291 (1650).

46. П. Милюковъ, Оч. по ист. р. культ., ч. I, с. 55—56. И. Бѣляевъ, О сторожевой и станичной службѣ, прилож. с. 74—76. Brix, Gech. der alt. Rus. Heeres-Einricht., с. 179—181. Разрядныя книги, т. I.—И. Миклашевскій, с. 71—72, 155—156, 213—215.

47. И. Миклашевскій, ук. соч., с. 200—207. Акты Моск. Госуд., т. II, № 116 (1638), № 386 (1649) А. Лаппо-Данилевскій, Орган. прям. облож., с. 52—53, 97.) — Въ позднѣйшее время къ однодворцамъ были причислены не одни дѣти боярскія, но и другіе служилые люди, надѣленные нѣкогда землею. Однодворцы „изстари составляли особый родъ людей, подъ названіемъ стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, дѣтей боярскихъ, станичниковъ, которымъ,

какъ видно изъ строильныхъ книгъ 155—156 г., даваны были земляные участки на каждаго человѣка особо, и они, поселясь особливыми дворами, со временемъ пріяли и наименованіе однодворцевъ": Г. Успенскій, Опытъ повѣствов. Древн. русскихъ, т. II, с. 196—197. Миллеръ въ Извѣстіи о дворянахъ россійскихъ лучше опредѣлилъ однодворцевъ: „они землями владѣютъ безспорно, но безъ крестьянъ, отчего и однодворцами называются". Статья Я. Соловьева, Объ однодворцахъ имѣетъ цѣну лишь для позднѣйшей исторіи однодворцевъ: этотъ авторъ, напр., относитъ появленіе термина однодворцевъ къ 1714 году: Отеч. Зап., 1850, № 3, с. 90 и др. Мнѣніе Я. Соловьева о происхожденіи однодворцевъ повторяетъ Германовъ: Записки Геогр. Общ., т. XII, 1857, с. 208. Краткія замѣчанія объ однодворцахъ можно найти у Чичерина, Опыты по ист. р. права, с. 48—52; К. П. Побѣдоносцева, Курсъ гражд. права, т. II, изд. 2, с. 499; Е Щепкиной, Тульскій уѣздъ въ XVII в., с. XXX; С. Рождественскаго, ук. соч., с. 363.

Часть четвертая.

1. А. Градовскій, Начала русск. госуд. права, т. I. (1875), с. 226 и др.

2. Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, ред. М. Семевскаго, кн. I, с. 64. С. Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIV, с. 308 и др. А. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права, 1870, с. 12.

3. А. Романовичъ-Славатинскій, указ. соч., 38—40, 34—35, 3, 6, 61. Сборн. Импер. Общ., т. XI, с. 415, 417. О появленіи гербовъ у бояръ и патріарха въ XVII вѣкѣ, см. И. Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій, с. 60. — Терминъ „дѣти боярскія" не встрѣчается въ перепискѣ сената съ 1711 года: Доклады и приговоры сената, т. I—V.

4. Романовичъ-Славатинскій, указ. соч., с. 14, 15, 145, 258, 265 Полн. Собр. Зак. № 2330, п. 4 (1711, марта 2), № 2467, п. 23 (1712, янв. 16), № 3756 (1721), № 4588 Сборн. Имп Русск. Ист. Общ., т. XI, с. 415 (1721, февр. 1) И. Филипповъ, О наказаніи по законод. Петра Вел., с. 47—56, 89 и др. (Общій очеркъ реформы Петра въ главѣ I). Н. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Вел., с. 127—130.

5. Пункты 23 Марта 1714 г. Полн. Собр. Зак., № 2719. Та же редакція отъ 18 марта (безъ послѣдняго пункта) въ Доклад. и пригов. сен., т. IV, с. 238—241. Докладъ 9 декабря 1730 г.;

указъ 17 марта 1731 г. П. С. З., т. VIII, № 5653, 5717. Соображенія о введеніи майората: В. Е. Якушкинъ, Очерки по исторіи русской поземельной политики въ XVIII, XIX вв, вып. I., с. 1—15. Наша книга: Проекты реформъ, с. 50—54. Подробное изложеніе указовъ 1716, 1725, 1731 г. см. Неволинъ, Ист. Р. Гражд. Зак., т. III, §§ 518—522.

6. Полн. Собр. Зак. № 1900 (1702 г.), № 2673, п. 3 (1713), № 2879 (1715), № 4536 (1724), № 5017 (1727 г.). П. Н. Милюковъ, Госуд. хоз. Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго, с. 511—512, 627, 634. Мрочекъ-Дроздовскій, Областное управленіе Россіи XVIII в. с. 61—63 (Опис. Докум. и бум. Моск. арх. мин. юст., кн. III).

7. Романовичъ-Славатинскій, указ. соч., 152—154, 120, 128—129, 133—134, 137, 145—146. Полн. Собр. Зак., № 2775 (1714, февр. 26), № 3265 (1719, янв. 1) № 3897 (1822), №№ 3980, 5811 (1731), 8043 (1740).

8. С. Соловьевъ, Ист. Росс., т. XVI, с. 13, 30 М. Владимірскій-Будановъ, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в., Яросл. 1874, с. 258 и др. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. XI, с. 420 (1721, апр. 5). Проекты реф. въ зап. совр. Петра В., с. 5, 12, 15, 71. Роман.-Славатинскій, с. 406.

9. М. Владимірскій-Будановъ, указ. соч. П. Пекарскій, Ист. Имп. Акад. Наукъ, т. I, с. XXIV, XXX. Полн. Собр. Зак., № 2778, 1714 г. февр. 28 (первонач. распоряж. Государя о томъ же: №№ 2762, янв. 20). № 2979, 1716 г., янв. 18, (первонач. распор.: № 2971, 1715, дек. 28). № 5811, 1731 г. іюля 29, № 7171, 1737 г., февр. 9. Романовичъ-Славатинскій, ук. соч., с. 146—147.

10. С. Петровскій, О сенатѣ въ царствов. Петра Великаго, с. 206—208, 214, 217—218. Инструкція 5 февраля 1722 г.: Полн. Собр. Зак., № 3986.

11. Полн. Собр. Зак., №№ 1947 (1703), 2157 (1707), 2327, 2330, 2337 (1711), 2385 (1713), 2845, 2988 (1716), 3874 (1722) № 7142 (1736) Госуд. Арх., Кабин. д. отд. I, кн. № 53, л. 74. И. Посошковъ, Сочиненія, ч. I, с. 89. Романовичъ-Славатинскій, ук. соч., с. 123—125, 183—184.

ЛЮДИ КАБАЛЬНЫЕ И ДОКЛАДНЫЕ.

Люди кабальные и докладные [1]).

Новгородская кабальная книга 7106 (1597) года. С.-Пб. 1894. Новгородскія кабальныя книги 7108 (1599—1600) года. С.-Пб. 1894.

Въ 1586 году Московское правительство, желая установить контроль надъ вновь даваемыми служилыми кабалами, предписало записывать ихъ въ особыя кабальныя книги. Вслѣдъ затѣмъ въ извѣстное уложеніе о холопахъ 1597 года, создавшее новый видъ пожизненнаго кабальнаго холопства, включенъ былъ указъ, обязавшій господъ записать въ крѣпостныя книги, за подписью дьяковъ, и всякія старыя крѣпости на холоповъ. Одна такая крѣпостная книга, содержащая извлеченія изъ различныхъ старыхъ актовъ на холопство, была издана Н. В. Калачовымъ въ *Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній* [2]). Въ „Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи" [3]), Калачовъ напечаталъ и одну небольшую кабальную книгу Шелонской пятины 1599 года, вслѣдствіе малаго объема (9 актовъ) представлявшую интересъ только какъ образецъ подобныхъ книгъ. Изданныя теперь Археографическою коммиссіей, подъ редакціею ея члена С. Ѳ. Платонова, три большія кабальныя

---

[1]) Напечатано въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", январь, 1895 г.

[2]) Книга 2, половина I, 1855 г., книга А. Б. Лакіера.

[3]) Томъ II, № 131 I. Кромѣ того, здѣсь помѣщено нѣсколько грамотъ изъ изданной теперь книги 1599 года.

книги 1597 и 1599—1600 годовъ (входятъ въ составъ XV тома „Русской Исторической Библіотеки“) даютъ богатый матеріалъ для интересныхъ наблюденій надъ холопствомъ конца XVI вѣка.

Древнѣйшая изъ этихъ трехъ книгъ составилась изъ вновь взятыхъ господами въ Новгородѣ въ короткое время съ 15-го по 19-е декабря 1597 года служилыхъ кабалъ на ихъ добровольныхъ послужильцевъ и старинныхъ холоповъ. Изъ записанныхъ въ эту книгу новыхъ кабальныхъ людей (105 человѣкъ, не считая ихъ женъ и дѣтей) половина предварительно долгое время, отъ 5 до 20 лѣтъ, служили добровольно, безъ крѣпости у тѣхъ же хозяевъ [1]. Всѣ эти „вольные холопы“, „добровольные послужильцы“ превратились въ кабальныхъ, вслѣдствіе уложенія 1597 года, предписавшаго давать служилыя кабалы на лицъ, прослужившихъ кому-либо безъ крѣпости болѣе полугода, и противъ ихъ воли. Распоряженіе это было вызвано, повидимому, общимъ стремленіемъ правительства того времени внести болѣе опредѣленности въ юридическія отношенія лицъ, хотя оно и оправдывало его совершенно иначе: необходимостью вознагражденія господъ за содержаніе добровольнаго холопа („потому что тотъ человѣкъ того холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ“) [2]. Въ 1606 г. царь Василій Шуйскій отмѣнилъ этотъ указъ, но черезъ полгода онъ былъ возста-

[1]) Всего въ эту книгу записано, не считая малолѣтнихъ (до 12 лѣтъ), 174 лица; исключая женъ и дѣтей—105 человѣкъ. Изъ нихъ служившихъ безъ крѣпости тѣмъ же господамъ: 1) отъ 1/2 года до 3 лѣтъ—13 человѣкъ, 2) отъ 5 до 8 лѣтъ—17 человѣкъ, 3) отъ 10 до 12 лѣтъ—16, 4) отъ 15 до 20 лѣтъ—18, всего 64 человѣка. Старинныхъ холоповъ, давшихъ кабалу—34, одинъ приданый, одинъ купленый, два цолоняника. Трое били челомъ въ холопствѣ вновѣ.

[2]) Уложеніе 1597 года 25-го апрѣля. Въ указной книгѣ Приказа холопьяго суда, № 1. Акты Истор. I, № 221 и Христоматія *Владимірскаго-Буданова*, ч. III. Изъ этого уложенія мы узнаемъ объ указѣ 1586 года и объ указѣ 1-го февраля 1597 г. о запискѣ всякихъ крѣпостей. Ср. записныя книги для лошадей, Ц. Суд., ст. 95 («спору для»).

новленъ [1]), а уложеніе 1649 г. сократило до трехъ мѣсяцевъ срокъ добровольной службы, дѣлавшій человѣка холопомъ [2]).

Вторая значительная категорія лицъ, записанныхъ въ кабальную книгу 1597 года, это *старинные люди*. Всѣ холопы и рабы (женщины), или люди, имѣли спеціальныя названія по крѣпостямъ, утверждавшимъ права господина; они назывались *полными* [3]) отъ полной грамоты, *докладными*—отъ докладной, *куплеными*—отъ купчей, *придаными*—отъ рядной или даной, *духовными* или по духовной—отъ духовнаго завѣщанія [4]), *полоняниками* отъ плѣна—источника рабства, наконецъ, *кабальными* отъ кабалы. Старинными людьми назывались какъ спеціально холопы по ряднымъ или духовнымъ, такъ и вообще всѣ потомки рабовъ, служившіе по крѣпостямъ своихъ отцовъ.

---

[1]) Указъ царя Василія, 7-го марта 1606 г., отмѣна его думой 12-го сентября 1606 года. Ук. кн. Прик. хол. суд. № V. См. еще указъ 21-го мая 1609 года, тамъ же № VIII.

[2]) Глава XX, ст. 16.

[3]) Терминъ Русской Правды «обельный» былъ замѣненъ впослѣдствіи общимъ названіемъ «холопъ» и «раба». Въ житейскомъ обиходѣ холопы, обыкновенно, назывались «людьми» (духовныя) въ XVII вѣкѣ вошло въ употребленіе слово «крѣпостные» (см. Уложеніе и Дѣла о Ѳ. Шакловитомъ). По мнѣнію проф. Сергѣевича, «въ московскихъ памятникахъ обельный замѣняется терминомъ полный» (Юрид. древн., I, 95). Но въ этомъ смыслѣ слово полный употреблено, кажется, только одинъ разъ, въ законѣ 1597 года. Обыкновенно же это слово употреблялось въ указанномъ въ текстѣ смыслѣ: «полнымъ и докладнымъ и приданымъ и кабальнымъ всѣмъ простъ».

[4]) «Духовная» въ смыслѣ духовная раба употреблена въ ст. 66 Суд. Княж. и ст. 75 Суд. Царскій. «По духовной [рабѣ] холопъ, по приданой рабѣ холопъ, а по холопѣ роба». Смыслъ этой статьи объясненъ ст. 31 гл. XX Уложенія 1649 г.: «а кто будетъ въ какой крѣпости въ холопствѣ написанъ: и тѣ люди по рабѣ холопъ и по холопѣ раба. А которые старинные люди написаны кому въ *духовной* и порядной записи въ приданыхъ: и тѣ люди *по духовной и порядной записи, по рабѣ холопъ и по холопѣ раба*», то-есть, за рабой, передаваемой по наслѣдству или въ приданое, всегда слѣдуетъ ея мужъ, холопъ и обратно. Въ этомъ сказалось признаніе неразрывности брака рабовъ, неотдѣлимости мужа отъ жены, ср. гл. XX, ст. 62, 86, XIX, 38, XI, 12. Но, обыкновенно, говорили холопъ «по духовной» (законъ 1597 г. и Улож. XX гл., 31 ст.).

И вотъ изъ книги 1597 года мы узнаемъ, что въ этомъ году господа, будучи обязаны предъявить къ запискѣ всѣ акты на холоповъ и, не имѣя крѣпостей на нѣкоторыхъ своихъ старинныхъ, приданыхъ и купленыхъ людей [1]), брали на нихъ не новыя полныя или купчія, а служилыя кабалы, превращавшія этихъ холоповъ изъ безусловныхъ въ пожизненныхъ. Законъ 1597 года предвидѣлъ случай пропажи старыхъ крѣпостей и разрѣшилъ возобновлять утерянные акты (полныя, докладныя, духовныя, рядныя), но только тѣ, о пропажѣ которыхъ господа своевременно заявили. Но, вѣдь, господа, казалось бы, могли, не возобновляя старыхъ актовъ, брать на своихъ холоповъ новыя полныя грамоты, чтобъ не утрачивать своихъ правъ на нихъ, какъ на наслѣдственныхъ рабовъ. Почему же они брали на своихъ холоповъ служилыя кабалы? Продажа въ полницу въ это время была еще разрѣшена; она была запрещена нѣсколько позднѣе [2]). Но и въ это время правительство явно стремилось замѣнить продажу въ полницу служилой кабалой. На сколько можно судить по частному узаконенію о продажѣ въ полницу кабальныхъ, правительство разрѣшало въ это время давать полныя и докладныя только съ доклада намѣстнику трети московскія [3]), тогда какъ прежде эти грамоты да-

---

[1]) Михѣй Васильевъ «*приданой* его Левонтьевъ» (стр. 10); Микифоръ Кушликъ «отца де его Осипова Алексѣя Попова *купленый* латышъ» (стр. 34). Служилая кабала взята и на послужильца Петра Иванова—холопа по браку съ рабой: жена его Федора «его Леонтьевы *приданыя робы* Дарьицына *дочь*» (стр. 40). Служилыя кабалы на полоняниковъ—стр. 1 и 22.

[2]) См. ниже.

[3]) «А которые кабальные люди учнутъ на себя полныя и докладныя давати, и тѣхъ кабальныхъ людей отсылати съ памятми и съ кабалами къ постельничему и къ намѣстнику трети Московскіе, къ Истомѣ Осиповичу Безобразову и которые постельничіе впредь будутъ». Уложеніе 1597, апр. 25 (Христ. *Влад.-Буд.*, III, 92). Я думаю, кабальныхъ въ данномъ случаѣ велѣно отсылать къ И. О. Безобразову, потому что только онъ одинъ и имѣлъ еще право давать полныя и докладныя. Такъ разрѣшается трудность пониманія этого узаконенія, которую отмѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ (l. c., прим. 15).

вались и провинціальными намѣстниками съ правомъ боярскаго суда[1]). Вслѣдствіе этого-то, быть можетъ, господа въ провинціи и брали служилыя кабалы на своихъ старинныхъ холоповъ, не желая изъ-за двухъ-трехъ грамотъ ѣхать въ Москву.

Въ разсмотрѣнной нами книгѣ мы имѣли дѣло съ служилыми кабалами, взятыми въ короткое время господами на лицъ, издавна служившихъ у нихъ. Въ слѣдующихъ двухъ книгахъ записаны дьякомъ Дмитріемъ Алябьевымъ служилыя кабалы на лицъ, вновь поступавшихъ въ холопство въ Великомъ Новгородѣ, за время съ 3-го сентября 1599 года по 1-е сентября 1600 года. При каждой грамотѣ дьякъ записывалъ примѣты холопа и показанія о его происхожденіи и прошломъ, иногда настоящія коротенькія біографіи. Такимъ образомъ, мы получаемъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи различныхъ классовъ къ кабальному холопству. Свѣдѣнія эти пріобрѣтаютъ особый интересъ, такъ какъ относятся къ весьма важному времени въ исторіи Московскаго царства, къ началу, впослѣдствіи столь рѣшительнаго, стремленія правительства къ полному закрѣпощенію всѣхъ классовъ общества, прикрѣпленію ихъ къ лицу, тяглу или государственной службѣ.

Изъ всего числа лицъ, давшихъ на себя служилую кабалу въ Новгородѣ въ теченіе года (123 человѣка), болѣе ²/₅ принадлежатъ къ числу вольноотпущенныхъ холоповъ и послужильцевъ или старинныхъ холоповъ и кабальныхъ, идущихъ въ холопство къ своимъ старымъ хозяевамъ или ихъ дѣтямъ. Но насъ интересуютъ не вольноотпущенные, а люди, до продажи въ кабалу чуждые холопству. Такихъ вольныхъ людей записано въ книги 1599 — 1600 годовъ до 65. Среди нихъ очень немного лицъ, имѣвшихъ ранѣе самостоятельное хозяйство, а именно: четыре бобыля, давшіе служилыя кабалы своему же господину, одинъ бывшій ка-

---

[1]) Суд. Царскій, ст. 63, 66.

бальный, служившій въ бобыляхъ за монастыремъ и „отпущенный архимандритомъ съ братьею на волю“ [1]); затѣмъ стрѣлецъ, побывавшій на службѣ въ Новгородѣ и Астрахани, четыре мастеровыхъ, сапожникъ и портные, изъ которыхъ двое шили платья „ходя по наймамъ“, третій, старикъ 70 лѣтъ, раньше служилъ по кабалѣ; наконецъ, два дьячка, жившіе раньше въ монастыряхъ [2]).

Всѣ остальные—*изгои*, силою обстоятельствъ или собственной волей исключенные изъ своего состоянія; все это люди, осиротѣвшіе съ малолѣтства и съ дѣтства ходившіе по чужимъ людямъ или съ ранней молодости ушедшіе на сторону отъ своихъ отцовъ въ наймы, или начавшіе гулять „въ полѣ въ козакахъ“. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ категорія малолѣтнихъ сиротъ; нѣкоторые изъ нихъ, мальчики и дѣвочки, такъ и продавались въ кабалу, будучи всего 8—12 лѣтъ [3]), другіе нѣкоторое время „ходили по добрымъ людямъ“ или служили по найму; многіе изъ нихъ были родомъ крестьяне, одинъ—сынъ торговаго человѣка, другой—сынъ стрѣльца [4]). Затѣмъ слѣдуетъ второй разрядъ изгоевъ—нищихъ, бродягъ, гулящихъ людей—казаковъ. Одинъ съ малолѣтства „питался Христовымъ именемъ“, другой, какъ самъ заявилъ въ розспросѣ, „жилъ въ гулящихъ людяхъ“, третій, бродяга-латышъ, пришелъ „просить хлѣба“, тотъ, вернувшись изъ литовскаго плѣна, побывалъ на Дону, тотъ „гулялъ на Волгѣ въ козакѣхъ“; одинъ же крестьянскій сынъ „побылъ на полѣ у отамана лѣтъ съ 8, ...пришелъ въ Новго-

[1]) Исайко, стр. 1, Евдокимъ Первой, стр. 20, Васька Олексинъ, стр. 34, Ив. Степановъ, стр. 45, Степанъ Микулинъ, стр. 17.

[2]) Сем. Федоровъ, стр. 25, Фед. Богданко, стр. 23, Микита Смирка, стр. 40, Сергѣй (прозв.) Семенъ, стр. 68, Корн. Сухой, стр. 5; дьяки Сем. Коромысловъ 35 лѣтъ, стр. 10 и Бор. Зубовъ 30 лѣтъ, стр. 68.

[3]) Авдотья Бѣлка 8 лѣтъ, стр. 46, латышъ Симаковъ 13 лѣтъ, стр. 50, Карлъ Ивановъ, сынъ бобыля 12 лѣтъ, стр. 57, Софьица Щербакова, бобыльская сирота 12 лѣтъ, стр. 60, Андрей Ѳедоровъ 11 лѣтъ, стр. 73.

[4]) Стр. 61, 77; крестьяне: стр. 9, 13, 16, 32 (сирота, съ 5 лѣтъ нищенствовалъ) и др.; неизвѣстнаго происхожденія: стр. 11, 14, 15, 23 и др.

родъ провѣдывати родимцовъ, и родимцовъ никого не сыскалъ“ [1]), и всѣ въ концѣ концовъ продались въ кабалу, зная, что и отъ кабалы легко уйти въ поле [2]).

Особенный интересъ представляютъ данныя кабальныхъ книгъ объ отношеніи крестьянскаго класса къ холопству, такъ какъ они относятся къ переходному времени, закончившемуся закрѣпощеніемъ крестьянъ. Въ это время, въ концѣ XVI вѣка, по господствующему въ настоящее время мнѣнію, въ положеніи крестьянскаго класса не произошло еще никакой существенной перемѣны. Въ это время все участіе правительства въ крестьянскомъ вопросѣ ограничивалось разбирательствомъ исковъ о „бѣглыхъ“ крестьянахъ, то-есть вывезенныхъ и выбѣжавшихъ не въ срокъ, безъ отказа, и въ 1597 году, подавленное множествомъ такихъ исковъ, правительство даже издало указъ благопріятный для крестьянъ, сокративъ срокъ подачи исковъ о бѣглыхъ до пяти лѣтъ [3]). Косвенное подтвержденіе этимъ соображеніямъ даютъ и данныя кабальныхъ книгъ, касающіяся практики поступленія крестьянъ въ холопство. Когда правительство дѣйствительно закрѣпостило крестьянъ, то оно, естественно, объявило „крѣпкими“ не однихъ домохозяевъ, но и ихъ сы-

---

[1]) Стр. 24, 8, 22 (Левонтій Алексѣевъ), 22 (Кирило Богданко), 58 (Андр. Васильевъ), 54 (Серг. Дмитріевъ). «Походя взросъ по городомъ», стр. 11 (Вас. Аввакумовъ); дѣти нищихъ, стр. 31 (Гурейко), 39 (Михайловъ).

[2]) Общіе итоги приблизительно слѣдующіе: всего записано въ книгу 123 новыхъ кабальныхъ: изъ нихъ мы беремъ 119 человѣкъ съ болѣе или менѣе извѣстнымъ прошлымъ. Изъ этихъ же: 1) *холоповъ*—54 (отпущенныхъ холоповъ и кабальныхъ—7; отпущенныхъ послужильцевъ—19; дающихъ кабалу своимъ старымъ господамъ—14; переходящихъ отъ отца къ сыну: кабальныхъ 2, послужильцевъ—4); 2) *сиротъ малолѣтнихъ*—25 (изъ нихъ крестьянскихъ дѣтей—10, одинъ сынъ торговаго человѣка и одинъ—стрѣльца, стр. 61); 3) *нищихъ* и *гулящихъ людей* – 10; 4) лицъ, имѣвшихъ *самостоятельное хозяйство*,—12) 5) безъ опредѣленныхъ занятій—18 (дѣтей крестьянъ, стрѣльцовъ, мастеровыхъ).

По происхожденію всѣ кабальные дѣлятся такъ: *крестьянскихъ дѣтей* и бобылей—32; дѣтей *мастеровыхъ*—двое: дѣтей *стрѣльцовъ*—6; сынъ *торговаго человѣка*—одинъ. Остальные неизвѣстнаго происхожденія.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. II, № 20.

новей, братьевъ и племянниковъ [1]). Но въ 1599—1600 годахъ, какъ мы видѣли выше изъ показаній кабальныхъ холоповъ, дѣти крестьянъ свободно, при жизни и по смерти своихъ отцовъ, шли на сторону, въ наймы, въ казаки или въ кабалу [2]). Точно также правительство въ это время разрѣшало еще крестьянамъ бить челомъ въ кабальное холопство своимъ же господамъ; выше мы отмѣтили уже четыре такихъ случая [3]). Впослѣдствіи, въ связи съ общимъ прикрѣпленіемъ крестьянъ, это было строго запрещено: „по государеву указу, — говоритъ Уложеніе 1643 года,—никому на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей кабалъ имати не велѣно“ [4]).

Въ Новгородскихъ кабальныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ и другую любопытную практику поступленія въ кабальное холопство, впослѣдствіи запрещенную. И въ книгѣ 1597 г., и въ книгахъ 1599—1600 годовъ записаны служилыя кабалы, данныя двоимъ братьямъ-хозяевамъ и отцу съ сыномъ вмѣстѣ [5]); въ этомъ не видѣли еще кореннаго противорѣчія указу о пожизненности кабальнаго холопства. Только въ 1606 году правительство замѣтило этотъ обходъ закона 1597 года, дѣлавшій изъ пожизненной кабалы наслѣдственную, и указало: „сыну съ отцомъ и брату съ братомъ и дядѣ съ племянникомъ на людей кабалъ писати и въ книги записывати не велѣти“ [6]).

---

[1]) Уложеніе 1649 года, гл. XI, ст. 3. Писцовый наказъ 1646 года, въ Акт. Арх. Эксп., т. III.

[2]) То же правило дѣйствовало въ 1609 году, см. Акты Арх. Эксп., II, № 133, с. 246

[3]) Стр. 214. Служилыя кабалы на собственныхъ крестьянъ разрѣшено было брать особымъ указомъ 1606 года, лишь въ видѣ временной мѣры: Акты Арх. Эксп., II, № 40. Раньше Цар. Суд. давалъ даже льготу отъ уплаты пожилаго крестьянамъ при продажѣ ихъ въ холопы: стр. 88.

[4]) Гл. XX, ст. 113, ср. гл. XI, ст. 32.

[5]) Книга 1597 года, стр. 31 (Мих. Ивановъ), 41 (Вас. Ондрѣевъ съ семействомъ), 49 (Сав. Васильевъ). Книги 1599—1600 годовъ, стр. 2 (Сид. Васильевъ), 15 (кабала Устиньи Федоровой отцу съ сыновьями), 26 (Авд. Федорова), 51 (Герас. Гарашъ), 57 (Карлъ Ивановъ).

[6]) Христ. *В.-Буданова*, ч. III, с. 100. Проф. В.-Будановъ (прим. 28) справедливо не допускаетъ толкованія неясныхъ словъ этого указа въ смыслѣ

Въ концѣ XVI вѣка правительство или мѣстныя власти, забывъ объ указѣ 1559 года, еще признавали законными и служилыя кабалы на несовершеннолѣтнихъ; дьяки записывали въ книги кабалы на дѣтей 8—13 лѣтъ [1]). Уложеніе 1649 года вполнѣ резонно запретило совершеніе такихъ сдѣлокъ и установило предѣльный возрастъ для самопродажи въ холопство—15 лѣтъ [2]).

Новгородскія кабальныя книги заключаютъ въ себѣ, такимъ образомъ, не мало интереснаго матеріала для исторіи низшихъ классовъ московскаго общества и въ особенности для исторіи кабальнаго холопства. Это послѣднее, несомнѣнно, заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ то, какое удѣляла ему до сихъ поръ наша историческая литература. Институтъ служилой кабалы интересенъ и самъ по себѣ какъ оригинальная форма частной зависимости, такъ и въ связи съ общей исторіей развитія рабства въ Россіи. Только въ недавнее время сдѣлана была проф. Ключевскимъ первая попытка обстоятельнаго изученія происхожденія и развитія кабальнаго холопства въ его извѣстной статьѣ „Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи“ [3]).

Причиной возникновенія кабальнаго холопства, по предположенію проф. Ключевскаго, былъ „какой-нибудь переломъ, совершившійся въ народномъ хозяйствѣ“. „Трудно объяснить,—говоритъ онъ,—что именно произошло тогда въ народномъ хозяйствѣ, но можно замѣтить. что произошло нѣчто такое, вслѣдствіе чего чрезвычайно увеличилось количество свободныхъ людей, которые не хотѣли продаваться въ полное

разрѣшенія давать единовременно отдѣльныя кабалы отцу и сыну («а велѣти писати кабалы порознь, отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала»).

Такое единовременное заключеніе двухъ актовъ особо запрещено, ст. 9, гл. XX Уложенія.

[1]) Книга 1597 года: отдѣльныя кабалы на дѣтей 8—11 лѣтъ, стр. 22, 29, 30, Книги 1599—1600 г., стр. 18, 46, 51, 52, 57, 60, 73, 77.

[2]) А. Истор., I, № 154. XII, гл. XX, ст 20.

[3]) *Русская Мысль*, 1885, № 8 и 10.

рабство, но не *могли поддержать своего хозяйства* безъ помощи чужого капитала,.. и, не отказываясь отъ свободы навсегда и безусловно, входили въ долговыя обязательства, устанавливавшія неволю временную и условную“ [1]). Но это объясненіе, какъ кажется, не вполнѣ соотвѣтствуетъ существеннымъ чертамъ *служилой* кабалы. Люди, продававшіеся въ кабалу, едва ли рѣшались на это для поддержанія *собственнаго* хозяйства, такъ какъ они обязывались за ростъ *служить во дворѣ* господина, становясь такимъ образомъ въ положеніе наймитовъ и рабовъ; кромѣ того, они занимали обыкновенно крайне малую сумму, едва ли достаточную для серьезной поддержки хозяйства [2]). Фактъ появленія кабальныхъ людей указываетъ, по моему мнѣнію, отнюдь не на увеличеніе числа разорившихся домохозяевъ, *не желавшихъ* продаваться въ полное рабство: бездомовные люди точно такъ же, какъ и самостоятельные хозяева, стремились, само собой разумѣется, при первой возможности, сохранить за собою извѣстныя права при продажѣ въ рабство. Вопросъ, такимъ образомъ, заключается въ томъ, откуда для людей, доведенныхъ до крайности (бездомовныхъ бродягъ и нищихъ или банкротовъ-хозяевъ все равно), явилась эта возможность обезпечить за собою, при продажѣ въ рабство, право выкупа на волю (сущность кабалы XVI вѣка).

Фактъ возникновенія въ началѣ XVI вѣка [3]) новаго,

---

[1]) L. cit., № 8, стр. 16.

[2]) Во второй половинѣ XVI вѣка (1563—1598 гг.) при покупкѣ въ кабалу мужа съ женой и дѣтьми давали отъ 3 до 15 руб. моск; при покупкѣ одного человѣка мужчину или женщину,—отъ 2 до 6 руб., очень рѣдко—10 р. См. Крѣпостная книга, принадлежащая Лакіеру. Въ 1596—1600 г. въ Новгородѣ давали одному кабальному отъ 1 до 5 р. моск. Въ видѣ исключенія одному дьячку при продажѣ въ кабалу дали 7 р. и одному сыну холопа—15 р. (1599 г., стр. 10 и 29). Одинъ-два руб. давали большей частью мальчикамъ и дѣвочкамъ. Мужу, женѣ и дѣтямъ вмѣстѣ давали обыкновенно 5 р. Только Григорію Филипову съ женой и тремя дѣтьми дали 10 р. (1596 г., стр. 48).

[3]) Первое упоминаніе о кабальныхъ людяхъ встрѣчается въ духовной 1481, затѣмъ въ духовной 1509 г. (С. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 112, 147;

условнаго кабальнаго холопства съ правомъ выкупа на волю и указываетъ на недостатокъ у хозяевъ въ рабочихъ рукахъ—холопахъ, заставившій ихъ, вмѣсто болѣе выгодной для нихъ покупки человѣка „въ полницу", брать на него менѣе прочную служилую кабалу [1]). Недостатокъ же въ рабахъ сталъ ощутительнымъ или отъ расширенія болѣе крупныхъ частныхъ хозяйствъ, или отъ уменьшенія наличнаго числа лицъ, готовыхъ продаться въ рабство, скорѣе же всего и отъ того и другого. Возникновеніе условнаго холопства не случайно совпадаетъ съ началомъ извѣстнаго отлива населенія на окраины, и быстрое распространеніе кабальнаго холопства параллельно съ уменьшеніемъ числа населенія въ центральныхъ областяхъ въ теченіе XVI вѣка еще болѣе убѣждаетъ въ причинной связи обоихъ явленій [2]). При этомъ надо имѣть въ виду, что на приволье новыхъ мѣстъ скорѣй всего шли разнаго рода „изгои", именно тѣ люди, для которыхъ прежде, когда окраины были заняты татарами, былъ одинъ исходъ—рабство. Мы уже видѣли изъ кабальныхъ книгъ, что изъ числа новыхъ кабальныхъ въ XVI вѣкѣ многіе предварительно побывали „въ полѣ, въ козакѣхъ".

проф. *Сергѣевичъ* почему-то не упоминаетъ о первой изъ этихъ грамотъ Юрид. Др., I, 148). Какъ видно изъ духовныхъ съ 1526 г., изученныхъ проф. *Ключевскимъ*, обычай продажи въ кабалу распространился въ первой четверти XVI вѣка (*Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 13).

[1]) Только крайняя необходимость могла заставить господъ согласиться на замѣну полныхъ людей кабальными. Право выкупа на волю аналогично праву крестьянскаго перехода, съ которымъ съ XVI вѣка такъ боролись господа.

[2]) Переселенія изъ центральныхъ областей достигли обширныхъ размѣровъ во второй половинѣ XVI вѣка. См. *Н. Д. Чечулинъ*, Города Моск. госуд. въ XVI вѣкѣ, стр. 173—175. Начало движенія относится къ началу XVI вѣка. Земледѣльческая колонизація, надо полагать, во многихъ мѣстахъ предшествовала построенію городовъ на окраинахъ; города же стали усиленно строиться со второй четверти XVI вѣка. О колонизаціи Поволжья на рубежѣ XV и XVI вѣковъ см. *Перетятковичъ*, Поволжье въ XV—XVI вѣкѣ, ст. 104—109, 111, 119. О колонизаціи Дона въ то же время, см. наказъ 1502 г., *Д. Иловайскій*, Ист. Ряз. кн. I, 202.

Другою причиной, вызвавшей недостатокъ въ рабахъ, было, быть можетъ, то, что къ концу удѣльнаго періода плѣнъ, одинъ изъ двухъ главныхъ источниковъ рабства, пересталъ доставлять холоповъ въ прежнемъ громадномъ количествѣ [1]). „Плѣнъ, какъ источникъ рабства,—замѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ, — все болѣе и болѣе сокращается уже въ XIII, XIV, XV вѣкахъ. Причины этого лежатъ въ томъ, что прежній частный интересъ войны постепенно переходитъ въ политическій, то-есть, война обращается въ средство достиженія интересовъ исключительно государственныхъ, напримѣръ, пріобрѣтеніе части территоріи и т. д. Этотъ переходъ ознаменовался запрещеніемъ захватывать въ плѣнъ мирныхъ жителей и ихъ имущество (въ первый разъ по договору съ ляхами — въ 1229 г.)“ [2]). Новый взглядъ правительства на плѣнныхъ, какъ на государственную собственность, отразился въ указѣ царя Іоанна IV 1-го сентября 1558 года: правительство разрѣшало продаваться въ холопство только тѣмъ изъ полоняниковъ-новокрещеновъ, которые „государю въ службу не пригодятся или государеву службу служили, да отъ службы отставлены“ [3]).

Развитіе кабальнаго холопства, какъ юридическаго института, весьма различно изображается изслѣдователями исторіи русскаго права. Нѣкоторые, какъ Калачовъ [4]) и проф. Владимірскій-Будановъ, — послѣдній, подчиняясь мысли о постоянномъ слѣдованіи закона за практикой,—почти не различаютъ двухъ существенно различныхъ формъ кабальнаго

---

[1]) *Лохвицкій* въ диссертаціи: «О плѣнныхъ по древне-русскому праву» говоритъ, что въ княжескихъ междоусобіяхъ «плѣнные по заключеніи мира взаимно возвращаются безъ выкупа и поголовнаго размѣна», — неосновательно возведя въ общее правило соотвѣтствующія статьи многихъ княжескихъ договоровъ (въ С. Гос. Гр. и Дог., т. I). Кромѣ междоусобицъ, много плѣнныхъ-рабовъ доставляли также внѣшнія войны.

[2]) Обзоръ ист. русскаго права, т. II, стр. 3, 74.

[3]) Христом. проф. *В.-Буданова*, ч. III, стр. 23. Этотъ же указъ установилъ записку въ книги у казначеевъ крѣпостей на новокрещеновъ.

[4]) Предисловіе къ крѣпостной книгѣ Лакіера въ *Арх. ист.-юр. св.*, кн. 2, пол. 1, стр. 13 и 25.

холопства до и послѣ указа 1597 г. [1]). Большинство ставитъ служилую кабалу въ связь съ закупами и закладниками (проф. Чичеринъ, Ключевскій, В.-Будановъ). Проф. Ключевскій видитъ въ развитіи кабальнаго холопства вліяніе холопства докладнаго, при чемъ придаетъ послѣднему нѣкоторыя черты кабальнаго. Проф. Сергѣевичъ, обыкновенно строго держащійся прямого смысла актовъ, не отличаетъ докладныхъ холоповъ отъ кабальныхъ [2]).

Въ исторіи кабальнаго холопства необходимо строго различать два періода: первоначальный и послѣ указа 1597 г. Сначала кабальные люди не были холопами; до 1597 г. кабальные люди — это свободные должники, обязавшіеся взамѣнъ уплаты процентовъ служить во дворѣ господина безсрочно, до уплаты долга „(за ростъ служити по вся дни во дворѣ“). Въ заемныхъ роспискахъ-кабалахъ они называютъ себя не иначе какъ *заимщиками* [3]). Правительство въ XVI вѣкѣ строго держалось этого формальнаго взгляда на служилую кабалу. Судебникъ 1550 г. знаетъ не кабальныхъ холоповъ,

---

[1]) «Заемъ въ древнее время обезпечивался обыкновенно личнымъ закладомъ ...Такимъ образомъ и устанавливалось временное холопство, именуемое въ земскій періодъ закупничествомъ, а въ московскомъ государствѣ служилой кабалою. Закупничество продолжалось до отработки долга съ процентами или до уплаты его, а служилая кабала — до смерти или холопа, или его господина, не переходя къ преемникамъ ни того, ни другого», Обзоръ, т. II, стр. 76. Кабальное холопство есть холопство пожизненное, но не потомственное; оно превращено въ пожизненное настоящимъ указомъ, вопреки 78 ст. Ц. Суд. «но, конечно, обычай предупредилъ въ этомъ случаѣ законъ». Христоматія, ч. III, стр. 90, прим. 11.

[2]) О докладныхъ см. ниже. Отмѣтимъ также оригинальное мнѣніе *Д. И. Иловайскаго*. „Съ теченіемъ времени, — говоритъ онъ, — кабальные или полусвободные холопы въ силу новыхъ договоровъ или просто въ силу давности обращались или въ полные, или въ докладные... Эти докладные составляли среднюю ступень между полными и кабальными». (Ист. Россіи, III, 430). Между тѣмъ, такіе новые договоры запрещены были указомъ 1560. Послѣднее же замѣчаніе — перевернутая наоборотъ теорія проф. Ключевскаго.

[3]) «А кой насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба“. «Заимщикъ Степанко руку приложилъ». Новг. каб. кн., с. 12, см. также, стр. 29 и 68.

а свободныхъ „*сорбреникозъ*“ (заимщиковъ), людей „по кабаламъ за ростъ служити“. Указъ 15-го октября 1560 г. называетъ кабальныхъ людей не иначе какъ „заимщиками“ подтверждаетъ постановленія о нихъ Судебника и не отличаетъ служилыхъ кабалъ отъ ростовыхъ [1]). Въ правой грамотѣ 1547 г. кабальный человѣкъ Онисимка также ни разу не называется холопомъ [2]). Сначала и господа называли кабальныхъ не холопами, а серебрениками и, отпуская на волю, не давали имъ отпускныхъ, какъ холопамъ, а выдавали безденежно кабалы [3]).

Но на практикѣ кабальные люди, вѣроятно, съ перваго ихъ появленія стали въ положеніе холоповъ. Самая служба во дворѣ господина въ то время безправія, самоуправства сильнаго, и частнаго суда, неизбѣжно равняла съ холопами неоплатнаго должника, отдавала его на полную волю господина [4]). „А кто человѣка держитъ въ деньгахъ и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а окольничіе въ то у него не вступаются“: это правило едва ли не было общимъ, хотя мы и встрѣчаемъ ясное выраженіе его только въ жалованной грамотѣ Смоленску 1514 г. [5]).

Кромѣ правъ владѣнія и пользованія кабальнымъ человѣкомъ, господинъ до 1597 г. имѣлъ и право распоряженія

---

[1]) Суд. Ц., стр. 78. Указн. кн. вѣд. казнач., ст. XVI. Христ. В-Буданова, Ш, 26, 27.

[2]) Акты юрид., № 22. Онисимко былъ обвиненъ и выданъ истцу «головою до искупа».

[3]) Въ духовной кн. Ногтева 1534 г. читаемъ: «а что мои люди по кабаламъ серебряники и по полнымъ грамотамъ... холопи». Духовная Арбузова, 1556 г.: «тѣ мои люди на слободу и кабалы бы имъ выдати безденежно»; «серебряники кабальные». См. *Ключевскій, Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 13—15.

[4]) Превращеніе кабальныхъ людей въ холоповъ проф. *Ключевскій* объясняетъ такъ: княжескіе закладники первые стали въ положеніе холоповъ, такъ какъ они были въ двойной зависимости, частной и политической, отъ своихъ господъ. Вслѣдъ за князьями, превратившимися въ бояръ, и всѣ господа стали смотрѣть на своихъ закладчиковъ-кабальныхъ людей, какъ на холоповъ, l. cit., № 1, 85.

[5]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I № 148.

имъ. Это положеніе можно вывести и a priori изъ положенія о кабальныхъ, какъ неоплатныхъ должникахъ, какъ сдѣлалъ проф. Сергѣевичъ [1]), но можно и доказать съ документами въ рукахъ. Кабальные въ XVI вѣкѣ переходятъ по наслѣдству и даются въ приданое. „Да брату-жъ нашему Ивану,—читаемъ въ дѣльной 1587—1588 г.,—досталось отца нашего старинныхъ людей, полныхъ и *кабальныхъ*“ Тягался Иванъ Лодыгинъ о кабальномъ своемъ человѣкѣ, говоритъ одна правая грамота 1595 г.: „и истецъ въ разспросѣ сказалъ, что тотъ человѣкъ его, а зовутъ его Савкою Григорьевъ сынъ, а *дали въ приданые*, за матерью его (Лодыгина) отца, *ихъ*: Гришу да мать его Оленку, да сестру его Поженку“ [2]).

У кабальнаго человѣка, правда, оставалось еще право выкупа на волю, важное его преимущество передъ безусловнымъ рабомъ. Но не надо преувеличивать значеніе этого права; возможность выкупа *на свободу* была, въ сущности, одной фикціей; право выкупа сводилось на практикѣ къ праву перехода, перемѣны одного господина на другого. „Мудрено представить,—замѣчаетъ Бѣляевъ,—чтобы бѣднякъ, занявшій деньги и отдавшій себя въ работу за одни проценты, удобно могъ найдти средство для уплаты самого капитала“ [3]). Онъ могъ выкупиться только, когда находилъ новаго кредитора и, слѣдовательно, новаго господина.

---

[1]) Юридич. древн., т. I, стр. 149.

[2]) Акты отн. до Юр. Б., I, № 105, II, Арх. ист.-юр. св., кн. 2, пол. 1 (Лодыгинъ представилъ въ судъ и данную отца своего на Гришу). См. тамъ же, стр. 68, 69: „Ондрей Юрьевъ сынъ Косицкой да Максимъ Богдановы дѣти Косицкого подѣлили межъ себя полюбовно людей своихъ полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ». См. еще въ Акт. юрид., № 420, духовную кн. Н. А. Ростовскаго: «Да пожаловалъ есми жену свою княгиню Овдотью своими людьми кабальными...; тѣмъ людемъ жити у княгини послѣ княжого живота пять лѣтъ»...

[3]) «Законы и акты о крѣпостномъ состояніи въ древней Руси», въ Арх. ист. и практ. свѣд., кн. 2, стр. 97. То же *Сергѣевичъ*: «служилой кабалой достигалось почти полное закрѣпленіе должника вѣрителю и сл.» Юрид. др., I, стр. 148.

Смыслъ замѣчательнаго указа 1597 г., создавшаго новую форму кабальнаго холопства, пожизненнаго, до смерти господина, и заключается прежде всего въ лишеніи кабальныхъ людей этого права перехода, въ ихъ *прикрѣпленіи* къ лицу господина [1]). Этотъ указъ и одновременный съ нимъ указъ о прикрѣпленіи вольныхъ холоповъ, добровольныхъ послужильцевъ [2]), являются, такимъ образомъ, предвѣстниками значительно позднѣйшихъ распоряженій правительства о прикрѣпленіи крестьянъ. Лишивъ кабальныхъ людей права выкупа, правительство въ то же время впервые оффиціально назвало ихъ *холопами* [3]). Въ этомъ случаѣ законъ закрѣпилъ то, что, какъ мы видѣли, давно уже установилось на практикѣ.

Мысль же объ установленіи пожизненнаго холопства издавна была не чужда московскому правительству. Указъ 1597 г. только распространилъ на кабальныхъ дѣйствіе закона 1556 г. о пожизненномъ холопствѣ плѣнныхъ. „А кто ищетъ полоняника въ холопи,—гласитъ этотъ законъ,—котораго полону ни буди, и утяжетъ его многими свидѣтели и тотъ полоняникъ ему *холопъ до его живота*, а дѣтемъ его не холопъ“ [4]). Мысль эту правительству могла дать практика, именно обычай давать отпускныя рабамъ при смерти, очень распространенный въ то время.

Указъ 1597 г. о холопствѣ кабальныхъ до смерти господина пріобрѣтаетъ особое значеніе, если разсматривать его въ связи съ общею политикой правительства по отношенію къ холопству. Политика московскаго правительства въ

---

[1]) Ср. *Бѣляевъ*, l. cit., стр. 90.

[2]) Въ томъ же уложеніи 25-го апрѣля 7105 г. см. выше. Это значеніе указа отмѣтилъ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. VII, изд. 1894 г., стр. 650.

[3]) «И тѣмъ всѣмъ людямъ... по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ быти *въ холопствѣ*, какъ и по докладнымъ;... и тѣ ихъ дѣти тѣмъ своимъ государемъ *въ холопи*»... Христоматія Владимірскаго-Буданова, III, стр. 90, 91.

[4]) Указн. кн. вѣд. казначеевъ 1556, авг. 2, № V, см. христом. *В.-Буданова*, ч. III.

XVI вѣкѣ, нуждавшагося въ людяхъ и средствахъ, естественно направлена была къ ослабленію рабства, такъ какъ свободный человѣкъ, становясь рабомъ, ускользалъ, подобно закладнику, отъ государственной службы и повинностей. Въ половинѣ XVI вѣка политика эта не была еще вполнѣ последовательной. Царскій Судебникъ, съ одной стороны, ограничивая притязанія господъ, настаиваетъ на томъ, что дѣти, родившіяся до холопства отца, свободны; объявляетъ, что холопъ не можетъ продать своего сына за долги; наконецъ, закрываетъ одинъ изъ источниковъ рабства—рабство за долги [1]; но, съ другой стороны, тотъ же Судебникъ почему-то даетъ льготу отъ уплаты пожилаго и отъ соблюденія закона о Юрьевѣ днѣ крестьянину, продающемуся съ пашни въ полные холопы [2]. Во второй половинѣ XVI вѣка враждебная рабству тенденція московскихъ государей проявляется все рѣшительнѣе. Въ 1558 г. за подложныя крѣпости на вольныхъ людей установлено было необычно жестокое наказаніе: смертная казнь и господину и чиновнику, совершившимъ подлогъ. Въ 1560 г. несостоятельнымъ должникамъ *запрещено* было давать на себя крѣпости полныя и докладныя, даже если они изъявили на это желаніе [3]. Въ 1556 г., какъ мы отмѣтили выше, установлено было пожизненное холопство плѣнныхъ.

Всѣ эти указы завершились уложеніемъ 1597 г. о кабальныхъ и вольныхъ холопахъ. Это уложеніе стоитъ въ связи съ прекращеніемъ продажи въ полное холопство. Указъ объ этомъ, если только онъ былъ, изданъ былъ въ первой половинѣ XVII вѣка до уложенія 1649, въ которомъ о продажѣ въ полницу уже нѣтъ и помина [4]. Рѣшитель-

---

[1]) Ст. 76 и 90. Злостное банкротство исключается изъ этого правила.

[2]) Ст. 88.

[3]) Ук. кн. вѣд казнач. 1558, ноября 30-го, № XIV и 1560 октября 15-го, № XVI.

[4]) Въ указѣ 1597 г., какъ замѣчаетъ проф. *В. Будановъ*, встрѣчается послѣднее прямое указаніе на право продажи въ полницу. Христоматія ч. III, с. 92, прим. 15.

нымъ шагомъ правительства въ этомъ направленіи было уложеніе 1597 г. Оно явно стремится замѣнить продажу въ полницу продажей въ служилую кабалу. Предлагая закрѣпостить добровольныхъ холоповъ, оно даже не упоминаетъ о возможности брать на нихъ полныя или докладныя крѣпости и какъ бы дѣлаетъ обязательнымъ закрѣпленіе ихъ служилыми кабалами [1]). Правда, уложеніе 1597 г. не запрещаетъ еще продажи въ полницу, но, какъ мы отмѣтили выше, затрудняетъ ее, обставляя особыми формальностями. При этомъ вездѣ оно проявляетъ свою враждебность продажѣ въ полное холопство; кабальныхъ людей, изъявившихъ желаніе дать полныя грамоты и отказавшихся отъ этого заявленія уже стоя передъ Намѣстникомъ трети Московскія, оно предписываетъ отсылать въ Холопій приказъ и давать служилыя кабалы. Мы уже видѣли враждебное полному холопству приложеніе на практикѣ указовъ 1597 г.: въ Новгородѣ не только добровольные послужильцы, но и старинные холопы приданые и купленные послѣ этого года превращались въ кабальныхъ [2]). Но, помимо распоряженій правительства, на постепенное исчезновеніе обычая продажи въ полное холопство, повліяли, быть можетъ, тѣ же причины, которыя вызвали въ началѣ XVI вѣка появленіе кабальныхъ людей, а именно естественное предпочтеніе вольными людьми пожизненной кабалы наслѣдственному, безусловному рабству и попрежнему ощущавшійся господами недостатокъ въ рабочихъ рукахъ.

Окончательное превращеніе вольныхъ заимщиковъ въ холоповъ съ 1597 г. не отразилось, однако, сначала на формѣ служилой кабалы Въ новгородскихъ кабальныхъ книгахъ 1599—1600 г., также какъ въ позднѣйшихъ кабалахъ XVII вѣка [3]), форма кабалы—заемной росписки осталась

---

[1]) «И на тѣхъ вольныхъ холопей служилыя кабалы давати».

[2]) См. Выше стр. 3.

[3]) А. отн. до Юрид. Б. т. II, № 127, I—XI. Еще въ 1665 1668 г. Ка-

неприкосновенною, но нѣкоторыя приписки къ кабаламъ странно ей противорѣчатъ. Большинство кабальныхъ заявляютъ въ разспросѣ, что они волею бьютъ челомъ *въ службу* такому-то господину; кабальные, сами подписывающіеся подъ своими показаніями, называютъ себя заимщиками; но нѣкоторые говорятъ уже, что они бьютъ челомъ *въ холопи* [1]). Это выраженіе и вошло позднѣе въ концѣ XVII вѣка въ кабалу, когда появились и заемныя росписки—кабалы безъ займа [2]). Заемъ по служилымъ кабаламъ уложеніе 1649 г. называетъ уже *жалованьемъ* кабальному и изъ фискальныхъ цѣлей опредѣляетъ норму жалованья въ 3 рубля [3]).

Кабальное холопство, какъ мы замѣтили выше, ставится многими изслѣдователями въ непосредственную преемственную связь съ закладничествомъ и закупничествомъ. Такъ проф. Чичеринъ, видящій въ закупничествѣ „родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы)", утверждаетъ, что „впослѣдствіи самое это слово (*закупъ*) исчезаетъ, а вмѣсто него является названіе *закладня*, которое въ свою очередь превращается наконецъ въ названіе кабальнаго холопа" [4]). Точно также проф. Ключевскій говоритъ: „личная зависимость *закупа* создавалась заемнымъ обязательствомъ, которое состояло въ обязательной работѣ закупа на хозяина-заимодавца до уплаты долга" и далѣе: „въ удѣльное время такіе закупы назывались *закладнями* или *закладниками*"; изъ закладничества же впослѣдствіи, подъ дѣйствіемъ особыхъ началъ, *выработалось* холопство кабальное [5]).

бальные называютъ себя заимщиками, занимаютъ деньги на годъ и обязываются служить за ростъ, № X, XI, с. 31.

[1]) Стр. 36, 37, 43, 44, 73, 74.

[2]) l. cit., № 127, XII—XVII.

[3]) Гл. XX, ст. 19, 78. «Не взявъ кабалы, не давай и жалованья». Сумма эта была крайне невелика, если принять во вниманіе, что годъ службы неоплатнаго должника уложеніе оцѣнило въ 5 р. см. гл. X., ст. 266.

[4]) Опыты по исторіи русскаго права, стр. 154.

[5]) *Русская Мысль*. 1885, № 8, с. 12, 14 и № 10.

Блестящій анализъ отношеній закупничества, сдѣланный проф. Сергѣевичемъ, показалъ, что оно не было договоромъ займа, а чистой формой договора *найма*, что закупъ наймитъ не занималъ и не уплачивалъ долга, а только бралъ впередъ плату и *погашалъ* ее своей работой [1]).

Въ закладничествѣ, какъ кажется, также недостаточно основательно видятъ договоръ займа, съ обезпеченіемъ долга личнымъ закладомъ должника [2]). „Устанавливая различіе между служилыми кабалами и ростовыми, царскій Судебникъ, повидимому, не оставляетъ мѣста закладничеству", какъ особому договору займа [3]). Это наблюденіе проф. Сергѣевича имѣетъ важное значеніе. Судебникъ такъ строго регламентируетъ отношенія между вѣрителями и должниками, что онъ не умолчалъ бы и о закладничествѣ, еслибъ оно было особой формой займа съ залогомъ, еслибъ изъ него возникала зависимость, аналогичная служилой кабалѣ. И это

---

[1]) Юридич. древн., т. I, с. 177—190. Я не могу согласиться только съ примѣчаніемъ на стр. 177, гдѣ *Сергѣевичъ*, полемизируя съ *Неволинымъ*, утверждаетъ, что слово закупъ никогда не означало залога или заклада. Оба они имѣли при этомъ въ виду только цитату изъ Доп. къ А. ист., т. II, с. 136. Но вотъ текстъ изъ жалованной грамоты 1515 г., въ которомъ слово закупъ, очевидно, употреблено въ смыслѣ заклада: «а пожаловалъ есми слугу своего Дмитрея Иванова сына Мирославича и его дѣтей тѣмъ селомъ и деревнями въ прокъ ему и его дѣтемъ, воленъ Дмитрей и его дѣти то село и деревни кому дати, и продати, и промѣнити и *въ закупъ дати*, и по душѣ дати». А. Арх. Эксп. II, № 160, с. 131.

[2]) *Карамзинъ* такъ перевелъ извѣстное постановленіе о закладникахъ въ договорѣ съ Новгородомъ 1265 г.: «не должны брать людей въ залогъ по долгамъ ни купцевъ, ни землевладѣльцевъ». Ист. Гос. Росс., т. II, гл. I. Ср. *К. Неволинъ*, Ист. Р. Гражд. Зак., т. III, § 445; *Д. Мейеръ*, Др. Р. Право залога, ст. 7—9 (древнѣйшій залогъ—залогъ самого себя). *Сергѣевичъ*, Юридич. древн., т. I, гл. 2, VI. Для всѣхъ закладываться значитъ отдавать себя въ залогъ, и никто не указываетъ текста въ подтвержденіе этой апріорной посылки. *А. С. Лаппо-Данилевскій* подъ терминомъ закладничества понимаетъ и личный и реальный закладъ, но при дальнѣйшемъ изложеніи (что совершенно естественно съ моей точки зрѣнія) рѣчь идетъ исключительно о *реальномъ* закладѣ недвижимостей. Орган. прям. облож., ст. 150, 154. Ср. *П. Милюковъ*, Спорные вопросы фин. ист., ст. 88.

[3]) Юрид. древн., т. I, с. 272.

умолчаніе Судебника 1550 г. наводитъ на мысль, что закладничество было чѣмъ-то инымъ.

Это подтверждаетъ и Уложеніе 1649 года. Говоря подробно о закладчикахъ, Уложеніе не знаетъ закладныхъ кабалъ на самихъ должниковъ, подобныхъ тѣмъ, какія писались при закладѣ недвижимаго имущества или живой собственности (жены или раба) [1]). Изъ ст. 18 главы XIX видно, что закладчики, если укрѣплялись чѣмъ-либо господамъ, то укрѣплялись, точно такъ же, какъ и крестьяне, не закладными, а обыкновенными *кабалами, записями о заемныхъ долгахъ или о ссудѣ* [2]). Изъ того же Уложенія видно, что эти ссуды и кабалы не были обычнымъ и существеннымъ условіемъ закладничества: „и впредь тѣмъ всѣмъ людемъ, которые взяты будутъ за Государя, ни за ково въ закладчики *не записыватися* и ни чьими крестьяны и людьми *не называтися*" [3]). И только; ни слова о заемныхъ записяхъ, а тѣмъ болѣе о закладныхъ кабалахъ. Едва ли случайно Уложеніе, вмѣсто словъ не „закладываться", или „въ закладчики не записываться" ни разу не сказало: „и впредь тѣмъ всѣмъ людемъ никому закладныхъ кабалъ на себя не давати".

Слово закладывать, кромѣ значенія отдавать что-либо въ закладъ (залогъ), имѣетъ еще и другой смыслъ: заграждать, закрывать (закладывать камнями). *Закладываться* значило въ старину закрываться, защищаться. Въ этомъ смыслѣ употреблено это слово въ приводимомъ Далемъ старинномъ выраженіи: „войско стало, заложившись рѣкою", то-есть, огра-

---

[1]) См. закладныя кабалы въ Актахъ, относящихся до юридическаго быта, № 126, т. II.

[2]) «А которые посадскіе разныхъ сотенъ и слободъ тяглые люди взяты будутъ изъ закладчиковъ тягло, и тѣ люди, изъ-за кого они будутъ взяты, учнутъ на нихъ бити челомъ Государю по кабаламъ, или по записямъ, о заемныхъ долгахъ, или о ссудѣ; и по такимъ крѣпостямъ и по записямъ на тѣхъ закладчиковъ тѣмъ людемъ, за кѣмъ они въ закладѣ жили, суда не давати и тѣ крѣпости имати у нихъ въ приказъ, а имъ не отдавати» (глава XIX, ст. 18).

[3]) Глава XIX, ст. 13; тѣ же выраженія и дальше въ той же статьѣ.

дясь, закрывшись рѣкою. Точно также выраженіе „заложиться за кого-нибудь“ Даль объясняетъ словами: *предаться на защиту* [1]).

Закладни удѣльнаго періода это не люди, заложившіе себя за долги, а люди, предавшіеся на чью-либо защиту, отдавшіеся подъ чье-нибудь покровительство,—кліенты, поручившіе себя защитѣ патрона. Чтобы заложиться за кого-нибудь, естественно не надо было давать на себя какую-нибудь крѣпость, а тѣмъ менѣе закладную кабалу, для этого достаточно было признать и объявить себя состоящимъ подъ покровительствомъ какого-нибудь сильнаго человѣка, позднѣе при переписяхъ „записаться въ закладчики“, объявить себя человѣкомъ такого-то. Въ эпоху безправія и слабой еще государственной власти, слабые люди, естественно, искали защиты у частныхъ лицъ, сильныхъ князей или бояръ, и дѣйствительно находили ее, такъ какъ насиліе, совершонное надъ закладнемъ, господинъ считалъ за оскорбленіе своей чести.

Взамѣнъ покровительства закладчикъ отдавалъ свою службу: купецъ выходилъ изъ сотни, смердъ—изъ тягла [2]) и платилъ подать не государству, а своему патрону. Закладчики „податей никакихъ со своею братьею не платятъ, и живутъ себѣ въ покоѣ“, какъ выражается грамота 1619 года [3]).

Закладничество первоначально имѣло чисто политическій характеръ подданства, поэтому-то мы и встрѣчаемъ соглашенія о нихъ въ политическихъ договорахъ Новгорода съ великими князьями. Заботливо оберегая свою самостоятельность, новгородцы никогда не забывали включать въ дого-

---

[1]) Толковый словарь, т. I, стр. 602.—Поэтому-то и говорили «закладываться *за* кого нб.», а не *кому* нб. (какъ закладывать кому нб.) Отмѣтимъ также, что должники по закладнымъ кабаламъ называются не закладчиками, а *заимщиками*.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 3, 1270 г.

[3]) Ibid., III, № 47. Указанное значеніе закладничества отмѣчено *С. М. Соловьевымъ* въ «Наблюденіяхъ надъ ист. жизнью народовъ» (Сочиненія, стр. 485 и слѣд.).

воръ статью о недержаніи княземъ закладней въ новгородскихъ предѣлахъ. Указываемое значеніе закладничества особенно видно изъ слѣдующихъ выраженій договорной грамоты 1295 года [1]): „а кто будетъ закладень *позоровалъ ко мнѣ*, а жива въ Новгородской волости тѣхъ всѣхъ *отступилъся есмь* Новугороду; а кто будетъ давныхъ людий въ Торъжку и въ Волоцѣ, а *позоровалъ ко Тфѣри* при Александрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ".

Закладниковъ-кліентовъ XVI вѣка мы узнаемъ въ лицѣ помѣщиковъ—слугъ князей и бояръ. Изъ писцовыхъ книгъ мы видимъ, замѣчаетъ С. М. Середонинъ, что въ XVI вѣкѣ „большинство помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, служатъ царю и великому князю, на ряду съ ними очень многіе *служатъ* князьямъ Микулинскимъ (до 30 помѣстій); затѣмъ, нѣкоторые служатъ князю Владиміру Андреевичу, князю Ивану Θеодоровичу Мстиславскому" и другимъ [2]).

Въ XVII вѣкѣ, когда государство наложило свою тяжелую руку на всѣ классы и прикрѣпило всѣхъ къ службѣ, къ землѣ или посаду, закладничество стало возможнымъ лишь при поселеніи на землѣ, принадлежащей патрону. „А которые московскіе и городовые посадскіе люди сами или отцы ихъ въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ и въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ тяглѣ, ...а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ, за всякихъ чиновъ людми на Москвѣ и въ городѣхъ, *на ихъ дворѣхъ и въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ и на церковныхъ земляхъ*, и тѣхъ всѣхъ сыскивати и *свозити на старыя ихъ посадскія мѣста*"... [3]). Въ это время всеобщаго закрѣпощенія письменными актами, одного закладничества было уже не-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 4, 5. Договорныя взаимныя грамоты великаго князя тверского Михаила Ярославича съ Новгородомъ.

[2]) Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 89, 90.

[3]) Уложеніе, гл. XIX, ст. 13. Ср. грамота 1667 г., сентября 12-го, въ А. Арх. Эк. IV, № 158. Уложеніе указало: «земли, гдѣ за ними (помѣщиками) тѣ закладчики впредь учнутъ жити, имати на Государя», ст. 13, глава XIX.

достаточно, и помѣщики старались закрѣпить своихъ закладниковъ долговыми обязательствами, но не закладными кабалами, какъ мы указали, а заемными записями и ссудами. Уложеніе же 1649 года [1]), видя въ этихъ записяхъ не дѣйствительный заемъ, а лишь обходъ закона, указало по такимъ записямъ суда не давать [2]).

Позднѣйшихъ *закладчиковъ* надо отличать, такимъ образомъ, отъ древнѣйшихъ *закладней* съ характеромъ политическаго подданства. Поселяясь на чужой землѣ, закладчикъ переносилъ свою податную отвѣтственность на землевладѣльца и, при господствѣ вотчиннаго суда, подчинялся суду вотчинника. Они не состояли ни въ какой юридической зависимости отъ своего патрона и тѣмъ менѣе холопской; не будучи связаны никакой крѣпостью, они всегда могли уйти безнаказанно съ земли господина. Если же закладчикъ далъ заемную кабалу или запись о ссудѣ, то онъ и крѣпокъ былъ заимодавцу не какъ закладчикъ собственно, а какъ неоплатный должникъ, до уплаты долга.

Поселяясь на землѣ частнаго владѣльца, закладчики или занимали готовые уже дворы, принадлежащіе вотчиннику, или ставили новые, собственные. Если же они поселялись въ дворахъ, состоявшихъ въ личномъ пользованіи вотчинника, то получали особое названіе *дворниковъ*.—Дворниками въ собственномъ смыслѣ назывались сторожа двора или хоромъ господина, жившіе въ нихъ „для дворового обереганія“ [3]). Существованіемъ дворниковъ-холоповъ воспользовались тяглые люди, желавшіе выйти изъ тягла. Въ сторожа двора или дома начали поступать, иногда по особой

[1]) См. выше, стр. 18, прим. 4.

[2]) Отъ личнаго закладничества уложеніе строго отличаетъ закладъ по закладнымъ недвижимаго имущества. Оно запрещаетъ тяглымъ людямъ закладывать бѣломѣстцамъ тяглые дворы и дворовыя мѣста и продавать просроченные, заложенные дворы въ собственность нетяглымъ людямъ. Глава XIX, ст. 15, 16, 39.

[3]) Писц. кн. Моск. гос., т. I, с. 310. 311, 278, 279, 284 и сл. «Дворъ Воскресенскаго протопопа, а живетъ въ немъ дворникъ», id., с. 313.

порядной [1]), посадскіе тяглые люди [2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ видомъ дворниковъ явились *закладчики*; въ большомъ числѣ они тѣснились на господскомъ дворѣ уже не для „двороваго обереганія", а съ цѣлью избыть тягла и подъ защитой господина заниматься каждый своимъ дѣломъ, торговлей или ремесломъ. Дворники и дворницы—сторожа охраняютъ дворъ и получаютъ содержаніе отъ господина; дворники же—закладчики „пашню пашутъ на себя, по сторонамъ нанимаючись", „торгуютъ всякимъ товаромъ *отъѣзжаючи* [3]) и пр. Закладни были и въ Литвѣ въ XV, XVI вѣкахъ; памятники строго отличаютъ ихъ отъ „людей въ пѣнязехъ": заемщиковъ и наймитовъ (закуповъ) [4]). Позднѣе они получаютъ характерное для закладчиковъ-кліентовъ названіе *протекціальныхъ людей*. Характеристика этихъ послѣднихъ, сдѣланная проф. Леонтовичемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ указаннымъ чертамъ закладничества. „Изъ безпомощности людей бѣдныхъ,—говоритъ проф. Леонтовичъ,—развился обычай вступать *подъ оборону и протекцію* пановъ и магнатовъ, обычай, державшійся въ юго-западной Россіи очень долго. Даже въ XVIII вѣкѣ встрѣчаемъ въ ней особенный разрядъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ протекціальныхъ. Подъ протекцію пановъ вступали какъ простолюдины, такъ и мелкая шляхта...

---

[1]) А. Юр. № 242, 1573 г. см. *Н. Д. Чечулинъ*, l. с., стр. 271 и *А. С. Лаппо-Данилевскій*, l. с., 148.

[2]) «Дворникъ Жданко, кузнецъ, бывалъ посадскій черный человѣкъ», *Н. Д. Чечулинъ*, l. с., 278.

[3]) Idem., с. 279, 277, Писцов. кн. г. Зарайска 1595—1597.

[4]) А. Зап. Р. I № 218, 1505: заклaдни, с. 360, люди въ пѣнязехъ, с. 362; id. № 185, 1500: люди позакладавшіеся и «привернутые къ майтборскому праву»; с. 215 id. № 175, 1499 «люди въ пѣнязехъ будучи», с. 200; проф. *Леонтовичъ*, слѣдуя общепринятому взгляду на закладничество, совершенно произвольно соединяетъ эти термины: «заклaдни, или люди, будучи въ пѣнязехъ», Кр. Ю.-Зап. Р. по литовскому праву, 1863, с. 10. Другіе изслѣдователи также совершенно гипотетично приравниваютъ литовскихъ закладней къ закупамъ и великорусскимъ кабальнымъ холопамъ. См. *И. Новицкій* Содержаніе актовъ о крестьянахъ, въ Арх. ю.-зап. Россіи, ч. VI, т. I., с. 50, *Д. Иловайскій*, Ист. Р., т. III, с. 83.

Вступленіе въ зависимость и подъ защиту пановъ и магнатовъ соединялось съ половины XV вѣка съ освобожденіемъ слугъ и крестьянъ отъ государева тягла". Московское правительство, съ присоединеніемъ Малороссіи, начало строго запрещать «окривать протекціею, заступать отъ общенародныхъ тяжестей» [1]).

Съ этой точки зрѣнія на закладничество, само собой разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о связи закладчиковъ съ кабальными холопами.

Гораздо болѣе убѣдительнымъ представляется сопоставленіе кабальныхъ людей съ крестьянами-должниками, сдѣланное проф. Бѣляевымъ и принятое затѣмъ проф. Владимірскимъ - Будановымъ [2]). Значительно ранѣе кабальныхъ серебряниковъ, дворовыхъ слугъ—должниковъ, обязавшихся „за ростъ служить во дворѣ" кредитора, появились еще въ началѣ XV вѣка крестьяне-серебряники, должники, отправлявшіе „взамѣнъ уплаты процентовъ на занятый капиталъ, различныя издѣльныя—барщинныя повинности на помѣщика-кредитора. Подобно тому, какъ кабальные за ростъ служили во дворѣ, такъ крестьяне-серебряники, такъ сказать, за ростъ косили, пахали, строили хоромы на монастырь и проч. Правда, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ [3]), въ актахъ мы не находимъ такихъ выраженій, но это потому, что до

---

[1]) L. cit., с. 7.

[2]) *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 3-е, стр. 39, 40. Проф. *В.-Будановъ*, Обзоръ, ч. I, стр 114—115.

[3]) «Крестьянинъ, взявшій ссуду, — говоритъ проф. *Чичеринъ*, — обязывался за ростъ пахати, по древнему выраженію» (Опыты, стр. 201). «Мы не видали,—замѣчаетъ на это проф. *Сергѣевичъ*,—ни одной заемной кабалы, въ которой должникъ обязывался бы пахать вмѣсто уплаты процентовъ» (Юр. др., I, стр. 263). Дѣйствительно, выраженіе «за ростъ пахати» встрѣчается, но въ другомъ смыслѣ. Заложенную землю пашетъ за ростъ кредиторъ: см. указъ 1558 г., января 20-го: «о закладныхъ вотчинахъ, которые люди займовали у кого-нибуди и въ тѣхъ деньгахъ закладывали вотчины свои за ростъ пахати». Прод. Др. Росс. Вивл., т. I, стр. 230. Дополнит. статьи къ судебнику. Тѣ же выраженія въ Актахъ *Өедотова-Чеховскаго*, I, № 25, 75, стр. 24. 211 и сл.

насъ не дошло издѣльныхъ кабалъ на крестьянъ да, можетъ быть, онѣ и не писались. Зато въ грамотахъ съ XV вѣка мы встрѣчаемъ неоднократно крестьянъ-должниковъ, подъ именемъ *окупленныхъ людей* [1]), *серебряниковъ*, находимъ упоминанія объ *издѣльномъ серебрѣ*, то-есть, долгахъ крестьянъ, наконецъ, многозначущее выраженіе: *дѣло дѣлать на серебро*. Источникъ многочисленныхъ барщинныхъ повинностей, сверхъ оброка, которыя подробно перечисляетъ, напримѣръ, уставная грамота, данная въ 1391 году Константиновскому монастырю [2]), лежалъ не въ чемъ иномъ, какъ въ долговыхъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ; трудно предположить, чтобы помѣщики давали ссуды и не взимали за нихъ процентовъ въ той или иной формѣ. Новое толкованіе выраженія „издѣльное серебро“ и крестьяне-„издѣльники“, предложенное проф. Сергѣевичемъ, представляется нѣсколько искусственнымъ [3]) и болѣе естественное объясненіе даютъ имъ слѣдующія слова жалованной грамоты Ѳерапонтову монастырю, 1450 года: „а которые (монастырскіе люди серебряники) будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы *дѣло додѣлывали на то серебро*, а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ, и они бы *и серебро заплатили*“. Это дѣло, дѣлаемое на серебро, въ той же грамотѣ раньше названо *ростомъ* [4]). Грамота эта ясно раз-

---

[1]) «И кого къ собѣ перезовутъ людей на тѣ пустоты... или кого окупивъ посадятъ, и тѣмъ людемъ пришлымъ и окупленымъ». Акты Арх. Эксп., I, № 36, 1438. См. еще окупленные или откупленные люди: Акты Арх. Эксп., т. I, № 31, 1437; № 53, 1453; № 374, 1455; № 379, 1484. Въ громадномъ большинствѣ жалованныхъ грамотъ за это время упоминаній о нихъ нѣтъ.

[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 12. *Бѣляевъ*, l. cit., стр. 39.

[3]) Серебро издѣльное или серебро въ пашнѣ есть «крестьянскій денежный оброкъ, который обратился въ долгъ, потому что не былъ уплаченъ въ срокъ». Юр. древн., стр. 204.

[4]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 48, около 1450 года, стр. 35. Грамота Бѣлозерскаго кн. Михаила Андреевича боярину Ѳедору Константиновичу. Приведенныя нами слова проф. *Сергѣевичъ* цитируетъ невѣрно: три раза на стр. 234 онъ говоритъ: додѣлывать дѣло *въ* то серебро, вмѣсто *на* то се-

личаетъ „дѣло, дѣлаемое на серебро“ взамѣнъ роста, отъ уплаты самого серебра—долга.

Между кабальными людьми и крестьянами-серебрениками, такимъ образомъ, есть несомнѣнная аналогія: частная зависимость тѣхъ или другихъ возникаетъ изъ одной и той же формы займа. Но трудно съ увѣренностью утверждать, была ли или нѣтъ непосредственная связь между этими двумя явленіями какъ вначалѣ при появленіи служилыхъ кабальныхъ вслѣдъ за серебрениками-издѣльниками, такъ и впослѣдствіи, когда крестьяне до нѣкоторой степени сравнены были съ кабальными холопами [1]).

Кабальное холопство ставятъ также въ тѣсную связь съ *холопствомъ докладнымъ*. Такъ, проф. Ключевскій говоритъ слѣдующее: „изъ полнаго холопства, подъ дѣйствіемъ началъ кабальнаго, или одинаковыхъ историческихъ условій образованія того или другого, развился смягченный видъ купленнаго холопства съ укороченной потомственной и случайной полной стариной“, то-есть, холопство докладное. „Въ свою очередь, докладное холопство содѣйствовало дальнѣйшему развитію кабальнаго“ Законъ 1597 года „принялъ докладное холопство за образецъ для кабальнаго въ отношеніи срока службы“ (до смерти господина) [2]).

Проф. Ключевскій, такимъ образомъ, придаетъ докладному холопству существенную черту второй формы кабальнаго и признаетъ ихъ постоянное взаимное вліяніе. Наобо-

---

ребро какъ въ Актахъ Экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не допуская, во что бы то ни стало, возможности крестьянской работы, издѣлія, за ростъ, онъ толкуетъ съ натяжкой эти ясныя слова грамоты. Въ данномъ случаѣ, говоритъ онъ, мы имѣемъ дѣло не съ издѣльнымъ, а съ ростовымъ серебромъ; издѣлье же допущено въ видѣ исключительной мѣры для ушедшихъ уже отъ кредитора крестьянъ. Какъ бы то ни было, замѣтимъ мы, все-таки оно допущено, взамѣнъ уплаты процентовъ деньгами, и, слѣдовательно, было въ обычаѣ.

[1]) «Крѣпостное право» явилось юридическимъ отверзденіемъ мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права, посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству», проф. *Ключевскій*, l. c., № 10, 28. Ср. *М. Дьяконовъ*, l. cit., стр. 367, 368.

[2]) L. cit., № 8, с. 22—24.

ротъ, проф. Сергѣевичъ не видитъ въ докладныхъ „какого-либо особаго вида рабовъ“; по его мнѣнію, какъ кабальное холопство, такъ и полное „одинаково называется докладнымъ отъ формы доклада“ [1]).

Но, если докладные люди, какъ мы сейчасъ попытаемся доказать, и не отличались ничѣмъ, вопреки мнѣнію проф. Ключевскаго, по своему юридическому положенію, отъ другихъ безусловныхъ рабовъ, то они отличались отъ полныхъ холоповъ, вопреки проф. Сергѣевичу, по источнику рабства: „*продажѣ на ключъ*“, укрѣплявшейся въ XVI вѣкѣ особой докладной грамотой.

Этотъ особый источникъ рабства, характерная черта докладнаго холопства, отмѣченъ еще Русскою Правдой. Въ ст. 104, по Троецкому списку, читаемъ: „а се третье холопство: тивуньство безъ ряду, или привяжеть ключъ къ собѣ безъ ряду“. По княжескому судебнику, ст. 66, только принятіе должности *сельскаго ключника* (сельскаго ключа) дѣлаетъ человѣка холопомъ: „а по гороцкому ключю не холопъ“. Разумѣется, изъ этихъ постановленій, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ [2]), едва ли можно сдѣлать тотъ выводъ, который сдѣлалъ проф. Ключевскій, а именно, что сельскіе ключники „отдавались въ холопство не для всякой работы, какую укажетъ господинъ, а *спеціально* для службы прикащикомъ по его хозяйству“ [3]). Но во второй своей статьѣ о крѣпостномъ правѣ проф. Ключевскій и самъ, какъ кажется, отказался отъ первоначальнаго своего мнѣнія; здѣсь онъ говоритъ иное: „принимая должность ключника, человѣкъ становился холопомъ, но, ставъ имъ, онъ могъ *и не быть* ключникомъ, оставаясь холопомъ [4]).

---

[1]) Юрид. др., I, стр. 137, 154.

[2]) Ibid., стр. 136 примѣч. «Выраженіе купленъ именно на должность ключника не имѣетъ никакого юридическаго смысла... Купленный сегодня на должность ключника, завтра же можетъ сдѣлаться пастухомъ».

[3]) L. cit., № 8, стр. 20, 21.

[4]) L. cit., № 10, стр. 7.

Судебникъ 1550 г., оставивъ въ силѣ указанное постановленіе перваго Судебника, сдѣлалъ къ нимъ слѣдующую прибавку; онъ сдѣлалъ обязательнымъ совершеніе особыхъ актовъ, *докладныхъ грамотъ* при продажѣ въ холопство по сельскому ключу [1]). А такъ какъ холопы назывались обыкновенно по источнику рабства и такъ какъ при продажѣ на ключъ, раньше обыкновенно былъ докладъ намѣстнику, а теперь начали писать докладныя, то сельскіе ключники-рабы и получили спеціальное названіе *докладныхъ людей.*

Что эти докладные холопы, по своимъ юридическимъ правамъ, вѣрнѣе полному отсутствію правъ, ничѣмъ не отличались отъ полныхъ, полоняниковъ и другихъ безусловныхъ рабовъ, это легко доказать. Такъ, для Судебниковъ докладные такіе же *холопы,* какъ и всякіе другіе. Наслѣдственность докладнаго холопства слѣдуетъ изъ частныхъ: данныхъ и духовныхъ и раздѣльныхъ, записанныхъ дьяками въ крѣпостную книгу. Въ 1571 г. „далъ Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Линевъ за сестрою своею родною за Марѳою въ приданые человѣка своего *докладного* Ѳедяку Григорьева“. Въ 1595 г. „Ондрей Юрьевъ сынъ Косицкій да Максимъ Богдановы дѣти Косицкого подѣлили межъ себя полюбовно людей своихъ полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ“. Въ слѣдующемъ году: „благословилъ Костентинъ Собакинъ сынъ Скобельцынъ дѣтей своихъ... людьми своими старинными, докладными и поло-

---

[1]) Ст. 76: «по полной грамотѣ холопъ, по ключю по сельскому съ докладною холопъ... а по городскому ключю не холопъ... а по тіуньству безъ полные и безъ докладныя не холопъ, а по сельскому ключю безъ докладныя не холопъ». (До насъ дошла одна докладная 1553 г. въ подлинникѣ и три докладныя (1507, 1509 и 1536) въ извлеченіи въ крѣпостной книгѣ Лакіера. Во всѣхъ этихъ докладныхъ, вмѣсто выраженія полныхъ грамотъ «купилъ въ полницу», встрѣчаемъ спеціальный терминъ, очевидно, и составляющій характерную черту этихъ грамотъ: «дался на ключъ». «А за тѣ деньги дался ему въ селцо въ Лялицы на ключь, а по ключу и въ холопи». См. докладная, № 1, 1509, апрѣля 2-го. «Мы люди вольные... взяли три рубля денегъ, а даемся... въ тѣхъ деньгахъ Александру на ключь въ его село въ Демидово, а по ключю... даемся и въ холопи». А. Арх. Эксп. I, № 237.

неники" [1]). Кромѣ того изъ приписокъ къ докладнымъ, записаннымъ въ той же крѣпостной книгѣ, видно, что дѣти и внуки докладныхъ людей служили въ холопствѣ у господъ своихъ отцовъ.

Наконецъ, о наслѣдственности докладнаго холопства неопровержимо свидѣтельствуетъ ст. 61, гл. XX Уложенія 1649 г.: „а въ приданые давати и женамъ, и дѣтемъ, и внучатомъ, и правнучатомъ въ надѣлъ въ духовныхъ и въ данныхъ и въ рядныхъ писати полныхъ и *докладныхъ* и купленныхъ людей и полонениковъ иныхъ земель. И кому такіе люди будутъ въ приданые или въ надѣлъ даны и тѣмъ людемъ такіе люди крѣпки и женамъ ихъ и дѣтемъ и внучатомъ и правнучатомъ"... [2]).

Но на чемъ же основывается проф. Ключевскій, утверждая, что докладное холопство въ XV, XVI вѣкахъ было условнымъ, пожизненнымъ, что право господина на докладнаго холопа „прекращалось смертью господина и не передавалось наслѣдникамъ" [3]).

Онъ основывается прежде всего на особомъ толкованіи слѣдующихъ словъ указа 1597 г.:

1) и тѣмъ всѣмъ людемъ... по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, *какъ и по докладнымъ.*

2) и отъ государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ.

3) и выдавать ихъ тѣмъ государемъ *въ службу до смерти*".

Проф. Ключевскій полагаетъ, что этими словами указъ

---

[1]) *Арх. Ист. Юрид. Свѣд.*, кн. 2, пол. 1., Данная № 5, Раздѣльная, Духовная № 20, с. 41, 46, 69.

[2]) «А кабальныхъ людей,—слѣдуетъ далѣе,—въ приданыя не давать, и въ духовныя и въ рядныя и въ данныя не писать».

[3]) «Дѣти докладного холопа,—говоритъ далѣе проф. *Ключевскій*,—родившіяся во время его холопства, обязаны были служить отцову господину, но по смерти его становились свободны вмѣстѣ съ отцомъ», l. cit., № 8, с. 20—22.

уравнялъ кабальныхъ людей въ правахъ съ докладными, то-есть, что во всѣхъ трехъ фразахъ надо имѣть въ виду слова „какъ и по докладнымъ", что докладные и ранѣе выдавались „въ службу до смерти" (господина), а теперь то же самое было узаконено о кабальныхъ.

Но что кабальные люди этимъ указомъ не были уравнены въ правахъ съ докладными, это видно изъ дальнѣйшаго текста того же уложенія 1597 г.: „а которые *кабальные* люди учнутъ на себя полныя и *докладныя давати*", тѣхъ отсылать къ намѣстнику И. О. Безобразову. „А которые кабальные люди ставъ скажутъ, что они служили прежъ сего по кабаламъ, а нынѣ даютъ на себя полныя и докладныя, да *постоявъ скажутъ, что полныхъ и докладныхъ* на себя не даютъ", тѣхъ отсылать въ приказъ Холопьяго Суда и отдавать въ холопство по кабаламъ. Ясно, что между докладнымъ и кабальнымъ холопствомъ оставалась еще существенная разница и что докладное холопство было тяжелѣе, то-есть, подобно полному было безусловнымъ, наслѣдственнымъ (что же другое?), если правительство предвидѣло случай, что кабальный, стоя уже предъ намѣстникомъ, откажется отъ своего заявленія дать докладную, и, вѣрное своему общему нерасположенію къ безусловному рабству [1]), приходило на помощь кабальному.

Поэтому-то мы и полагаемъ, что сравненіе въ приведенныхъ трехъ фразахъ неполное, что правительство сравнило кабальныхъ людей съ докладными не въ отношеніи пожизненности, а только въ отношеніи ихъ рабскаго состоянія: надо помнить, что кабальныхъ людей правительство до этого времени настойчиво называло заимщиками [2]), и только теперь объявило *холопами*, какъ и по докладнымъ (и полнымъ и купчимъ и другимъ грамотамъ). Что сравненіе въ этихъ фразахъ неполное, это въ особенности видно изъ второй фразы: „и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ хо-

---

[1]) См. выше, стр. 14

[2]) См. выше, стр. 11.

лопей не имати"; здѣсь уже несомнѣнно нельзя имѣть въ виду словъ „какъ и по докладнымъ", потому что докладные не занимали денегъ и отпускались по отпускнымъ грамотамъ.

Кромѣ указа 1597 г., проф. Ключевскій ссылается на указъ царя Василія Шуйскаго 1609 г. Дѣйствительно, этимъ указомъ „государь велѣлъ, по прежнему своему государеву указу, отпущати на волю" кабальныхъ и *докладныхъ* людей по смерти ихъ господъ. Такимъ образомъ, царь Василій Шуйскій распространилъ на докладныхъ людей дѣйствіе закона о кабальныхъ, но это не вполнѣ ясное распоряженіе затѣмъ было отмѣнено, какъ и многіе другіе указы о холопахъ Шуйскаго [1]). Это видно изъ указанной уже статьи уложенія о наслѣдственности докладныхъ.

Какъ бы то ни было, допуская даже, что указъ 1597 г., подобно указу 1609 г., установилъ пожизненное холопство докладныхъ, мы особенно настаиваемъ на томъ, что изъ этихъ указовъ никакъ нельзя заключать, что докладное холопство и до нихъ, въ XV, XVI вѣкахъ было условнымъ, пожизненнымъ.

Но какъ же обходитъ проф. Ключевскій указанную нами практику перехода докладныхъ по наслѣдству, на которую, вмѣстѣ съ Судебникомъ и Уложеніемъ, опирается положеніе о безусловности и наслѣдственности докладныхъ людей.

Проф. Ключевскій утверждаетъ, что всѣ извѣстные намъ случаи наслѣдственности докладныхъ были исключеніемъ, что докладные, будто бы, лишь иногда переходили по наслѣдству, именно когда отцы ихъ *умирали въ холопствѣ*, умирали раньше господъ, не успѣвъ выйти на волю [2]).

Въ подтвержденіе этого „особаго правила", дѣйствовавшаго въ древности, проф. Ключевскій ссылается лишь на слѣдующую генеалогію холоповъ, записанную въ крѣпостную книгу Лакіера [3]):

---

[1]) См. примѣчанія проф *В. Буданова* къ Указной книгѣ Прик. хол. суда, Христоматія, ч. III.

[2]) l. cit., № 8, с. 21.

[3]) Докладная 1509, іюля 8-го, № 2, и Духовная 1596 г., № 20.

Иванко—продался въ докладные Скобельцынымъ.

|

Өетко, сынъ Ивашки.

|

Исайко Беспута, умеръ въ холопствѣ.

|

Томилко Прокофейко, переданъ въ 1596 г. по наслѣдству дѣтямъ Константина Собакина.

Изъ этой приписки проф. Ключевскій и заключаетъ, что послѣдній, Томилко, перешелъ по наслѣдству *лишь потому*, что отецъ его Беспута умеръ въ холопствѣ, и выводитъ изъ этого частнаго случая общее правило.

На это мы замѣтимъ, что предполагать, что сынъ Беспуты остался рабомъ лишь потому, что отецъ Беспута умеръ въ докладномъ холопствѣ, нельзя никоимъ образомъ: 1) Беспута былъ *стариннымъ* холопомъ, внукомъ докладнаго Ивашки (по теоріи проф. Ключевскаго, должно быть, тоже умершаго въ рабствѣ) и 2) этотъ Беспута, кромѣ того, былъ еще полный *холопъ по рабѣ*, по браку своему на тоже старинной, безусловной рабѣ Смиренкѣ, внучкѣ продавшагося въ полницу Куземки [1]). Такимъ образомъ Томилко перешелъ по наслѣдству не потому, что онъ былъ сыномъ докладнаго, умершаго въ холопствѣ, а потому что отецъ его былъ стариннымъ холопомъ.

Нѣсколько искусственное объясненіе-правило проф. Ключевскаго падаетъ само собой: переходъ докладныхъ и ихъ потомства по наслѣдству доказываетъ неопровержимо, что докладное холопство было наслѣдственнымъ, безусловнымъ и никакъ не могло служить примѣромъ указу 1597 г., установившему пожизненность холопства кабальнаго.

---

[1]) См. упущенную изъ виду проф. Ключевскимъ приписку къ полной 1515 г., октября 17-го, № 2. У «полнаго» Куземки была дочь Матренка, у этой послѣдней «родилась въ холопствѣ» дочь Овдотьица. Дочь Овдотьицы «Анница», прозвище Смиренка, а была замужемъ за Исакомъ прозвище Беспута, а у Смиренки, де, сынъ Прокофейко, прозвище Томилко», очевидно, тотъ же, который упоминается въ припискѣ къ докладной № 2, такъ какъ онъ служилъ у тѣхъ же Скобельцыныхъ. Крѣпостная книга, l. cit., стр. 33, 34.

Остановимся теперь на оригинальномъ мнѣніи о тожествѣ докладныхъ людей какъ съ кабальными, такъ и съ полными. „Въ XV вѣкѣ,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,—старый порядокъ (дачи полныхъ грамотъ) получилъ нѣкоторое дальнѣйшее развитіе". Именно „актъ продажи себя въ рабство долженъ былъ совершаться предъ лицомъ правительственнаго агента", то-есть, съ доклада намѣстнику, откуда полныя грамоты и полные холопы и стали называться *докладными* [1]).

Но, на самомъ дѣлѣ, изъ дошедшихъ до насъ грамотъ мы видимъ, что и позднѣйшія полныя грамоты начала XVI вѣка, написанныя съ доклада, по предположенію проф. Сергѣевича, попрежнему называются полными. Одновременно съ ними пишутся особыя грамоты докладныя, существенно отличавшіяся отъ нихъ по формѣ. Спеціальное выраженіе полныхъ грамотъ: „купилъ такого-то въ полницу", всегда замѣняется въ докладныхъ особыми терминами: такой-то дался на ключъ въ село, а по ключу и въ холопы" [2]). Эти слова не случайно вполнѣ соотвѣтствуютъ стр. 76 царскаго Судебника: „по ключу по сельскому съ докладною холопъ". Въ XVI вѣкѣ многія грамоты писались съ доклада намѣстнику, но легко догадаться, отчего только грамоты о продажѣ на ключъ стали называться докладными. При продажѣ на ключъ *впервые* вошелъ въ обычай докладъ, когда продажа въ полницу совершалась еще безъ вѣдома правительства. Судебникъ княжескій (1497 г.) еще не знаетъ выдачи полныхъ съ доклада [3]), но и онъ уже говоритъ: „по сельскому ключу холопъ съ докладомъ и безъ докладу" (ст. 66). Отсюда названіе докладныхъ и сохранилось потомъ за однимъ только разрядомъ актовъ на холопство.

---

[1]) Юрид. древн., I, 134.

[2]) Извлеченія изъ полныхъ въ крѣпостной книгѣ Лакіера 1489—1526 гг. Тамъ же докладныя, №№ 1—3, 1509—1526 гг. «Доложа намѣстника» купилъ такой-то такого-то. «А за тѣ деньги дался ему въ селцо въ Ляlицы на ключю, а по ключю и въ холопи». Ср. докладная 1553 г. въ А. Арх. Эксп. I, № 237.

[3]) О дачѣ намѣстниками съ судомъ боярскимъ полныхъ и докладныхъ впервые находимъ статьи въ Суд. царскомъ. Ст. 63, 66.

Проф. Сергѣевичъ полагаетъ далѣе, что съ конца XVI вѣка и служилыя кабалы стали называться докладными, такъ какъ и для нихъ указомъ 1586 г. установленъ былъ докладъ приказу холопьяго суда. „Форма доклада,—говоритъ онъ,— была одна и та же“ [1]).

Дѣйствительно, указами 1586—1597 г. и для служилыхъ кабалъ установленъ былъ докладъ, но этотъ докладъ назывался иначе *запиской* кабалы въ книги приказа холопьяго суда [2]). Судя по докладной 1553 г., при продажѣ съ доклада, въ собственномъ смыслѣ, самая сдѣлка совершалась предъ лицомъ намѣстника, въ присутствіи господина и холопа; показанія ихъ записывались въ самый актъ продажи, къ которому намѣстникъ прикладывалъ свою печать. При докладѣ же, собственно при запискѣ кабалы, готовая уже грамота списывалась въ книгу и къ ней приписывали примѣты кабальнаго и его показанія о происхожденіи. Форма доклада, такимъ образомъ, была существенно различна.

Поэтому-то новыя кабалы и называются постоянно *записными*: „по кабаламъ по старымъ и по новымъ записнымъ кабаламъ“, „съ записныхъ съ служилыхъ кабалъ“ [3]), и холопы по этимъ кабаламъ называются не докладными, а *записными кабальными людьми* [4]).

Въ докладныхъ людяхъ, такимъ образомъ, нельзя видѣть ни людей, продавшихся въ полницу, ни записныхъ кабальныхъ, а только продавшихся на ключъ, а по ключу и въ холопы.

---

[1]) Юрид. др., т. I, стр. 154.

[2]) «Книги кабальныя, а въ нихъ записка служилымъ кабаламъ». «По твоему государеву указу велѣно въ Великомъ Новгородѣ служилые кабалы .....записывати въ книги». Новгор. каб. книги, стр. 1, 34. Два раза встрѣчаемъ «кабалу съ докладу», id, стр. 53, 55.

[3]) Указъ 1597 г., Христом. *В. Буданова*, III, 87, 92. Новг. каб. кн, стр. 33, А. отн. до Юр. Б., № 131, I, II.

[4]) Указъ 1597 г. На этомъ же основаніи мы не можемъ принять предлагаемое проф. *Сергѣевичемъ* толкованіе разобранныхъ выше словъ указа 1597 г. «какъ и по докладнымъ», а именно разумѣть подъ этими докладными кабалы, писанныя съ 1586 по 1597 г. Юр. Др., I, 154.